

Г. ЭМАР

Г. ЭМАР

Scan Kreyder - 22.12.2017 - STERLITAMAK

Γ.ΘΜΑΡ

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

МОСКВА
«ТЕРРА» – «TERRA»
1995

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

том семнадцатый

Твердая Рука

Мексиканская месть

МОСКВА
«ТЕРРА» – «TERRA»
1995

ББК 84.4 Фр.
Э54

Оформление художника
А. ЕВДОКИМОВА

Эмар Г.
Э54 Собрание сочинений: В 25 т. Т. 17: Твердая Рука;
Мексиканская месть: Романы / Пер. с фр. — М.: ТЕРРА,
1995. — 432 с.

ISBN 5-300-00020-5 (т. 17)

ISBN 5-85255-092-2

В настоящий том Собрания сочинений известного французского писателя
Гюстава Эмара (1818—1883) вошли романы «Твердая Рука» и «Мексиканская
мечь».

Э 4703010100-083 Подписное
А30(03)-95

ББК 84.4 Фр.

ISBN 5-300-00020-5 (т. 17)

ISBN 5-85255-092-2

© Издательский центр «ТЕРРА», 1995

Твердая рука

ГЛАВА I

Выстрел

Трудно представить себе край более безотрадный и унылый, чем тот, который простирается между сьеррой Сан-Сабо и Рио Пуэрко.

Отверженная страна, где белеет и постепенно превращается в прах множество невест чьих скелетов; огромная пустыня, усеянная сероватыми скалами, в расщелинах которых с незапамятных времен ютятся змеи и хищные звери; саванны, дающие жизнь только черным терновникам, да еще разве чахлым зарослям мескита*, пробивающимся там и сям сквозь сыпучие пески.

Белые и даже индейцы редко, только в случае крайней нужды, решаются путешествовать в этом жутком безлюдье. С риском удлинить свое путешествие они предпочитают сделать крюк, следуя по окраинам саванны, где путник всегда может рассчитывать на тень и воду — эти улады тропических стран и самые драгоценные блага во время долгих скитаний по прериям Запада.

В 1843 году, около трех с половиной часов пополудни в одну из суббот второй половины июня месяца, который индейцы племени навахос называют на своем звучном языке «месяцем земляники», из чащи дубов, красного

* С и е р р а — отроги горной цепи.

** М е с к и т — кустарник.

дерева и сумаха*, растущих в предгорьях Сан-Сабо, вынырнул всадник. Оставив позади себя последние уступы горного хребта Сан-Сабо, с которого он, по-видимому, только что спустился, путник, вместо того чтобы следовать по проторенной дороге вдоль края саванны, понесся галопом по степи с явным намерением пересечь ее по прямой.

Такого рода решимость являлась бесспорным признаком либо безумия всадника, либо отваги, необычной даже для самого смелого человека; а может быть, существовали важные обстоятельства, принудившие путника пренебречь всякой осторожностью, дабы достигнуть как можно скорей цели своего путешествия.

Впрочем, каковы бы ни были соображения, руководившие им, несомненным было одно: путник мчался во весь опор, все более углубляясь в пустыню, нимало, по-видимому, не заботясь о своей безопасности и не обращая внимания на пейзаж, который становился все более безотрадным и мрачным.

Так как этот незнакомец призван сыграть значительную роль в нашем дальнейшем рассказе, мы попытаемся несколькими словами набросать его портрет.

Это был чистокровный мексиканец, двадцати пяти или тридцати лет, среднего роста, весь облик которого, не лишенный известного изящества, говорил о недюжинной силе. Его осанка отличалась благородством, а правильные черты лица с приятным золотистым оттенком кожи дышали мужеством, прямоотой и добротой. В его черных широко открытых глазах светился пронизательный ум; красивый рот, с четко обрисованными линиями тонких губ, наполовину скрадывался черными густыми усами, из-под которых сверкали ослепительно белые зубы; подбородок, пожалуй, слишком резко очерченный, свидетельствовал о необычайной твердости характера. Одним словом, он обладал интересной и располагающей к себе внешностью. Одежда всадника представляла обычный мексиканский наряд, со всем присущим последнему живописным разнообразием деталей и богатством отделки. Из-под небрежно надвинутой

* Сумах, или сумак — растения, кустарники и деревья; один из видов сумаха — желтинник, или париковое дерево; широко используется в кожевенном производстве.

на правое ухо широкой вигоневой шляпы, окаймленной двойным галуном — серебряным и золотым, — выбивались густые пряди вьющихся и ниспадавших в беспорядке до самых плеч черных волос; поверх вышитой батистовой рубашки была надета зеленая бархатная куртка, богато расшитая золотым позументом. Шея незнакомца была повязана индейским платком, концы которого схватывались перстнем с крупным алмазом. Длинные штаны из такого же зеленого бархата, также разукрашенные позументом и галунами, опоясывались красным шелковым шарфом с золотой бахромой. По бокам, вдоль каждой штанины, от пояса до колен были сделаны прорезы, застегнутые двумя рядами золотых пуговиц со вделанными в них жемчужинами. Ботфорты незнакомца, расшитые красивыми узорами из красного шелка, были схвачены под коленями шелковыми подвязками, затканными золотом; из-под правого голенища выглядывала дивной работы рукоятка длинного кинжала. Расцвеченный яркими красками индейский серапе^{*} был свернут и аккуратно уложен на крупе коня, великолепного животного с тонко выточенными ногами, с маленькой головой и с блестящими глазами. Это был кровный мустанг прерий, для которого наездник не пожалел изысканной сбруи, столь излюбленной каждым мексиканцем.

Вооружение всадника не ограничивалось вложенным в ботфорт кинжалом. Поперек седла покачивался длинноствольный американский карабин; за поясом торчали два шестизарядных револьвера, а на левом боку в стальное кольцо был продет мачете — мексиканский тесак без ножен; да к седлу было приторочено свернутое лассо из плетеной кожи.

Вооруженный таким образом незнакомец — если только его воинственная внешность не была обманчива — мог, в случае необходимости, помериться силами, и не без успеха, одновременно с несколькими противниками. А к возможности такого рода встреч не следует относиться скептически в краях, где на каждом шагу рискуешь наткнуться на врага, — человека или зверя, — а иногда одновременно и на того и на другого.

^{*} Серапе — плащ.

Не меняя аллюра коня, всадник беспечно покуривал пахитоску из маисовых листьев, провожая рассеянным, равнодушным взглядом стайки фазанов и куропаток, взлетающих при его приближении, или стада ланей, а то и целые семьи лисиц, вспугнутых шумом копыт его мустанга.

Краски саванны между тем начинали тускнеть. Солнце, садившееся на горизонте и походившее на большой огненный шар, уже потеряло свое тепло; ночь готовилась расплстать над землей свой темный покров. Всадник, натянув поводья, придержал коня, а сам начал внимательно обозревать окрестности в поисках места для ночлега. После минутного размышления путешественник принял решение. Свернув немного влево, он направился к пересохшему наполовину ручейку. Несколько кустов терновника и десяток чахлах кустов мескита, произраставших на его берегу, могли кое-как скрыть его от любопытствующих взоров таинственных обитателей пустыни, вечно рыскающих под покровом ночи в поисках добычи. Однако, подъехав ближе, путник, к немалой своей радости, убедился, что неровный рельеф почвы и несколько скал, разбросанных среди деревьев и кустарника, обеспечивали ему почти безопасное убежище.

День был трудный; и человек, и конь изнемогали от усталости. Оба они нуждались хотя бы в непродолжительном отдыхе раньше, чем пуститься в дальнейший путь.

Всадник, очевидно опытный путешественник, прежде всего занялся своим конем; он расседлал его и повел на водопой. Стреножив затем лошадь, чтобы та не ушла далеко и не стала добычей хищных зверей, он разостлал на земле свой плащ, кинул на него несколько полных пригоршней маиса для мустанга и, только убедившись, что тот, несмотря на усталость, охотно принялся за корм, счел возможным позаботиться о себе.

Мексиканцы, отправляясь в путешествие, приторочивают обычно сзади седла нечто вроде холщовой переметной сумы — так называемую альфорху. В такой суме они возят съестные припасы, которых ни за какие деньги не купить в пустыне. Вместе с двумя флягами питьевой воды, с которыми мексиканцы никогда не расстаются,

эти припасы и составляют весь их багаж во время дальних странствий, когда приходится преодолевать лишения и трудности, одно перечисление которых повергло бы в ужас европейца, избалованного всеми благами современной цивилизации.

Итак, наш путешественник уселся на земле и, позаботившись предварительно о том, чтобы оружие на всякий случай было под рукой, развязал свою альфорху; прислонившись затем к скале, он с невозмутимостью философа приступил к своему незатейливому ужину, состоявшему из куска вяленого мяса, нескольких маисовых лепешек и кусочка твердого, как кремь, козьего сыра; все это он запил студеной водой из ближайшего ручейка.

Быстро покончив с этим незатейливым ужином, незнакомец почистил зубы изящной золотой зубочисткой, затем скрутил маисовую пахитоску и раскурил ее с присущим одним только испано-американцам сосредоточенным блаженством. Затем путник, не теряя времени, завернулся в свой плащ, растянулся на земле и мгновенно уснул.

Прошло несколько часов. Может быть, путешественник проспал бы и больше, если бы его внезапно не разбудили два выстрела, раздавшиеся где-то поблизости. В прерии редко случается, чтобы звук выстрела не сопровождался свистом пули около уха. Здесь это почти закон. Другими словами, в девяноста девяти случаях из ста одинокий человек в прерии неизбежно становится мишенью какого-нибудь убийцы.

Путешественник, столь неучтиво разбуженный, мгновенно схватил ружье и, притаившись за скалой, стал ждать, что будет дальше. Но так как в следующую минуту нападения — если только это было нападение на него — не последовало, он осторожно приподнялся и стал напряженно всматриваться в окрестности. Ничто более не нарушало торжественного безмолвия ночи.

Наступившее после двух выстрелов спокойствие только усилило тревогу путника. Тишина предвещала близость опасности. Он был уверен в этом, хотя и не мог еще определить, в чем заключалась опасность и насколько она серьезна.

Над саванной повисла ночь, светлая, почти прозрачная. На темно-синем небе горело множество звезд; к

тому же луна разливала свой бледный трепетный свет, что позволяло даже на далеком расстоянии различать все подробности окружающего пейзажа.

На всякий случай путешественник оседлал мустанга и укрыл его в глубокой впадине под скалой, а сам припал ухом к земле. Вскоре до него донесся едва уловимый далекий гул; шум этот стал быстро приближаться, и путник без труда понял, что это бешеный галоп коней.

Что бы это могло быть? Охота или преследование? Но кому могла прийти в голову фантазия охотиться ночью? Индейцы никогда не решились бы на это; а белые охотники или метисы вообще избегают эти пустынные места, облюбованные пограничными бродягами, людьми без совести и чести, изгнанниками городов и селений, для которых прерии являются единственным пристанищем. Неужели это были степные пираты? Положение путника становилось серьезным; внезапно шум оборвался, опять воцарилась жуткая тишина. Путник снова поднялся на ноги.

Вдруг в ночи раздался крик женщины или ребенка — крик, полный ужаса и невыразимого отчаяния. Не заботясь более о своей лошади, которая находилась в надежном укрытии, наш путешественник побежал в ту сторону, откуда доносились крики. Рискуя свернуть себе шею, он прыгал с камня на камень, перемахивая через кусты с лихорадочной поспешностью благородного человека, услышавшего призыв о помощи. И все же осторожность ни на минуту не покидала храбреца; прежде чем ринуться в открытую прерию, он на минуту притаился за завесой из кустов мескита, желая сначала уяснить себе, что, собственно, происходит, и затем уже действовать сообразно обстоятельствам.

Вот что представилось его глазам.

Два человека, в которых он без труда распознал по их повадке степных пиратов, гнались за молодой девушкой, бежавшей по равнине. Девушка с присущей юности ловкостью, подгоняемая к тому же страхом, с быстротой испуганной лани перепрыгивала через рытвины и одолевала все встречные препятствия. С каждым мгновением увеличивалось расстояние между ней и ее преследователями, движение которых немало затруд-

няли высокие ботфорты и тяжелые карабины. Еще несколько минут — и девушка добежала до зеленой завесы, за которой притаился наш путешественник. Он готов был уже ринуться к ней на помощь, когда один из разбойников вскинул ружье, прицелился и выстрелил. Девушка упала.

Тогда незнакомец изменил свое намерение. Вместо того чтобы кинуться вперед, он отступил, застыл в неподвижности и, взведя курок, приготовился открыть огонь.

Между тем разбойники поспешно приближались, оживленно беседуя. Они разговаривали по-английски, вернее — на том смешанном наречии, в которое входят испанские, французские и индейские слова, но преобладают английские; короче говоря, на общепринятом жаргоне Дальнего Запада.

— Гм!.. Настоящая лань эта девчонка! — запыхавшись, хриплым голосом произнес один из них. — Был момент, когда я думал, что она ускользнет от нас.

— Не так это просто, — возразил другой, покачивая головой и ласково поглаживая ствол своего карабина. — Я, например, ни минуты не сомневался, что подстрелю ее, когда захочу.

— О да, ты не промазал, карай! Хотя, по правде говоря, цель была довольно далека, да и рука твоя, должно быть, дрожала после такой погони.

— Все дело в привычке, приятель, — скромно улыбаясь, отвечал стрелявший.

С этими словами оба разбойника подошли к тому месту, где лежало безжизненное тело девушки. Один бандит опустился на колени, чтобы убедиться в смерти их жертвы, тогда как другой — тот, что стрелял, — стоял, небрежно опершись на свой карабин. В это мгновение наш путешественник выпрямился, вскинул свое ружье и выстрелил. Пораженный в самую грудь, разбойник осел и свалился навзничь бездыханным трупом. Его товарищ мгновенно вскочил и схватился за рукоятку своего мачете; но прежде чем он успел пустить в ход это оружие, наш незнакомец накинута на

* Карай! — Черт возьми! Вообще возглас, выражающий удивление, досаду, восхищение.

бандита и нанес ему прикладом удар по голове, от которого тот свалился замертво рядом со своим сообщником.

Путешественник не терял даром времени. Выхватить лассо у разбойника и связать упавшего было делом одной минуты. Обезопасив себя таким образом от нападения, незнакомец поспешил к девушке.

Несчастное создание не подавало никаких признаков жизни. А между тем она не была мертва и отделалась пустяковым ранением — пуля разбойника лишь оцарапала ее руку, а обморок был вызван одним только испугом. Незнакомец тщательно персвязал рану, смочил водой губы и виски раненой; к неподдельной его радости, она вскоре открыла глаза.

— О-о... — голосом нежным и мелодичным, как у певчей птицы, прошептала девушка. — О, эти люди!.. Эти демоны!.. О смилуйся, Господи, и спаси!

— Успокойтесь, сеньорита, — ответил незнакомец, — вам нечего больше бояться этих негодяев.

При звуках незнакомого голоса молодая девушка вздрогнула. Ничего не ответив, она испуганно взглянула на говорившего и, невольно вскрикнув, вскочила. По-видимому, она приняла его за одного из своих преследователей. Тогда незнакомец, улыбаясь, указал ей пальцем на двух валявшихся на земле бандитов.

— Теперь вы убедились, сеньорита, что возле вас друг?

Когда девушка увидела своих поверженных преследователей, лицо ее озарилось чувством бесконечной благодарности. Но мимолетная улыбка, скользнувшая было по ее губам, внезапно погасла. Она стремительно вскочила на ноги и вытянула руку по направлению темной движущейся точки на горизонте.

— Там!.. Там!.. Видите?! — вскричала она прерывающимся от ужаса голосом.

Незнакомец обернулся. Прямо на них неся во весь опор небольшой отряд кавалеристов. Впереди, на расстоянии оружейного выстрела* от остальных всадников, мчался на великолепном скакуне молодой человек, очевидно, стараясь уйти от своих преследователей.

* Ружья того времени били на расстояние, не превышающее пятисот-шестисот метров.

Должно быть, это были те самые всадники, топот ко-ней которых наш путешественник услышал несколько минут назад.

— О! — воскликнула девушка, протягивая к незна-комцу молитвенно сложенные руки. — Видите того ка-бальеро?.. Спасите, спасите его, сеньор!

— Попытаюсь, сеньорита, — тепло ответил тот. — Клянусь, я сделаю для этого все, что в человеческих силах.

— Благодарю вас, — сказала она, с трогательной доверчивостью протягивая ему свою прелестную ру-ку. — Вы благородный человек, сеньор! Да поможет вам Бог!

— Вам нельзя здесь оставаться, сеньорита: вы риску-ете подвергнуться оскорблениям сообщников негодяев, из рук которых вам удалось вырваться.

— Но как же быть? Куда мне деваться?

— Следуйте за мной; нельзя терять ни минуты.

— Хорошо, — решительно ответила она. — Но вы спасете его? Обещаете?

— Постараюсь. У меня только одна жизнь; но я без колебания пожертвую ею ради того, кто так дорог вам, сеньорита!

Девушка опустила в смущении голову и молча после-довала за незнакомцем.

— Что бы ни случилось, сеньорита, — сказал он, когда они очутились среди кустарника, где была раз-бита стоянка, — оставайтесь здесь. Тут вы в полной безопасности: никому в голову не придет заглянуть в эту нору... Ну, а теперь, — добавил незнакомец, пе-резарядив карабин, — я поспешу на помощь вашему другу.

С этими словами он вскочил в седло и во весь опор помчался навстречу приближавшимся всадникам. Их бы-ло пятеро — все сумрачные, разбойничьи лица. Они не-слись со зловещим гиканьем, потрясая в воздухе своим оружием.

Между тем преследуемый разбойниками кабальеро, завидев человека, который так неожиданно выскочил из-за кустарника и на всем скаку с ружьем на изготовку мчался к нему, принял незнакомца за сообщника банди-тов и круто свернул в сторону, желая избежать встречи с новым противником. Зато разбойники, увидевшие не-

знакомца, который не только не погнался за их дичью, но встал на их пути и вскинул свое ружье, не поддавшись этому заблуждению.

Два выстрела раздались одновременно: один со стороны бандитов, другой — сделанный рукой незнакомца. Но результаты получились разные: пущенная на скаку пуля разбойника никому не принесла вреда, тогда как меткий выстрел хладнокровно и внимательно целившегося незнакомца угодил в самую гущу его противников. Один из них упустил поводья, стал судорожно хватать руками воздух, опрокинулся на круп коня и грузно свалился наземь. Падая, он глубоко пропорол острыми шпорами бока своей лошади, и та, вздыбившись, лягнула его, рванулась и понеслась стрелой по равнине. Бой, так смело начатый незнакомцем, не мог, конечно, тут же прекратиться: о продолжении его возвестили четыре выстрела, с молниеносной быстротой следовавшие с обеих сторон. Положение незнакомца становилось критическим: в ружье его не оставалось больше патронов, теперь в его распоряжении находились только револьверы.

Заметим мимоходом, что револьвер — оружие весьма удобное, но мало полезное в бою. Чтобы попасть в своего противника из револьвера, надо стрелять почти в упор. Револьверный выстрел, посланный с более дальнего расстояния, почти наверняка пропадет зря.

Взвесив всю затруднительность своего положения, незнакомец приготовился схватиться врукопашную со своими противниками, когда к нему подоспела неожиданная помощь.

Кабальеро, за которым гнались разбойники, услышал перестрелку. Но не было жужжания пуль, обычно предупреждающего одинокого путника, что это метят именно в него, и он понял, что вследствие какого-то неожиданного события обстановка изменилась в его пользу. Он обернулся и увидел, как замертво упал один из его преследователей. Убедившись в своей ошибке, кабальеро немедленно принял решение. Вооруженный одним лишь мексиканским мачете, он без колебания повернул коня и поспешил на помощь к своему защитнику.

Не сговариваясь, даже не обменявшись ни одним словом, оба храбреца ринулись на бандитов. Бой длился

недолго, победа далась неожиданно. Нападающие действовали стремительно, не давая времени разбойникам перезарядить свои ружья. Два бандита были убиты наповал револьверными выстрелами, третий с раскроенным черепом пал от удара, который нанес ему своим мачете пылавший жаждой мести кабальеро. Четвертый разбойник решил не продолжать боя, не сулившего ему ничего, кроме гибели. Дав шпоры коню, он отчаянным прыжком перемахнул через тела своих сообщников и, помчавшись во весь опор, скрылся в глубокой тьме.

Поле битвы осталось за двумя мужественными молодыми людьми.

В прерии

Когда разбойник, оставшийся в живых, исчез в мглистой дали, кабальеро обернулся, намереваясь поблагодарить своего великодушного защитника; но незнакомца уже не было поблизости, он неся галопом вдали по равнине.

Молодой человек недоумевал, чему приписать это внезапное исчезновение, ибо незнакомец мчался в направлении, диаметрально противоположном тому, по которому скрылся бандит. Но вскоре он увидел своего спасителя: тот возвращался, ведя в поводу вторую лошадь. Очевидно, незнакомец, помня о спасенной им девушке, заарканил для нее лучшую из носившихся по равнине лошадей погибших в бою бандитов.

— Не все еще кончено, сеньор, — обратился к незнакомцу молодой кавалерист, когда тот подъехал к нему. — Я вынужден снова прибегнуть к вашей помощи.

Незнакомец невольно вздрогнул при звуке этого голоса, показавшегося ему знакомым.

— Я слушаю вас, кабальеро, — ответил он, слегка нахмутив брови.

— В этой страшной пустыне затерялась женщина, молодая девушка... Короче говоря, моя сестра. За ней погнались несколько негодяев. Я не знаю, что с ней случилось, и умираю от страха за нее. Доведите же до конца ваше доброе дело и помогите мне отыскать ее! Умоляю вас!

— Бесполезно, — холодно ответил незнакомец.

— То есть как это — бесполезно?! — воскликнул молодой мексиканец. — Что вы хотите сказать? Она погибла? Да? О, теперь я припоминаю: когда я оторвался от своих преследователей, до меня донеслось несколько выстрелов!.. Боже мой, Боже мой! — застонал он, ломая в отчаянии руки. — Несчастливая моя сестра, бедная моя Марианита!

— Успокойтесь, кабальеро, — тем же холодным, бесстрастным голосом произнес незнакомец. — Ваша сестра в безопасности. В данную минуту, по крайней мере, ей ничего не угрожает.

— Правда? — радостно воскликнул молодой человек. — Да благословит вас Бог за эту добрую весть! Где она? Мне не терпится увидеть ее, прижать к своей груди. Кажется, я никогда не сумею отплатить вам за все, что вы сделали для нас, сеньор! Никогда...

— А вы ничем и не обязаны мне, — довольно резко прервал его незнакомец. — Все, что произошло здесь, — дело случая. Я сделал бы то же самое для любого встречного. Оставьте же при себе вашу благодарность, я в ней не нуждаюсь... И потом, кто знает, — прибавил он с горькой улыбкой, — не придется ли вам когда-нибудь пожалеть о том, что вы мне чем-то обязаны!

Кабальеро был несколько уязвлен тем, как незнакомец ответил на его желание сблизиться с ним. Не зная, чему приписать эту внезапную перемену в настроении незнакомца, он счел за лучшее притвориться, что не заметил вызывающего тона своего собеседника.

— Место здесь не совсем подходящее для долгих объяснений, сеньор, — с безупречной вежливостью произнес молодой мексиканец. — Мы с вами если уже не посторонние, то во всяком случае еще малознакомые люди. Но я твердо надеюсь, что в ближайшем будущем всякие недоразумения между нами исчезнут и холодок уступит место полному доверию.

— Пойдемте, — сказал незнакомец. — Ваша сестра неподалеку отсюда и, вероятно, сгорает от нетерпения увидеть вас.

Молодой человек молча последовал за ним, размышляя об этом странном незнакомце, который с риском для жизни спас его, а теперь не скрывал своих неприязненных чувств.

Пока на равнине шел бой, шум его отчетливо доносился до слуха молодой девушки, которая внимала ему, не помня себя от страха. Но вот перестрелка затихла, и в прерии снова воцарилось гнетущее безмолвие. Эта тишина была для нее в тысячу раз страшнее звуков ожесточенной схватки. Одна, вдали от какого-либо человеческого существа, которое могло бы прийти к ней на помощь, не смея ни на что больше надеяться, она изнемогала от ожидания ужасной смерти. Измученная девушка не могла бы даже сказать, сколько времени она пробыла в таком состоянии. Нужно самому пережить нечто подобное, чтобы понять, сколько веков заключено в одной минуте для человека, который находится на грани между жизнью и смертью.

Вдруг она затрепетала; ее напряженные нервы не выдержали, кровь бросилась ей в лицо: девушке почудилось, что неподалеку от нее кто-то произнес шепотом несколько слов. Были ли то выследившие ее разбойники или это возвращался ее спаситель?

Замирая от страха, она не смела ни пошевелиться, ни позвать на помощь: каждое движение могло выдать ее убежище, каждый крик грозил ей гибелью. Но вот кусты раздвинулись, и у подножия скалы появился брат вместе с ее спасителем. С радостным криком девушка протянула к ним руки и, не в силах вынести нового потрясения, лишилась чувств.

Придя в себя, она увидела, что лежит на разостланном плаще у пылающего костра; мужчины сидели по обе стороны от нее — один справа, другой слева; в глубине пещеры три стреноженных коня лениво пережевывали свой корм.

Немного поодаль на земле лежала какая-то глыба, в которой девушка не сразу распознала связанного по рукам и ногам человека. Марианна пыталась что-то сказать, ей хотелось отблагодарить незнакомца, но после всего пережитого она настолько ослабела, что не могла выговорить ни слова. Ее сил хватило только на то, чтобы устремить на незнакомца взгляд, в который она постаралась вложить всю свою признательность. Но тут же она впала в какое-то забытие, лишившее ее способности мыслить, чувствовать и интересоваться окружающим.

— Вот так! — сказал незнакомец, старательно закупорив и спрятав за пазуху хрустальный флакон в тонко

отделанной золотой оправе. — Жизнь сеньориты теперь вне опасности: успокоительное, которое я ей дал, принесет благотворный и укрепляющий сон. К рассвету ее силы полностью восстановятся, и она будет в состоянии, если захочет, продолжать свое путешествие.

— Сеньор, — отозвался молодой мексиканец, — вы воистину наш добрый гений. Я, право, не могу найти слов для выражения моей безграничной благодарности за помощь, тем более великодушную, что мы для вас совершенно чужие люди.

— Вы в этом уверены?

— Да, уверен. Слишком приметное у вас лицо, чтобы его можно было позабыть, увидев однажды. Вот почему я снова и снова повторяю: вы ошибаетесь, если думаете, что знавали меня когда-то. Вас, очевидно, вводит в заблуждение мое случайное сходство с каким-то другим человеком.

После наступившего молчания, длившегося не более минуты, незнакомец заговорил с той подчеркнутой вежливостью, в которой нетрудно было уловить тон легкой иронии.

— Пусть будет так, сеньор, — сказал он, слегка поклонившись. — Но не соблаговолите ли вы, в таком случае, назвать себя и рассказать, в силу каких обстоятельств скрестились наши пути, и я получил возможность оказать вам, как вы говорите, большую услугу...

— Огромную, сеньор! — с жаром перебил его молодой мексиканец.

— Хорошо, не будем больше спорить, кабальеро, я жду вашего рассказа.

— А я не стану злоупотреблять вашим терпением, сеньор. Мое имя — дон Руис де Могюер; я живу в асиенде* моего отца в окрестностях города Ариспы. Моя сестра несколько лет воспитывалась в женском монастыре в городе Эль-Росарио. По соображениям, которые не представляют для вас никакого интереса, отец приказал мне отправиться за ней в Эль-Росарио, откуда мне не терпелось вернуться как можно скорей домой. К тому же и сестра моя, после долголетнего пребывания на чужбине, горела желанием очутиться

* Асиенда — поместье.

поскорей в родной семье. Так оно и случилось, что, невзирая на предупреждение бывалых людей об опасностях длительного путешествия по пустынной стране, я отказался от конвоя, и мы пустились в путь в сопровождении всего только двух пеонов*, на преданность и отвагу которых я мог положиться. Сначала все шло хорошо; мы с сестрой даже посмеивались над страхами и предупреждениями наших друзей. Мы считали себя уже вне опасности. Но вчера на закате, в тот самый час, когда мы готовились остановиться на ночлег, на нас внезапно напала банда разбойников. Казалось, что они выросли из-под земли — до того неожиданно было их появление. Наши злополучные пеоны пали в бою, пораженная в голову лошадь сестры рухнула на землю, увлекая ее за собой. Мужественная девушка не далась, однако, подбежавшим к ней бандитам, вырвалась из их рук и пустилась наутек. А я, желая отвлечь погоню от сестры, помчался в другую сторону. Остальное вам известно: не подоспей ваша помощь, нам обоим пришел бы конец... Сеньор, — после минутного молчания снова заговорил дон Руис, — теперь, когда вам известно, кто я, назовите и вы свое имя, имя нашего спасителя.

— К чему оно вам? — печально произнес незнакомец. — Наша случайная встреча кончится завтра, когда мы разведемся, по всей вероятности, навсегда. Поверьте мне: благодарность — тяжелая обуза. И если вы не будете знать, кто я, вам удастся скорее забыть обо мне. Право же, так будет лучше, сеньор Руис. Кто знает, не придется ли вам когда-нибудь пожалеть о нашей встрече...

— Вот уже второй раз вы говорите это. Ваши слова полны горечи. Мне больно за вас, сеньор: много же, видно, вам пришлось пережить, если в том возрасте, когда будущее рисуется обычно в розовом свете, ваши мысли отравлены печалью, а сердце разочарованием!

При этих словах дон Руиса незнакомец испытующе взглянул на него, точно желая проникнуть в самые сокровенные его мысли. А молодой мексиканец продолжал с живостью:

* Пеон — слуга, наемный рабочий.

— Только не поймите меня превратно, сеньор. Я далек от намерения вынудить ваше признание. Каждый человек — хозяин своей жизни и своих поступков. У меня нет никакого права, ни даже желания вторгаться в вашу жизнь. Я прошу вас только об одном: назовите свое имя, чтобы мы, донья Марианна и я, могли запечатлеть его в наших сердцах.

— Стоит ли так упорно настаивать на таком пустяке?

— А стоит ли так упрямо желать остаться неизвестным?

— Хорошо, вы узнаете мое имя. Но предупреждаю вас: оно ничего вам не скажет.

— Вы ошибаетесь, сеньор: по крайней мере, отец мой узнает, кому он обязан жизнью своих детей. И он и вся наша семья будут ежечасно повторять это имя и благословлять человека, который его носит.

Взволнованный искренним чувством, которым были проникнуты эти слова, незнакомец непроизвольным движением протянул руку дону Руису, которую тот горячо пожал. Но незнакомец, словно раскаявшись в своем порыве, тотчас же отдернул руку. Вернув своему лицу суровое выражение, этот странный, лишь только на минуту забывшийся человек с жесткой холодностью произнес:

— Хорошо, ваше желание будет исполнено.

Мы уже сказали выше, что очнувшаяся донья Марианна увидела несколько поодаль от себя какого-то связанного человека. Это был один из преследовавших ее разбойников, тот самый, которого незнакомец чуть не прикончил ударом ружейного приклада. Разбойник лежал немного поодаль от костра, старательно связанный и с кляпом во рту.

К нему и направился теперь незнакомец; взвалив себе на плечи, он перенес его и положил у ног дона Руиса, не особенно, правда, бережно, судя по тому, что бандит, явно рисовавшийся до сих пор своей чисто индейской стойкостью, на этот раз не сумел сдержать подавленного стоны.

— Кто этот человек и что вы намерены сделать с ним? — не без тревоги спросил дон Руис.

— Этот человек, — сухо ответил незнакомец, — один из тех негодяев, которые напали на вас. Сейчас мы будем судить его.

— Судить?! — воскликнул дон Руис. — Мы?

— А кто же? — сказал незнакомец, освобождая бандита от кляпа и ослабляя несколько путы на его ногах. — Или вы думаете, что мы посадим себе на шею этого негодяя и будем таскаться с ним, пока не наткнемся на какую-нибудь тюрьму? Да если бы мы и пошли на это, он сбежит от нас в пути, ускользнет, как опоссум*, чтобы несколькими часами позже напасть на нас во главе новой шайки таких же головорезов. Ну нет, уж лучше судить его! Мертвые не вредят.

— Но по какому праву можем мы стать судьями этого человека?

— По какому праву? — воскликнул незнакомец с удивлением. — По праву этих мест! Око за око, зуб за зуб!

Дон Руис призадумался, а незнакомец украдкой поглядывал на него.

— Возможно, вы и правы, — заговорил наконец дон Руис. — Этот человек — преступник, коварный убийца, руки которого по локоть в крови. Попадись ему снова моя сестра и я, он бы, конечно, не задумался заколоть нас своим мачете или всадить каждому из нас по пуле в лоб.

— Значит?.. — спросил незнакомец.

— А ничего не значит! — пылко воскликнул дон Руис. — Даже наша полная уверенность в преступности этого человека не дает нам права судить его. К тому же и сестра моя цела и невредима.

— И вы полагаете...

— ...что раз мы лишены возможности передать этого человека в руки правосудия, нам следует отпустить его на все четыре стороны.

— Надеюсь, вы хорошо взвесили все последствия такого решения?

— Это решение подсказано мне моей совестью.

— Будь по-вашему, — сказал незнакомец и обратился к разбойнику, который в течение всего разговора не проронил ни слова, хотя его глаза беспокойно перебегали от одного собеседника к другому. — Встань! — сказал незнакомец.

* Опоссум — небольшое сумчатое животное из породы грызунов.

Бандит встал.

— Посмотри-ка на меня, — продолжал незнакомец. — Узнаешь?

— Нет.

Незнакомец выхватил из костра пылающую головню, поднес ее к своему лицу и повелительно произнес:

— Смотри хорошо, Кидд!

— Твердая Рука! — невольно отшатнувшись, глухим голосом воскликнул бандит.

— Наконец-то узнал меня! — с язвительной усмешкой произнес незнакомец.

— Что прикажете, Твердая Рука?

— Ничего. Ты слышал наш разговор?

— До единого слова.

— Что ты об этом думаешь?

Разбойник молчал.

— Говори, не стесняйся. Я разрешаю.

Разбойник продолжал хранить молчание.

— Ты будешь, наконец, говорить? Приказываю тебе, слышишь?

— Что же, — неверным голосом заговорил разбойник, — я думаю так: раз уж враг попался, надо убить его.

— Это, действительно, твое мнение?

— Да!

— Что вы теперь скажете, дон Руис? — спросил Твердая Рука.

— Скажу, что не могу и не должен мстить своему бывшему противнику. О, конечно, в бою, обороняясь от нападения, я бы ничуть не постеснялся прикончить его. Но сейчас он безоружный пленник, и не моя рука должна покарать его.

Сквозь маску суровости, которую Твердая Рука придал своему лицу, невольно вспыхнула радость, вызванная этими благородными чувствами, так безыскусно выраженными. Снова воцарилось молчание, в продолжение которого каждый из этих трех людей ушел в свои мысли. Наконец, Твердая Рука обратился к бандиту, который стоял в прежней позе невозмутимого и безучастного ко всему происходящему человека.

— Ступай. Ты свободен, — сказал Твердая Рука, освобождая бандита от пут. — Но помни, Кидд: этому кабальеро, но не мне, угодно было простить тебя. Я ничего

не забыл. Ты меня знаешь. Берегись же снова очутиться на моем пути! В другой раз не отделаешься так легко от справедливого возмездия. А теперь ступай!

— Ладно, Твердая Рука, запомню, — ответил Кидд не без затаенной угрозы, прозвучавшей как прощальное приветствие тем, кто подарил ему жизнь.

И, нырнув в кусты, он бесследно исчез.

ГЛАВА III

Бивак*

Несколько минут до них еще доносился треск кустарника, ломающегося под ногами убежавшего во всю прыть бандита. Наконец, все смолкло.

— Можете не сомневаться: теперь уж вы наверняка нажили себе в прерии непримиримого врага, — глядя исподлобья на дона Руиса, заговорил Твердая Рука. — Ну что же... вы этого хотели, ибо, надеюсь, вы не так наивны, чтобы рассчитывать на благодарность подобного негодяя?

— Мне жаль его, если он возненавидел меня за добро, оказанное ему мною в уплату за зло, которое он намеревался причинить мне. Но я не мог поступить иначе: я действовал по велению моей совести.

— Если вы и впредь намерены осуществлять на практике в здешних краях столь высокие принципы, я не поручусь за ваше долголетие.

— Все равно! Никто из моих предков никогда не нарушал девиза нашего рода!

— И этот девиз, кабальеро?

— «Храни свою честь, и будь что будет!»

— Что и говорить, прекрасный девиз, — усмехнулся Твердая Рука. — Дай Бог, чтобы он послужил вам на пользу, — и, окинув взглядом горизонт, он продолжал, — светает... Не пройдет и часа, как взойдет солн-

* Бивак — стоянка для отдыха или ночлега группы людей.

це... Вот вы и узнали мое имя. Как видите, я был прав: оно ровно ничего не говорит вам...

— Вы ошибаетесь, сеньор, — живо прервал его дон Руис, — я уже не раз слышал это имя.

Твердая Рука так и впился глазами в юношу.

— Вот как! — воскликнул он чуть дрогнувшим голосом. — И, вероятно, это имя сопровождалось всегда неодобрительными эпитетами, которые создали у вас весьма нелестное представление обо мне!

— Еще одна ошибка, сеньор: это имя неизменно проносилось при мне как имя храброго кабальеро, человека с мужественным сердцем и недюжинным умом. Говорили еще, что какое-то тайное, никому не ведомое горе побудило этого человека бежать от людского общества и влачить странное существование вечного скитальца. Мне рассказывали также, что этот человек сумел в самых тяжелых условиях, соприкасаясь ежедневно со зверскими нравами прерии, сохранить незапятнанным свое честное имя, что перед ним преклоняются даже степные пираты, с которыми ему приходится слишком часто сталкиваться во время своих скитаний. Вот что вызвало в моей памяти, сеньор, это имя, которое, по вашим предположениям, должно бы быть совершенно мне незнакомым.

— Неужели же в самом деле мир не такой злой и несправедливый, каким я представлял его себе? — с горькой усмешкой пробормотал Твердая Рука.

— Не сомневайтесь в этом! — с чисто юношеским пылом воскликнул дон Руис. — Это верно, что на земле зло уживается рядом с добром. Но провидение распорядилось, чтобы добра было все же больше, чем зла. Таким образом, рано или поздно каждый человек будет вознагражден за свои добрые дела.

— Подобные слова, — возразил Твердая Рука, — были бы более уместны в устах какого-нибудь священника, поседевшего и сгорбившегося на своей миссионерской службе, нежели в устах юноши, только что перешагнувшего зарю своей жизни, не омраченной пока еще никакими житейскими бурями и тревожностями. Но это неважно: ваши слова идут от чистого сердца! Спасибо и на том. А теперь кончим этот разговор: нам предстоит заняться делом поважнее философского спора, который все равно не переубедит ни вас, ни меня. И прежде всего

обсудим, как найти выход из того затруднительного положения, в котором мы очутились.

— Признаюсь, меня самого это очень тревожит, — начал дон Руис, с грустью глядя на свою спящую сестру. — Будь я один, я бы, конечно, не задумываясь продолжал свой путь. Смелый человек — а я думаю, что я принадлежу к числу смелых людей, — всегда справится с угрожающей ему опасностью, потому что он умеет открыто смотреть ей в глаза. Но со мной донья Марианна! Вчерашние испытания надломили ее энергию, и в случае вторичного нападения на нас она легко станет добычей бандитов. А один я не в силах буду спасти ее; меня хватит лишь на то, чтобы умереть рядом с ней.

— Бедное дитя! — отвернувшись, пробормотал Твердая Рука. — Но все же надо на что-то решиться, — сказал он, обращаясь к дону Руису.

— К сожалению, у меня нет выбора. На рассвете, если только сестра будет в силах, мы отправимся с ней в путь, и будь что будет!

— Послушайте, есть одна возможность выйти из этого затруднительного положения и предотвратить, хотя бы в некоторой мере, опасность дальнего путешествия. Дело в том, что на расстоянии двухдневного перехода отсюда находится небольшой пограничный форт для отражения набегов непокоренных индейцев, а также бандитских шаяк всех мастей, наводняющих этот край. Самое важное для вас — добраться до этого форта. Там вам нетрудно будет добиться от коменданта форта конвоя, под охраной которого вы и завершите благополучно свое путешествие.

— Конечно, — ответил дон Руис, — но надо еще добраться до этого форта. А я совершенно не знаком с этим краем. Моим проводником в прерии был один из сопровождавших нас пеонов. Без него мне не найти дорогу в этой пустыне: со смертью пеона я очутился в положении моряка, потерявшего компас.

Эти слова привели в неподдельное изумление Твердую Руку.

— О молодость, молодость! — воскликнул он. — Как могли вы принять столь опрометчивое решение — доверить какому-то пеону драгоценную жизнь вашей сестры... Простите за неуместные упреки, — спохватив-

шись, продолжал Твердая Рука. — Теперь нам нужно думать только о том, как бы помочь вам выйти из беды.

И Твердая Рука погрузился в раздумье, а дон Руис с надеждой и страхом ожидал, что скажет ему его спаситель. Молодой человек нисколько не заблуждался относительно своего положения. Он и сам мысленно проклинал себя за свое легкомыслие, из-за которого сестру и его самого ожидала неминуемая гибель, если этот странный человек откажет им в своем дальнейшем покровительстве. Прошло несколько минут, показавшихся дону Руису целой вечностью, прежде чем Твердая Рука оторвался от своих мыслей. Наконец охотник выпрямился, оседлал мустанга, схватил свое ружье и, только вскочив в седло, обратился к юному мексиканцу:

— Ждите меня здесь. Только ни в коем случае не вздумайте двинуться куда-нибудь отсюда до моего возвращения. Слышите: сколько бы ни длилось мое отсутствие — ни с места!

Не дожидаясь ответа, Твердая Рука дернул поводья, пришпорил коня и, слегка припав к луке седла, помчался во весь опор. А дон Руис провожал взглядом черный силуэт всадника, пока тот не исчез во тьме, и потом еще долго и напряженно прислушивался к удаляющемуся топоту копыт. Когда все стихло, юный мексиканец вернулся к своему месту у костра и, поглядывая сквозь набегавшие слезы на спящую сестру, погрузился в свои невеселые думы. В глубине души он сильно сомневался в возвращении Твердой Руки, хотя и старался с упорством человека, очутившегося в беде, обмануть самого себя и с помощью всяческих доводов подогреть свои гаснущие надежды на помощь незнакомца. Бледный и растерянный, склонив голову на грудь, с неподвижным взглядом, дон Руис ожидал возвращения Твердой Руки.

А мы воспользуемся этим коротким перерывом в нашем рассказе, чтобы несколькими штрихами нарисовать портреты дона Руиса де Могюера и его сестры, доньи Марианны.

Начнем с молодой девушки. Донья Марианна была прелестной, стройной, хорошо сложенной и веселой девушкой, едва достигшей шестнадцатилетнего возраста. Ее черные волосы цвета вороньего крыла отливали синевой, нежная кожа ее лица была окрашена в золотистые, теплые тона знойного юга, черные влажные глаза пыла-

ли под длинными, наполовину прикрывающими их ресницами, а вечно смеющийся рот, окаймленный алыми губами, яркость которых подчеркивалась ослепительно белыми зубами, придавал ее лицу выражение нетронутой, почти детской чистоты. От томной и несколько ленивой поступи доньи Марианны веяло какой-то неизъяснимой грацией и непринужденностью, так присущей перуанкам и мексиканкам, этим дочерям солнца, в жилах которых, кажется, вместо крови течет нечто вроде вулканической лавы. Одним словом, это была испанка с головы до ног, точнее — андалузка, пламенная, страстная и суеверная натура. Но сердце Марианны пока не заговорило, оно еще не было озарено божественной искрой любви, пламенное дыхание страсти не опалило эту прелестную девушку, не осознававшую еще дремлющих в ней сил.

Мужская красота дона Руиса была столь же привлекательна, как женская красота доньи Марианны. Это был рослый и статный молодой человек двадцати одного года. Сквозь изящество форм его крепко сколоченной фигуры проглядывала большая физическая сила; правильные, быть может, слишком правильные для мужчины, черты его лица говорили о врожденном благородстве юноши, а в черных глазах его светился ясный и смелый взгляд; крупный рот, украшенный великолепными зубами, увенчивался тонкими, кокетливо закрученными черными усиками, под которыми играла веселая улыбка совсем еще беззаботной юности, и все лицо его дышало искренностью, великодушием и отвагой. При большом внешнем сходстве брат и сестра имели также много общего и в характере. Оба они не знали еще жизни. Это были невинные и чистые сердца; они любили друг друга самой святой братской любовью, жили душа в душу и не могли насытиться друг на друга.

Теперь читателю понятно, почему дон Руис в ожидании Твердой Руки проклинал себя за то, что пустился в путь без надежного конвоя. Он считал себя единственным виновником чудовищных злоключений сестры, от которых ей удалось пока спастись каким-то чудом. Он с ужасом представлял себе еще более страшные испытания, ожидавшие их на протяжении более чем стомильного пути, который им предстояло пройти, прежде чем

они достигнут дель Торо, асиенды их отца, дона Фернандо де Могюера.

Время между тем совершало свой безжалостный бег. Час проходил за часом; взошло солнце, рассеялся мрак, и согрелась земля, охлажденная обильной ледяной росой.

Открыла глаза и донья Марианна, пробужденная пением тысяч пернатых обитателей леса. Крепкий сон восстановил ее силы и вернул веселье и душевную бодрость. Увидев брата, с тревогой и нетерпением ожидавшего ее пробуждения, молодая девушка улыбнулась, протянула ему руку и подставила лоб для поцелуя.

— Если бы ты знал, Руис, — произнесла она своим певучим голосом, — как крепко и хорошо я спала!

— Правда, сестренка? — отозвался он, целуя ее.

— Ты не представляешь себе! В монастыре я ни разу не спала так сладко и не видела таких чудных снов. А все потому, что вы вдвоем сидели на страже моего сна; два добрых преданных сердца, на которые я могла вполне положиться... Да, но я не вижу нашего спасителя. Где он?

— Не знаю, сестренка. Два часа назад он вскочил на коня и, покидая меня, рекомендовал нам не двигаться с места до его возвращения.

— Ну, в таком случае я спокойна. Его отсутствие сначала беспокоило меня, но теперь, когда я знаю, что он вернется...

— Ты думаешь? — прервал ее дон Руис.

— Не сомневаюсь. Он обещал вернуться? Да? Значит, вернется: такой кабальеро, как он, никогда не изменит своему слову.

— Дай Бог! — прошептал дон Руис, уныло покачав головой и глубоко вздохнув.

Его тревога невольно передалась донье Марианне.

— Что тут произошло между вами, Руис? — спросила она, побледнев.

— Ровно ничего, сестра. А все же я волнуюсь, несмотря на его обещанье вернуться... Какой-то он странный и непонятный человек, с ежеминутно меняющимся настроением и даже лицом; способный в одно и то же время любить и ненавидеть, становиться то добрым, то злым, печальным или веселым, спокойным или вспыльчивым. Он одновременно отталкивает меня от себя и привлекает, интересуется и пугает меня. Я леденею от

страха при мысли, что он может покинуть нас здесь, и в то же время боюсь, что он вернется к нам.

— Не понимаю тебя, Руис. Ты что-то запутался и растерялся. В чем дело? И как можешь ты так странно и так строго судить о человеке, от которого видел одно только добро?!

Не успел дон Руис ответить, как издалека донесся конский топот.

— Он! — воскликнула донья Марианна, не в силах подавить свое волнение.

— Почему ты думаешь, что это именно он? — удивился дон Руис.

— Так... узнала, — краснея, пролепетала она. — Да вот видишь... смотри!

Кусты, действительно, раздвинулись, и на полянке между скалами появился Твердая Рука. Почтительно поклонившись донье Марианне, он, не слезая с мустанга, бросил короткую команду:

— На коней! Быстро! Не теряя ни минуты!

Дон Руис кинулся седлать лошадей, и через несколько минут брат и сестра были уже на конях.

— Вперед! — скомандовал Твердая Рука. — *Suero de Cristo**, кабальеро!.. Я говорил вам, что вы поступаете неосторожно, возвращая свободу этому негодяю. Знайте же, что, если мы не уберемся отсюда вовремя, не позже чем через час его банда будет преследовать нас по пятам.

Этих слов было достаточно, чтобы трое людей словно на крыльях ринулись вперед. Прошло уже больше часа, а беглецы, припав к шеем своих коней, все еще пожирали пространство, не обмениваясь ни одним словом, лишь беспокойно оглядываясь по сторонам и мысленно спрашивая самих себя, удастся ли им уйти от грозящей беды. Около восьми часов утра Твердая Рука натянул наконец поводья своего коня и знаком предложил своим спутникам последовать его примеру.

— Теперь, — сказал он, — мы вне опасности. Как только мы выедем из того леса, что расстилает перед нами свою зеленую завесу, покажутся стены форта Сан-Мигель, за которыми мы найдем надежную защиту от разбойников, будь их хоть десять тысяч!

* *Suero de Cristo* (исп.) — Клянусь телом Христовым.

— Но ночью, в разговоре со мной, вы упомянули какой-то более отдаленный форт, — заметил дон Руис.

— Совершенно верно, но я полагал, что форт Сан-Мигель если не разрушен, то заброшен. Поэтому, прежде чем оболящать вас надеждой, которая могла и не сбыться, я решил лично разведать все.

— А вы уверены, — спросила донья Марианна, — что комендант форта согласится приютить нас?

— Разумеется, и по многим причинам, сеньорита. Во-первых, эти пограничные укрепления для того именно и созданы, чтобы обеспечить безопасность путешественников; во-вторых, если не ошибаюсь, комендант форта Сан-Мигеля то ли родственник, то ли близкий друг вашего семейства.

Брат и сестра переглянулись с нескрываемым изумлением.

— Значит, вам известна фамилия коменданта? — спросил дон Руис.

— О да, мне называли ее: капитан Маркос де Ниса.

— Конечно, мы его знаем! — воскликнула донья Марианна. — Ведь это наш кузен!

— В таком случае, все в порядке, — холодно произнес Твердая Рука. — А теперь поспешим, ибо позади нас поднялось облако пыли, не предвещающее нам ничего хорошего. Горе нам, если нас настигнут прежде, чем мы доберемся до форта!

Беглецы без дальних слов пришпорили коней, пронеслись галопом через лес и проскочили в ворота форта.

— Обернитесь! — обратился к брату и сестре Твердая Рука в тот момент, когда ворота затворялись за ними.

Те обернулись. На опушке леса показался многочисленный отряд всадников.

— Вот уже второй раз вы спасаете нам жизнь! — с глубокой признательностью произнесла донья Марианна.

— К чему эти счеты? — сказал Твердая Рука.

Донья Марианна ответила ему взглядом, наполненным каким-то невыразимым чувством, покраснев, отвернулась и молча последовала за братом.

Сторожевой форт Сан-Мигель

Испанцы, завоевав Мексику, оттеснили в пустыню возмущившихся против их железного ига индейцев, обрекая их тем самым на вымирание от голода и лишений. Для защиты своих городов и асиенд от разрушительных набегов непокорившихся племен завоеватели возвели вдоль границ прерий цепь связанных между собой крепостей и фортов. Гарнизоны этих укреплений успевали всегда приходить друг другу на помощь не потому, что они находились на небольшом расстоянии друг от друга, — ибо, напротив, разбросанные на большом пространстве, они отстояли один от другого на десятки миль, — а потому, что между ними непрерывно патрулировали многочисленные отряды улан.

Однако со времени провозглашения независимости Мексики эти пограничные укрепления перестали пользоваться вниманием правительств этой злополучной страны и пришли в упадок. Одни были преданы огню и разрушению индейцами, когда те, собравшись с силами, перешли в наступление и начали мало-помалу отвоевывать отобранные у них земли; другие были заброшены испанцами или же сами разваливались, потому что на содержание их правительство не отпускало достаточных средств. Все же и теперь еще там и сям встречаются

* Автор намекает тут на пронунсиаменто, то есть государственные перевороты, часто совершавшиеся мексиканскими военными, а то и просто людьми с диктаторскими склонностями.

уцелевшие форты и крепости. Они содержатся на средства самого населения пограничных областей, нуждающегося в убежищах от набегов хитрого и непримиримого врага. Все эти укрепления были выстроены по шаблону. Поэтому описание устройства форта Сан-Мигель (в котором нам пришлось побывать) даст читателю ясное представление о простой и действенной системе защиты, созданной испанцами.

Форт Сан-Мигель состоял из четырех квадратных строений, соединенных крытыми галереями, внутренние стены которых служили оградой двора, обсаженного лимонными, персиковыми и рожковыми* деревьями. В этот же двор выходили комнаты для путешественников, казармы и т. п.

На некотором расстоянии от этих строений высились внешние крепостные стены с единственными воротами. Стены были снабжены бойницами, под которыми на высоте восьми футов от земли находились площадки для бойцов, шириною в три фута. Строительным материалом для всех этих построек служили обожженные на солнце куски земли, так называемые адабы**.

В двадцати футах от крепостной стены поднималась другая, состоявшая из кактусов, настолько близко посаженных друг к другу, что ветви их плотно сплелись. Густая щетина колючек этой, если можно так выразиться, живой стены делала ее непроходимой для полуобнаженных и плохо вооруженных индейских воинов. Единственный проход через «живую» стену закрывался массивными воротами, укрепленными на глубоко врытых в землю столбах. Бойницы крепостной стены господствовали над равниной; это позволяло хорошо укрытым за ними солдатам стрелять вверх кактусов. При появлении индейцев, что неизменно совпадало с днями так называемого «месяца земляники», малочисленное пограничное население укрывалось за стенами форта Сан-Мигель и спокойно отсиживалось здесь до тех пор, пока индейцев не рассеивала подмога, подо-

* Рожковое дерево — вечнозеленое дерево, произрастающее в тропических странах, на берегах Средиземного моря и на Среднем Востоке. Плоды его — длинные бобы, наполненные мякотью, — употребляются как сладости под названием «рожки».

** Адабы — кирпич-сырец, не обожженный на огне.

спевшая из какого-либо города, зачастую расположенного в пятидесяти от Сан-Мигеля, или же пока индейцы сами не снимали осады, убедившись в ее бесплодности.

Комендант форта Сан-Мигель, Маркос де Ниса, был человек лет сорока, невысокого роста, тучный и приземистый, но живой и деятельный. Его лицо, с довольно правильными чертами, дышало добродушием, сквозь которое проглядывали ум и характер. Он принадлежал к числу честных, образованных и знающих свое дело офицеров, что, к несчастью, не так часто встречается в мексиканской армии. И так как он никогда не прибегал к служебным интригам и покровительству влиятельных знакомых, чтобы добиться больших чинов, то вот уже десять лет, несмотря на его общепризнанные достоинства и безупречное поведение, он состоял в чине капитана, без всякой при этом надежды на повышение. Между тем уже самое назначение дона Маркоса де Ниса комендантом форта Сан-Мигель свидетельствовало о высоком мнении, сложившемся о нем у властей провинции. Эти пограничные форты, постоянно подвергающиеся набегам индейцев, доверялись только надежным и опытным военачальникам. Правда, блестящие офицеры, привыкшие волочить свою саблю по паркетам дворцов мексиканской столицы, и сами не особенно добивались назначения на почетное, но опасное командование пограничными фортами, и оно доставалось обычно храбрым солдатам, меньше всего заботившимся о своей карьере.

Но вернемся к нашему рассказу.

Не успел капрал сообщить капитану Маркосу имена прибывших, как тот с распростертыми объятиями поспешил к ним навстречу.

— О! — радостно воскликнул он. — Какой чудесный сюрприз! Счастлив видеть вас.

— Погодите радоваться, дон Маркос, — отозвалась, улыбаясь, донья Марианна. — Ведь мы приехали к вам не в гости, а за помощью и защитой.

— Все тут к вашим услугам, дорогие! Разве мы не родственники, и довольно близкие родственники?

— Разумеется, кузен, — ответил дон Руис, — поэтому встреча с вами — истинное утешение для нас в нашем несчастье.

— Гм!.. Это так серьезно? — с помрачневшим лицом спросил капитан.

— Настолько серьезно, что, не приди нам на помощь этот кабальеро, — сказал дон Руис, поклонившись Твердой Руке, который застыл в неподвижности, стоя рядом с ним, — мы, по всей вероятности, погибли бы в пустыне.

— Бедняжки! — воскликнул капитан. — Но после всех ваших треволнений вы, вероятно, основательно устали и проголодались. Слезайте же с коней и пожалуйте ко мне... А вы, капрал, займитесь лошадьми наших гостей.

Капрал отвел коней в кораль*, а молодые люди, после многократных объятий и поцелуев капитана, последовали за ним в сопровождении Твердой Руки, с которым капитан обменялся горячим рукопожатием.

— Садитесь, дети, закусывайте и отдыхайте. Поговорим обо всем после, — сказал капитан, когда они вошли в гостиную, вся меблировка которой состояла из нескольких кресел и стола.

Дон Маркос придвинул к молодым людям приготовленные на столе закуски и прохладительные напитки и, пока те угощались, знаком подозвал Твердую Руку и вышел с ним в другую комнату.

— Что нового в прерии? — спросил капитан, когда оба они разместились в креслах.

— Тревожно, — коротко ответил Твердая Рука.

— Я так и думал, — пробормотал офицер, печально покачав головой. — Придется, видно, взяться за оружие и пройти снова по пустыне, чтобы проучить этих степных пиратов, а заодно и показать им, как мы сильны.

Его собеседник только покачал головой в ответ.

— Объяснитесь, — заговорил капитан после минутного молчания, во время которого он не сводил глаз с Твердой Руки. — Признаюсь, ваше молчание не на шутку встревожило меня. А между тем, если сбросить со счетов мародерство нескольких бандитских шаек, граница никогда, кажется, не была такой спокойной.

— Зловещее спокойствие, дон Маркос. За ним притаилась буря, и страшная буря! Поверьте мне... Скажите, у вас сильный гарнизон?

* Кораль — загон для коней и скота.

— На мой взгляд, достаточный.

— Точнее: сколько солдат?

— Около семидесяти.

— Маловато.

— Как так — маловато? Обычный состав гарнизонов всех наших пограничных постов.

— Для мирного времени! Не обманывайте себя, капитан... Вы отлично понимаете, что на ваш форт прежде всего обрушится накопившаяся ненависть коренных жителей прерий...

— Да объясните же, наконец, толком! — воскликнул капитан. — В чем дело...

Он не успел закончить: в дверях показался капрал. Раздосадованный этим неуместным вторжением, капитан резко повернулся и раздраженно спросил:

— Ну что там еще, капрал? Никогда не оставят в покое!

— Прошу прощения, сеньор капитан, — ответил бедняга, испуганный столь резким окриком, — но меня послал к вам господин лейтенант.

— Так что же ему от меня надо? Да говорите же скорей! Ну!

— Сеньор капитан! Замечен крупный конный отряд. Он мчится во весь опор прямо на наш форт. Сеньор лейтенант приказал предупредить вас.

— Вот как! — воскликнул капитан, многозначительно взглянув на своего гостя. — Уж не передовой ли это отряд неприятеля, нападение которого вы только что предсказывали?

— Эти всадники, — улыбаясь, ответил Твердая Рука, — с самого утра гонятся за доном Руисом и за мной. Я не думаю, что это индейцы.

— А что думает сеньор лейтенант? — обратился дон Маркос к своему капралу.

— Всадники еще слишком далеко, так что нет никакой возможности распознать их сквозь густое облако пыли, сеньор капитан.

— Понятно! Пойти разве самому взглянуть... — сказал капитан, поднимаясь. — Вы со мной? — спросил он своего гостя.

— Разумеется!

Твердая Рука встал, взял ружье, прислоненное им раньше в углу, и вышел вслед за капитаном.

В гостиной, куда они вошли, брат и сестра продолжали утолять свой голод. Молодой мексиканец тотчас же поднялся навстречу капитану:

— Я уже знаю, дон Маркос, что на форт готовится нападение; наверно, это сообщники тех самых разбойников, с которыми нам с сестрой пришлось иметь дело вчера. А поэтому у меня к вам просьба, дорогой кузен: поскольку на этот раз вам придется драться, вступаясь за нас, разрешите уж и мне пострелять вместе с вами.

— Ради Бога! — весело ответил капитан. — Хотя, по правде говоря, эти негодяи не заслуживают такого внимания.

— Что ты хочешь делать? Опомнись! Останься здесь!.. Со мной!.. — умоляла брата донья Марианна.

— Не могу, дорогая, — отшучивался тот, целуя сестру. — Что подумает обо мне мой кузен, если я буду прятаться от пуль, когда другие будут сражаться!

— Не бойтесь за него, нинья*, ничего с ним не случится, ручаюсь вам, — вмешался капитан.

Мужчины вышли, а донья Марианна, вздохнув, вновь опустилась в кресло.

Во дворе все уже было в движении. Лейтенант, старый опытный вояка, с сединой в усах, с лицом, изборожденным шрамами от сабельных ударов, не терял даром времени. Пока капрал докладывал капитану, лейтенант приказал трубить сбор, расставил солдат по местам, приставил к бойницам самых метких стрелков — одним словом, принял все меры, чтобы не быть застигнутым врасплох дерзким нападением врага.

Выйдя во двор, капитан остановился, привычным взглядом оценил всю целесообразность распоряжений, отданных его помощником, и удовлетворенно улыбнулся.

— Теперь, — обратился он к Твердой Руке, — пойдемте взглянем, с каким противником нам придется иметь дело.

— Стоит ли? — ответил тот. — Могу не глядя сказать вам: это степные пираты.

— Степные пираты?! — изумился капитан. — Да они бы никогда не осмелились...

* Н и н ь я — девушка, барышня.

— Одни — конечно, нет, — живо прервал его Твердая Рука, — но, действуя лишь в качестве авангарда более крупных сил, они, как видите, решаются. Впрочем, едва ли их атака будет серьезной; вероятнее всего, это только разведка боем, проверка состояния боевой готовности форта. Устройте же им достойную встречу, докажите им, что вы всегда начеку! Этого будет достаточно, чтобы заставить их отступить.

— Вы правы! — воскликнул капитан. — *Vivo dios!** Они получают хороший урок, обещаю вам!

Он прошептал тут же на ухо какой-то приказ капралу, и тот, отдав честь, быстро удалился. На несколько минут глубокая тишина нависла над крепостью. Есть что-то торжественное в затишье перед битвой, когда даже самые смелые люди собираются с духом: одни — призывая на помощь всю свою волю, другие — обращая к небу последнюю горячую молитву.

Внезапно под аккомпанемент бешеного топота коней раздалось дикое гиканье, и из облаков пыли словно вынырнул неприятельский отряд. Всадники неслись вихрем, потрясая в воздухе ружьями и длинными пиками. Но едва они приблизились на расстояние выстрела, как раздалась команда: «Огонь!» — и с крепостной стены грянул дружный и оглушительный, как раскат грома, залп. Всадники, домчавшиеся почти до самых зарослей кактуса, смешались, закружились и, повернув коней, стремительно поскакали назад. Однако пули, посланные недрогнувшими руками метких мексиканских стрелков, находили свои жертвы, и ряды неприятеля заметно таяли.

При всей поспешности бегства этих всадников в них нетрудно было признать степных пиратов.

Едва прикрытые всяким рваньем, они почти все скакали на неоседланных конях, понукая их дикими криками.

Двое или трое из них были, очевидно, главарями. Их можно было отличить по некоему подобию красной чалмы, обернутой вокруг головы, и по отрепьям каких-то мундиров, снятых, вероятно, с убитых солдат. Отталкивающая и грязная внешность всей этой банды вызывала чувство гадливости. Не подлежало ни малейшему сомнению: то были белые или метисы, но, во всяком случае,

* *Vivo dios* (исп.) — Боже правый!

не индейцы — ни апачи, ни команчи, ни аракуаны — эти чудесные дети природы, столь утонченные в выборе своего оружия и одежды и столь благородные в своей осанке.

Очутившись вне досягаемости ружейного выстрела, бандиты остановились и стали советоваться. В этот момент к ним присоединился второй отряд. Его главарь оживленно жестикулировал, ежеминутно указывая своим карабином на форт. В обоих отрядах вместе было примерно сотни полторы всадников. После длительного обсуждения степные пираты ринулись снова вперед и домчались до стен форта.

Капитан де Ниса, желая основательно проучить их, приказал подпустить атакующих без единого выстрела. Бандиты скрылись под непроницаемой завесой кактусовой листвы. Однако это нисколько не смутило мексиканцев, полагавшихся на неприступность своих позиций и надежность крепостных ворот. Около трех десятков бандитов, среди которых находились несколько главарей, осмелев от бездействия гарнизона, перелезли через кактусовую изгородь и ринулись на каменную стену. Но она была слишком высокой, чтобы на нее можно было бы вскарабкаться с такой же легкостью. Убедившись в бесплодности своих усилий, разбойники разделились: одни из них бросились подбирать камни и колья, с помощью которых они рассчитывали разбить ворота крепости, другие пытались открыть для остальной банды ворота кактусовой изгороди.

Мексиканцы отлично слышали, как проникшие за изгородь бандиты жаловались на трудности товарищам, оставшимся в поле. Чтобы открыть им путь, нужно было повалить ворота. Тогда решили свалить с помощью лассо столбы, на которых те были укреплены. Соединенными усилиями людей и лошадей лассо натянулись, как струны. Еще минута — и створки, казалось, сорвутся со своих петель; но столбы, нисколько не поддавшись, стойко выдержали это испытание.

— Чего вы ждете, капитан? — шепнул ему на ухо дон Руис. — Почему не приступаете к уничтожению этого сброда?

— Их еще мало в мышеловке, — сверкнув лукавой улыбкой, ответил капитан. — Подождем, пока наберется побольше.

И в самом деле: словно отвечая желанию старого солдата, еще человек двадцать бандитов перелезли через ворота. Теперь между двумя стенами собралось уже с полсотни людей. Решив, что этого достаточно, они устремились на приступ. В ту же минуту в бойницах сверкнули зловещие огоньки, и град пуль обрушился на осаждающих; те же со своей невыгодной позиции не могли ответить на огонь мексиканцев.

От сознания своей ошибки, в результате которой они так глупо попались в ловушку, бандиты поддались панике; теперь они помышляли только о бегстве. Трижды кидались они к изгороди, пытаясь выбраться из западни, и трижды отбрасывал их назад жестокий огонь мексиканцев. Отчаяние несчастных возросло до предела, когда они услышали топот конницы, удалявшейся в направлении прерий, и поняли, что им нечего больше рассчитывать на помощь своих товарищей, оставивших их на произвол судьбы.

А мексиканцы, охваченные жаждой мести, продолжали без жалости обстреливать своих врагов. Только немногим из бандитов удалось добраться ползком до основания стены и прильнуть к ней под самыми бойницами. Здесь стрелки не могли накрыть их своим огнем, не высунувшись из бойницы и не подставив тем самым себя под ответную пулю.

Из пятидесяти человек, пробравшихся в промежуток между двумя стенами, уцелели только четырнадцать; остальные были убиты. Ни одному бандиту не удалось пока вырваться из западни.

— Ну, не скоро же они забудут этот урок! — вскричал капитан, потирая от удовольствия руки. — Здорово мы их проучили!

Уступая, однако, настоятельным просьбам дона Руи-са, наш достойный капитан, который, в сущности, и сам не отличался жестокостью, приказал предложить разбойникам сдаться, на что степные пираты ответили оглушительным гиканьем. Эти четырнадцать человек, растратившие патроны, но сохранившие свои длинные мачете, были отменными бойцами, справиться с которыми было нелегко. Мексиканцы отлично знали, что в рукопашной схватке эти люди, исполненные решимости биться насмерть, будут опасными противниками. Но покончить с ними все же надо было. По приказу капитана

распахнулись крепостные ворота, и человек двадцать кавалеристов во весь опор ринулись на разбойников. А те, не дрогнув, приняли бой.

Схватка была жестокой, но короткой. Три мексиканца были убиты, пятеро тяжело ранены. Из степных пиратов только один, воспользовавшись тем, что внимание стрелков у бойниц было отвлечено рукопашной, успел уйти, проявив при этом чудеса ловкости и решимости. Этот единственный, выскочивший из побоища бандит был не кто иной, как знакомый уже читателю Кидд. Очутившись в степи, он на мгновение остановился, погрозил солдатам выразительным жестом руки и, вскочив на первого попавшегося коня, умчался в прерию, преследуемый градом пуль, не причинивших ему никакого вреда.

Пребывание в форте

Как только кончилось сражение и в крепости водворился обычный порядок, капитан поручил лейтенанту убрать тела убитых врагов. По приказу коменданта мертвецов обезглавили и, повесив их за ноги на ближайших к форту деревьях, оставили на съедение диким зверям. Головы же убитых, насаженные на колья, были выставлены на крепостных стенах для устрашения бандитов на случай, если бы они снова дерзнули появиться в окрестностях форта.

Отдав все эти распоряжения, капитан вернулся к себе. Дон Маркос сиял от радости; ему казалось, что он одержал окончательную победу над пограничными бродягами. Ценой незначительных потерь он дал им примерный урок, который надолго, думал он, отобьет у них охоту приближаться к стенам вверенного ему форта.

Но Твердая Рука придерживался, очевидно, другого мнения. Каждый раз, когда капитан вспоминал какой-нибудь эпизод битвы и с радостной улыбкой потирал от удовольствия руки, Твердая Рука хмурил брови. Это повторялось так часто, что в конце концов капитан обратил на это внимание.

— Что с вами? — произнес он веселым голосом, в котором звучала, однако, нотка раздражения. — Клянусь, я в жизни не встречал еще такого чудака! Всегда вы чем-то недовольны и вечно не в духе! Право, не знаю, как с вами быть... Ну, скажите сами: разве плохо мы вздули этот сброд? Отвечайте же!

— Не отрицаю.

— Гм! И на этом спасибо! Надеюсь, вы согласитесь также, что мы имели дело с храбрым противником?

— Охотно; но именно это и пугает меня.

— Не понимаю вас.

— Все дело в том, что степные пираты призваны сыграть самую незначительную роль в готовящейся трагедии.

— Да говорите же, наконец!

Оба собеседника усадились в кресла, и капитан жестом пригласил Твердую Руку начать разговор, которым дон Маркос интересовался гораздо больше, чем об этом можно было бы судить по его наружному спокойствию.

— Месяца два назад, — начал Твердая Рука, — я приехал в Сан-Эстебан по своим личным делам. Эта крепость, расположенная на расстоянии двухдневного перехода отсюда, — весьма важный стратегический пункт. Она служит, как вам хорошо известно, связующим звеном всех фортов, разбросанных вдоль индейской границы.

Капитан утвердительно кивнул головой.

— Я очень близко знаком с комендантом крепости, полковником доном Грегорио Охоа, — продолжал Твердая Рука. — В последнее свое пребывание в Сан-Эстебана я часто бывал у него. Но вам ведь знаком мой дикий нрав, известно мое органическое отвращение к городской жизни, и вы, вероятно, уже догадываетесь, что, едва управившись с делами, я стал готовиться к отъезду. По своему обыкновению, я рассчитывал выехать рано поутру. Но мне не хотелось покинуть город, не простясь с комендантом. Я застал его в сильнейшем волнении. Видимо, чем-то встревоженный, а может быть, и взбешенный, дон Грегорио шагал взад и вперед по комнате.

— Пожаловали наконец, Твердая Рука! — воскликнул полковник. — Где вы пропадали? Вот уже два часа, как десять моих солдат разыскивают вас, но ни один не напал еще на ваш след.

— Удивительно! Ведь я находился почти рядом, и найти меня было совсем просто.

— Оказывается, нет, — ответил полковник. — Не будем, впрочем, спорить об этом. В конце концов, мне не так уж важно знать, где вы были и что делали. Вы явились — вот что важно... — потом, внезапно изменяя

тон, он спросил. — А долго вы еще намерены пробыть в Сан-Эстебанае?

— Нет, полковник, все мои дела закончены, и завтра на рассвете я намерен уехать. Да я, собственно, и пришел проститься с вами.

— Вот как! — радостно воскликнул дон Грегорио, но, спохватившись, тут же добавил. — Только не поймите меня превратно, не подумайте, что я хочу удалить вас отсюда. Все дело в том, — продолжал он, глядя на меня в упор, — что вот уже несколько дней, как в нашем городе передаются из уст в уста самые тревожные слухи, до источника которых я никак не могу докопаться.

— И что же это за слухи? — спросил я.

— Говорят... но заметьте, что я сказал г о в о р я т, я это подчеркиваю, ибо сам я ничего не утверждаю... итак, говорят, что против нас готовится всеобщее восстание щитоносцев*, что из лютой ненависти к нам индейские племена, забыв на время взаимные счеты и раздоры, объединились для захвата всех наших пограничных укреплений. Говорят, что вслед за падением наших крепостей последует вторжение в наши штаты. Говорят, что индейцы полны решимости изгнать нас из Соноры и Синалоа и водвориться там на вечные времена.

— Слов нет, это тревожные слухи, — ответил я полковнику. — Однако до настоящего времени ничто, кажется, не подтвердило вам их достоверность?

— Верно, но ведь дыма без огня не бывает.

— О каких же индейских племенах упоминают?

— О многих. В частности, говорят о папагосах, то есть о великой лиге апачей, акуасов, хиленосов, команчей, опатосов и Бог его знает еще каких! Но особую тревогу внушает союз индейцев, — заметьте, речь все еще идет о том, что г о в о р я т, — с пограничными метисами и степными пиратами. И те и другие собираются помочь индейцам в их походе против нас.

— Да, все это весьма тревожно...

Полковник не дал мне договорить.

— За последнее время, — прервал он, — некоторые происшествия придали известную достоверность этим слухам. Несколько путешественников были убиты, и

* Щитоносцы — так испанские завоеватели называли индейцев, разивших копьем и отражавших удары щитом.

почти у самых ворот крепости бандиты ограбили три больших каравана. Пора положить всему этому конец!

— На этом и оборвался наш разговор с полковником, — продолжал Твердая Рука. — Как я и обещал дону Грегорио, я покинул цитадель назавтра утром. С тех пор прошло два месяца, а я все странствую по прерии. В ваши края я попал совершенно случайно: взбрела вдруг в голову мысль проверить, не обзавелся ли снова гарнизоном давно заброшенный форт Сан-Мигель. Да и вас, дон Маркос, я никак не думал застать тут: ведь я оставил вас в Сан-Эстебане.

— Верно, — отвечал капитан. — Но месяц назад дон Грегорио приказал мне занять с гарнизоном форт Сан-Мигель и укрепиться в нем. Полковник не счел нужным при этом сообщить мне о причинах, побудивших его принять неожиданное решение о приведении форта в боевую готовность.

— Надеюсь, теперь вам все ясно? — спросил Твердая Рука.

— Конечно, и я весьма признателен вам за сообщение.

— Однако конь мой успел уже отдохнуть, — сказал Твердая Рука. — До наступления ночи еще добрых пять-шесть часов, которыми я и хочу воспользоваться для своего дальнейшего путешествия.

— Как, уже? Покидаете нас? — удивился капитан.

— Не теряя ни минуты, — ответил Твердая Рука, направляясь к выходу.

— Даже не попрощавшись с доном Руисом и его сестрой?

— К сожалению, да, — сказал Твердая Рука после минутного размышления. — Время не терпит. Извинитесь, пожалуйста, перед ними за меня. Впрочем, мы так мало знакомы, что вряд ли дон Руис и донья Марианна придадут большое значение моему поведению по отношению к ним. Итак, прощайте еще раз!

— Не смею, конечно, настаивать, — ответил капитан. — Делайте как знаете. Но все же, на мой взгляд, вам не мешало бы проститься с ними.

— Ба! — произнес Твердая Рука голосом, в котором явственно слышалась ирония. — Разве я не слышу за дикаря? К чему же мне соблюдать все эти церемонии, принятые только в среде цивилизованных людей?

В ответ капитан пожал плечами, и оба они вышли на крыльцо.

Пять минут спустя Твердая Рука был уже в седле.

— Прощайте, — обратился он к дону Маркосу, — и не забудьте предупредить окрестных земледельцев.

— Карай, не беспокойтесь! Прощайте... Доброго пути!

Последнее рукопожатие — и Твердая Рука карьером умчался в пустыню, а капитан вернулся домой, бормоча себе под нос:

— Что за странный человек! И кто он? Друг или враг?

Брат и сестра были удивлены, когда, сойдя к ужину, они не застали за столом Твердую Руку. Известие о его отъезде огорчило, а в глубине души даже обидело молодых людей. Особенно живо переживала обиду донья Марианна, напрасно искавшая в своем сердце оправдание поступку, столь недостойному истинного кабальеро. Молодые люди ничем не выдали, однако, своих чувств, и вечер прошел непринужденно и весело.

Перед отходом ко сну дон Руис напомнил капитану его обещание дать им конвой для дальнейшего путешествия, в которое брат и сестра, горя желанием скорей вернуться к отцу, намеревались густиться завтра же. Дон Маркос не только отказал молодым людям в конвое, но заявил, что вынужден задержать их на некоторое время в крепости. Понятно, что дон Руис потребовал объяснений, и капитан вынужден был передать ему свой разговор с Твердой Рукой. Дон Руис и донья Марианна слишком близко видели смерть, чтобы рискнуть вторично предпринять одним такое далекое, чреватое опасностями путешествие. Раздосадованный этой новой задержкой, дон Руис спросил капитана, когда полагает он вернуть им свободу.

— О, не беспокойтесь, ваше пленение на затянется, — успокоил его капитан. — Я жду подкрепления из крепости Сан-Эстебан. Как только оно подоспеет — а это будет через семь-восемь дней, — я снаряжу вас в путь с надежным конвоем.

Волей-неволей брату и сестре пришлось покориться. Теперь им оставалось только позаботиться о том, чтобы не очень скучать в эти дни вынужденного ожидания. Задача не из легких, ибо жизнь в пограничном форте, и

сама по себе довольно тоскливая, становится невыносимо однообразной, прямо-таки угрюмой, при угрозе внезапного нападения индейцев, когда ворота всегда на запоре, когда ты повсюду натыкаешься на часовых и тебе, в виде единственного развлечения, предоставляется возможность обозревать через бойницы пустынную равнину.

Между тем капитан, не без основания встревоженный сообщением Твердой Руки, принял в пределах своих ограниченных средств все меры для отражения возможного нападения индейцев. По его распоряжению всем пеонам и мелким землевладельцам*, хозяйства которых были расположены на расстоянии пятнадцати миль в окружности, было предложено переселиться в крепость. Большинство пограничных жителей поняли всю серьезность этого предупреждения. Они быстро собрали свои пожитки, прихватили с собой наиболее ценные вещи и, гоня впереди себя скот, со всех сторон стекались к форту. Поспешность, с которой они откликнулись на предложение капитана, выдавала их смертельный страх перед индейцами.

Немудрено, что двор форта Сан-Мигель оказался вскоре запруженным стариками, молодыми людьми, женщинами, детьми и животными. Жилищ на всех не хватало, множеству людей пришлось ютиться на крепостном дворе, что, впрочем, не представляло слишком больших неудобств в стране, где почти не бывает дождей, где теплые ночи позволяют, не страдая от холода, ночевать под открытым небом.

Капитан разместил как мог это разношерстное общество: женщины, старики и дети поселились в палатках и шалашах. Мужчин, способных носить оружие, стали обучать военному строю и включили в состав гарнизона.

Прирост народонаселения форта требовал увеличения запасов продовольствия, и капитан разослал во все стороны команды за хлебом и другими продуктами. Вместе с этими командами часто отправлялся побродить по окрестностям и дон Руис, а донья Марианна коротала время в обществе своих сверстниц, во множестве появившихся теперь в крепости.

* Крупные помещики содержали на свои средства собственные сильно вооруженные отряды, да и самые асиенды представляли собой небольшие крепости.

Прошло всего лишь десять дней после памятного разговора дона Маркоса и Твердой Руки, а форт Сан-Мигель, превращенный предприимчивым капитаном в грозную крепость, стал совершенно неузнаваем. Форт опоясался теперь глубокими рвами, ошетинился баррикадами. К несчастью, гарнизон форта, достаточный для отражения внезапного нападения, был слишком малочисленным, чтобы выдержать настоящую осаду.

Однажды на рассвете дозорные заметили на горизонте густое облако пыли, с быстротой вихря приближавшееся к форту. Пробили боевую тревогу, на стены высыпали солдаты; все приготовились к бою с невидимым, но, по всей вероятности, вражеским отрядом.

Но вот на расстоянии ружейного выстрела всадники круто осадили коней, а из рассеявшегося облака пыли, к неописуемому восторгу населения форта, показали мексиканские военные мундиры.

Четверть часа спустя восемьдесят улан въезжали в крепость под приветственные крики гарнизонных солдат и беженцев. За спиной каждого всадника сидело по пехотинцу.

Это было подкрепление, посланное из Сан-Эстебана.

Из прошлого одного семейства

В Мексике и теперь еще существуют семейства, — о, очень немного, всего несколько! — с полным основанием ведущие свой род от первых прибывших сюда испанских завоевателей.

Большинство этих семейств и поныне обитает в поместьях, дарованных их предкам. Браки в этих семействах заключаются только в их собственном ограниченном, родственном кругу.

Эти родовитые мексиканцы ведут замкнутый образ жизни. В политические события они вмешиваются лишь в тех случаях, когда затронуты интересы их сословия. Взоры их обращены к прошлому, они сохранили в своем обиходе рыцарские традиции и патриархальные нравы времен Карла Пятого.

В нескольких лье от Ариспы, некогда столицы штата Сонора, а ныне провинциального городка, утратившего все свое величие, повис на высоком скалистом утесе, подобно орлиному гнезду, величественный замок. Его крепкие, словно взлетающие ввысь стены увенчивали горделивые альменас*, украшать которыми свои замки во время испанского владычества разрешалось только старинным, родовитым семействам.

Свидетельство о древности этого замка, воздвигнутого чуть ли не в первые дни завоевания Америки, было вписано в его стены следами множества пуль и

* Альмена — зубец стены.

стрел; но хотя камни цитадели начали уже крошиться под воздействием времени, этого беспощадного разрушителя, не перестававшего орудовать здесь с помощью ветра, солнца и дождя, сам замок оставался собственностью одного и того же семейства, неизменно переходя по наследству из поколения в поколение от старшего к старшему в семье.

Владельцы этого замка — маркизы де Тобар де Могюер — принадлежали к числу именно тех семейств, которые ведут свой род от первых завоевателей Америки. (Строго говоря, их фамилия — де Тобар, а частица «де Могюер»* была приставлена позже, вероятно, в память испанского города, откуда прибыл родоначальник семейства.)

В 1541 году дон Антонио де Мендоса, вице-король Новой Испании, снарядил экспедицию для завоевания Сиболы. О богатствах этого таинственного края, где за несколько лет до этого побывал Альвар Нуньес Кабеса де Вака, кратко именуемый дон Альварадо**, ходили самые фантастические слухи. А как известно, именно такого рода слухи сильнее всего способны были воспламенить корыстные чувства испанских искателей приключений, обуреваемых ненасытной жадой золота.

Семнадцатого апреля 1541 года эта экспедиция в составе трехсот испанцев и вспомогательного отряда из восьмисот индейцев выступила под начальством дона Франсиско Васкес де Коронадо из города Компостелла, столицы штата Новая Галисия. Все офицеры экспедиции принадлежали к высшей знати; среди них, в качестве знаменосца, находился Педро де Тобар, отец которого, дон Фернандо де Тобар, был старшим мажордомом*** королевны Иоанны Безумной, матери императора Карла Пятого.

После бесконечно утомительного похода экспедиция добралась наконец до Сиболы, которая, вместо цветущего и богатого города, каким представляли ее себе испан-

* «Из Могюера».

** Де Вака — один из ближайших помощников Фернандо Кортеса, завоевателя Мексики.

*** Мажордом — в данном контексте управитель королевских дворцов и владений, один из самых высокопоставленных государственных сановников; вообще слово «мажордом» означает «управляющий домом».

цы, оказалась жалким селением, прилепившимся к скалистому утесу. Испанцы овладели Сиболой после боя, длившегося не более часа, хотя индейцы отчаянно защищались и нанесли испанцам тяжелые потери. Среди многочисленных раненых оказался и генерал, командовавший экспедицией; сброшенный наземь с лошади ударом увесистого камня, он неминуемо погиб бы, если бы подоспевшие к нему на помощь дон Педро и еще один офицер не помогли ему выбраться из побоища.

Жажда золота и приключений влекла испанцев дальше; несмотря на то что они были измучены неслыханными лишениями, которые претерпели в походе, и обескуражены жестокими разочарованиями, которые стерегли их на каждом шагу, они решили после взятия Сиболы попытать еще раз счастья и двинуться в глубь страны. На этот раз испанцев вел дон Тристан д'Ареллано, сменивший на посту командующего дона Франциско Васкес де Коронадо, пригвожденного, вследствие своего ранения, к постели в Сиболе. Преодолев снова невероятные трудности, испанцы дошли до страны, которую посетил в конце своего путешествия генерал дон Альварадо. Генерал назвал этот край «Страна Сердец» (Tierra de los Corazones) — не потому, что его обитатели отличались особым добродушием и приветливостью, а потому лишь, что за все время пребывания здесь дону Альварадо не довелось отведать никакой другой пищи, кроме оленьих сердец.

Здесь и кончился поход испанцев. Соблазненный богатством и плодородием этого края, дон Тристан д'Ареллано заложил здесь город и назвал его Сан-Иеронимо-делос-Корасонес. Однако город этот был почти тотчас же заброшен. Испанцы перенесли его немного подальше, где основали город Сенора, который вскоре, вследствие искажения произношения, превратился в город Сонору. Это утвердившееся за ним название распространилось потом на весь край.

Немаловажную роль в этом продолжительном походе сыграл неоднократно отличившийся дон Педро де Тобар. Во главе отряда из семнадцати кавалеристов, четырех пехотинцев и одного францисканского монаха, в дни своей молодости служившего солдатом, дон Педро де Тобар проник в провинцию Туталиако, насчитывавшую семь городков с многоэтажными домами. Все эти город-

ки, точнее — селения, были взяты приступом, а вся провинция покорена в несколько дней.

Когда двадцать лет спустя вице-король решил наградить дона Педро поместьями за его боевые заслуги, последний просил вице-короля выделить ему земли в Соноре, с которой его связывали воспоминания о буйно проведенной молодости. Даже самые лишения, которые он там претерпел, и опасности, которым он там подвергался, влекли дона Педро к этой провинции. К тому же он был уже тогда женат на дочери своего товарища по оружию — дон Родриго Мальдонадо. А дон Родриго поселился в Соноре, что также немало повлияло на решение дона Педро, желавшего основаться поблизости от своего тестя. На месте пепелища давно уже заброшенной Сиболы, на вершине утеса, и воздвиг дон Педро свой величественный замок дель Торо, который с огромными примыкающими к нему землями и угодьями в течение веков оставался в руках его потомков.

Как и все крупные асиенды, дель Торо напоминал скорее город, чем поместье, особенно если принять во внимание смысл, какой придают европейцы понятию «имение». Ведь в состав асиенды дель Торо была включена вся бывшая территория Сиболы; она вмещала господский дом, отделанный с чисто княжеской роскошью, всякого рода мастерские, амбары, казармы, общежития для пеонов, конюшни и загоны для скота, огромный парк, засаженный чудесными деревьями и ароматными цветами. Одним словом, асиенда дель Торо принадлежала — да и теперь еще принадлежит — к числу тех гигантских сооружений, которые словно созданы для жилья титанов. Самые прекрасные замки средневековья могут дать лишь слабое представление о ней.

Не надо забывать, что победители в ту эпоху строились в чрезвычайно редко населенных краях. Помещику было где развернуться. Он, не стеснясь, отхватывал земли, сколько душе было угодно. В результате каждый из них оказывался собственником территории, равной по своей площади целой области какого-нибудь европейского государства, и это никого не удивляло.

События, которым посвящены эта и следующие главы нашего романа, происходили в 1811 году, за двадцать девять лет до вышеописанной встречи брата и сестры де Могюер с Твердой Рукой. Напомним кстати, что это был

год знаменитой мексиканской революции, начало которой в ночь на 16 сентября 1810 года провозгласил Идальго*, тогда еще простой кюре** жалкого селения Долорес. Однако злосчастное сражение при Кальдероне, когда волны необученного индейского воинства разбились о железную стену регулярной испанской армии, нанесло такой, казалось, непоправимый удар делу мексиканской революции, что даже самые дальновидные испанские политики стали рассматривать ее как незначительную вспышку. За эту роковую ошибку испанцы вскоре расплатились крушением своего господства в Мексике.

Но 25 ноября 1811 года, в тот день, когда начинается наш рассказ, повстанцы еще не были разбиты у Кальдероне. Более того, их первые шаги увенчались успехом. Со всех сторон к Идальго стекались индейские добровольцы; численность повстанческой армии — правда, плохо обученной военному строю, но зато воодушевленной энтузиазмом, — достигла уже внушительной цифры в 80 тысяч человек. Идальго стягивал все свои силы с явным намерением нанести противнику решающий удар и тем самым превратить это движение, ограниченное пределами двух провинций, во всеобщее восстание.

Итак, 25 ноября 1811 года, в два часа пополудни, вдоль левого берега наполовину пересохшей речки мчался путник на кровном степном мустанге. Стояла гнетущая жара; одни лишь чахлые кусты прибрежного хлопчатника уцелели от палящего зноя. Густые клубы пыли окутывали всадника, который продолжал свой путь в глубокой задумчивости, не замечая унылого спокойствия окружающей пустыни. Истомленные жарой птицы скрылись в листве, смолк их гомон, и только сумасшедший стрекот кузнечиков, бесчисленными мириадами зудивших в траве, нарушал полуденное безмолвие.

На вид этому путешественнику можно было дать лет двадцать пять. Несколькo надменное выражение лица, хотя и не лишeнного отпечaткa добрoдушия и благожелaтельности, высокий рост и статная фигура, мягкие

* Идальго и Костилло — сельский священник, вождь первого восстания за независимость Мексики. Идальго увлек за собой массы индейцев-крестьян обещанием отобрать у испанских помещиков асиенды и раздать их земли крестьянам. В сражении при Кальдероне Идальго попал в плен к испанцам и был расстрелян.

** Кюре — католический священник.

движения обличали в нем человека, привыкшего к почету и уважению со стороны окружающих. В наряде его не было ничего примечательного. Это был обычный дорожный костюм богатого мексиканца, и только по короткой шпаге в серебряных ножнах с эфесом редкостной работы — единственному, по-видимому, оружию, которое было при нем, — его можно было признать за дворянина. К тому же правильные черты его лица и цвет кожи, значительно более светлый, чем у креолов, не оставляли никакого сомнения в его испанском происхождении. Выехав на рассвете из Ариспы, этот всадник не останавливался в пути ни на минуту. Он был до того углублен в свои, по-видимому, мрачные и тягостные мысли, что не замечал даже удушливого зноя, от которого лицо его покрылось потом. Из этой глубокой задумчивости путника вывел его конь, остановившийся как вкопанный у крутого изгиба дороги, или, вернее, тропы, по которой он следовал. Человек вздрогнул; в его глазах появилось выражение скорби, близкой к отчаянию: он находился у подножия скалистого утеса, на вершине которого вздымалась к небу во всем своем величии асиенда дель Торо.

Несколько минут путник не сводил своего затуманенного печалью взора с этого сурового сооружения, очевидно пробудившего в его душе дорогие воспоминания. Потом, подавив тяжелый вздох, невольно вырвавшийся из груди, он принял окончательное решение.

— Ничего не поделаешь, надо! — пробормотал он и, тронув коня, стал медленно взбираться по узкой горной дорожке, ведущей к воротам асиенды.

Тяжелая борьба чувств, происходившая, по-видимому, в душе молодого человека, отражалась на его подвижном лице; не раз его рука невольным, почти судорожным движением натягивала поводья, выдавая его намерение осадить коня и повернуть назад. Но воля брала верх, и ездок продолжал двигаться вперед, впиваясь пылающим взглядом в дорогу, словно опасаясь столкнуться где-нибудь на повороте тропы с человеком, встречи с которым он желал бы избежать.

Но тропа на всем своем протяжении оставалась пустынной: ни одна живая душа не встретила его на всех ее изгибах. Наконец он добрался до асиенды. Ворота были открыты, подъемный мост спущен, но никто не вышел к нему навстречу, никто не сказал ему «добро

пожаловать», хотя по всему было видно, что его здесь ожидали.

«Так оно и должно быть, — с горечью подумал он. — Нет, не как хозяин и даже не как гость возвращаюсь я в отчий дом, а как беглец, может быть, уже преданный проклятию!»

Миновав подъемный мост, доски которого тяжело загудели под копытами его коня, он въехал в первый двор. И тут ни души, и тут никто не встретил его. Соскочив наземь, всадник вынужден был собственноручно привязать поводья коня к вбитому в стене кольцу.

— Тебе придется подождать меня здесь, мой верный Браво, — тихим, проникновенным голосом произнес он. — Ты ведь здесь тоже нежеланный гость. Потерпи! Должно быть, мы с тобой скоро пустимся в обратный путь.

Благородное животное, казалось, поняло слова своего господина. Как будто разделяя его печаль, мустанг повернул к нему свою тонкую и умную голову и заржал тихо и жалобно. Ответив ему ласковым взглядом, приехавший быстрым и решительным шагом двинулся дальше и, миновав первый двор, вошел во второй, гораздо более обширный. В глубине его, на первой ступени величественной лестницы, ведущей в апартаменты владельца асиенды, застыли в неподвижных позах два человека. При виде их пришелец выпрямился и, придав своему лицу высокомерное выражение, быстро направился к ним.

Слуги, вытянувшись в струнку, не сводили с него глаз. Когда он приблизился к ним на расстояние нескольких шагов, они одинаковым автоматическим движением обнажили перед ним головы и отвесили ему по низкому поклону.

— Его светлость маркиз ждет вас, ваше сиятельство, — промолвил один из них.

— Хорошо, — отозвался таинственный посетитель. — Один из вас пойдет доложить его светлости, что сын явился по его приказу, а другой проводит меня к нему.

Слуги вторично поклонились и с обнаженными головами зашагали впереди молодого человека, следовавшего за ними твердой размеренной поступью. На верхней площадке лестницы один из них быстро пошел вперед. Шум

его шагов гулко отдавался в сводчатых коридорах. Когда он затих, лицо второго слуги вдруг утратило свое безучастное выражение, а в глазах его заблестели слезы.

— Беда, ваше сиятельство! Беда! — повернувшись к приезжему, дрогнувшим от волнения голосом произнес старый слуга. — Надо же быть такой беде!

— А что? — забеспокоился гость. — Что-нибудь случилось? С отцом? С матерью?

Старик отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он, — благодарение Богу! Оба они здоровы. Но зачем, зачем покинули вы, ваше сиятельство, отчий кров? Увы! Теперь уж ничем нельзя поправить дело...

Тень недовольства пробежала по лицу молодого человека.

— Что же случилось здесь во время моего отсутствия? — спросил он.

— Как, вы ничего не знаете? — удивился слуга.

— Разве ты забыл, друг мой, что прошло уже два года с тех пор, как я покинул асиенду?

— Виноват, ваше сиятельство, виноват! Я совсем потерял голову с того времени, как обрушилась на вас эта беда.

— Успокойся, друг мой, я знаю, что ты привязан ко мне. О, ты-то не забыл, — с горечью продолжал приезжий, — что твоя жена, покойная Хуана, была моей кормилицей! Нет, Перот, я ничего не знаю, мне неизвестно даже, почему отец приказал мне без промедления прибыть сюда. Верховому, доставившему мне это письмо, очевидно, приказано было молчать; да я и сам не стал бы его расспрашивать.

— И я не знаю, зачем вас вызвали сюда, ваше сиятельство, но я уверен, что это хорошо известно дону Фернандо.

— А! Брат мой здесь?

— Да, ваше сиятельство, дон Фернандо здесь и уже давно, как здесь! Упаси меня Бог говорить дурное о сыне моего господина, но, право, было бы лучше, если бы он оставался в Гвадалахаре. Все здесь пошло иначе с тех пор, как он вернулся. Берегитесь, ваше сиятельство: дон Фернандо не любит вас.

— А что мне до ненависти брата! — надменно произнес молодой человек. — Разве я не старший в семье?

— Так-то оно так... Конечно, ваше сиятельство старший в семье, да только командует здесь всем ваш младший брат, словно он уже хозяин.

Это сообщение произвело удручающее впечатление на приезжего; но минуто спустя он уже оправился от своего волнения и, дружески опустив руку на плечо старого слуги, тепло произнес:

— Ну-ка, Перот, вспомни девиз нашего семейства! Позабыл? Тогда читай! — И он указал рукой на изваяние щита с гербом, подвешенное над дверью.

— Но вашему сиятельству лучше, чем мне, известен этот девиз, дарованный одному из ваших предков королем Фердинандом Кастильским.

— Разумеется: «Храни свою честь, и будь что будет!» Этот девиз и подскажет мне, как должно поступать. И я никогда... слышишь, Перот?... никогда не нарушу его!

— А все же я снова повторю: берегитесь, ваше сиятельство! Я только старый слуга вашего семейства, но сердце мое холодеет при мысли о том, какой роковой исход может принять для вас предстоящий разговор с его светлостью маркизом.

— Будь спокоен, друг мой, — ответил путник голосом, исполненным благородного достоинства. — Мною будет руководить не только долг перед моими предками, но и долг перед самим собой. Я не выйду из рамок почтительного повиновения моим родителям, но сумею ответить на обвинения, которые, по всей вероятности, посыплются на меня.

— Дай Бог, чтобы вашему сиятельству удалось рассеять несправедливые подозрения, давно уже зародившиеся у вашего благородного родителя, подозрения, подогреваемые тем, кто еще при вашей жизни зарится на ваше богатое наследство.

— Наследство! — воскликнул молодой человек. — Да я с радостью откажусь от него в пользу брата, лишь бы он не посягал на самое дорогое для меня сокровище: любовь ко мне моих родителей!

В ответ старый Перот только глубоко вздохнул.

— Не будем, однако, задерживаться, — продолжал молодой человек, — отцу, вероятно, доложили уже о моем приезде, и всякое мое промедление будет истолковано во зло мне теми, кто в течение стольких лет замышляет мою гибель.

— Вы правы, мы и без того уже слишком замешкались. Следуйте за мной, ваше сиятельство.

— Но куда ты ведешь меня, друг мой? — заметил граф, оглядываясь по сторонам. — Разве апартаменты моих родителей не находятся больше в этом крыле асиенды?

— Конечно, здесь! Нет, не туда должен я проводить ваше сиятельство. Мне приказано, — тихим, подавленным голосом продолжал старый слуга, — проводить вас в Красную комнату.

— Вот как! — прошептал молодой человек. — Значит, мне собираются вынести приговор?

Старик только вздохнул.

После минутного колебания граф де Могюер знаком приказал слуге идти вперед и сам последовал за ним.

В их молчаливом и медленном шествии было что-то торжественное.

Семейный суд

Как и в большинстве феодальных замков, в асиенде дель Торо была комната, которую постоянно держали запертой и отворяли лишь в особо знаменательных случаях.

Сюда приказывал перенести себя глава семьи, почувствовавший близость смертного часа, здесь он умирал, здесь на парадном ложе под балдахином покоились его смертные останки до того, как их выносили на кладбище. Здесь рождались дети, здесь же подписывались брачные контракты*. Короче говоря, в этой комнате совершались все самые важные семейные события. Обитатели асиенды шептались о ней с почти суеверной почтительностью, весьма смахивающей на страх. Ибо во всех тех редких случаях, когда маркизам де Тобар де Мокюер приходилось карать какого-нибудь сородича, семейный трибунал, чинивший суд и расправу, неизменно заседал в этом зале.

Комната эта помещалась в крайнем углу восточного крыла замка и представляла собой обширный продолговатый зал с полом, застланным в шахматном порядке квадратными черными и белыми плитами, с четырьмя высокими окнами, через мозаичные стекла которых проникал слабый и рассеянный свет. Стены этой холодной и мрачной комнаты были завешаны ковром XIV века, что

* Брачный контракт — договор, в котором устанавливаются условия владения и управления имуществом супругов.

придавало ей сходство с величественной фамильной усыпальницей. Мастерски вытканый ковер этот изображал различные эпизоды битвы под Хересом*, которая, как известно, стоила жизни последнему вестготскому** королю дону Родриго и отдала Испанию под владычество мавров. Вероятно, этот зал потому и прозвали Красной комнатой, что в ткани украшавшего ее ковра преобладал красный цвет.

Нога молодого графа де Тобара никогда не переступала порога этой комнаты. Роясь в своих самых дальних воспоминаниях, он не мог припомнить, чтобы дверь ее оставалась когда-нибудь незапертой. Неудивительно, что графу, призвавшему на помощь все свое мужество для предстоящей встречи с отцом, невольно стало немного жутко, когда он узнал, где примут его родители.

Дверь была открыта настежь; уже с порога молодой человек мог окинуть взглядом всю комнату. На крайнем конце зала, на небольшом возвышении, устланном петате***, под черным бархатным балдахином, окаймленным золотистой бахромой, сидели маркиз и маркиза, храня угрюмое молчание. Колеблющееся пламя свечей, зажженных в вычурных канделябрах, падало на стариков, придавая их лицам, быть может, и несвойственную им суровость. Рядом с возвышением, почти касаясь его, стоял красивый молодой человек лет двадцати трех-двадцати четырех, высокий, с тонкими и благородными чертами лица. Изысканность его наряда подчеркивалась незатейливой одеждой обоих стариков. То был младший сын маркиза, Фернандо де Тобар.

Слуга, стоявший у порога Красной комнаты, увидя подошедшего графа, торжественно выступил вперед.

— Его сиятельство граф Родольфо де Тобар де Могюер! — доложил он, старательно отчеканивая каждое слово.

* Херес — город в Испании (провинция Андалузия); он и доньне обнесен хорошо сохранившимися мавританскими стенами.

** Вестготы — западная ветвь германского племени готов. В 401 — 410 годах под предводительством Алариха завоевали Италию; вскоре заняли Испанию, где образовали государство, в начале VIII века завоеванное маврами.

*** Петате — плетеный ковер.

— Просите войти графа Родольфо де Тобар де Могюер, — ответил маркиз немного уже надтреснутым, но все еще громким голосом.

Слуга посторонился, а граф снял шляпу и, отвесив по почтительному поклону отцу и матери, вошел в зал.

Слуга незаметно удалился, заперев за собой дверь.

Граф медленно приближался к возвышению; подойдя почти вплотную к нему, он остановился, вторично поклонился, выпрямился и застыл в почтительном ожидании родительского слова. На какое-то мгновение в комнате воцарилась такая тишина, что, кажется, можно было слышать биение сердец четырех собравшихся здесь людей.

Дон Фернандо с насмешливым любопытством поглядывал украдкой на старшего брата, а обращенные к сыну глаза престарелых родителей были полны суровой печали.

В позе графа, исполненной достоинства, не было ничего вызывающего: чуть согбенная фигура с выдвинутой вперед правой ногой, немного откинута назад и едва наклоненная набок голова, взор честный и прямой, но без тени бахвальства и дерзости. Одна рука графа покоилась на эфесе сабли, а другая держала на весу шляпу с пером.

Заметно побледнев от внутреннего волнения, молодой человек терпеливо ждал. Графа нельзя было принять, судя по выражению его лица, за подсудимого; напротив, он производил впечатление человека, убежденного в своей правоте и заслуживающего скорее одобрения, чем порицания.

— Явились, наконец, ваше сиятельство! — язвительно произнес маркиз.

Граф ответил молчаливым поклоном.

— Однако вы не очень спешили откликнуться на мое приглашение.

— Ваша светлость, я только вчера поздно ночью получил письмо, которым вы изволили почтить меня, — кротко ответил граф. — А сегодня на рассвете я был уже на коне и сделал двадцать лье без единой остановки — так спешил я исполнить ваше повеление.

— О да, — не без горечи произнес маркиз, — я знаю, что если не на деле, то на словах вы — примерный сын.

— Простите, ваша светлость, — почтительно ответил граф, — но я не пойму, на что, собственно, вы намекаете?

Губы старика сложились в недовольную гримасу.

— Вероятно, потому, — сухо ответил он, — что мы с вами говорим на разных языках. Впрочем, я постараюсь выразиться яснее.

Наступило молчание: маркиз, по-видимому, собирался с мыслями.

— Граф, — начал он через несколько мгновений, — как старший в семье вы обязаны больше других блюсти незапятнанной честь, завещанную нам предками. Вам это известно, надеюсь?

— Известно, ваша светлость.

— Сударь! Ваша святая мать и я не жалели трудов, чтобы привить вам с малых лет понятия рыцарской чести, это самое драгоценное достояние нашего рода, бережно пронесенное через века многими его поколениями. Мы не уставали повторять вам прекрасный девиз наших предков, девиз, которым так справедливо гордится наша фамилия. Как же это могло случиться, что вы, милостивый государь, презрев свой фамильный долг и наши наставления, покинули внезапно отчий кров, не спросив даже нашего разрешения? Как же это могло случиться, что без всякой уважительной причины, не внемля мольбам и слезам вашей матери и вопреки моему формальному запрещению, вы позволили себе жить своей жизнью и стать чужим для нашего семейства?

— Ваша светлость... — начал было молодой человек.

— Заметьте, дон Родольфо, — живо прервал его маркиз, — я не обвиняю вас, но я жду правдивого и честного объяснения. Говорите ясно и откровенно, ничего не тая. Я этого требую.

— Ваша светлость, — отвечал граф, гордо вскинув голову, — совесть моя чиста, я не совершал ничего, недостойного имени де Тобар де Могюер. А приказ ваш я поспешил исполнить не потому, что хотел оправдаться перед вами, ибо не чувствую за собой никакой вины, а для того лишь, чтобы вы убедились в моем сыновнем послушании.

При этих словах графа дон Фернандо недоверчиво ухмыльнулся.

— Я ожидал другого ответа, — снова заскрипел маркиз. — Я надеялся, что вы поспешите ухватиться за предоставленную вам, по доброте моей, возможность оправдаться.

— Ваша светлость, — почтительно, но твердо ответил граф, — прежде чем оправдываться в каких-либо обвинениях, надо узнать, в чем они заключаются.

— Хорошо, не будем настаивать на этом. Но вы уверяете меня, сударь, в своем уважении ко мне. Так вот, я хочу немедленно доставить вам случай доказать ваше сыновнее послушание.

— Приказывайте, ваша светлость, — радостно воскликнул молодой человек, — и чего бы вы ни потребовали от меня...

— Напрасно так торопитесь, — ледяным тоном прервал его маркиз, — ведь вы не знаете, чего я потребую от вас.

— Это потому, ваша светлость, что я несказанно рад случаю доказать вам, как далек я от возводимых на меня обвинений.

— Пусть так!.. Мне остается только поблагодарить вас, сударь, за ваши хорошие чувства и без промедления объявить вам, чем можете вы снискать снова наше доброе расположение.

— Говорите, говорите, ваша светлость!

Взгляд старика все еще сохранял свою надменную суровость, а маркиза, вынужденная в присутствии мужа скрывать свои чувства, не спускала с графа своих глаз, заблестевших от навернувшихся слез. Дон Фернандо продолжал украдкой усмехаться, а дон Родольфо, несмотря на высказанную им радость, почувствовал, как замирает в страхе его сердце от предчувствия западни, очевидно, таившейся под притворной благосклонностью отца.

— Сын мой, — заговорил маркиз голосом, в котором на этот раз пробивалась печаль, — ваши родители стареют. В нашем возрасте годы ведут ускоренный счет; каждый шаг приближает нас к могиле, которая не замедлит поглотить нас.

— Ради Бога, отец! — невольно воскликнул Родольфо.

— Не прерывайте меня! — резко оборвал его маркиз. — Сын мой, — продолжал он, — вы — наш перве-

нец, надежда нашего рода, наследник нашей фамилии. Вам уж двадцать пять лет: это возраст, когда в душе человека созревают самые благородные порывы, возраст, когда на смену ушедшей юности только потому не приходит еще настоящая возмужалость, что человек не познал еще ни любви, ни страданий, ни разочарований, приносимых плаванием по житейскому морю, ни святых утех семейной жизни... Сударь, — продолжал после мгновенной паузы маркиз, — вы обладаете всеми достоинствами подлинного дворянина: красивой и статной внешностью и чисто рыцарской доблестью. Мы вправе гордиться вами...

Снова наступила краткая пауза. Лицо дона Родольфо бледнело все больше и больше... Его растерянный взгляд ловил глаза матери, а та нарочно опускала их, чтобы не выдать сыну своей тревоги. Граф уже догадывался, какую жертву потребует от него отец, и сердце его усиленно билось от волнения и отчаяния.

Голос старика приобрел прежнюю властность, когда он снова заговорил:

— Сын мой, быть может, недолго осталось нам ждать того часа, когда Господу угодно будет призвать нас к престолу своему. Нам не хотелось бы отправиться в этот далекий путь, не унося с собой в утешение уверенности, что род Могюеров не умрет вместе с нами, а будет жить в наших потомках. Пришел час, когда должно осуществиться неоднократно выраженное нами желание. Дни ваших родителей сочтены, вы должны своей женитьбой дать им спокойно умереть.

— Отец...

— Успокойтесь, сын мой, — продолжал старик, делая вид, что он иначе понял тревогу сына, — я не собираюсь принуждать вас к одному из тех браков по расчету, в результате которого между супругами, в силу безотчетного отвращения их друг к другу, неизбежно возникает взаимная ненависть. Нет, ваши родители с чрезвычайной осмотрительностью выбирали вам супругу. Она молода, хороша собой, и род ее своей знатностью не уступает нашему. Одним словом, она соединяет в себе все необходимое, для того чтобы осчастливить вас и одновременно придать новый блеск нашему дому.

— Отец... — снова заговорил было дон Родольфо.

— Сын мой! — продолжал маркиз таким торжественным тоном, словно он не сомневался, что имя, которое он произнесет сейчас, преодолет последние колебания сына. — Радуйтесь, сын мой, вы женитесь на донье Орелио де Торре-Аскуль, кузине по боковой линии нашего родственника, маркиза дель Валль*.

Теперь заговорила маркиза.

— Сын мой, — взмолилась она, — уступив желанию отца, вы усладите этим союзом и последние дни моей жизни!

Смертельная бледность покрыла лицо графа, нервная дрожь пробежала по его телу; ноги отказывались служить, его глаза растерянно блуждали по сторонам, его рука судорожно прижималась к груди, словно хотела умерить биение его сердца.

— Вам известна теперь моя воля, — продолжал между тем старик, делая вид, что не замечает душевного состояния сына. — Надеюсь, вы исполните ее. А теперь вам пора отдохнуть: путешествие верхом в такую жару, должно быть, сильно утомило вас. Можете удалиться в свои апартаменты, а завтра мы подумаем о том, как бы вам поскорее познакомиться с вашей невестой.

После этих слов, произнесенных все тем же холодным и повелительным тоном, маркиз привстал с очевидным намерением покинуть комнату. В этот момент графу удалось невероятным усилием воли сдержать клокотавшую в его душе бурю.

— Простите, ваша светлость, — напрасно силясь сохранить внешнее спокойствие, произнес он, — но мне надо сказать вам несколько слов.

— Разве вы не слышали? Я сказал: «завтра», — сухо ответил маркиз.

— Конечно, слышал, ваша светлость, но, увы, если вы не пожелаете выслушать меня сегодня, завтра, быть может, будет слишком поздно.

— Вот как! — воскликнул старик, кусая губы от подступавшего бешенства. — А почему, позвольте вас спросить?

* Наследственный титул маркиза дель Валль дан был конкистадору Фернандо Кортесу в награду за завоевание Мексики. Многие из его потомков и доньне существуют еще в Америке. (Примеч. автора.)

— Потому, — твердо отвечал граф, — что до завтра я покину этот замок с тем, чтобы никогда больше не возвращаться сюда.

В серых глазах старика сверкнул гнев.

— Ага! Так, значит, это правда? Все то, что мне рассказывали, истина.

— Что же рассказывали вам, ваша светлость?

Старик был вне себя от ярости.

— Хотите знать? Что же! Может быть, вы и правы: к чему все эти подходы, пора прекратить эту жалкую комедию!

— Сударь, сударь! — скорбно воскликнула маркиза. — Не забываете... он ваш сын, ваш первенец!

— Молчите, сударыня! — грубо прикрикнул на нее маркиз. — Слишком долго этот блудный сын насмехался над нами! Час возмездия пробил! Клянусь Богом, он будет примерно и жестоко наказан!

— Во имя неба, сударь, — молила маркиза, — не будьте так жестоки! Позвольте мне поговорить с ним! Вы слишком строги в своей любви к нему, а я сумею уговорить его и склонить к послушанию. Мать всегда найдет в своем сердце слова, способные смягчить самую непокорную душу.

После минутного колебания старик овладел собой.

— Не могу, маркиза, ни к чему это, — сказал он с неожиданно прорвавшейся ноткой жалости в голосе. — Этот бунтарь унаследовал одну только черту, вернее — порок, нашего фамильного характера: упрямство! Вы ничего не добьетесь от него.

— О нет, нет, позвольте мне поговорить с ним! В конце концов, он не только ваш, но и мой сын. Я никогда не отказывала вам в своем повиновении. Так сделайте это во имя моей любви к вам! Умоляю вас, позвольте мне в последний раз попытаться сломить его упрямство! Может быть, мне удастся вызвать его раскаяние.

— К тому же, ваша светлость, — заговорил вдруг дон Фернандо, до сих пор игравший роль безучастного свидетеля всей этой сцены, — может быть, мы и ошибаемся: мой брат дворянин и слишком знатного рода, чтобы совершить проступки, которые ему приписывают. Не судите же Родольфо, отец, не выслушав его!

— Прекрасно, Фернандо! Это хорошо, дитя мое, что ты заступаешься за своего брата, — улыбнулась сквозь слезы мать, обманутая словами младшего сына.

— Конечно, я люблю брата, — не без ехидства отозвался дон Фернандо, — и не позволю осудить его без доказательств его вины. Правда, не подлежит сомнению, что Родольфо соблазнил дочь старшего касика* племени опатосов, но этот общеизвестный факт сам по себе не имеет никакого значения. Я никогда, однако, не поверю, что Родольфо женился на этой твари, точно так же, как не поверю другой клевете: будто наш Родольфо не только близкий друг кюре Идальго, но является еще одним из самых деятельных и влиятельных поборников его движения в провинции Сонора. Нет, и тысячу раз нет! Кровный кастильский дворянин из рода де Тобар де Могюер не способен на такое низкое отступничество, он не может предать забвению понятия чести, завещанные ему предками! Ну же, Родольфо, ну же, брат мой, поднимите выше голову, уличите клеветников! Одно ваше слово, одно ваше громогласное «нет», брошенное в лицо всем тем, кто осмеливается посягнуть на вашу репутацию, — и буря рассеется, отец заключит вас в свои объятия, и все будет позабыто.

Эта елейная речь вызвала взрыв негодования в душе графа, мгновенно раскусившего коварное лицемерие брата. При первых же словах его Родольфо вздрогнул, как от укуса змеи. Но постепенно гнев уступал место презрению; напыщенный, ядовитый конец речи дона Фернандо граф слушал уже с пренебрежительной улыбкой на лице.

— Видите, сын мой, — сказал маркиз, — все тут вступаются за вас, один лишь я обвиняю... Что же скажете вы в свое оправдание?

— Ничего, — сухо ответил граф.

— Ничего? — гневно вскричал старик.

— Да, отец: ничего! Все равно вы не стали бы слушать меня; а если бы и выслушали, все равно не поняли бы меня. О, не потому, конечно, — поспешил добавить граф, заметив протестующий жест отца, — что у вас не хватает ума, а потому, что этому помешает ваше высокомерие. Избалованный привилегиями знати, вы привыкли

* К а с и к — индейский вождь.

судить с особой точки зрения и людей и события, у вас выработалось своеобразное понятие о чести...

— Что же, сударь, по-вашему, на свете существуют две чести? — вырвалось невольно у маркиза.

— Нет, отец, — спокойно ответил Родольфо, — честь, конечно, одна, но понимают ее по-разному. Только что, например, мой брат высказал, ничуть не возбудив при этом вашего негодования, мысль, что дворянину позволительно соблазнить молодую девушку и превратить ее в свою любовницу, но непозволительно взять ее в жены, ибо этим он запятнал бы честь своего рода. Очевидно, дон Фернандо глубоко проник в суть вопроса, и не мне спорить с ним. Тем лучше, вы сами сказали отец: «пора кончать». Будь по-вашему. Я не намерен вступать в неравную борьбу с вами. Когда я прочел ваше послание, я тотчас же понял, зачем вы вызываете меня; я знал заранее, какой приговор ожидает меня. И все же, как видите, я покорно откликнулся на ваш приказ. В чем обвиняют меня? В том, что я вступил в брачный союз с дочерью одного индейского касика? Что ж, это правда, объявляю об этом во всеуслышание. Своим происхождением она, быть может, не менее знатна, чем я, но сердце ее, во всяком случае, благороднее моего. Что же еще вменяют мне в вину? То, что я друг Идальго и один из его ближайших сподвижников? И это правда! Я горжусь дружбой, которой он осчастливил меня; я ставлю себе в заслугу, что разделяю свободолюбивые стремления моего народа, хотя вы и считаете их преступными. Эта земля, открытая и завоеванная нашими предками, стала нашим отечеством. За эти три века мы перестали быть испанцами, мы превратились в мексиканцев. Час борьбы настал! Пора свергнуть, наконец, иго Испании, этой так называемой родины, которая жиреет на нашей крови, упивается нашими слезами, обогащается нашим золотом! Я знаю, с какой силой обрушится на меня после этих слов ваш гнев, знаю, какое суровое наказание ожидает меня. Мое сердце разрывается от боли... Бог свидетель, я глубоко люблю и уважаю вас. Но в моем великом горе у меня остается все же одно утешение: верный девизу предков, я всем пожертвовал ради чести. Совесть моя чиста, и настанет, быть может, день, когда вы, поняв, что я не погрешил против нашей фамильной чести, простите меня.

— Никогда! — вскричал маркиз. Раскаты его голоса загревели с особой силой после вынужденного молчания во время речи сына. — Никогда! Подите прочь! Знать вас больше не хочу!.. Вы больше мне не сын! Прочь отсюда, негодяй, я...

— Во имя Бога, — вскричала маркиза, бросаясь на шею мужу, — только не проклинайте его: несчастный и так уж достаточно наказан!.. Никому не дано права проклинать, и меньше всего отцу. Берегитесь, Бог отомстит вам за него!

На несколько мгновений маркиз погрузился в угрюмое молчание; потом простер руки к сыну и с грустью произнес:

— Идите, и да хранит вас Бог! Отныне у вас нет больше семьи. Прощайте!

Граф едва держался на ногах; шатаясь под тяжестью приговора, он молча вышел из комнаты.

— Сын мой! — душераздирающим голосом воскликнула маркиза. Обезумев от горя, она бросилась было за ним, но безжалостный старик грубо схватил ее за руку.

— У вас один только сын, сударыня! — взвизгнул он. И, указав на лицемерно склонившегося перед нею Фернандо, добавил. — Вот он!

Разбитая горем маркиза, отчаянно вскрикнув, упала без чувств к ногам старика. Но тот, в свою очередь, измученный душевной борьбой между велениями гордости и отцовской любовью, бессильно свалился в кресло и, закрыв лицо руками, глухо зарыдал. А дон Фернандо бросился из комнаты вслед за графом не для того, чтобы вернуть или утешить брата, а для того только, чтобы скрыть радость, вспыхнувшую на его лице при роковой развязке интриги, узлы которой он с чисто дьявольским терпением так долго завязывал.

Два брата

Из Красной комнаты дон Родольфо вышел с сокрушенным сердцем, с пылающей, как в огне, головой. Тяжело переживая вынесенный ему приговор, он опрометью, словно подхлестываемый отцовским гневом, кинулся прочь с намерением как можно скорее и навсегда покинуть асиенду. Его мустанг стоял на том же месте, где он оставил его. Молодой человек отвязал коня, схватил повод, но в тот миг, когда он уже вдел ногу в стремя, чья-то рука тяжело опустилась на его плечо. Дон Родольфо вздрогнул, словно от прикосновения раскаленного железа: перед ним стоял его брат. Гневный румянец залил лицо графа, его руки судорожно сжались, глаза сверкнули; ему удалось, однако, усилием воли сдержать себя.

— Что вам угодно, брат? — твердо произнес он с подчеркнуто ледяным спокойствием.

— Пожать вам на прощание руку, — плаксивым голосом ответил дон Фернандо.

Граф с минуту глядел на него с нескрываемым презрением; отстегнув затем шпагу от своего пояса, он протянул ее брату.

— Возьмите, Фернандо, — с усмешкой произнес он, — эта шпага по праву принадлежит теперь вам; ведь отныне вы один будете носить фамилию и титул нашего семейства. Вот вы и дождались моего наследства, вот и увенчались успехом ваши желания...

— Брат... — пролепетал было дон Фернандо.

— Заметьте: я ни в чем не упрекаю вас, — немного свысока продолжал дон Родольфо. — Пользуйтесь спокойно моим имуществом. Дай Бог, чтоб оно не легло в будущем слишком тяжелым бременем на ваши плечи; дай Бог, чтобы воспоминания о дурном поступке не отравили последних дней вашей жизни. Прощайте! На этой земле мы больше никогда не встретимся.

С этими словами дон Родольфо уронил на землю шпагу, не принятую братом, вскочил в седло и поскакал во весь опор, ни разу не обернувшись на стены замка, в котором он некогда родился и из которого был изгнан отныне навсегда.

Несколько мгновений побледневший дон Фернандо простоял с опущенной головой, подавленный стыдом от сознания низкого поступка, который он не постеснялся совершить. Муки совести уже начали терзать его душу...

Когда топот коня дон Родольфо замер, наконец, в отдалении, дон Фернандо поднял голову, отер пот, выступивший на его лице, и подобрал шпагу, брошенную к его ногам.

— Бедняга! — пробормотал он. — Я очень виноват перед тобою, Родольфо...

Тяжело вздохнув, он медленно поплелся в замок.

Дон Родольфо де Могюер сдержал свое слово: он никогда больше не возвращался в асиенду дель Торо. Никто никогда не слышал ничего о нем. Даже самые близкие его друзья не видели графа со времени последнего посещения им асиенды; никто не знал, что случилось с ним. Год спустя несколько индейцев, уцелевших после побоища у моста Кальдероне, где повстанцы были разбиты испанским генералом Каллеха, распространили слух, что дон Родольфо, сражавшийся бок о бок с Идальго, был убит во время отчаянной атаки, предпринятой им против центра расположения испанских войск, с целью спасти пошатнувшееся положение повстанцев. Этот слух, однако, не подтвердился. Энергичные поиски, произведенные по распоряжению молодого маркиза на поле битвы, не дали никаких результатов: тело графа не было найдено среди павших в бою. Судьба дон Родольфо продолжала оставаться неизвестной.

Дон Фернандо между тем по приказу отца принял титул брата, взял себе в жены донью Орелию де Тор-

ре-Асюль, предназначавшуюся его отцом для дона Родольфо.

Маркиз и маркиза прожили еще несколько лет; маркиз скончался почти вслед за маркизой. Оба они унесли с собой в могилу, словно яд отравленной стрелы, угрызения совести за изгнание из семьи их первенца. Но маркиз, непримиримый до последнего своего часа, ни единым вздохом не выдал своей душевной боли; он так и умер без имени сына на устах. К тому же сбылась заветная мечта маркиза: он сошел в могилу с сознанием того, что его род будет жить в появившихся на свет внуках.

На похоронах обоих стариков многие заметили затесавшегося в толпе человека, закутанного в широкий плащ; но широкополая шляпа, низко надвинутая на глаза, не позволяла разглядеть его лицо. Так никто и не знал, кто был этот человек. Один только старый пеон уверял, что он признал в нем дона Родольфо. Но был ли это действительно изгнанник, явившийся отдать последний долг своему отцу и пролить слезу над его могилой? Появление незнакомца было столь неожиданным, а его исчезновение столь внезапным, что не представлялось никакой возможности проверить уверения старого слуги.

Время шло, важные события следовали одно за другим, но о доне Родольфо по-прежнему ничего не было слышно, и все окончательно утвердилось в мысли, что он умер, а вскоре и совсем позабыли о нем.

Таким образом, дон Фернандо без какой-либо тяжбы унаследовал все фамильное имущество и титул семейства де Могюер.

Маркиз дон Фернандо не был таким плохим человеком, каким мог представить его себе наш читатель, судя по тому невыгодному облику, в котором этот младший отпрыск семейства де Могюер впервые предстал перед ним. Все случилось из-за того, что дону Фернандо как младшему сыну была уготована злая участь — быть постриженным в монахи. В душе честолюбивого молодого человека, всеми фибрами своего существа тянувшегося к жизни, вспыхнуло возмущение против этого жестокого и несправедливого фамильного обычая, осуждавшего его на заключение в монастыре и тем самым лишавшего его всех радостей жизни.

Нет никакого сомнения, однако, что, подчинись дон Родольфо всем требованиям своего положения старшего в семье, дону Фернандо и в голову не пришла бы мысль оспаривать права старшего брата на наследство. Но дон Родольфо пренебрег всеми старинными традициями семейства: он женился на индианке, примкнул к «бунтовщикам», и дон Фернандо поспешил ухватиться за счастливый случай, неожиданно и кстати представленный ему судьбой. Он не считал, что совершает дурной поступок, полагая, что, согласно фамильному праву, ему надлежит занять место, которым пренебрегает старший брат, по всей видимости, очень мало дороживший титулами и богатством. Так уже заведено в этом мире, что человек, совершивший недостойный поступок, начинает подыскивать всяческие оправдания, старается убедить самого себя, что он должен был поступить именно так, а не иначе.

В одном только дон Фернандо не смог сознаться самому себе — в том, что этот «счастливый случай» представился ему благодаря его же собственному старанию. Ведь это он истолковал в дурную сторону все поведение брата, он отравлял любовь отца к старшему сыну, он подготавливал издали приговор, произнесенный, наконец, в Красной комнате.

И какие странные противоречия гнездятся в человеческом сердце! Дон Фернандо по-своему любил и жалел брата, ему хотелось удержать брата от падения в пропасть, куда он сам же толкал дону Родольфо. Лишь только дон Фернандо завладел титулом и достоянием семейства де Могюер, он предпринял энергичные розыски брата: молодому маркизу хотелось разделить имущество с братом, заслужить его прощение. К несчастью, это желание пришло слишком поздно: дон Родольфо бесследно исчез, и раскаявшийся маркиз был обречен на бесплодные муки совести.

Иногда дон Фернандо, терзаемый вечно преследовавшим его воспоминанием о сцене в Красной комнате, спрашивал самого себя, не лучше ли было ему в свое время откровенно объясниться с братом. Быть может, Родольфо, скромные вкусы которого так резко расходились с традициями знатного рода, сам добровольно отрекся бы в его пользу от прав старшинства.

Одним словом, маркиз при всем своем богатстве, несмотря на любовь к нему прелестной жены, сделавшей

его отцом двух детей, не был счастлив. Нигде, даже в самом веселом кругу, он не мог забыться, и тайная рана, глодавшая его сердце, не только не затягивалась, но все более растравлялась.

В то же время, благодаря невероятно стремительному движению политической жизни Мексики, положение приверженцев испанского господства становилось со дня на день все более опасным и критическим.

В задачу нашего повествования не входит выяснение причин мексиканской революции; мы не станем также описывать ход военных операций, которые кончились для Мексики завоеванием независимости, а для испанской короны — потерей колонии, столько веков служившей неисчерпаемым источником ее обогащения.

Пора вернуться к прерванному нами рассказу. В начале 1822 года в Мексике, почти вслед за провозглашением независимости, началась эра пронунсиаменто. После недолговечного царствования императора Итурбида в Мексике утвердился республиканский образ правления, точнее говоря — правление военщины. Мексиканские президенты с головокружительной быстротой сменяли друг друга, свергаемые армией, насчитывавшей двадцать четыре тысячи офицеров при двадцати тысячах солдат. В этой смуте Мексика растрясла свои богатства, ее торговля упала, города превращались в руины, от бывшего блеска страны сохранились лишь жалкие остатки да еще разве довольно туманные воспоминания.

Во время войны за независимость сильно пострадали осевшие в Мексике испанцы, имения которых были частью сожжены, частью конфискованы повстанцами. Роковой декрет 1827 года, изгонявший испанцев из Мексики, нанес последний, непоправимый удар их имуществу. Эта мера должна была в первую очередь поразить маркиза де Могюера. Правда, он прилагал все старания, чтобы не вмешиваться в политику, не примыкать ни к одной из партий, не выступать «за» или «против» правительств, сменявшихся одно за другим в освобожденной Мексике. Но удержаться долго на такой позиции с шансом на успех было почти невозможно, и маркизу пришлось волей-неволей поступиться своей дворянской спесью. Дело в том, что все его состояние, как на беду, состояло из

поместий и приисков, и высылка из Мексики грозила ему полным разорением. Друзья советовали ему отречься от Испании и заявить во всеуслышание о своей преданности мексиканскому правительству. Маркиз вынужден был последовать этому совету.

По ходатайству некоторых лиц, пользовавшихся доверием тогдашнего президента республики, дону Фернандо разрешено было остаться в стране и принять мексиканское подданство.

Но дела маркиза все же сильно пошатнулись. После крушения испанского владычества его состояние пришло в расстройство. На всем протяжении десятилетней войны против испанцев земли асиенды не возделывались, а рудники, оставшиеся без рабочих, постепенно затопляло водой. Надо было предпринять дорогостоящие работы, чтобы пустить их снова в ход. Положение становилось серьезным, а для большого барина, привыкшего швырять деньгами, прямо-таки критическим. Приходилось считать каждый грош, чтобы сводить концы с концами.

Эта борьба с омерзительным призраком нищеты, неминуемо надвигавшейся на маркиза, в конце концов возмутила его гордость; дон Фернандо готов был бросить все на произвол судьбы. Но любовь к детям вернула ему утраченное было мужество. Он решил встретить грозу лицом к лицу. Подобно тем разорившимся дворянам, которые пахали землю со шпагой на поясе, дабы никто не сомневался в их происхождении, маркиз стал заправским помещиком и золотопромышленником. Другими словами, он превратил свои поместья в сельскохозяйственные предприятия, занялся коневодством и разведением скота и одновременно приступил к работам по осушению затопленных рудников.

К несчастью, для успешного осуществления всех этих работ маркизу не хватало двух вещей: специальных знаний, а главное, наличных денег, без которых никакое дело не пойдет.

Маркиз вынужден был нанять опытного управителя и занять деньги под залог земли.

Несколько лет все, казалось, шло хорошо. Управитель, дон Хосе Паредес, с которым нам придется еще неоднократно встречаться в дальнейшем, принадлежал к той категории людей, которым цены нет. Почти вся жизнь их проходит в поле на коне, от их взора ничто не

ускользнет, они прекрасно разбираются в различных сельскохозяйственных культурах и могут безошибочно, с точностью до одного арроба*, предсказать, какой урожай способно принести то или иное поле.

Но если земли маркиза стали под наблюдением опытного управителя приносить доход, то совсем иначе обстояло дело с приисками.

Надо сказать, что к этому времени непокоренные индейцы, воспользовавшись мексиканской смутой, перешли границу и отвоевали часть территории, отнятой у них некогда испанцами. Индейцы прочно обосновались на отвоеванных землях и закрыли туда доступ мексиканцам.

Таким образом, маркиз лишился своих самых богатых приисков, очутившихся на индейской территории. Другие его рудники были полностью затоплены, и, хотя восстановительные работы были уже начаты, трудно было предсказать день, когда они снова начнут давать доход. Другими словами, все, что приносило маркизу сельское хозяйство, поглощалось приисками. Дела маркиза все ухудшались, все глубже и глубже засасывала его пучина долгов.

Маркиз, состарившийся не столько под бременем годов, сколько от горя и забот, не смел без страха заглянуть в будущее, в котором не видел никакого просвета. Он превратился в сумрачного, угрюмого и безмолвного наблюдателя упадка и разорения своего дома; подобно мореплавателю, потерявшемуся без компаса в безбрежном океане, он тщетно гадал, откуда может прийти к нему спасительная помощь. Но, увы, время шло и не приносило ничего нового маркизу, если не считать все растущего стеснения в средствах и надвигавшейся угрозы разорения. К довершению всего от маркиза стали удаляться друзья и родственники; с тем холодным равнодушием, которое, кажется, является законом организованного общества, где лозунг «каждый за себя» действует с такой же неумолимостью, как и свирепый закон войны — *vae victis***, они предоставили ему полную свободу выкарабкиваться самому из беды.

Маркиз отнесся к этому новому удару с тем благородным хладнокровием, которое характерно для людей

* Арроб — мера веса, равная 11,5 килограмма.

** *Vae victis* (лат.) — горе побежденным.

сильных духом. В это время он проживал в асиенде один со своим сыном; жена его скончалась уже несколько лет назад, а дочь воспитывалась в женском монастыре в городе Сан-Росарио. Вместо того, чтобы изводить себя и сына слезливыми и бесплодными жалобами на черную неблагодарность людей, многие из которых были ему чем-нибудь да обязаны, маркиз приобщил сына к управлению имением и принялся за дело с удвоенным рвением.

За несколько месяцев до выстрела, с которого начинается первая глава нашей повести, злой судьбе маркиза не то чтобы окончательно надоело преследовать его, но словно захотелось дать ему небольшую передышку. Вот как взялась она за это дело, которое должно было осветить лучом надежды туманное небо, нависшее над семейством де Могюер.

Однажды утром в асиенду примчался незнакомец. Он прибыл, по-видимому, очень издалека верхом на муле, ведя на поводу второго мула, нагруженного двумя тюками. Едва очутившись в первом дворе, незнакомец бросил одному пеону поводья вьючного мула, крикнув ему при этом: «Для сеньора Фернандо де Могюер!» Не дожидаясь ответа, он повернул мула и, пустившись обратно вскачь, исчез из виду, прежде чем пеоны пришли в себя от изумления. Слуги поспешили доложить маркизу о случившемся, а тот приказал разгрузить мула и принести тюки в его кабинет. В каждом из них оказалось по двадцати пяти тысяч золотых пиастров. На сложенном вчетверо листе бумаги, найденном в одном из тюков, было начертано одно только слово: «Возврат».

Все розыски, предпринятые по распоряжению маркиза, ни к чему не привели: незнакомец бесследно исчез. Маркизу поневоле пришлось оставить у себя эту огромную сумму денег, доставшуюся ему столь странным образом, но вместе с тем как нельзя более кстати: как раз на следующий день ему предстоял весьма крупный платеж. Тем не менее дону Руису и управителю пришлось долго убеждать маркиза, прежде чем он согласился воспользоваться этим золотом.

Обрадованный таким счастливым поворотом судьбы, дон Фернандо разрешил дону Руису отправиться в Росарио за своей сестрой. Это была давняя мечта отца и

сына, осуществление которой все откладывалось из-за трудности такого путешествия.

Теперь мы получили возможность возобновить прерванную нить нашего рассказа. Мы надеемся, что читатель простит нам это длинное отступление, необходимое для понимания дальнейших событий.

Мы начнем с того, что введем нашего читателя в асиенду дель Торо за несколько часов до приезда туда дона Руиса и его сестры, то есть около трех недель спустя после того, как мы оставили их в стенах форта Сан-Мигель.

Появление новой особы

Провинция Сонора, раскинувшаяся на берегах Тихого океана, часто овеивается благотворными морскими ветрами, которые время от времени освежают своей влажной прохладой ее знойную атмосферу. Тем не менее с полудня до трех часов земля, накаленная палящими лучами солнца, начинает выделять теплые удушливые испарения, и жара становится нестерпимой. Поля с нависшим над ними безоблачным небом, напоминающим огромную перевернутую крышу из раскаленного железа, принимают вдруг поистине унылый вид. Птицы прячутся в истоме под лесной листвой, смолкает их гомон, деревья склоняют низко к земле свои горделивые вершины. Все живое спешит в прохладную тень. Спасаясь от безжалостного зноя, табуны, стада и отары вздымают клубы белесоватой известковой пыли, забивающей рот и ноздри. На несколько часов Сонора превращается в мертвую пустыню, лишенную каких бы то ни было признаков жизни.

Люди спят или по крайней мере лежат где-нибудь в самых прохладных помещениях, погруженные в какое-то особое состояние. Это не сон и не бодрствование, а дремота, исполненная сладких и томных грез, когда свободно раскинувшееся тело вдыхает искусственную свежесть мастерски устроенного сквозняка. Короче говоря, люди отдаются в эти часы тому состоянию, которое в этих местах жаркого пояса именуется сиестой. Часы блаженного отдыха, успокаивающее и благотворное влияние ко-

торого на физическое и душевное самочувствие человека нисколько не ценится живыми и хлопотливыми северянами. Но народы, живущие на солнечном юге, отнюдь не пренебрегают сиестой; итальянцы называют ее *дольче фарниенто*^{*}, а турки — *кейф*^{**}.

Как в том сказочном арабском городке, жители которого были обращены в каменные изваяния магической палочкой одного злого волшебника, так и в асиенде дель Торо жизнь, казалось, полностью замерла в эти часы: пеоны, пастухи, слуги — все отдавали дань сиесте.

Лишь двое людей во всей асиенде, невзирая на томительный полдневный зной, не поддались соблазну сна; запершись в изящно обставленном кабинете, они предпочли отдыху беседу. Надо полагать, что какие-то весьма серьезные причины заставили их нарушить укоренившуюся привычку к сиесте: испано-американец, а мексиканец особенно, не жертвует ради пустяков этими часами отдыха, во время которого, как гласит мало лестная для французов поговорка, «одни лишь собаки да французы бегают на солнце».

Одним из этих двух собеседников был дон Фернандо де Могюер, с которым мы уже познакомились... Годы слегка сгорбили его высокую фигуру, прорезали несколько глубоких морщин на лбу, подернули серебром его черную шевелюру; хотя на лицо его лег отпечаток грусти, след тяжелых испытаний, однако оно сохранило свое нежное, застенчивое, слегка насмешливое выражение.

Нам стоит, однако, несколько задержаться для подробного описания наружности собеседника дона Фернандо. Что касается морального облика этой особы, то читатель сумеет вскоре разобраться в нем и без нашего подсказа.

Это был маленький тучный человек с красноватым, апоплексическим цветом лица. Ему едва перевалило за сорок лет, но совершенно седые волосы, изборожденный глубокими морщинами лоб и зеленоватые с припухшими веками глаза, глубоко сидевшие под густыми взерошен-

^{*} «Приятное ничегонеделание». *Дольче* — нежно; *фар* — делать; *ниенте* — ничего.

^{**} *Кейф* — наслаждение, испытываемое турком, когда он сидит, поджав ноги, на ковре под навесом кофейни, попивая кофе и куря трубку; другими словами, наслаждение ничегонеделанием.

ными бровями, придавали ему старческий вид, что мало соответствовало его резким движениям и развязности его манер. Длинный тонкий крючковатый, как птичий клюв, нос фиолетового цвета, загибавшийся почти над самым ртом, выдающиеся скулы, испещренные тонкими синеватыми венами, дополняли эту причудливую физиономию, до странности схожую с сычом. Этот нескладный человек с отвислым брюшком, с коротенькими руками и ногами, плохо прилаженными к его неуклюжему туловищу, обладал столь подвижными чертами, что не представлялось никакой возможности прочесть на лице этого толстяка мысли, копошившиеся в его мозгу, особенно когда он бесстрастно впивался в собеседника своими безжизненными и холодными глазами. Короче говоря, этот персонаж с первого же взгляда на него внушал к себе безотчетную брезгливость, какую вызывают в нас все пресмыкающиеся.

Это был дон Руфино Контрерас, один из самых богатых землевладельцев Соноры, избранный год назад сенатором в мексиканский конгресс от штата Колима.

Итак, мы познакомились с наружностью особы, с которой дон Фернандо вел почти трехчасовую беседу. Сейчас мы узнаем, какие обстоятельства вызвали этот серьезный разговор.

Часовая стрелка подходила к трем часам пополудни, и в комнату, где находились наши собеседники, уже доносился смутный гул, этот верный провозвестник пробуждения рабочих асиенды. Дон Фернандо, заложив руки за спину и нахмутив брови, крупным шагом ходил взад и вперед по комнате, а дон Руфино, откинувшись на спинку кресла, не сводил с него глаз. На губах сенатора играла лукавая улыбка, а сам он принял вид человека, всецело поглощенного удалением с помощью ногтя правой руки несуществующего пятна на своих брюках.

Но вот без устали шагавший маркиз внезапно остановился перед доном Руфино, который устремил на него насмешливо-вопросительный взгляд.

— Итак, — произнес дон Фернандо, тщетно стараясь скрыть свое волнение, — вам во что бы то ни стало необходима эта сумма, и не позднее, чем через восемь дней?

— Да, через восемь дней, — ответил толстяк, улыбаясь.

— Но почему же вы не предупредили меня заранее?
— Из одной деликатности, любезный сеньор.
— Деликатности? — чуть не подскочил от изумления дон Фернандо.

— Надеюсь, вы не сомневаетесь в моем дружеском расположении к вам?

— Боже мой!.. Судя по вашим словам...

— Мне кажется, я доказал это на деле.

— Пусть так. Не стоит уточнять.

— Я тоже так думаю. Пойдем дальше. Я знал, как вы стеснены в средствах, и поэтому старался добыть эту сумму как-нибудь иначе. Мне просто не хотелось осложнять ваше и без того затруднительное положение требованием такой крупной суммы, и я решил обратиться к вам лишь в самом крайнем случае. Теперь, надеюсь, вам ясно, дорогой мой сеньор, что мои действия диктовались соображениями дружбы и сочувствия. К сожалению, время сейчас трудное, торговля переживает почти полный застой, вызванный назревающим конфликтом между президентом и южными штатами, и мне не удалось взыскать с других должников даже самой ничтожной суммы. Между тем я сам нуждаюсь в деньгах, а вы давно уже должны мне — не сочтите это за упрек. Судите теперь сами, что ж мне оставалось делать, как не обратиться к вам?

— Право, не знаю... Но мне все же кажется, что вы могли бы заблаговременно уведомить меня, прислав записку с каким-нибудь пеоном.

— Но именно этого-то я и хотел избежать, любезный сеньор. К тому же я приехал сюда не из дому. Да я вообще был убежден, что соберу нужную сумму и мне не придется даже заезжать к вам за деньгами.

Дон Фернандо метнул в своего собеседника взгляд, который заставил бы призадуматься дону Руфино, не займись сенатор в этот момент с еще большим остервенением своим воображаемым пятном. Помолчав с минутой, маркиз снова зашагал по комнате.

Солнце тем временем стало склоняться к горизонту, и жизнь проснувшейся асиенды вошла в свою обычную колею. Со двора вместе с мычанием быков и ржанием вьючных лошадей доносились понукания пастухов и щелканье их бичей. Дон Фернандо подошел к окну, приподнял жалюзи, и в комнату ворвалась струя заметно

посвежившего воздуха. Облегченно вздохнув, дон Руфино выпрямился в кресле.

— Уф! — блаженно произнес он. — А я порядком-таки устал, и не столько от проделанного сегодня длинного путешествия верхом, сколько от невыносимой жары.

Дон Фернандо вздрогнул, словно от укуса змеи: намек дона Руфино напомнил ему, что он погрешил против всех правил мексиканского гостеприимства, забыв обо всем на свете, кроме требований безжалостного кредитора. Похолодев от мысли, каким неприличным должно было выглядеть его поведение в глазах уставшего путешественника, дон Фернандо позвонил и коротко бросил вошедшему пеону:

— Прохладительного!.. Вы уж извините меня, сеньор, — обратился он к дону Руфино. — Признаюсь откровенно, ваше неожиданное требование так ошеломило меня, что я до сих пор не подумал предложить вам закусить с дороги. Ваши апартаменты готовы. Вам пора отдохнуть, а разговор наш мы возобновим сегодня вечером или завтра. Надеюсь, мы придем к соглашению, одинаково приемлемому как для вас, так и для меня.

— Ничего другого мне бы и не хотелось, поверьте, дорогой мой сеньор! Бог свидетель, это самое горячее мое желание, — ответил дон Руфино, поднося к губам стакан оранжада*, поданный пеоном. — Но увы! Я сильно опасаюсь, что, при всей моей готовности пойти вам навстречу, нам трудно будет достигнуть соглашения, если только...

— Если только?.. — резко прервал его дон Фернандо.

Дон Руфино не торопясь, мелкими глотками допил стакан, поставил его на стол и с довольным видом откинулся на спинку кресла.

— Если только вы не внесете мне сполна весь свой долг. Но, признаюсь, — добавил он, старательно скручивая пахитоску, — судя по вашим же словам, это кажется мне довольно затруднительным делом.

— Вот как! — недовольно воскликнул дон Фернандо. — А почему вы так думаете?

* О р а н ж а д — питье из апельсинового сока, распространенное в тропических странах.

— Я ничего не думаю, дорогой мой сеньор, я констатирую факт, вот и все!.. Позвольте! — воскликнул он. — Да вы же сами только что жаловались на свое стесненное положение!

— Верно, но что ж из этого следует?

— Да очень простая вещь: семьдесят тысяч пиастров — сумма немалая; даже очень богатые люди не всегда располагают такой крупной наличностью, а тем более при стесненных обстоятельствах.

— Но я могу кое-что продать!

— Я буду в отчаянии, поверьте, сеньор.

— В таком случае, подождите немного.

— Повторяю, это невозможно. Послушайте, любезный сеньор, не пора ли нам объясниться, чтобы не плодить недоразумений, весьма нежелательных в деловых отношениях порядочных людей нашего круга? Так вот, я имел удовольствие ссудить вас деньгами за очень скромные проценты. Не так ли?

— Весьма вам благодарен, — с достоинством ответил маркиз.

— Ох, Боже мой, и благодарить-то не за что! Мне просто хотелось оказать вам услугу. Но я поставил при этом вам условие, и вы приняли его.

— Да, — с раздражением отозвался дон Фернандо, — принял, и напрасно!

— Возможно. Так ведь не в этом теперь дело. Это условие, — я снова подчеркиваю: принятое вами условие, — гласило, что вы обязаны вернуть мне деньги по первому моему требованию.

— Разве я спорю с этим?

— Конечно, нет. Все дело в том, что у меня у самого теперь нужда в этих деньгах, и я прошу вернуть их. Это вполне естественно; действуя так, я ни в чем не отступаю от нашего уговора. Вы должны были предвидеть наступление сегодняшнего дня и быть к нему готовыми.

— Значит, если я попрошу у вас месячной отсрочки?..

— Это будет весьма прискорбно для меня, но я вынужден буду отказать вам. Деньги понадобятся мне не через месяц, а через восемь дней. Видит Бог, я вхожу в ваше положение, но... ничего тут не поделаешь!

Как ни тяжело было для дона Фернандо требование денег, его возмущало не столько самое это требование,

сколько тон мнимого доброжелательства и унижительной жалости, которым так рисовался сенатор. Маркиз не мог больше совладать с собой и готов был уже дать волю своему негодованию и бросить в лицо дону Руфино слова, которые, несомненно, привели бы к полному разрыву их отношений, как вдруг со двора донеслись радостные крики и топот коней.

Дон Фернандо поспешно выглянул в окно, потом, живо обернувшись, обратился к гостю, блаженно тянувшему свою пахитоску:

— Дети приехали! Прошу вас, кабальеро: ни слова при них о нашем деле.

— Можете рассчитывать на меня, — сказал дон Руфино, делая вид, что хочет встать. — Впрочем, с вашего разрешения, я позволю себе удалиться, чтобы не мешать вашим семейным радостям.

— Нет, нет! — удержал его дон Фернандо. — Я предпочитаю тотчас же познакомить вас с моими детьми.

— Как вам будет угодно, любезный сеньор... Буду, конечно, весьма польщен!

На пороге открывшейся двери появился управитель дон Хосе Паредес.

Это был высокий, коренастый метис сорока лет, в котором по его кривым ногам и сутуловатой фигуре с первого взгляда можно было узнать прекрасного наездника. И действительно, почти вся жизнь этого достойного человека проходила в седле. Взглянув исподлобья на дона Руфино, управитель снял шляпу и поклонился своему господину.

— Сеньор амо*, — обратился он к дону Фернандо, стараясь придать возможную мягкость своему грубоватому голосу, — ниньо** и нинья, с помощью святой девы кармелитской, благополучно прибыли.

— Благодарю вас, дон Хосе, — ответил маркиз. — Пусть войдут, я буду счастлив обнять их.

Дон Хосе посторонился, махнул кому-то рукой, и молодые люди вошли, вернее — ворвались в комнату. Одним прыжком они очутились в объятиях отца, прижавшего их к своей груди. Спохватившись, дон Фер-

* Сеньор амо — господин.

** Ниньо — тут в значении: молодой господин.

нандо отстранил их и жестом указал на присутствие в комнате постороннего человека.

Молодые люди вежливо поклонились дону Руфино.

— Позвольте представить вам, сеньор дон Руфино, — сказал маркиз, — моего сына, дон Руиса де Мо-
гюер, и дочь, донью Марианну... Дети мои, это сеньор дон Руфино Контрерас, один из моих лучших друзей.

— Весьма горжусь подобным званием! — сказал дон Руфино.

Сенатор поклонился молодым людям, и донья Марианна невольно покраснела и опустила голову под холодным взглядом его зеленоватых глаз.

— Апартаменты детей готовы, дон Хосе? — спросил дон Фернандо.

— О да, ваша светлость! — отвечал тот, не сводя сияющих глаз с молодых людей.

— С разрешения сеньора Руфино, вы можете пойти отдохнуть с дороги, дети мои, — сказал маркиз.

— С вашего разрешения, отправлюсь-ка и я отдохнуть, — вместо ответа обратился к маркизу сенатор.

Маркиз кивнул головой в знак согласия.

— Мы вернемся к нашему разговору в более подходящее время, — продолжал дон Руфино, бросая украдкой взгляд на донью Марианну, выходящую из комнаты вслед за братом. — И не слишком тужите, дорогой мой сеньор, — добавил он, — я, кажется, нашел способ уладить наше дельце, не огорчая вас.

Поклонившись, в свою очередь, маркизу, озадаченному таким неожиданным обещанием, дон Руфино удалился, снисходительно улыбаясь.

Дон Хосе Паредес

Немало дней прошло уже со времени возвращения дона Руиса и его сестры, а дон Руфино не заговаривал больше о деле, ради которого он приехал в асиенду. Само собой разумеется, что и маркиз, не жалевший хлопот и сил, чтобы раздобыть средства, необходимые для погашения долга, избегал даже намеком напомнить своему кредитору об их недавнем разговоре. А сам дон Руфино, казалось, совершенно позабыл о своей безотлагательной надобности в деньгах, ссылаясь на которую он в день своего приезда отказывал маркизу в малейшей отсрочке платежа.

Жизнь в асиенде шла своим обычным чередом. Каждое утро дон Руис выезжал в сопровождении дона Хосе наблюдать за полевыми работами и выгоном скота, предоставляя отцу и сестре играть роль гостеприимных хозяев.

Первое время донью Марианну очень смущали приторные улыбки и страстные взгляды дона Руфино, но вскоре она свыклась с ними и в душе только посмеивалась над уморительными гримасами и смешным позерством толстяка. Сенатор отдавал себе, конечно, отчет в том впечатлении, которое он производил на девушку. Но, нимало не смущаясь этим, он продолжал свои маневры с настойчивостью, присущей его характеру. Надо полагать, что такое беззастенчивое ухаживание за доньей Марианной на глазах ее отца и брата входило в расчеты дона Руфино для достижения изве-

стной цели, догадаться о которой не представляло большого труда.

И в самом деле, для всех вскоре стало ясно, что сенатор добивается руки доньи Марианны. Его домогательство глубоко оскорбляло маркиза, меньше всего мечтавшего о подобном зяте. Но, завися от дона Руфино, готового каждую минуту обрушить на него дамклов меч кредитора, маркиз не смел выдавать своих истинных чувств. Он ограничивался тем, что зорко следил за гостем, предоставляя ему действовать по-своему. Дон Фернандо уповал на время, а сам выжимал, откуда только мог, деньги, чтобы как можно скорее получить возможность расплатиться с безжалостным займодавцем и вышвырнуть его вон. К несчастью, поступление денег затягивалось. Многие должники дона Фернандо не спешили с платежами; за пятнадцать дней он успел собрать лишь только четверть требуемой суммы. Да и этими деньгами маркиз не мог свободно распорядиться, так как они были необходимы для текущих нужд хозяйства асиенды.

А дон Руфино в это время был занят деятельной перепиской: рассылал курьеров в разные концы края, да и сам получал немало писем. И вот в один прекрасный день он с развязным видом вошел в кабинет, где дон Фернандо просиживал целыми днями над головоломными вычислениями. Маркиз замер от изумления, увидев дона Руфино, никогда еще не позволявшего себе входить в эту комнату. Сердце дона Фернандо невольно сжалось, но он превозмог свое волнение и любезно предложил гостю сесть.

— Дорогой сеньор, — начал дон Руфино, удобно развалясь в кресле, — простите, что не оставляю вас в покое даже в вашем убежище, но у меня серьезное дело, и я решил без дальних околичностей постучаться в эту дверь.

— И хорошо сделали, — ответил маркиз с плохо скрытой тревогой. — Я всегда к вашим услугам. Чем же могу быть вам полезен?

— Я вас долго не задержу, сам терпеть не могу долгих разговоров вокруг да около: короче говоря, я пришел закончить дело, начатое в день моего приезда.

От такого бесцеремонного вступления холодный пот выступил на лбу злополучного владельца асиенды.

— Я не забыл о нем, поверьте, — ответил маркиз. — Я и сейчас был занят решением этой задачи и надеюсь полностью расплатиться с вами через несколько дней...

— Да не в этом дело! — развязно перебил его дон Руфино. — Эти деньги мне и не нужны совсем. Я собирался даже просить вас хранить их как можно дольше у себя.

Дон Фернандо смотрел на него и не верил своим ушам.

— Вы удивлены, — продолжал сенатор, — а ведь все очень просто: мне захотелось доказать вам, что в моем лице вы имеете верного друга, а не безжалостного кредитора. Когда я убедился, что вам, действительно, будет трудно выплатить этот пустяковый долг, я решил взыскать эти деньги с других должников и не беспокоить более такого благородного и милого человека, как вы.

— Однако, — заметил дон Фернандо, опасавшийся новой западни, — вы уверяли меня...

— Да, я так думал, — прервал его дон Руфино, — а вышло, к счастью, иначе. А вот вам и доказательство: мне не только удалось уплатить по всем своим векселям, но у меня на руках осталась еще довольно кругленькая сумма денег. Я буквально не знаю, куда их девать, и буду весьма признателен вам, если вы освободите меня от них. Эти деньги мне сейчас совершенно не нужны, а кому же мне доверить их, как не самому порядочному из всех знакомых мне людей?!

Дон Фернандо молчал. Он был ошеломлен неожиданным предложением человека, еще недавно столь непреклонного в своих требованиях. Он не понимал, чему следовало приписать этот внезапный и необыкновенный поворот дела, и не находил слов для ответа.

— К тому же, — все с той же развязностью продолжал дон Руфино, — за несколько дней моего пребывания здесь я успел убедиться в том, как разумно ведете вы свое обширное хозяйство; я не сомневаюсь, что в ближайшем будущем вас ожидают огромные барыши. Но вы принадлежите к разряду людей, затевающих большие дела с ограниченными средствами, — вот в чем ваша беда! Вы ощущаете нехватку капиталов всякий раз, когда они больше всего вам нужны. Явление весьма распространенное, и вы не представляете собою исключения.

Вы вложили уже немало денег в свое хозяйство, вам предстоит вложить еще, быть может, столько же, прежде чем вы достигнете желанных результатов. Так вот: вам не хватает оборотных средств, у меня излишек денег, и я предлагаю их вам. Ваш отказ обидел бы меня: неужели вы сомневаетесь в чистоте моих намерений?

— Конечно, нет; но я и без того уже много должен вам, — пробормотал маркиз.

— Экая беда! Вы будете должны мне немного больше, только и всего!

— Я высоко ценю ваше благосклонное и доброжелательное отношение ко мне, но я боюсь...

— Чего? Что я потребую возврата в какой-нибудь тяжелый для вас час?

— Не скрою от вас...

— Напрасно!.. Послушайте, дон Фернандо, вы, кажется, должны мне семьдесят пять тысяч пиастров, не так ли?

— Увы!

— При чем тут «увы»? — засмеялся сенатор. — Семьдесят пять тысяч пиастров плюс пятьдесят тысяч, которые я вручу вам сейчас в виде шести векселей на предъявителя, подлежащих оплате банкирским домом «Вильсон и сын» в городе Эрмосильо, составят круглую сумму в... Словом, извольте подписать мне вексель, сроком... Простите, какой срок вас лучше всего устроит?

Дон Фернандо колебался. Было ясно, что необычным своим предложением дон Руфино преследовал какую-то цель, но в чем она заключалась, этого маркиз не мог разгадать. Любовь сенатора к его дочери не могла сама по себе вызвать прилив такой щедрости. За этой услужливостью таилась ловушка. Но какая?

Дон Руфино не спускал глаз с маркиза, стараясь проникнуть в его тайные мысли.

— Не решаетесь? — начал снова сенатор. — Напрасно! Давайте раскроем наши карты. Вы не рассчитываете на поступление доходов раньше, чем через восемь-девять месяцев? И опасаетесь, что до этого срока не будете в силах возратить мне такую крупную сумму? Отлично! — продолжал дон Руфино, доставая из бумажника векселя и выкладывая их на стол. — Получайте ваши пятьдесят тысяч пиастров и подпишите мне вексель

на сто двадцать пять тысяч пиастров сроком на один год. Как видите, я не очень стесняю вас во времени! И, Боже мой, допустим даже — хотя это маловероятно, — что к этому сроку вы не будете располагать необходимой наличностью! Ничего страшного! Мы перепишем ваш вексель, только и всего! Не такой уж я жестокий заимодавец! Ну, так как же, по рукам? Или прикажете взять обратно мои векселя?

Известно, какой неодолимой притягательной силой обладают деньги, каково бы ни было их происхождение, в глазах предпринимателя, особенно предпринимателя, ограниченного в своих средствах. Дон Фернандо знал, что, несмотря на все свои труды, невзирая на сделанные уже крупные капиталовложения, он неудержимо скользит в бездну разорения. Спасти его могло одно только время. А дон Руфино, каковы бы ни были его тайные побуждения, предоставлял ему не только время, но и крайне необходимые деньги, которые маркиз нигде не мог раздобыть. Дальнейшее колебание было бы безумием. Де Тобар де Могюер взял векселя дона Руфино в обмен на свой вексель.

— Вот и делу конец! — сказал дон Руфино, тщательно складывая и пряча в свой бумажник вексель должника. — Уф!.. В жизни не видал такого чудака. Дорогой мой сеньор, вас труднее заставить принять деньги, чем иного — уплатить их.

— Я положительно не знаю, как отблагодарить вас, дон Руфино... Теперь уж я могу вам признаться: эти деньги пришлось мне как нельзя более кстати.

— Деньги всегда кстати! — смеялся сенатор. — Прекратим, однако, разговор о них. Если есть у вас надежный человек, пошлите его в Эрмосильо получить по векселям. И как можно скорей: деньги слишком дороги нынче, чтобы позволить им залеживаться.

— Сегодня же я отправлю дона Хосе Паредеса в город.

— Отлично! А теперь и у меня к вам просьба.

— Просьба? Ко мне? Так говорите же скорей! Мне не терпится доказать вам свою признательность.

— Дело в том, что, покончив с вопросом о вашем долге, я лишился формального предлога оставаться дольше в асиенде.

— Какое это имеет значение?

— Немаловажное, ибо мне хотелось бы провести в вашем приятном обществе еще несколько дней.

— Вы шутите, дон Руфино! Ваше пребывание в асиенде — высокая честь для нас. Чем дольше будете вы гостить у нас, тем больше радости доставите нам. О каких там «нескольких днях» вы говорите! Оставайтесь сколько вам вздумается!

— Вот и хорошо! Только этого я и добивался. А теперь позвольте мне удалиться: не буду больше мешать вашим занятиям.

В одиннадцать часов, лишь только управитель вернулся с полей, маркиз послал за ним.

— Есть у нас надежный конь? — спросил дон Фернандо поспешившего явиться управителя. — Я подразумеваю, — продолжал маркиз, заметив, как усмехнулся дон Хосе, — выносливого коня, способного совершить путешествие в Эрмосильо.

— Конечно, ваша светлость. У нас есть мустанг, который может на полном скаку пройти расстояние до Эрмосильо и обратно, передохнув лишь в часы стоянки в городе. Когда прикажете выехать?

— Чем скорее, тем лучше; как только отдохнете.

— Отдохнуть от чего, ми амо*?

— Разве вы мало наездили сегодня в поле?

— Это никогда не утомляет меня, ваша светлость! — весело сказал дон Хосе. — На коне я отдыхаю. За полчаса я, пожалуй, успею заарканить и оседлать моего мустанга и смогу отправиться в дорогу, если только вашей светлости не угодно будет отложить мое путешествие.

— Но ведь приближается час сиесты и невыносимого полуденного зноя.

— Вам хорошо известно, ваша светлость, что мы, полуиндейцы, — дети огня. Солнце ласкает, но не обжигает нас.

— У вас всегда готов ответ на все. Благодарю вас, дон Хосе. Вы знаете, как глубоко я ценю и уважаю вас, и поймете, почему я выбрал именно вас для одного важного поручения.

— Можете быть уверены, ваша светлость, что оно будет исполнено.

* Ми амо — мой господин.

— Отлично! Итак, вам придется без промедления отправиться в Эрмосильо, где вы получите по этим векселям пятьдесят тысяч пиастров в английском банке «Вильсон и сын».

— Пятьдесят тысяч пиастров! — изумился дон Хосе.

— Вас это удивляет, не правда ли, мой друг? Вы в курсе моих дел и потому, вероятно, спрашиваете себя, откуда мог я раздобыть такую уйму денег?

— Я ни о чем себя не спрашиваю, ваша светлость. Вы приказываете — я исполняю. Все остальное меня не касается.

— Этими деньгами меня ссудил один друг, щедрость которого, как видите, воистину не знает пределов.

— Дай Бог, чтобы вы не ошиблись, ваша светлость.

— Что хотите вы сказать, дон Хосе? На что намекаете?

— Я ни на что не намекаю, ми амо. Мне только кажется, что по нынешним временам чрезвычайно трудно встретить друзей, которые из одного лишь желания помочь ссужали бы пятьюдесятью тысячами пиастров человека, — простите за откровенность, ваша светлость, — дела которого находятся в таком положении, как ваши. Я думаю, что не мешало бы разобраться в мотивах столь необычайной щедрости.

Дон Фернандо вздохнул. В глубине души он сам разделял опасения дона Хосе. Но, следуя тактике людей, не желающих сознаться в своей ошибке и не знающих, как оправдать ее, маркиз круто перевел разговор на другую тему:

— Возьмите с собой трех... пожалуй, даже четырех пеонов.

— К чему, ваша светлость?

— Они будут охранять вас на обратном пути.

— Полноте, ваша светлость! — рассмеялся дон Хосе. — Охрана мне ни к чему. Здесь вам эти пеоны будут полезнее, чем мне. В Эрмосильо я куплю для перевозки золота вьючного мула... И хотел бы я увидеть того ловкача, который сумел бы отбить его у меня!

— Я все же полагаю, что вам не мешает захватить с собой конвой.

— Позвольте вам заметить, ваша светлость, что тогда уж на меня наверное нападут разбойники.

— Что хотите вы сказать? Любопытно!

— Очень просто, ми амо: одинокому путнику легче проскочить незамеченным по нашим дорогам, которые нынче кишат разбойниками всех видов и мастей.

Дон Фернандо невольно улыбнулся — до того забавным показалось ему рассуждение управителя.

— Ну, знаете, дон Хосе, в том, что вы сказали, мало убедительного.

— Напротив, — возразил дон Хосе. — Видите ли, ваша светлость, эти разбойники прерий — хитроумный народ, даже слишком хитроумный, что весьма часто и губит их. Им никогда и на ум не придет, что какой-то несчастный метис, с жалким мулом в поводу, везет с собой пятьдесят тысяч пиастров. Но конвой из вооруженных пеонов обязательно вызовет их подозрения, они захотят проверить, по какому случаю снаряжена такая пышная свита, и я буду ограблен.

— Возможно, вы правы, дон Хосе.

— Я безусловно прав.

— Ладно, не буду больше настаивать, дон Хосе; поступайте как знаете.

— Будьте спокойны, ваша светлость, я вручу вам все ваши деньги, до последнего пиастра. Ручаюсь вам!

— Дай Бог! Вот вам векселя. Поедете, когда сочтете нужным. Счастливого пути!

— Через час я буду уже в дороге, ваша светлость.

Дон Хосе аккуратно сложил векселя, засунул их за пазуху и, поклонившись маркизу, вышел. Он направился прямо в кораль, где в несколько минут зарканил мустанга с тонкими ногами, небольшой головой и пылающим взором и, тщательно почистив, оседлал его. Затем дон Хосе проверил свое оружие, пополнил запасы пороха и пуль в своей альфорхе и, уложив туда же дорожную провизию, вскочил в седло. Но прежде чем покинуть асиенду, он подъехал к одному из строений, стоявшему немного поодаль от главных зданий, и, остановив здесь коня, осторожно стукнул два раза в окно.

Из отворившегося окна выглянула голова дона Руиса.

— О, да это дон Паредес! — воскликнул он. — На плантацию? Подождите меня, поедем вместе.

— Не беспокойтесь, ниньо. На плантацию еще рано. Я собрался в дальнюю дорогу.

— Уезжаете?

— Да, всего на несколько дней, по поручению его светлости.

— А по какому делу и куда?

— Маркиз сам расскажет вам обо всем, ниньо.

— Ладно. Но разве одно только желание проститься со мной заставило вас постучаться в мое окно?

— Нет, конечно. Я намеревался дать вам один совет, прежде чем покинуть асиенду.

— Совет?

— Да, и весьма серьезный. В мое отсутствие, ниньо, следите внимательно за вашим гостем.

— За сенатором?

— Да, за доном Руфино Контрерас.

— А в чем дело?

— Следите за ним, ниньо, не упускайте его из виду. Вот и все. До свиданья, ниньо!

И, явно не желая отвечать на дальнейшие вопросы молодого человека, дон Хосе дал шпоры коню и галопом поскакал из ворот асиенды.

В пути

Мексика, если принять во внимание соотношение между ее населением и территорией, — одна из самых безлюдных стран земного шара.

В европейских странах существует множество различных и удобных видов транспорта, Мексика же знает только один способ передвижения — коня. В центральных штатах, а также в штатах, расположенных близ берегов Атлантического океана, некоторые города связаны еще между собой дилижансами. Эти экипажи меняют лошадей в тавернах или на постоянных дворах, где путешественники могут заночевать.

Но в этих тавернах, напоминающих сицилийские харчевни или испанские корчмы, путешественник, кроме крыши для ночлега, не найдет ничего, разве только обеденный прибор, к тому же весьма примитивный. Другими словами, помимо провизии, путешественник вынужден таскать с собой и постель, если только он не предпочитает спать, закутавшись в свой плащ, на голой земле, которая заменяет пол в помещениях мексиканского постоянного двора.

Однако в штатах, примыкающих к берегам Тихого океана, путешественник лишен даже таких элементарных удобств. В этих краях путник на расстоянии от пятидесяти до шестидесяти лье, которое он должен проделать верхом, отправляясь из одного города в другой, не встретит ни одной таверны, ни даже самого жалкого ранчо, где он мог бы укрыться от непогоды, от

палящего дневного зноя, от пронизывающей ночной стужи и ледяной росы. Путник устраивается на ночлег там, где застает его ночь, спит под открытым небом, а наутро возобновляет свое путешествие.

Дороги центральных штатов буквально наводнены грабителями и разбойниками всех мастей. Эти рыцари больших дорог чувствуют себя здесь господами положения и среди белого дня совершенно безнаказанно грабят и убивают путешественников. В Соноре воров и грабители — более редкое явление. На дорогах здесь царит относительная безопасность. Однако и здесь путешественникам грозит немало опасных встреч, особенно во время восстания индейцев или в те дни, когда какое-нибудь очередное пронунсиаменто спускает с цепи разнужданные толпы солдат. Солдаты, идя по стопам профессиональных грабителей и убийц, без всякого стеснения грабят и убивают всех, кто бы ни попался им в руки.

Дону Хосе Паредесу предстоял путь не более, чем в пять-десять лье. Но при плохих дорогах и при тех предосторожностях, которые ему приходилось принимать, путешествие в Эрмосильо должно было отнять у него не менее четырех дней. Для человека, избалованного всеми удобствами европейской цивилизации, четырехдневное путешествие верхом без крова над головой было бы тяжким испытанием. Но для нашего достойного управителя, привыкшего ночевать чаще под открытым небом, чем под крышей, наделенного к тому же могучим здоровьем, позволяющим ему безболезненно переносить всякого рода трудности и неудобства, подобное путешествие представляло скорее приятную прогулку.

И действительно, дон Хосе ехал, беззаботно покачиваясь в седле, то покуривая пахитоску, то мурлыча себе под нос какую-нибудь знакомую песенку. Все это не мешало ему зорко осматриваться по сторонам и предусмотрительно не спускать пальца с курка ружья, лежавшего перед ним поперек седла.

Второй день его путешествия был на исходе. Дон Хосе уже миновал Ариспу. Близился закат; порывистый и сильный ветер часто поднимал облака пыли, ослеплявшие путника и окутывавшие его непроницаемой пеленой. День угасал, но в воздухе все еще стояла томительная жара.

Потемневшее небо приняло синевато-свинцовую окраску.

Сбившиеся в кучу желтоватые облака стали быстро заволакивать горизонт. Птицы с тревожными и жалобными криками сновали в воздухе, пронзительный свист и какие-то неясные шумы то и дело возникали среди скал, окаймлявших справа и слева узкое ущелье, по которому следовал в эту минуту дон Хосе; обожженная земля жадно глотала первые крупные капли дождя.

Конь пугливо прядал ушами, мотал головой и беспокойно пофыркивал. Все предвещало одну из тех бурь, которые можно наблюдать только в этих широтах. Это настоящие катаклизмы, в несколько часов изменяющие пейзаж тех мест, на которые они обрушиваются со свирепостью африканского самума. Неистовый ветер гнет и ломает или вырывает с корнем гигантские деревья, реки выходят из берегов; кажется, что сама земля содрогается в страшных объятиях взбесившейся природы.

— Если я не ошибаюсь, — пробормотал дон Хосе, беспокойно озираясь по сторонам, — не пройдет и часа, как нас настигнет кордоннасо*, и это будет самый свирепый из всех, которые когда-либо посещали эти края. Весьма приятная для меня перспектива! В веселенькое положение поставил ты меня, проклятый ураган! Не мог задержаться еще на какие-нибудь сорок восемь часов, чертов кум!

Впрочем, управитель не стал терять времени на бесполезные причитания. Положение его становилось критическим. Он знал, что ураган будет свирепствовать с особой силой в узком и глубоком ущелье, по которому он теперь следовал. Дон Хосе понимал, как трудно будет ему уцелеть, если буря застигнет его здесь. Он решил во что бы то ни стало выбраться из этой мышеловки. Он располагал считанными минутами; не оставалось времени даже для малейших колебаний. Паредес был человек решительный, с давних пор привыкший полагаться только на самого себя, на свою смелость, силу и энергию. Он плотно завернулся в свой плащ, надвинул на голову

* Буквально: удар веревкой святого Франсиска. Так называют здесь буйный юго-западный ветер, который с сентября по октябрь дует в областях Калифорнийского залива. (Примеч. автора.)

шляпу и, припав к луке, вонзил шпоры в коня и зычным голосом гикнул:

— Сантьяго!

Кровный мустанг, не привыкший к такого рода понуканию, заржал от обиды и вихрем ринулся вперед.

Тучи между тем совсем заволокли небо, все более и более темнело, лучи солнца сразу потеряли свою теплоту. Конь, взбесившийся от ударов, непрерывно наносимых шпорами дон Хосе, мчался, не меняя аллюра.

Но вот дон Хосе выбрался из ущелья. При виде расстилавшейся перед ним степи, упиравшейся на горизонте в высокие горы, он громко вскрикнул от радости. Туда, к этим горам, и хотел добраться управитель: только там и мог он обрести свое спасение. Слов нет, положение вырвавшегося из ущелья путника заметно улучшилось; тем не менее впереди его ожидали еще тяжкие испытания. С первого же взгляда дон Хосе убедился, что на всем протяжении этой голой и дикой степи, пересеченной лишь несколькими реками и речками, не было ни одного убежища, где он мог бы, не подвергая себя опасности, встретить готовую разразиться грозу. Не теряя времени, дон Хосе повторил свое пронзительное гиканье, и мустанг с еще большей лихостью понесся вперед. Умное животное, словно понимая, что от него одного зависит спасение и его самого, и всадника, мчалось почти с фантастической быстротой легендарных коней.

Вдруг белесоватая молния пронзила тучи и грянул оглушительный удар. Испуганный мустанг шарахнулся было в сторону, но властная рука наездника привела его в себя, и вот уж он снова пожирает пространство под потоками хлынувшего ливня.

Солнце заволокло тучами, наступила тьма, но Паредес не падал духом, его воля закалялась в борьбе со стихией. Он словно прирос к седлу, когда, понукая коня то гиканьем, то шпорами, он смело вступил в схватку с подстерегающей его гибелью. Только нахмуренные брови да буравившие мглу глаза выдавали его напряженное состояние. Но черты лица его были спокойны и бесстрастны; можно было подумать, что он переживает одно из

* Крик, которым в Мексике понукают лошадей. (Примеч. автора.)

обычных происшествий, которыми так изобиловала его богатая приключениями жизнь обитателя прерий.

Буря между тем перешла в свирепый ураган. Ветер, словно дикий зверь, спущенный с цепи, дул с неистовой силой, подхлестывая дождь и вздымая пласты липкой грязи.

Внезапно до слуха злополучного путника стало доноситься зловещее хлюпанье; то был признак начавшегося наводнения. Там и сям замелькали серовато-свинцовые лужи; освещенные белесоватым светом непрерывно сверкающих молний, постепенно расширяясь, они все теснее замыкали вокруг путника свое кольцо. И все явственнее слышалось дону Хосе дальнейшее громохание, доносимое к нему на крыльях ветра. Опасения путника усилились: один только час времени отделял его от гибели, которая неминуемо настигнет его, когда равнина превратится в бурлящее озеро. При свете молнии Паредес заметил множество метавшихся то тут, то там силуэтов: то дикие звери, инстинктивно почуявшие приближение катастрофы, покинули свои норы и с диким рыканием, обезумев от страха, метались по равнине.

Все вокруг бесновалось и ревело; гул потревоженных вод сливался с раскатистыми ударами грома и пронзительным завыванием ветра; все шумы бури сталкивались с неимоверным грохотом. А мустанг дона Хосе все мчался напрямик, гонимый страхом, который подгонял его лучше, чем самые острые шпоры.

Чтобы получить хотя бы отдаленное представление об этой фантазмагорической скачке, надо хотя бы раз воочию наблюдать ураган в этих низких широтах, когда за несколько часов воды реки, поднятые ветром с их ложа, вздымаются, клокочут и, хлынув из своих берегов, затопляют равнину на несколько лье в окружности.

Вдруг крик ужаса и гнева вырвался из груди управителя. В то же мгновение он выпрямился и с такой силой натянул поводья, что конь его застыл как вкопанный. Дону Паредесу послышался звон далекого колокола. В низинах во время больших наводнений владельцы асиенд приказывают бить в колокола, чтобы указать заблудившимся путникам путь к спасению.

С минуту дон Хосе прислушивался; наконец, он уловил звук, тихий, как стон. Чуткий слух управителя не обманул его: то был, действительно, далекий, как бы

умирающий звон колокола. Но он доносился со стороны, прямо противоположной направлению, по которому следовал наш путник. Очевидно, в этой непроглядной тьме он сбился с пути и теперь затерялся в затопленной равнине, где нельзя было ожидать никакой помощи, где его ожидала верная гибель.

При всей своей беззаветной храбрости Паредес невольно содрогнулся; холодная испарина выступила на его лбу.

Одна только мысль волновала дона Хосе в этот роковой час: мучительная мысль о том, что он унесет с собой в пучину вверенное ему достояние целой семьи. Несколько минут этот человек с сердцем льва, этот мужественный путешественник, изъездивший прерию вдоль и поперек, умевший, не дрогнув, встречать самые страшные опасности, испытывал полный упадок сил, почти ребячью слабость. Однако, это состояние длилось недолго; реакция не заставила себя ждать: дон Хосе воспрянул духом, внутренне пристыженный своей минутной слабостью. В этот момент, когда все, казалось, ополчилось против него, он решил сам постоять за себя. Никогда еще его воля не была так тверда, как теперь, когда он поклялся бороться до последней крайности, до последнего вздоха, до смертного часа.

Минуту назад от сильного прилива крови сердце храбреца готово было разорваться; теперь мужественное решение вдохнуло в него новые силы. Тыльной стороной руки Паредес стер пот с лица и, не двигаясь с места, стал дожидаться очередной молнии, чтобы при свете ее оглядеться и определить, в какую сторону ему следует двигаться дальше.

Он невольно вскрикнул от радости, когда при вспышке молнии, осветившей окрестности, заметил вправо от себя, всего в нескольких шагах, высокий холм, на вершине которого ему почудился всадник, неподвижный, словно каменное изваяние.

Вода быстро настигала дона Хосе, его конь стоял уже по брюхо в воде; тем не менее с хладнокровием, присущим только сильным натурам в часы великих испытаний, он решил не действовать наобум. А может быть, это просто мираж, обычно посещающий людей в минуты крайнего нервного возбуждения? В ожидании второй вспышки молнии он не сводил глаз с того места, где

увидел холм. Внезапно в тот самый миг, когда желанная на этот раз молния озарила мрак, до слуха дон Хосе, заглушая вой бури, ясно донесся зычный голос, насыщенный той звучностью, которую человеческий голос приобретает при исключительных обстоятельствах.

— Смелей! Вперед! Напрямик ко мне! — услышал дон Хосе.

С радостным криком, напоминавшим торжествующий рев хищника, он поднял своего коня и, понукая его поводьями и шпорами, помчался к холму, преследуемый по пятам ревущим потоком. Менее чем в десять минут дон Хосе взлетел на вершину и повалился без чувств на руки человека, чей призыв спас его от гибели.

Теперь путнику ничто не грозило: вода не могла настигнуть его, здесь он находился в надежном убежище.

Ночная беседа

Обморок дон Хосе, вызванный скорее душевным потрясением, чем физическим утомлением, продолжался недолго. Он открыл глаза и увидел, что лежит один на вершине холма, укрытый одеялом. Очевидно, кто-то позаботился предохранить его от пронизывающей стужи. Сбросив с себя одеяло, дон Хосе стал с любопытством обозревать местность.

Гроза все еще бушевала, но сила ее значительно ослабла. Дождь прекратился. Темно-синее небо заискрилось звездами. Их неверный мерцающий свет накладывал на весь окрестный пейзаж отпечаток какой-то дикости и обреченности. Ветер дул с прежним бешенством, вздымая пенящиеся волны на поверхности воды, уровень которой достигал почти самой вершины холма.

Конь управителя мирно пасся в нескольких шагах от своего господина; он с видимым удовольствием объедал молодые побеги деревьев и густую траву, зеленым ковром расстилавшуюся по земле. Рядом с ним паслась другая лошадь.

«Отлично! — подумал дон Хосе. — Мой храбрый спаситель, очевидно, не уехал, он где-то неподалеку. Значит, я еще увижу его. Но где бы он мог быть? Какие у него могут быть здесь дела? Впрочем, проще всего спокойно ждать его».

Не успели пронестись эти мысли в голове Паредеса, как на фоне полумрака смутно обрисовался черный контур человека, о котором он только что подумал.

— Уже на ногах! — весело воскликнул незнакомец. — Отлично! По мне, во всяком случае, такое положение лучше того, в котором я оставил вас.

— Благодарю, — тепло отозвался дон Хосе. — А ведь, вероятно, жалкий был у меня вид, когда я свалился, как полузаколотый бычок! Такой здоровяк, а падает в обморок не хуже женщины или слабого ребенка. Стыдно, не так ли?

— Нисколько, приятель, — возразил незнакомец. — Мне случайно довелось наблюдать вашу борьбу со стихией. Я был лишен возможности прийти вам на помощь, но, Бог свидетель, готов поклясться честью охотника в том, что вы сильный боец! Вы смело встретили бурю. Могу вас заверить: многие на вашем месте, в том числе и я, так легко не отделались бы.

Этот ответ разрушил принужденность между ними и помог им с первого же знакомства стать друзьями.

Такова уж природа человека. Дружба возможна лишь между людьми, равными по силе и уму. При всей своей благодарности к незнакомцу Паредес не мог бы так свободно общаться с ним, если бы заподозрил в нем какое-либо превосходство над собой. Откровенность его спасителя вернула дону Хосе ту веру в себя, без которой жизнь в пустыне вообще немыслима. Он сразу почувствовал себя непринужденно.

— Должен, однако, сознаться, что была минута, когда я потерял надежду на спасение, — сказал дон Хосе, протягивая руку своему новому другу. — Не случись тут вы, я бы, действительно, погиб.

— Ба, ба! — возразил незнакомец, пожимая протянутую ему руку. — Вы ничем не обязаны мне. Да, черт возьми, вы же самостоятельно выбрались из беды!.. Но перейдем к другой теме. Мы, конечно, находимся здесь в безопасности. Тем не менее положение весьма незавидное. Недурно бы подумать о том, как нам выбраться отсюда.

— Я того же мнения; к несчастью, мы располагаем весьма ограниченными средствами.

— Возможно. Но прежде всего я предложил бы сесть и «держат совет» по индейскому обычаю. Согласны?

— Разумеется. Ничего лучшего в нашем положении, пожалуй, не придумаешь. Тем более, — продолжал дон

Хосе, взглянув на небо, — что до рассвета еще добрых три часа.

— Да, времени у нас достаточно.

Пока длился этот короткий разговор, буря совсем затихла, и ветер дул только порывами.

— Начнем с того, — предложил Паредес, — что разведем костер. Теперь, когда ветер стих, хищники, хотя бы вплавь, станут добираться до этого холма. Непогрешимый инстинкт зверья приведет их в это убежище. Если мы не примем заранее мер предосторожности, они нападут на нас.

— Прекрасная мысль! Сразу сказывается охотник!

— Да, я много лет охотился, — со вздохом ответил дон Хосе. — Но теперь все это в прошлом; кончились мои странствия по прерии.

— От души жалею вас, — проникновенно произнес незнакомец, — никакое существование не может сравниться с этой жизнью.

— Кому вы это говорите! Самые прекрасные годы моей жизни прошли в прерии.

Не прерывая беседы, два приятеля пустили в ход свои мачете и выкопали глубокую яму для костра у подножия исполинского дуба. Они заложили ее до отказа смолистым хворостом и развели огонь, взорвав небольшую щепотку пороха, уложенную на дне ямы в дубовом листке. Пламя длинным снопом радостно взвилось к небу, а хворост весело потрескивал, выбрасывая миллионы искорок.

Огонь имеет огромное значение в жизни человека. Кроме всех прочих благ, он обладает еще свойством веселить ум и душу людей. Согретый его живительным пламенем, человек забывает о перенесенных им тяжелых и опасных испытаниях.

Довольно долго оба путника молча сушили свою промокшую до нитки одежду. С неизъяснимым наслаждением каждый из них ощущал, как приятная теплота мало-помалу проникала во все поры, согревала кровь и возвращала жизнь застывшим конечностям.

— *Vivo dios!* — заговорил наконец дон Хосе, весело встряхнувшись. — Я, кажется, снова становлюсь человеком. Что за прелесть этот огонь, особенно когда продрогнешь! А не употребить ли нам его в дело?

— Не возражаю, — ответил незнакомец. — Но только как?

— Разве вы не голодны?

— Карай! Вот уже четырнадцать часов, как у меня во рту ничего не было. Но, к сожалению, у меня нет никаких съестных припасов.

— Зато у меня есть! Мы поделимся!

— Тогда действуйте! Вы, я вижу, добрый товарищ!

Управитель достал захваченную с собой дорожную провизию.

— Вот! — не без самодовольства произнес он, разложив всю снедь у костра.

— Карамба!* — радостно воскликнул незнакомец. — Никогда еще еда не появлялась так кстати!

Эта еда, доставившая столько радости обоим путникам, вызвала бы презрительную гримасу у любого европейского гурмана**. Все угощение состояло из небольшого количества солонины и копченого мяса, кусочка козьего сыра и нескольких маисовых лепешек. Кроме того, из альфорхи был извлечен небольшой бурдюк, наполненный превосходнейшим мескалем***, что окончательно развеселило наших путников.

Соорудив вертел, на котором быстро поджарилась солонина, приятели весело принялись за еду. Свой скромный ужин они запили несколькими глотками ароматного мескаля, по-братски передавая друг другу бурдюк. Затем появились пахитоски — это неизбежное завершение всякой мексиканской трапезы. Покуривая, приятели внимательно наблюдали за горизонтом; край небосклона забрезжил уже широкими полосками блеклого света.

— Теперь, с вашего разрешения, мы можем открыть наш совет, — сказал незнакомец, наслаждаясь глубокой затяжкой табака и выпуская клубы дыма через нос и рот.

— Вы первый заняли эту территорию, — смеясь, сказал дон Хосе, — и вам, следовательно, должны быть лучше известны все ее ресурсы. За вами и первое слово.

* Карамба! — Черт возьми! Восклицание, одинаково служащее для выражения неожиданности, удивления, восторга, досады.

** Гурман — любитель хорошо поесть.

*** Мескаль — мексиканский хмельной напиток.

— Хорошо!.. Так вот: мы окружены со всех сторон водой. Ураган затих, но пройдет еще немало часов, прежде чем вся эта масса воды частью войдет в свои берега, а частью будет поглощена песками равнины.

— Верно! — ответил дон Хосе. — Однако нам надо же как-нибудь выбраться отсюда!

— В этом-то вся штука! У нас есть две возможности: ждать, пока не просохнет земля...

— Отвергается, — перебил управитель. — Слишком много драгоценного времени отнимет это у нас, а такая потеря будет особенно чувствительна для меня. Нет, уж лучше с восходом солнца смело пуститься вплавь к тем горам — к счастью, кажется, не очень отдаленным от нас.

— Вы забываете, что в нашем распоряжении есть еще одно средство: мы можем поплыть в пироге, а лошадей взять на буксир. Для них это будет несравненно менее утомительно, чем плыть и тянуть за собой ездока. Таким способом мы безусловно доберемся до тех гор, которые, как вы правильно заметили, отстоят от нас не далее полутора или двух лье.

— Разумеется, это хорошая мысль, и я полностью присоединяюсь к ней. К сожалению, для ее практического осуществления нам недостает одной только вещи.

— Какой?

— О, сущей безделицы — пироги!

— Ошибаетесь, товарищ.

— Что вы сказали?

— Пока вы лежали тут без чувств, я разведал наши владения. Вы, вероятно, слышали, что перед сезоном дождей местные жители имеют обыкновение оставлять пироги в помощь путникам, застигнутым наводнением. Они укрывают их на высоких местах, часто на деревьях.

— В самом деле? И вам удалось найти такую пирогу?

— Да! И представьте, на том самом дереве, под которым мы расположились. Пирог в отличном состоянии, и при ней имеются две пары новеньких весел.

— Bravo! Значит, с рассветом мы сможем пуститься в путь, если только это устраивает и вас.

— Вполне, хотя мне и не к спеху. По некоторым причинам мне бы надо пробить в этих местах еще несколько дней.

— Значит, решено. А пока воспользуемся затянувшимся рассветом и немного вздремнем.

— Спите, пожалуйста, а мне не хочется; я посторожу за нас двоих.

— Охотно принимаю ваше предложение, но не сомкну глаз раньше, чем мы не познакомимся с вами поближе.

— Да ведь мы с вами и так уже друзья!

— Разумеется. За себя я, во всяком случае, ручаюсь. Но ни один из нас ничего не знает о другом, никто из нас даже не назвал себя.

— О Господи... такого рода формальности — совершенно излишняя роскошь в прерии.

— А вдруг мы еще понадобится друг другу?

— Пожалуй, вы правы. Так вот: я простой охотник, лесной бродяга. Товарищи прозвали меня Твердой Рукой, «потому что, — говорят они, — друг, которому протянута эта рука, может смело на нее положиться».

— Бог свидетель, кабальеро, вы заслужили это прозвище! Мне не раз приходилось слышать о вас. Я давно уже сгорал желанием познакомиться с вами и счастлив, что судьба свела нас вместе. Ну, а теперь наступила моя очередь: меня зовут Хосе Паредес, я служу управителем у маркиза де Могюер.

— Что?! — с нескрываемым изумлением воскликнул Твердая Рука. — Так это вы и есть управитель маркиза?!

— И никто иной! Почему это вас удивляет?

— Тот самый, которого маркиз два дня назад послал в Эрмосильо получить по векселям у одного английского банкира довольно крупную сумму?

— Откуда вы это узнали? — воскликнул, в свою очередь, немало удивленный дон Хосе.

— Не все ли равно, раз уж я знаю! — ответил охотник. — Поверьте мне, — продолжал он с многозначительностью, которая невольно заставила насторожиться дона Хосе, — сама судьба намеренно свела нас вместе.

— Странно, — пробормотал дон Хосе. — Как могло случиться, что тайна, доверенная мне одному моим господином, стала известна вам.

— Тайна, известная трем лицам, — улыбаясь, ответил Твердая Рука, — перестает быть тайной.

— Но то третье лицо, о котором вы говорите, отнюдь не заинтересовано в разглашении этой тайны.

— Как знать! — возразил Твердая Рука. — Впрочем, удовлетворитесь пока тем, что мне известна цель вашего путешествия. Вы говорили, что слышали обо мне до нашей встречи. Скажите, как же отзывались обо мне люди?

— С наилучшей стороны. Говорят, что вы человек безупречной порядочности и испытанной храбрости.

— Верите вы этим отзывам? Доверяете мне?

— Вполне; вы благородный человек, я в этом не сомневаюсь.

— Надеюсь, ваше мнение обо мне не изменится. Скоро вы убедитесь, что сама судьба свела нас для блага вашего маркиза. Знайте же, я искал встречи с вами!

— Ничего не понимаю!

— И не надо! В недалеком будущем все само собой объяснится.

— Хотелось бы!

— Будьте уверены! Преданы ли вы маркизу де Мо-
гюер?

— Душой и телом! Я готов отдать жизнь за него!

— Отлично! Слушайте же меня внимательно, сеньор Паредес. Вашему господину грозит полное разорение. Он стал игрушкой в руках негодяев, замысливших погубить его. Вас намереваются ограбить на обратном пути, негодяи подготовили гнусную ловушку, в которой вас ожидает неминуемая гибель.

— Не может быть! — вскричал пораженный Паредес.

— Повторяю, мне известно все. Люди, сговорившиеся об этом, не подозревали, что я подслушиваю их.

— Подлецы!

— Вполне с вами согласен. Именно поэтому я здесь, вместо того чтобы спокойно расставлять свои капканы. Я намерен расстроить их коварные замыслы.

— Но что заставляет вас действовать таким образом? — с оттенком недоверия произнес дон Хосе.

— Этот вопрос останется без ответа. Вам придется на время отказаться от всякого любопытства. Вы должны слепо довериться мне и помогать мне во всем, что я буду предпринимать в защиту ваших же интересов. Идет? Мне кажется, что уговор этот весь в вашу пользу, а рискуете вы при этом не больше, чем я.

Последовало довольно продолжительное молчание. Управитель размышлял, стараясь вникнуть в смысл всего услышанного; охотник не спускал с него глаз, терпеливо выжидая, когда снова заговорит его приятель. Наконец дон Хосе доверчиво протянул руку своему собеседнику, который поспешил горячо пожать ее.

— Послушайте, Твердая Рука, — сказал Паредес, — прежде всего я должен признаться, что ваши разоблачения кажутся мне довольно странными. Но в вашем голосе звучит такая неподдельная искренность, а ваша репутация так прочно утвердилась среди обитателей прерии, что я без колебаний вручаю свою судьбу в ваши руки. Нет, вы не способны предать меня! Отныне и до того часа, когда вы сами сочтете возможным открыть мне имена негодяев, решивших погубить меня вместе с моим господином, я полностью отрекаюсь от собственной воли. Смотрите на меня, как на свою вещь, исчезайте и появляйтесь, когда вам будет угодно, действуйте как знаете, — я повинуюсь вам во всем, не спрашивая никаких объяснений. Вас это устраивает?

— Прекрасно, мой добрый друг! Вы угадали мои желания. Такая свобода действий необходима для успеха моих начинаний; и, верьте слову честного человека, никто более, чем я, не дорожит благополучием и счастьем маркиза де Могюер.

— Итак, решено, — вместо ответа сказал дон Хосе, — с рассветом мы тронемся в путь?

— Да, но не прямо в Эрмосильо. Прежде чем отправиться в этот город, нам надо замести следы. Не забывайте, что мы имеем дело с опытными пограничными разбойниками. Они следят за нами. Мы должны перехитрить хитрецов, на каждый их ход ответить своим ходом.

— О-о! Прекрасный случай для меня вспомнить свою профессию охотника.

— Вспомните лучше излюбленную поговорку прерий: «Деревья имеют глаза, а листья — уши». Наше счастье, что охотящиеся за вами негодяи ничего не подозревают о моей заинтересованности в вашем деле. На это я рассчитываю и в дальнейшем.

— Но если не в Эрмосильо, то куда же? — осведомился дон Хосе.

— Я скажу вам это утром, когда при свете дня смогу убедиться, что никто не подслушивает нас. А теперь ло-

житесь спать и отдыхайте. Надо набраться сил: вам еще предстоит утомительное путешествие.

И, как бы желая положить конец дальнейшим расспросам, Твердая Рука плотно завернулся в свой плащ, прислонился спиной к стволу дуба, протянул ноги к костру и закрыл глаза. Несмотря на сильное желание продолжать этот разговор, Паредесу ничего другого не оставалось, как последовать примеру охотника. Не прошло и нескольких минут, как дон Хосе, измотанный бурей, заснул богатырским сном.

Лагерь рудокопов

По своим запасам драгоценных металлов Сонора — одна из самых богатых областей мира. Как нам удалось убедиться по официальному отчету, за один только 1839 год в пробирную палату города Эрмосильо было доставлено шестьсот слитков серебра и шестьдесят слитков золота общей стоимостью более чем в миллион пиастров. Эту огромную цифру надо удвоить за счет так называемого контрабандного металла, который умышленно не представляют в палату, чтобы избежать уплаты налога.

Эти места богаты также медной рудой. Однако население, всецело поглощенное золотоискательством, пренебрегает ее разработкой.

Ни одна страна в целом свете не обладает такими богатыми и многочисленными залежами золота.

Золото здесь встречается в наносном речном иле, в размытых дождями оврагах, а чаще всего прямо на поверхности земли или же на глубине в несколько футов.

В северной части провинции Ариспы находятся россыпи Квитовак и Соноитак, о которых нам придется еще немало говорить ниже. Открытые в 1836 году, они в течение трех лет давали ежедневно по двести унций чистого золота.

Золотоискатели ковыряют здесь землю простой заостренной палкой и подбирают только заметные крупинки золота. Но если бы здесь предприняли промышленную промывку золота, были бы достигнуты несравненно более высокие результаты.

В Соноре нередко находили самородки весом в несколько фунтов. Нам довелось встретить в Ариспе одного рудокопа, откопавшего слиток стоимостью в девять тысяч пиастров. Музей испанского короля в Мадриде может похвастаться множеством превосходных образчиков таких самородков.

В дальнейшем мы еще сообщим читателю, по каким причинам были заброшены эти прииски.

Основная масса населения пуэблос^{*} Соноры состоит из бродячих рабочих и мелких торговцев, оседающих вокруг большого рудника, лишь только приступают к его эксплуатации.

Такая стоянка рабочих называется здесь *Real de minas*^{**}. Если рудник обещает приносить доходы долгие годы, население окончательно обосновывается здесь. Так были основаны многие большие города Мексики.

Огромное потребление европейских товаров в этих краях объясняется легким и быстрым обогащением золотоискателей. Какой-нибудь простой рудокоп расходует тут часто в несколько дней шесть-семь фунтов золота, что составляет его недельную добычу. К несчастью, пагубная страсть к игре, эта истинная проказа Мексики, позорящая и развращающая ее обитателей, парализует накопление капиталов и замедляет развитие золотопромышленности.

А теперь, прежде чем продолжать наш рассказ, нам необходимо еще дать читателю кое-какие сведения об индейских народах, населяющих территорию Соноры.

Здесь существуют пять самостоятельных индейских племен: яки, опатосы, майи, хиленосы и апачи.

Яки и майи занимают земли, расположенные к югу от Гайомаса вплоть до Рио дель Фуерте. Индейцы этих племен нанимаются к креолам в качестве хлебопашцев, каменщиков, слуг и горнорабочих. Численность их составляет примерно до сорока тысяч душ.

Опатосы заселяют берега рек: Рио де Сан-Мигоель-де-Хоркаситас, Рио д'Ариспа, Рио де-лос-Юрес и Рио д'Опосура. Это умелые работники и превосходные воины. Они всегда сохраняли верность сначала испанскому, а затем пришедшему ему на смену мексиканскому пра-

* Пуэбло — поселок, городок.

** *Real de minas* — лагерь рудокопов.

вительству. Численность опатосов не превышает двадцати тысяч человек.

Хиленосы, разместившиеся на берегах Рио Хила и Рио Колорадо, а также акуасы и апачи, выходцы из долин горного хребта Сиерра Madre, являются племенами одного и того же народа папагосов.

Эти непокоренные кочевые племена промысляют охотой. Некогда они кочевали на северных окраинах Чиуауа* и Соноры; но, теснимые с юга и запада все растущим проникновением в эти края американцев и техасцев, индейцы ворвались на территорию Мексики, жителям которой они наносят огромный ущерб своими воинственными набегами. Папагосы в изобилии снабжены огнестрельным оружием, которое они приобретают в обмен на меха в американских факториях, раскинувшихся вдоль берегов Рио Браво-дель-Норте, в Аркансасе и в Миссури.

Для полноты этого краткого перечня индейских племен провинции Соноры мы упомянем еще о пятистах индейцах племени серис, водворившихся в одном поселке у самых ворот Эрмосильо. Около тысячи человек этого же племени, некогда одного из самых могущественных в этих краях, живет на океанском побережье, на севере от Гдаймаса и на острове Тибурон**.

Нам придется оставить еще на некоторое время Твердую Руку и дона Хосе Паредеса на вершине холма, для того чтобы перенести читателя в городок Квитовак, где будут разыгрываться важные события.

Время было вечернее, улицы и площади лагеря золотоискателей кишели разношерстным людом. Индейцы племени яки, охотники, рудокопы, гамбусинос***, монахи и просто искатели приключений, составляющие пестрое население Квитовака, сновали взад и вперед — кто верхом, кто пешком, окликая и приветствуя друг друга, смеясь и переругиваясь. Одни возвращались с приисков после рабочего дня, другие шли из дому подышать свежим воздухом; большинство же направлялось в кабачки,

* Чиуауа — одна из северных областей Мексики, граничит с Техасом.

** Тибурон — акула. (Примеч. автора.)

*** Гамбусинос — старатели (на золотых приисках); авантюристы.

откуда через открытые двери неслись пьяные голоса и нестройные звуки гитар.

Один из таких кабачков, с виду более комфортабельный, точнее — менее грязный, чем остальные, пользовался некоторым предпочтением и привлекал к себе особенно много посетителей.

Переступив порог очень низкой двери, посетитель спускался здесь по двум неравной вышины ступенькам в омерзительную берлогу — не то подвал, не то сарай. Люди, впервые попадавшие в этот вертеп, на каждом шагу спотыкались о земляной пол, разбитый и шероховатый от грязи, непрерывно наносимой сюда сапогами бесчисленных посетителей. Навстречу им, словно из преддверия ада, неслись теплые испарения, удушливые и пропитанные спиртным угаром и зловонием, разъедавшими горло глаза. Мало-помалу глаз привыкал к полумраку этой берлоги, и посетитель начинал ориентироваться в сизо-сером тумане, клубившемся над головами гостей при малейшем их резком движении. При свете нескольких коптящих светильников, расставленных там и сям, можно было разглядеть довольно большой и высокий зал; его некогда выбеленные стены совершенно почернели в нижней своей части от постоянного прикосновения к ним голов, плеч и спин.

В глубине, напротив дверей, на уровне одного фута от пола высилась эстрада. Вытянувшаяся во всю ширину зала, она разделялась на две половины. Правая ее часть была занята прилавком, за которым стоял кабатчик — здоровенный детина с угрюмым лицом и хитрецей в глазах. Над головой этого «почтенного» субъекта, носящего звучное имя Коспето, была выдолблена маленькая ниша, в которой помещалась статуя девы Марии с младенцем Иисусом на руках; перед статуей выстроился ряд маленьких железных подсвечников, в которых горели свечи вышиной в два-три дюйма. На левой половине эстрады помещались музыканты. Середина зала, не заставленная никакой мебелью, предназначалась для танцев: здесь было где развернуться танцорам.

По обеим сторонам зала тянулись ряды столиков, кривых и грязных, небрежно отесанных и кое-как сколоченных. Вокруг них теснились толпы посетителей; одни сидели на лавках, другие стояли. Люди смеялись, беседовали, спорили, стараясь перекричать друг друга, пили

мескаль, рефиньо*, пульке**, тамариновую настойку или играли в монте***, ставя на карту золото, зачастую добычу целого рабочего дня. Игроки лезли за ним заскорузлыми руками в карманы отрепьев, носивших громкое название одежды.

В этой толпе замешались несколько женщин с лицами, опухшими от пьянства и бессонных ночей. Все без исключения — женщины и мужчины — курили: кто сигару, а кто маисовые пахитоски.

Ничто не может сравниться по омерзительности с этим сборищем отребья рода человеческого, в котором, кажется, были представлены все разновидности чудовищных пороков.

В тот момент, когда мы с вами, читатель, проникли сюда, веселье было в полном разгаре. Зал был переполнен пьяницами и танцорами; толпа смеялась, горланила, бесновалась; стоял гомон, способный оглушить самого дьявола.

Столик, расположенный в стороне от других, у самого входа, занимал человек, закутанный в широкополый плащ, немного приподнятый край которого совершенно скрывал его лицо. Прислонившись спиной к стене, он скользил по танцующим равнодушным и скучающим взглядом. Стоило, однако, новому посетителю войти в кабачок, как на нем останавливался внимательный взгляд незнакомца в плаще. Но, убедившись, что вошедший не тот человек, которого он ждал уже добрых два часа, незнакомец с досадой отворачивался.

Никто, по-видимому, не обращал на него ни малейшего внимания. Каждый был слишком занят своими делами, чтобы думать о госте, упрямо державшемся особняком среди этой шумной сумятицы. А вскоре и сам этот молчаливый и угрюмый посетитель, наскучившись тщетным ожиданием, перестал оглядываться на дверь. Он устало опустил голову, закрыл глаза и задремал; а может быть, и притворился спящим — то ли для того, чтобы не привлекать к себе внимания, то ли для того, чтобы ничем не отвлекаться от своих мыслей.

* Рефиньо — мексиканская водка.

** Пульке — национальный напиток мексиканцев из сока листьев агавы.

*** Монте — карточная игра.

Внезапно в зале поднялся невообразимый гам. Сильным ударом кулака был опрокинут какой-то столик; посыпалась площадная брань; сверкнули ножи, вытащенные из-за голенищ; смолкли музыканты, круто остановились танцоры; и все обступили двух поссорившихся игроков. А те, нахмурив брови, мерили друг друга глазами, сверкавшими от хмеля и буйного гнева. Обернув левую руку плащом, который должен был служить щитом, и взяв в правую наваху*, каждый из них готов был вступить в нешуточный бой.

В эту минуту кабатчик, занятый до сих пор только наблюдением за слугами и обслуживанием посетителей и потому безучастно и невозмутимо относившийся ко всему происходящему, вдруг с ловкостью ягуара перепрыгнул через прилавок. Кинувшись затем к двери, он закрыл ее, подперев своим могучим плечом из опасения, как бы кому-нибудь из его почтенных посетителей не взбрела в голову мысль улизнуть под шумок, не уплатив по счету. Выполнив, таким образом, свой долг хозяина, кабатчик с видимым интересом приготовился следить за этим своеобразным турниром.

Каждый из противников, чуть согнув ноги в коленях, вытянув вперед левую руку, наклонившись и зажав в правой нож, не спускал глаз с врага, готовый к нападению и защите.

Но в дело неожиданно вмешался таинственный посетитель, дремавший в своем углу. Разбуженный голосом одного из противников, он смерил взглядом драчунов и, вскочив, кинулся к ним.

— В чем дело? — встав между ними, произнес он голосом, властность которого невольно смутила обоих буянов.

— Этот человек, — отвечал один из них, — проиграл мне три унции в монте.

— Ну и что же? — сказал незнакомец.

— Он отказывается платить их, утверждая, что карты были крапленые. Ложь!.. *Vivo dios!* Я кабальеро, это всем известно!

Легкая, никем не замеченная усмешка пробежала по губам незнакомца в ответ на это несколько смешное за-

* Н а в а х а — испанский складной нож.

явление. Однако он сумел сохранить всю свою серьезность.

— Это верно: вы кабальеро, — сказал он, — и я даже готов, в случае надобности, поручиться за вас. Но самый честный человек может ошибиться. Я убежден, что это именно и случилось с вами. Вместо того, чтобы затевать драку с этим сеньором, честность и порядочность которого также вне подозрения, покажите пример великодушия, отказавшись от требования трех унций. А он, в свою очередь, извинится перед вами за обидные выражения, и все кончится миром, ко всеобщему удовольствию.

— Понятно, я уверен в честности этого кабальеро; я готов заявить об этом где угодно и душевно сожалею о возникшем между нами недоразумении, — сказал молчавший до сих пор второй противник.

Однако он продолжал оставаться при этом настороже, что плохо вязалось с его добродушным тоном.

Таинственный незнакомец снова обратился к игроку, которого он, очевидно, знал, и, незаметно кивнув ему, произнес с чуть заметной иронией:

— Ну, что вы теперь скажете?.. На мой взгляд, вы получили полное и вполне достойное удовлетворение.

С минуту игрок колебался; по-видимому, в душе его происходила какая-то борьба. Он обвел суровым взглядом всех столпившихся, и, заметь он на лице хотя бы одного из них пусть даже мимолетную тень презрения, он, несомненно, затеял бы новую ссору. Но все стояли с холодными и бесстрастными лицами, на которых можно было прочесть одно только нескрываемое любопытство. Наконец, игрок размотал свой плащ и, засунув нож за голенище, протянул руку противнику.

— Простите мою невольную ошибку, я очень сожалею о ней, кабальеро, — сказал он, вежливо поклонившись, но с трудом подавляя при этом невольный вздох сожаления.

Второй игрок ответил на его поклон, а затем повернулся и скрылся в толпе, недоумевавшей по поводу столь мирной развязки ссоры двух картежников, буйные нравы которых были хорошо известны.

— Надеюсь, вы кончили здесь свои дела, маэстро Кидд? — сказал незнакомец, дотронувшись рукой до

плеча бродяги. — Теперь, если вы не возражаете, мы можем удалиться отсюда.

— Как вам будет угодно, — беспечно ответил Кидд, тот самый бандит, с которым мы уже встретились на первых страницах этой книги.

Толпа между тем разбрелась, все вернулись на свои места, музыканты и танцоры возобновили прерванные занятия, и незнакомец с Киддом воспользовались этим, чтобы незаметно удалиться.

Очутившись на улице, незнакомец несколько раз подряд с жадностью втянул в себя свежий воздух, словно желая очистить свои легкие от смрада, которым он вынужден был так долго дышать.

— Клянусь телом Христовым, маэстро Кидд, — в сердцах обратился он к молчаливо шагавшему рядом с ним разбойнику, — вы странный человек! Мало того, что вы заставили меня, коменданта этого пуэбло, разыскивать вас в грязной берлоге, я, по вашей милости, вынужден был еще провести битых три часа среди этой невиданной по своей полноте коллекции бандитов! Вы сами просили меня явиться сюда для свидания с вами. Я соглашаюсь, а вы и не подумали стеречь мое появление!

— От излишнего усердия, капитан. Право, вы напрасно сердитесь на меня, сеньор, — не без лукавства произнес бандит. — Все произошло именно потому, что я боялся опоздать на свидание с вами; я еще четыре часа назад явился к почтенному сеньору Коспето. Ну, и уселся за карты — надо же было как-нибудь убить время! А вы ведь знаете, что такое монте! Как только карты в руках и золото на столе, обо всем забываешь.

— Да уж ладно, — сказал незнакомец. — А теперь слушайте: если вы меня обманете, если сведения, которые собираетесь продать мне, окажутся ложными... клянусь честью, это будет вам дорого стоить! Вы ведь хорошо знаете меня, не так ли, маэстро Кидд?

— Конечно, капитан дон Маркос де Ниса, я хорошо вас знаю, но ведь и вы знаете меня, так я полагаю. К чему, однако, эти праздные споры между нами? Покончим лучше скорей с нашим делом, а там поступайте как знаете.

Капитан окинул недоверчивым взглядом своего спутника.

— Ладно, — сказал он, остановившись и постучав в двери одного дома. — Войдите; я предпочитаю разговаривать с вами у себя дома, а не в вашем кабаке.

— Как вам будет угодно, — отозвался Кидд.

Оба они вошли в дом, двери которого захлопнулись за ними.

Сделка

Комендант форта Сан-Мигель, капитан Маркос де Ниса, с которым мы познакомились на первых страницах нашего рассказа, по специальному приказу самого президента республики был недавно назначен главой военной и гражданской администрации Квитовака.

Дело в том, что в последние дни произошли события, потребовавшие энергичного вмешательства президента.

Ничто не давало повода подозревать недовольство среди индейских племен, а между тем после долгих и тайных переговоров они решили восстать и без объявления войны вторгнуться на мексиканскую территорию.

Это восстание грозило принять угрожающие размеры главным образом благодаря участию в нем хиленосов (иначе говоря — команчей), акуасов и апачей. Это была мощная конфедерация племени папагосов.

Генерал-губернатор Соноры и Синалоа, то есть двух наиболее угрожаемых штатов, понимал, что неприятелю нужно противопоставить человека, который во время долгой службы в пограничных войсках изучил стратегию и хитрости индейцев. Один только офицер отвечал этим требованиям: это был капитан де Ниса. Ему и было приказано прибыть в Квитовак вместе с гарнизоном форта Сан-Мигель, а все укрепления форта разрушить до основания, чтобы помешать индейцам превратить их в свой опорный пункт.

Капитан выполнил приказ с быстротой, свойственной лишь старым военным служакам. По прибытии в Квито-

вак дон Маркос прежде всего позаботился о том, чтобы нападение индейцев не застигло город врасплох. По распоряжению капитана городок был окружен глубоким рвом, вокруг него были возведены ретраншементы, а на главных улицах сооружены баррикады.

Вся армия генерал-губернатора Соноры и Синалоа состояла из шестисот пехотинцев и двухсот кавалеристов; у него не было даже полевой артиллерии. Эти весьма ограниченные силы генералу надо было рассеять по границам обоих штатов. Немудрено, что при всем желании он лишен был возможности послать подкрепление дону Маркосу. Таким образом, в распоряжении капитана оставался лишь бывший гарнизон форта Сан-Мигель в составе ста пятидесяти пехотинцев и восьмидесяти кавалеристов.

Несмотря на незначительную численность своего войска, капитан не унывал; он принадлежал к числу тех людей, для которых долг превышает всего; он был всегда готов безропотно исполнить даже самый неосуществимый на первый взгляд приказ.

С часу на час можно было ожидать нападения десяти, а то и пятнадцатитысячной армии индейцев, обильно снабженной огнестрельным оружием. Капитан знал, что нелегко будет отразить нападение воинов этой армии, закаленных в борьбе с испанцами, и поэтому счел необходимым пополнить всеми возможными способами свой гарнизон и довести его состав до такого уровня, который позволил бы командованию обеспечить защитниками все укрепления городка. Для достижения этой цели дон Маркос предпринял следующие меры.

Прежде всего ему надо было убедить владельцев крупных рудников принять участие в защите города либо лично, либо выделив в распоряжение капитана некоторое количество пеонов, занятых на их приисках. Капитану нетрудно было доказать золотопромышленникам, что этого требуют их собственные интересы, ибо с захватом индейцами Квитовака немедленно иссякнет самый источник их богатства. Хозяева золотых приисков охотно откликнулись на призыв дона Маркоса, сложились и выставили в его распоряжение отряд в сто пятьдесят опатов, храбрых и, как мы уже сказали выше, верных союзников Мексики. Золотопромышленники обязались

содержать и кормить этот отряд за свой счет до окончания военных действий. Таким образом, коменданту Кви-товака удалось увеличить почти вдвое численность своей армии.

Этот успех, которого капитан, хорошо знакомый с равнодушием и алчностью владельцев золотых приисков, не ожидал, настолько окрылил его, что он решился прибегнуть и ко второму мероприятию. Оно состояло в том, чтобы завербовать за определенную сумму как можно большее количество разных искателей приключений, которыми кишит вся пограничная полоса. Капитан объявил, что будет платить по две унции за человека: одну унцию — при вступлении в отряд, вторую — после окончания военных действий.

Но это заманчивое предложение не дало ожидаемого результата: пограничные бродяги неохотно откликались на призыв коменданта. Этим людям, промышлявшим грабежом, чуждо было чувство патриотизма; их инстинкт рыцарей наживы толкал их не на защиту общественного спокойствия, а на борьбу с ним. Восстание же индейцев сулило сумятицу, в которой можно было пожить.

Однако сорок бродяг все же откликнулись на зов капитана. Дон Маркос понимал, конечно, что эти плутоватые и недисциплинированные люди могут стать скорее обузой, чем помощью. Но при всем том это были лихие парни, хорошо знавшие все военные хитрости индейцев; капитан включил их в состав своего кавалерийского отряда.

Таким образом, дон Маркос де Ниса очутился во главе армии в триста пехотинцев и в сто двадцать кавалеристов. Это была, как ему казалось, сила, способная при умелом руководстве сдержать, под прикрытием укреплений, натиск многочисленной индейской армии.

Надо сказать, что из войн с краснокожими белые в большинстве случаев выходили победителями, несмотря на неукротимую отвагу и подавляющее численное превосходство индейцев. Белые одерживали победы не потому, что превосходили храбростью своих противников, а лишь благодаря своей дисциплинированности и военным познаниям...

Однажды вечером, когда дон Маркос возвращался домой после очередного обхода крепости, какой-то полу-

пьяный оборванец, церемонно поклонившись капитану, протянул ему грязноватую записку.

У капитана де Ниса вошло в привычку никогда ничем не пренебрегать: с одинаковым вниманием он относился к мелким происшествиям и к важным событиям. И теперь он остановился, взял записку, сунул реал* в руку несказанно обрадовавшегося оборванца и вошел в свой дом, расположенный в самом центре городка. Бросив шляпу и шпагу на стол, он развернул записку. Сначала дон Маркос окинул ее беглым взглядом; но, спохватившись, прочитал вторично, взвешивая каждое слово; а еще через минуту он тщательно сложил записку, пробормотав при этом одно только слово: «Пойду!» Это слово, должно быть, выражало бесповоротно принятое решение, плод его недолгого раздумья.

Записка была от Кидда.

Капитан давно знал разбойника; он был осведомлен и о некоторых преступлениях, совершенных бандитом. И Кидду стало бы не по себе, если бы он подозревал, что капитану хорошо известны секреты его бродяжнического существования. Нисколько не доверяя Кидду, старый во-яка все же не считал себя вправе пренебречь его предложением. Разумеется, дон Маркос решил при этом быть настороже и втайне обещал себе сурово покарать проходимца, если тот попытается надуть его. Вот так и случилось, что комендант Квитовака отправился в кабачок на свидание с Киддом.

Вернемся теперь к нашему рассказу.

Дон Маркос ввел Кидда в кабинет, плотно прикрыв за собой дверь. При всей своей наглости бандит со страхом озибался вокруг, словно волк, застигнутый в овчарне. Капитан указал ему на стул, а сам уселся за стол и, положив перед собой два пистолета, обратился к бродяге.

— Теперь, — сказал он, выразительно взглянув на пистолеты, — я готов слушать вас, Кидд.

— Карай! — развязно ответил бандит. — Охотно этому верю, капитан; но еще вопрос, расположен ли я говорить.

— А почему бы нет, мой дорогой друг?

— Эти игрушки на столе не очень-то развязывают язык, капитан.

* Р е а л — мелкая мексиканская монета.

Дон Маркос так взглянул на проходимца, что тот невольно опустил глаза. Облокотясь затем обеими руками на стол, капитан произнес не без издевки:

— Послушайте, маэстро, я люблю действовать в открытую; установим поэтому раз и навсегда наши взаимоотношения. Вы ведете беспокойное существование; ваш непоседливый нрав, ваше неудержимое желание присваивать вещи, на которые у вас имеются весьма сомнительные права, вовлекли вас в некоторые темные дела, способные повлечь довольно неприятные последствия для вас, если они будут раскрыты.

Тут бандит насторожился.

— Но я не стану останавливаться далее на вещах, которые могут смутить вас. Перейдем к предмету, ради которого вы здесь. Прошу не забывать при этом, кто вы и кто я. Вам, вероятно, известно, что я комендант этого города и обязан стоять на страже его внешней безопасности и внутреннего спокойствия. Не так ли?

— Конечно, капитан, — ответил Кидд, немного успокоенный тем, что разговор перешел на менее острую тему.

— Пойдем дальше, — продолжал дон Маркос. — Вы в своей записке предлагаете продать — это ваше подлинное выражение — некоторые весьма важные, по вашим же словам, сведения, необходимые для сохранения спокойствия и безопасности города. Другой на моем месте распорядился бы иначе: он приказал бы схватить вас и подвергнуть жестокой пытке. Говорят, вы сами не раз проделывали с людьми такие штуки по гораздо более низменным соображениям. О, это развязало бы вам язык, вы тотчас бы выложили все самые заветные свои секреты! Ну, а я предпочел обойтись с вами, как с порядочным человеком.

При этих словах капитана Кидд вздохнул свободнее.

— Но так как вы принадлежите, — продолжал дон Маркос, — к числу людей, которым не следует оказывать доверия, ибо они не преминут злоупотребить им без малейшего угрызения совести, я оставляю за собой право и возможность пустить вам пулю в лоб, если вы вздумаете надуть меня.

— Ну что за дикая мысль, капитан: пустить мне пулю в лоб! — пролепетал разбойник.

— А вы уверены, мой дорогой сеньор, что ваши друзья будут очень горевать, если бы с вами приключилось подобное несчастье?

— Гм!.. По совести говоря, я не очень в этом уверен, — пытался отшутиться Кидд. — Люди так злы!.. Но коль скоро вы принимаете мое предложение... ведь вы принимаете его, не так ли, капитан?

— Принимаю.

— Отлично! А что я получу за это?

— Вы продаете, я покупаю. Скажите вашу цену. Если она не покажется мне чрезмерной, я соглашусь с ней. Итак, говорите: сколько вы хотите?

— Пятьдесят унций... не будет слишком много?

— Конечно, нет, если дело того стоит.

— Значит, пятьдесят унций золотом? Решено, капитан? — радостно воскликнул проходимец.

— Повторяю: если дело того стоит.

— Увидите, капитан, — сказал бандит, потирая от удовольствия руки.

— Отлично, но нельзя ли без лишних слов! Вот кстати и доказательство моих честных намерений, — добавил дон Маркос, извлекая из ящика своего стола увесистый кошелек. — Тут как раз эта сумма.

И, выложив золото двумя столбиками, по двадцати пяти унций в каждом, дон Маркос установил их между двумя пистолетами. При виде золота в глазах бандита появился алчный блеск, как у хищного зверя при виде добычи.

— Клянусь Богом, капитан, — воскликнул он, — иметь с вами дело — одно удовольствие! Припомню это, когда представится другой случай.

— Буду рад, маэстро. А теперь начинайте!

— В двух словах вот в чем дело: папагосы избрали императора.

— Императора?!

— Именно! Не вождя, а императора.

— Что это им вздумалось?

— Им вздумалось добиться свободы и построить свою независимость на прочном фундаменте. Этого императора я видел своими глазами.

— Что за человек?

— Опасный человек: по всей видимости, он из бледнолицых, но в то же время он в курсе всех средств и возможностей, которыми располагают индейцы.

— Он молод?

— Лет шестидесяти; но выглядит он гораздо моложе.

— Понятно. Продолжайте.

— Важная весточка, не так ли?

— Важная; но сама по себе она не стоит пятидесяти унций.

— Погодите!

— Я жду.

— Яки, майи и серисы вовлечены в союз; планы 1827 года* снова овладели ими. Помните те дни поголовного восстания индейцев?

— Помню. Продолжайте!

— Первый удар обрушится на Квитовак.

— Знаю.

— Возможно. Но вот чего вы не знаете, капитан: у индейцев есть лазутчики среди вашего гарнизона; все приготовления к нападению закончены, и папагосы надеются захватить вас врасплох в ближайшие дни.

— Откуда у вас эти сведения?

Проходимец двусмысленно улыбнулся.

— Что вам до этого, капитан? Удовлетворитесь тем, что они достоверны.

— Вы знаете людей, вступивших в сношения с неприятелем?

— Да, капитан.

— Назовите их.

— Это было бы неразумно, капитан.

— Неразумно?

— Судите сами. Предположим, что я назову их; что тогда произойдет...

— *Vivo dios!* — резко прервал его капитан. — Произойдет то, что я расстреляю их как бешеных собак, в назидание другим.

— Вот это-то и будет ошибкой.

— Ошибкой?

— Грубейшей, капитан! Предположим, что вы расстреляете человек десять...

* В 1827 году вспыхнуло всеобщее восстание мексиканских индейцев. Восстание было с трудом подавлено.

— Даже двадцать, если понадобится.

— По мне, хоть двадцать! Жалеть не стану. А остальные, те, о которых ни вы, ни я ничего не знаем, — ведь они все равно продадут вас индейцам, и вы, вместо того чтобы улучшить, только ухудшите свое положение.

— Гм! Гм!.. — пробурчал дон Маркос. — А как бы вы поступили на моем месте?

— Очень просто: я позволил бы этим парням спокойно плести свою измену, ограничившись лишь строгим наблюдением за ними, а затем, перед самой атакой неприятеля, я бы втихомолку схватил их. Таким образом, не мы будем застигнуты врасплох, а индейцы будут обмануты в своих ожиданиях, и обманщики сами станут жертвами обмана.

С минуту капитан раздумывал.

— Что же, это, может быть, и неплохой совет; пожалуй, я ему последую. Ладно, называйте преступников.

И под диктовку Кидда капитан записал десяток имен.

— Забирайте свои унции, — сказал наконец дон Маркос. — Обещаю: каждый раз, когда вы будете доставлять мне подобные же сведения, я буду выдавать вам столько же. Я хорошо плачу, и вам прямой расчет верно служить мне. Но помните: если вздумаете обманывать меня, ничто не спасет вас от наказания. Предупреждаю вас: оно будет ужасным.

Словно зверь на долгожданную добычу, накинуся Кидд на золото, с невероятной быстротой исчезнувшее в его карманах.

— Сеньор Маркос, — сказал он на прощанье, — я всегда думал, что в этом мире золото — полновластный господин. Ему одному и повинуетесь ваш покорный слуга.

Произнеся эти слова, Кидд поклонился и удалился, оставив капитана в его кабинете.

Папагосы

Вернемся теперь к Твердой Руке и к дону Хосе Паредесу, которых мы заставили слишком долго дожидаться нас на вершине холма.

Ночь прошла без всяких происшествий. Паредес спал как убитый, тогда как Твердая Рука ни на минуту не смыкал глаз.

Солнце давно взошло; было девять часов утра, а Твердая Рука вопреки уговору, казалось, и не помышлял об отъезде. Занялся прекрасный день; небо было чистое, ночной ураган разогнал тучи; солнце сильно припекало, но в воздухе, очищенном грозой, сохранялась приятная свежесть. Вода, жадно всасываемая песками и быстро испарявшаяся под лучами тропического солнца, убывала почти с такой же стремительностью, с какой она затопляла поля во время ночного урагана. Прерия перестала походить на озеро; все говорило о том, что к полудню земля полностью подсохнет.

Стремительный паводок и почти столь же внезапный спад воды — одно из самых странных и почти необъяснимых явлений в этих краях; разгадку этого феноменального явления можно найти разве только в рыхлости здешней почвы, обожженной солнечным жаром.

Надобность в пироге миновала, и Твердая Рука даже не потрудился снять ее с дерева.

Прислонясь спиной к дубу, скрестив на груди руки и опустив голову, охотник размышлял, время от времени заботливо поглядывая на своего спящего товарища.

Дон Хосе, наконец, открыл глаза и, протяжно зевнув, сладко потянулся.

— Карамба! — воскликнул он, убедившись с первого взгляда, что солнце стояло высоко. — Я, кажется, здорово проспал; должно быть, поздно!

— Десять часов.

— Десять?! — мгновенно вскочив, воскликнул дон Хосе. — И вы не растолкали такого лентяя!

— Вы так сладко спали, дружище, что у меня не хватило духа.

— Гм, — сказал Паредес. — Я, право, не знаю, следует ли мне побранить вас или поблагодарить за такую заботу: ведь мы потеряли уйму драгоценного времени.

— Не горюйте! Взгляните: вода ушла, земля подсыхает... Лишь только спадет полуденный зной, мы сядем на коней и в несколько часов наверстаем потерянное время.

— Ваша правда, товарищ! — весело произнес дон Хосе, окинув окрестности опытным взглядом старожила прерий. — Ну, раз так, усядемся завтракать, и время пройдет незаметно.

Без дальних промедлений приятели принялись за завтрак, ничем не отличавшийся от вчерашнего ужина.

Настал час отъезда. С холма им пришлось спускаться, ведя лошадей на поводу. Крутизна, по которой они так лихо взлетали ночью, когда их подстегивала опасность, теперь предстала перед ними во всей своей неприглядности: это был чрезвычайно обрывистый и труднопроходимый спуск.

— А теперь, дружище, — сказал Твердая Рука, когда они сели на коней, — мы поедем в один атепетль*. Не возражаете?

— Я лично нет, но не пойму, какая от этого может быть польза для моего господина?

— Это как раз один из тех вопросов, на которые я пока не стану отвечать; вам достаточно знать, что мы предпринимаем этот шаг в интересах вашего господина. Наша поездка не повредит ему в его делах; напротив, она принесет ему большую пользу.

— Так с Богом, в путь! Но далеко ли отсюда эти индейцы?

* Атепетль — индейское селение.

— Для других это было бы целым путешествием. Но ведь мы с вами лихие наездники, да к тому же на великолепных конях. Мы доберемся туда завтра же не позже трех или четырех часов пополудни.

— Ну, значит, не так уж далеко. А в какой стороне лежит это селение?

— Да вы, наверно, слышали о нем, если только вас раньше не заносило туда как-нибудь случайным ветром. Селение это находится всего в двенадцати лье от асиенды дель Торо.

— Подождите, подождите! — воскликнул управитель, напряженно роясь в своей памяти. — Ну конечно, знаю! Я, правда, никогда не бывал в этой деревне, но много слышал о ней. Не там ли живет этот бледнолицый — один из главных вождей индейцев?

— Говорят, — уклончиво ответил охотник, едва заметно покраснев.

— Не странно ли: белый человек отказывается от общества себе подобных ради того, чтобы жить среди дикарей!

— Почему же «дикарей»?

— Боже мой! Всем известно, что индейцы неразумны, как дети.

При этих словах охотник, окинув Паредеса загадочным взглядом, чуть заметно пожал плечами, но промолчал; может быть, потому, что он мог бы слишком много сказать в ответ, а может быть, потому, что сомневался, может ли такой тяжелодум, как управитель, с его ограниченным умственным кругозором, понять его. Перекидываясь отрывочными фразами, они тронулись в путь.

День прошел без происшествий. До самой ночи они двигались с необычайной быстротой, лишь изредка останавливаясь, чтобы подстрелить себе дичь на ужин. Покуривая и беседуя, друзья неслись галопом к месту своей ночевки. Они мчались напрямик по прерии — по полету птиц, как говорят индейцы; взбирались на высокие кряжи, спускались с них, а реки переплывали, не тратя времени на поиски брода.

Такая езда совершенно немыслима в европейских странах, где путник, взявший напрямик, на каждом шагу наталкивался бы на села или города, которые ему пришлось бы объезжать. Но в Мексике, где поселения

крайне редки, подобный способ путешествия значительно сокращает путь.

Так и случилось, что приятели в двадцать четыре часа оставили за собой то самое пространство, на преодоление которого Паредесу потребовалось сорок восемь часов. Дело в том, что управитель, выехав из асиенды дель Торо, ехал проезжей дорогой почти до самого холма, на котором его застигло наводнение, в то время как два друга, избегая проторенных путей, мчались по тропам, протоптанным дикими зверями. Уже стемнело, когда путники расположились на ночлег в лесу по ту сторону асиенды дель Торо. Они миновали ее перед вечером, но и теперь еще виднелся вдалеке мрачный и горделивый силуэт замка.

Пейзаж принимал все более суровый и дикий характер; все тучнее росла трава, все непроходимее были чащи невиданных по своим размерам и возрасту деревьев, все говорило о близости границы так называемого «цивилизованного мира»; еще один шаг — и очутишься на индейской территории; так, по крайней мере, называют ее здесь, хотя на всех географических картах эта территория фигурирует как мексиканская.

Приятели развели огонь, с аппетитом поужинали, после чего завернулись в свои плащи, протянули ноги к огню и тотчас же уснули, полагаясь на инстинкт своих коней, которые, конечно, не дадут застигнуть себя врасплох и своим ржанием предупредят о приближении двуногого или четвероногого врага.

Ночь прошла, однако, спокойно. С восходом солнца наши путники возобновили свое прерванное путешествие.

— А знаете, я ведь ошибся, — заговорил вдруг охотник, обращаясь к Паредесу. — Я сказал вам вчера, что мы будем на месте во второй половине дня, а мы приедем в одиннадцать утра.

— Карамба! Чудесная новость!

— Видите там впереди пригорок? Оттуда открывается вид на селение, живописно раскинувшееся на склоне другого холма. Последние хижины поселка спускаются в долину, прямо к речке, прозрачные и быстротекущие воды которой образуют естественную преграду на подходе к атепетлю.

— Все это хорошо, но еще вопрос, как нас встретят там, — заметил дон Хосе.

— Папагосы — гостеприимный народ.

— Не сомневаюсь; к несчастью, у меня нет никаких оснований рассчитывать на их доброжелательство. Я слышал к тому же, что они весьма недоверчивый народ и без особого удовольствия встречают бледнолицых, заглядывающих в их поселки.

— Смотря по тому, с какой целью проникают туда белые.

— Вот это-то и заставляет меня задуматься.

— Почему?

— Говорят... я, конечно, не смею утверждать, но так говорят...

— Что именно?

— Что папагосы сильно волнуются и готовы восстать, если только уже не восстали.

— Они восстали уже много дней назад, — преспокойно ответил Твердая Рука.

— Что?! — с ужасом воскликнул дон Хосе. — И вы тащите меня к ним?

— А почему бы и нет?

— То есть как это «почему»? Да потому, что они попросту перебьют нас.

— Вы с ума сошли! — бросил ему в ответ охотник.

— С ума сошел, с ума сошел! — ворчал Паредес, недоверчиво покачивая головой. — Вам легко говорить! Ну, мне мало улыбается перспектива ни за что ни про что лезть в петлю.

— Повторяю, ничего плохого с вами не случится. Боже праведный! Да неужели вы считаете меня способным завлечь вас в западню?

— О нет, клянусь честью! Но мало ли что!.. Вы можете ошибаться, приписывая добрые чувства этим дикарям.

— Я знаю, что говорю. Вам нет надобности опасаться их. Более того, вам будет оказан почетный прием.

— Почетный? — недоверчиво протянул дон Хосе. — Гм, сомневаюсь.

— Увидите! Горе тому, кто осмелится поднять руку на моего спутника!

— Да кто вы такой, чтобы говорить так?!

— Охотник, только и всего! Но я друг папагосов и усыновлен одним из его племен. И любой человек, прибывающий со мной, должен быть из уважения ко мне принят как брат всеми сашемами* и воинами моего племени.

— Ну что же! — произнес Паредес тоном человека, выбитого со своих последних позиций и решившего примириться со своей участью.

— Впрочем, — добавил Твердая Рука, — колебаться теперь уже поздно и даже опасно. Индейские разведчики, рассеянные в лесах и пустошах, несомненно, успели заметить наше приближение и дали знать о нем; теперь малейшая наша попытка повернуть вспять вызовет их подозрения, и тогда со всех сторон враз вынырнут индейцы, и мы будем окружены и схвачены, прежде чем успеем подумать о своей защите.

— Дело, черт возьми, осложняется! Итак, вы полагаете, товарищ, что нас приметили?

— Хотите, докажу вам?

— Честное слово, я не прочь был бы лично убедиться в этом!

— Вы, однако, малOVER.

— Что поделаешь! Такой уж у меня характер.

— Ладно, будь по-вашему.

Путники находились в этот момент у подножия холма; высокая и густая трава полностью скрывала их от постороннего взгляда. Твердая Рука придержал лошадь и два раза подряд воспроизвел клекот ястреба. Почти мгновенно из кустарника с легкостью антилопы выскочил индеец и, остановившись в двух шагах от Твердой Руки, молча устремил на охотника свои черные умные глаза.

Появление индейца было столь внезапным, что управитель вскрикнул от удивления.

Это был молодой человек, не старше двадцати двух лет. Обнаженный до пояса, он своим статным телосложением напоминал бронзовую флорентийскую статуэтку. Вся его одежда состояла из митассес**, штанины которых были скреплены между собою волосами. Митассес были

* Сашем — индейский вождь.

** Митассес — штаны.

завязаны у лодыжек, а у пояса придерживались сыромятным ремнем.

Вооружение этого индейского воина состояло из подвешенного к ремню топорика и длинноствольного американского ружья, на которое он опирался с небрежной грацией. Из-за пояса выглядывал нож для снятия скальпов, с которым никогда не расстанется ни один индеец.

Твердая Рука, приветливо улыбаясь, поклонился индейцу и, вытянув вперед руку ладонью кверху, произнес:

— Ооа! Ваконда*, видно, не оставляет меня своей милостью, если на пути к моему народу меня встречает брат мой, Ястреб!

Молодой индеец, в свою очередь, поклонился с учтивостью, присущей всем краснокожим, и произнес гортанным ласковым голосом:

— Сашемы, предупрежденные о приближении Храбрейшего, сочли необходимым отправить навстречу Твердой Руке вождя. Ястреб счастлив, что выбор пал на него.

— Благодарю сашемов моего народа, соблаговоливших оказать мне столь великую честь! — отвечал охотник, выразительно мигнув своему спутнику. — Брат мой вернется с нами в селение или пойдет вперед?

— Ястреб пойдет вперед предупредить сашемов, чтобы гость сына нашего народа, Твердой Руки, был встречен сообразно его положению — спутника Храбрейшего.

— Хорошо; брат мой поступит так, как велит ему долг вождя. Твердая Рука не станет более задерживать его.

Молодой индеец кивнул головой в знак согласия и одним прыжком скрылся в чаще кустарника. Все это было сделано с такой быстротой, что самое появление его можно было принять за сон, если бы не заколыхались заросли кустарника, за которыми он скрылся.

— Тронемся дальше? — обратился охотник к изумленному и смущенному управителю.

— Ладно, — машинально ответил Паредес.

— Ну как, — снова заговорил Твердая Рука, — вы все еще продолжаете опасаться папагосов?

— Извините меня. Я, кажется, действительно был не совсем в своем уме.

* Ваконда — дух добра, верховное божество, почитаемое многими индейскими племенами.

Час спустя приятели подъезжали к речке.

Двенадцать папалосов в парадной военной одежде, верхом на великолепных скакунах неподвижно стояли, выстроившись в ряд, у самого берега реки.

Завидев путников, индейцы с громкими криками во весь опор помчались им навстречу, размахивая над головой ружьями и без усталости стреляя из них в воздух. Ветер красиво развеивал их одежды из шерсти белых бизонов, право носить которые принадлежало, заметим кстати, только самым знатным сашемам.

Наши приятели, в свою очередь, пришпорили мустангов и с громкими приветственными криками и ружейной пальбой понеслись навстречу сашемам.

Эта сумятица и бешеная скачка, представление о которой может дать разве только арабская джигитовка, длилась несколько минут.

Наконец, повинувшись властному окрику одного из вождей, всадники остановились и после короткой паузы выстроились по обе стороны путников, образуя нечто вроде почетного конвоя. Весь этот кортеж переправился вброд через реку и вошел в деревню, приветствуемый оглушительными криками женщин и детей, под неблагозвучный аккомпанемент собачьего лая, хриплых звуков двухстворчатых раковин и прочих визгливых инструментов.

Атепетль

Существует немало людей, полагающих, что все индейцы похожи друг на друга, что человеку, знакомому с бытом и нравами одного племени, излишне изучать обычаи и образ жизни всех других индейских народов. Пора исправить эту грубую ошибку. Между племенами индейцев, коренных жителей Америки, имеется не меньше различий в языке, в бытовом укладе и т. п., чем в национальных особенностях любых европейских народов. А может быть, и больше. Трудно перечесть множество разных диалектов, на которых говорят индейцы. Обычаи одного племени коренным образом разнятся от нравов другого, живущего на расстоянии нескольких лье от первого. Человек, вообразивший, что, побродив даже продолжительное время по прериям Дальнего Запада, он основательно изучил быт и национальные особенности индейцев, сам глубоко ошибается и, что еще хуже, вводит в заблуждение тех людей, которых он вздумал просветить на этот счет.

По своему образу жизни индейцы подразделяются на две большие семьи, а именно: на оседлых индейцев, занимающихся хлебопашеством, и на кочующих индейцев, промысляющих охотой.

Жилищем индейцев-охотников служат вигвамы* из кожи, легко переносимые с места на место. Эти индей-

* Вигвамы — шалаши, сделанные из складных деревянных каркасов, обтянутых бизоньими шкурами.

цы, которых в Мексике называют «индиос бравос», то есть «непокоренные индейцы», оседают в каких-нибудь краях и остаются там до тех пор, пока имеется достаточно корма для коней, дичи и зверья для людей.

У индейцев бравос имеются все же деревушки, потерявшиеся где-нибудь в непроходимой лесной чаще или в неисследованных ущельях Сиерра Мадре. Эти селения, предназначенные для зимовки, представляют собой беспорядочное нагромождение глинобитных и деревянных хижин и шалашей. Во время войны они служат убежищами для женщин, детей и стариков. Здесь же индейцы бравос прячут добычу, захваченную во время набегов.

Индейцы-хлебопашцы, напротив, сооружают основательные постройки для своего жилья, для зимовки скота и для хранения урожая. Эти индейские племена живут по своим законам и обычаям, но вместе с тем они признают мексиканские законы и подчиняются мексиканскому правительству, которое утверждает их вождей в звании алькальдов*. Оседлые индейцы называются «индиос мансос», то есть «покоренные индейцы».

В конфедерацию папагосов, состоящую из многих индейских народов, входят покоренные и непокоренные индейские племена; основным ядром конфедерации папагосов является могущественный народ хиленосов, насчитывающий в своем составе сто восемнадцать племен, каждое из которых имеет свой особый тотем**.

Хиленосы по преимуществу — земледельцы. некогда команчи, горделиво величавшие себя царями прерий и не без основания ведущие свое происхождение от чичимеков, этих первых завоевателей Мексики, постановлением «Совета вождей» распались на два больших народа. Трудно точно установить, когда это случилось, так как индейцы не ведут летописи, а свою историю знают только по изустным преданиям. Это решение бы-

* Алькальд — старшина сельской общины.

** Тотем — отличительный знак (герб) какого-нибудь индейского племени, обычно изображение животного (змеи, крокодил, буйвол, орел и т. п.), которому это племя поклоняется как своему родоначальнику.

ло продиктовано желанием прекратить одну долгую распря, грозившую переродиться в гражданскую войну. Одна отколовшаяся ветвь этого народа, оставившая за собой название «команчи», продолжала кочевать по необъятным прериям Дальнего Запада. Остальные племена этого великого народа осели на берегах Рио Хило, по имени которой и были названы хиленосами. Хиленосы променяли охоту на земледелие. Впоследствии они формально признали власть испанского, а затем мексиканского правительства, но фактически сохранили свою независимость.

Однако и после раскола команчей оба эти народа, помня о своем общем происхождении, жили в тесной дружбе и в случае надобности оказывали друг другу помощь и содействие.

Хиленосы свято чтут обычаи и заветы предков, среди которых особенно заслуживает быть отмеченным строгое воздержание от спиртных напитков. Они никогда не терпели у себя той системы притеснений и лихоимства, с помощью которой мексиканское правительство так безжалостно угнетает другие племена покоренных индейцев. Деревни хиленосов существенно отличаются от других индейских поселений своим своеобразием, в котором сказываются некоторые черты национального характера хиленосов.

Воспользуемся прибытием наших приятелей в атепетль, чтобы дать представление читателю о поселках хиленосов.

Еще подъезжая к деревне, Твердая Рука указал дону Хосе на многоэтажные постройки, словно прилепившиеся к склону холма.

Холм, на котором возвышались эти строения, был расколот надвое, очевидно, каким-нибудь очередным землетрясением. Между двумя образовавшимися возвышенностями залегла глубокая расселина — так называемая квебрада; на дне ее пенился и бурлил горный поток.

Вот по обе стороны этой квебрады индейцы и соорудили два громадных здания пирамидальной формы, вышиной примерно в восемьдесят метров. В этих причудливых постройках, заключавших в себе жилые помещения, амбары и склады оружия, помещалось восемьдесят человек мужчин, женщин и детей. Средством

сообщения между этими необычными сооружениями служил висячий мост из лиан, перекинутый на головокружительной высоте между вершинами обеих построек. Проникнуть в них можно было только по длинным стремянкам, которые убирались на ночь. Это была весьма существенная мера предосторожности, если принять во внимание, что двери находились на высоте двадцати метров от земли.

Трудно придумать нечто более живописное и вместе с тем любопытное, чем вид, открывающийся издалека на эту причудливую деревню с ее двумя башнями и стремянками, по которым беспрерывно сновало вверх и вниз множество людей. За несколько дней до прибытия наших путников вокруг поселка был вырыт для большей безопасности глубокий ров и возведен частокол, скрепленный лианами. Индейцы прибегли к этой мере предосторожности, опасаясь, как бы не угнали их коней. Хроника пограничной жизни пестрит такого рода неожиданностями. А между тем совет старейшин, подготавливая свою экспедицию, возлагал большие надежды на действия индейской конницы.

Наших путешественников с пышным церемониалом и все с тем же почетным эскортом проводили до площади, на одной стороне которой возвышался «ковчег первого человека», а на другой — «кали медесин»*, «дом совета старейшин».

Еще по пути сюда дон Хосе заметил в толпе индейцев несколько бледнолицых и обратил на это внимание Твердой Руки.

— Вы не ошиблись, — сказал охотник. — В поселке живет много мексиканских коммерсантов, ведущих торговлю с индейцами. В этом нет ничего удивительного: ведь хилеños — «индейцы мансос»... А вот вам и монахи!

И действительно, пузатый монах с багрово-красным лицом пересекал площадь, раздавая направо и налево всем встречным индейцам свое благословение, на что, впрочем, те обращали очень мало внимания.

— Эта почтенная братия, — продолжал Твердая Рука, — без усталости бродит по индейским деревням, но ей нигде не удастся завербовать приверженцев своей веры.

* Кали медесин — дословно: «дом для размышления».

Народ здесь придерживается религии своих предков. Но так как команчи слишком большие дикари, чтобы проявлять нетерпимость к другим верованиям, — усмехнулся охотник, — они предоставляют монахам полную свободу проповедовать свое учение, под строжайшим, разумеется, запретом совать свой нос в дела команчей. Монахам разрешили даже возвести здесь часовню, в которую иногда забегают помолиться какие-нибудь проезжие, но порога которой никогда еще не переступала нога местного жителя.

— Ну, а что станет с этими монахами теперь, когда война уже объявлена? — спросил управитель.

— А ничего! Спокойно будут жить здесь, и никто не обидит их и не станет притеснять. Индейцы, правда, дикий народ, но все же им не хватает дикости, для того чтобы заставить невинных отвечать за чужие преступления.

— Вы меня простите, Твердая Рука, — вспыхнул дон Хосе, — но мне неприятна язвительность, которая нет-нет, да проскользнет в ваших высказываниях! Благородный человек должен быть беспристрастным, каковы бы ни были его сокровенные чувства.

— Вы правы, друг мой. Но, когда вы больше узнаете обо мне, вы, несомненно, отнесетесь снисходительнее к этому моему недостатку. На том и окончим наш разговор, тем более что мы прибыли уже на место.

Площадь, на которую приехали путешественники, имела форму длинного прямоугольника, слегка поднимающегося к подножию левой башни поселка. На площадь выходило много улиц с нарядными и удобными домами. Такую картину не так уж часто можно встретить в индейских селениях. Будь этот поселок населен бледнолицыми креолами, он, наверно, получил бы право называться сиюдад, то есть город.

Перед «домом совета старейшин» стояли три человека; по шляпам из вигоневой шерсти, обшитым золотыми галунами, и по высоким тростям с серебряными набалдашниками в них нельзя было не признать главных вождей поселка. Дело в том, что в числе других обычаев, доставшихся мексиканцам в наследство от испанцев, удержалась и церемония облечения властью индейских вождей. Этот обряд, совершаемый от имени губернатора

одним из его чиновников, заключается во вручении алькальдам вышеупомянутых знаков власти — шляпы и трости.

Вожди хиленосов только для видимости получают свою власть от мексиканского правительства; в действительности правительство вынуждено считаться с общественным строем индейских племен и наделять властью именно тех людей, которые уже давно были признаны вождями своими соотечественниками.

Но вот путешественники вместе со своим эскортом остановились перед алькальдами или, говоря языком индейцев, перед сашемами.

Это были величавые пожилые люди. Особенно выделялся своей величественной осанкой самый старший из них. На вид ему было лет шестьдесят. Длинная седая, белая как лунь борода, статная высокая фигура, большой открытый лоб, прямой, с легкой горбинкой нос — все говорило о недюжинной натуре этого человека. Одет он был не на индейский манер, а по моде охотников прерий; на нем была рубашка из голубого миткаля, туго перехваченная кожаным поясом, на который обычно подвешивались оружие и патроны, широкие замшевые с застёжками до колен штаны, заправленные в ботфорты, а каблуки сапог были украшены невероятными шпорами, с колесиками величиной чуть ли не с чайное блюдечко.

Сашем этот не был индейцем, в чем нетрудно было убедиться с первого же взгляда; больше того, тонкие, красивые и живые черты его лица говорили о чистоте испанского происхождения.

Дон Хосе не мог сдержать возгласа удивления при виде человека, присутствие которого в таком месте и среди этих людей казалось ему непостижимым. Наклонившись к Твердой Руке, Паредес прошептал прерывающимся от необъяснимого волнения голосом:

— Кто этот человек?

— Разве вы не видите! — сухо отрезал Твердая Рука. — Это старший алькальд этого селения... Ни слова более! Все и так уже поражены, что мы разговариваем шепотом в их присутствии.

Дон Хосе замолчал, но глаза его продолжали пристально следить за тем, кого охотник с чуть заметной иронией назвал старшим алькальдом.

Немного позади трех сашемов стоял воин, державший в руке тотем с изображением кондора, этой священной птицы инков*.

Площадь быстро заполнялась народом — женщинами, стариками, детьми и вооруженными мужчинами. Всем хотелось присутствовать при торжественной встрече.

Церемониал открыл Ястреб.

— Отцы моего народа, — произнес он, соскочив с коня. — Храбрейший нашего племени вернулся и привел своего друга, бледнолицего.

— Добро пожаловать! — ответили в один голос все три вождя. — Добро пожаловать и другу его. Пусть гостит он у нас сколько душе его будет угодно; мы будем принимать его как брата!

Теперь заговорил выступивший вперед Твердая Рука.

— Благодарю за себя и за моего друга, — сказал он. — Мы приехали издалека, путь наш был долгий и тяжелый; мы очень устали. Да будет позволено нам отдохнуть несколько часов!

Индейцы, несказанно удивленные тем, что Твердая Рука, человек богатырского здоровья, за которым прочно утвердилась репутация неутомимого охотника, заговорил вдруг об усталости, решили, что у него должны быть на это особо важные соображения.

— Твердая Рука и его друг могут удалиться в приготовленный для них дом. Наш сын Ястреб будет сопровождать их.

Твердая Рука и Паредес почтительно поклонились старейшинам и последовали вслед за Ястребом через ряды расступившейся перед ними толпы. Собственно говоря, Твердая Рука мог бы и сам найти дорогу, ибо этот домик принадлежал лично ему, но он был не один, и этикет требовал, чтобы в честь гостя прибывших сопровождал один из вождей племени.

У самых дверей хижины Твердой Руки Ястреб сказал несколько слов на ухо охотнику и удалился.

— Чувствуйте себя как дома, друг мой, — обратился Твердая Рука к дону Хосе, когда Ястреб немного отъе-

* Инки — индейский народ, обширное государство которого с центром в Перу (Южная Америка) было завоевано испанцами.

хал. — Располагайтесь, как вам будет удобно; мне придется на время покинуть вас: я должен повидаться с одним человеком.

И, не дожидаясь ответа, Твердая Рука повернул коня и умчался прочь.

— Гм, здесь что-то нечисто, — пробормотал Паредес, оставшись один. — Уж не напрасно ли я доверился этому человеку? Придется, видно, быть начеку.

Совет сашемов

Твердая Рука, удалившись на некоторое расстояние от дома, придержал лошадь. Он трусил теперь мелкой рысцей, с виду безразлично поглядывая по сторонам, но в действительности зорко подмечая все, что делалось на улице селения. Встречные индейцы приветствовали его, как старого знакомого; женщины и даже дети старались привлечь к себе внимание веселым смехом и поздравлениями с приездом. А у него находилось ласковое слово для каждого.

В сопровождении множества людей, из любопытства следовавших за ним, охотник проехал через всю деревню и остановился у левой башни. Соскочив здесь с коня, он бросил поводья какому-то мальчику, а сам не без труда стал пробивать себе дорогу сквозь толпу, любопытство которой нисколько не ослабевало, а скорее возрастало с каждой минутой. Наконец ему удалось добраться до стремянки, заменявшей здесь лестницу. Ухватившись за ее поручни и кивнув на прощание собравшимся индейцам, Твердая Рука быстро поднялся по стремянке и скрылся в дверях башни.

Это причудливое снаружи здание отличалось удобным и хорошо продуманным внутренним устройством. Но охотник, не оглядываясь, торопливо пробежал ряд помещений и по внутренней лестнице поднялся до самой вершины пирамиды.

Там перед дверью, завешенной вместо портьеры звериной шкурой, стоял на страже Ястреб.

— Брат мой не заставил долго ждать себя, — сказал Ястреб, вежливо поклонившись охотнику.

— Совет уже начался?

— Четыре раза всходило солнце, а старейшины нашего народа все еще не отходят от «костра совета». Лишь только ради приезда брата моего, Твердой Руки, решились они прервать на один час свои труды.

Охотник нахмурился.

— А я не мог бы поговорить несколько минут с великим сашемом?

— Не знаю, право, что ответить по этому поводу брату моему, — отозвался Ястреб.

— Хорошо, — сказал охотник, внезапно меняя ход разговора. — Нет ли у Ястреба поручения для меня?

— Никакого! Ястребу было только приказано доложить о приходе Твердой Руки, как только он появится.

— Ооа! А вот и я! Или брат мой Ястреб исполнил уже полученный приказ и доложил обо мне?

Вместо ответа Ястреб приподнял завесу и, посторонившись, пропустил охотника в «большую комнату» совета.

В обширном зале, совершенно лишенном мебели, если не считать высушенных черепов бизонов, заменявших стулья, свыше двадцати усевшихся в круг человек торжественно и сосредоточенно раскуривали калюмет*, передавая его из рук в руки.

В центре круга в золотой жаровне горел неугасимый огонь Монтесумы**. Предание гласит, что этот последний император Мексики перед смертью роздал самым верным своим приверженцам этот огонь, который, как еще и теперь уверяют индейцы, берет свое начало от самого солнца.

Этот огонь, ревниво оберегаемый от взоров простых смертных, извлекался из глубокого подземелья напоказ народу лишь при исключительных обстоятельствах. Тот факт, что он был перенесен в этот зал, говорил о том, что совету предстояло обсудить дело первостепенной важности. О том же свидетельствовали суровые и сосре-

* Калюмет — индейская трубка с длинным чубуком.

** Монтесума — последний император государства ацтеков, заванного испанцами.

доточенные, исполненные достоинства лица собравшихся вождей. Вопреки обыкновению, все они были без оружия.

Эта мера предосторожности, принятая по инициативе великого сашема, объяснялась не столько значительным числом собравшихся вождей, сколько принадлежностью их к разным племенам. Ведь, кроме представителей каждого племени из конфедерации папагосов, в этом совете присутствовали сашемы народов, находившихся обычно в состоянии войны с папагосами и теперь отложивших на время свою вражду, чтобы принять участие во всеобщем восстании против непримиримых врагов индейцев. Тут можно было увидеть яков, майев и серисов в самых парадных нарядах, разукрашенных волчьими хвостами, этими знаками отличия, право ношения которых имеют только храбрейшие. Там и сям мелькали лица белых и креолов; то были вольные охотники прерий и трапперы.

Председательствовал на этом собрании Огненный Глаз, тот самый старик, портрет которого мы уже набросали выше. При появлении Твердой Руки все воины встали, повернулись к нему лицом и, любезно поклонившись, пригласили сесть между ними.

Охотник, внутренне польщенный оказанным ему приемом, в свою очередь, с достоинством поклонился членам совета и занял место справа от Огненного Глаза, вручив предварительно свое оружие Ястребу, который немедленно вынес его из комнаты совета. Наступило молчание, длившееся до тех пор, пока Твердая Рука не сделал несколько затяжек из переданного ему калюмета. Молчание прервал Огненный Глаз.

— Сын наш прибыл к нам как нельзя более кстати, — обратился он к охотнику, — братья Твердой Руки с нетерпением ждали его возвращения. Он побывал в стане наших врагов, у него есть, конечно, что сообщить нам.

Охотник поднялся и, обведя взглядом все собрание, начал:

— Я, действительно, прибыл из страны гачупин*, я посетил их города, побывал в их селениях, проник в их

* Г а ч у п и н — презрительное прозвище, которое индейцы дали мексиканцам. (Примеч. автора.)

форты. Они отдают себе отчет в угрожающей им опасности, принимают все меры, чтобы пресечь ее, — словом, они, так же как и мы, готовятся к войне.

— Это довольно общие и расплывчатые сведения; мы надеялись, что Твердая Рука более точно осведомит нас о передвижениях неприятельских сил, — упрекнул охотника Огненный Глаз.

— Я, действительно, могу это сделать... — ответил Твердая Рука.

— К чему же тогда хранить молчание?

На мгновение молодой человек замялся, смутившись под множеством устремленных на него глаз.

— У белых есть поговорка, — вымолвил он наконец, — мудрость которой я ценю сегодня как никогда.

— Что за поговорка?

— Слово — серебро, молчание — золото...

— Может быть, сын мой выскажется яснее? — настаивал Огненный Глаз.

— Самое страшное оружие белых — это умение сеять измену среди своих врагов, — продолжал охотник. — Они всегда побеждали нас с помощью измены, избегая открытой и честной встречи с индейцами лицом к лицу. Вот поэтому-то нам не следует решать на таком многочисленном собрании дела, от которых так много зависит. Кто знает, не затесался ли в нашу среду предатель? Пока речь идет об общих вопросах войны, это еще куда ни шло; но раз уж мы приступаем к обсуждению действий, от которых зависит исход войны, необходимо принять меры, чтобы неприятель не был осведомлен о наших решениях.

— Но у нас нет возможности поступить иначе.

— Есть. И вот наглядный пример того, насколько бледнолицые хитрее нас: с объявлением войны они создают комиссию из трех... самое большее из пяти человек, специальное назначение которой и состоит в том, чтобы наметить план военных действий. Почему бы и нам не поступить так? Дело это не хитрое да имеет к тому же и другую хорошую сторону. Если мексиканцы проведут все же о решениях такой малочисленной комиссии, предатель будет вмиг обнаружен. Что же касается остальных вождей и уполномоченных дружественных наций и союзных племен, то они займутся в большом совете общими интересами индейских народов

и их взаимоотношениями. Это позволит задушить в зародыше споры, которые возникают часто из-за простых недоразумений и почти всегда перерождаются в кровавые и бесконечные распри. Я сказал, и пусть братья мои сами рассудят, следует ли им принять во внимание мои слова.

И, отдав собранию круговой поклон, Твердая Рука снова занял свое место.

Здравый смысл — отличительная черта индейского народа. Всем было ясно, что Твердая Рука недоговорил до конца свою мысль; тем не менее вожди прекрасно поняли его. Они сообразили, что у охотника имеются основания не называть до поры до времени имя. Вожди оценили справедливость его рассуждения и почувствовали необходимость немедленно принять подказанное охотником решение, в котором были заинтересованы все индейские народы. Неудивительно, что шепот одобрения прошел по всему залу, когда Твердая Рука кончил свою речь. Такого рода свидетельство успеха всегда ласкает слух оратора, где бы ни случилось ему блеснуть своим красноречием.

Огненный Глаз обвел вопросительным взглядом всех членов совета; каждый из них ответил ему утвердительным кивком.

— Предложение сына нашего, Твердой Руки, принято, — обратился к охотнику великий сашем. — Мы все признали необходимым воплотить его в жизнь. Но мы снова вынуждены прибегнуть к мудрости сына нашего: пусть научит он нас, как произвести назначение членов комиссии.

— На мой взгляд, в этом деле должен решать случай. Все собравшиеся здесь сашемы — самые избранные и самые храбрые воины своих народов. Но на кого бы из них ни пал выбор судьбы, он сумеет с честью справиться со своей задачей.

— Сегодня, как и всегда, когда совет вождей запрашивает мнение Твердой Руки, сын наш сказал мудрые слова. Так пусть же он закончит так хорошо начатое дело и научит нас, как узнать волю судьбы!

Охотник поднялся со своего места и направился к выходу.

— Я выполню волю моего отца, Огненного Глаза, — сказал он, выходя из зала.

Его отсутствие длилось всего лишь несколько минут, но вернулся он не один, а в сопровождении Ястреба. Заметим тут в скобках, что Ястреб как вождь имел право участвовать в совете, но не мог им воспользоваться, так как ему доверили охрану совета. Юный вождь нес в руках шерстяное одеяло, свернутое в виде мешка.

— Я бросил в этот мешок, — начал Твердая Рука, — столько же пуль, сколько присутствует здесь вождей. Эти пули я вынул из патронташей вождей, по одной из каждого патронташа. Пули эти разных калибров; каждый по очереди будет тянуть жребий. Потом мы сравним пули, и те трое или пятеро — как вам будет угодно — вождей, которым достанутся пули самых крупных размеров, и будут считаться избранными.

— Дельное предложение! Так, по крайней мере, не будет задето ничье самолюбие! — воскликнул Огненный Глаз. — Я думаю, что нам следует одобрить его.

Все молча кивнули в знак согласия.

— Нам остается еще решить, сколько будет членов комиссии. Три? Пять?

Слово на этот раз попросил один из бледнолицых членов совета.

Это был коренастый охотник лет сорока, с открытым и энергичным лицом, известный всему Дальнему Западу под странным прозвищем «Свистун».

— Да позволено будет мне, простому охотнику, высказать свое мнение перед этим собранием мудрых и знаменитых воинов. Я думаю, что комиссия из трех человек не сможет плодотворно обсуждать и решать такие важные дела, ибо слишком легко будет какому-нибудь мнению собрать большинство голосов. При пяти членах комиссии это будет затруднительнее, люди вынуждены будут отстаивать свои идеи и спорить, а в спорах, как известно, рождается истина. Поэтому я за комиссию из пяти человек. Да, вот еще что: будут ли участвовать в жеребьевке присутствующие здесь креолы и бледнолицые?

— А разве они не будут сражаться бок о бок с нами? — живо откликнулся Огненный Глаз.

— Так-то оно так, — ответил Свистун, — да все же, может быть, лучше предоставить это дело вам

одним; ведь мы, в сущности, не более, чем ваши помощники.

— Нет, вы наши братья и друзья! Мы отдаем должное вашей щепетильности, Свистун, но отвергаем выдвинутое вами предложение. Вы должны делить с нами и права, и обязанности.

После того, как совет принял решение создать военную комиссию из пяти членов, приступили к жеребьевке. Воины подходили по очереди к Ястребу и вытаскивали пули из мешка. Сравнение калибров их производилось с той добросовестностью и беспристрастием, которые присущи индейцам в их отношениях между собою.

Полагаясь на случай, люди нередко добиваются прекрасных результатов. Так было и на этот раз. Жребий пал на тех именно вождей, которые благодаря своим талантам, уму и военному опыту собрали бы большинство голосов и при другом способе избрания. Суеверные саше-мы, несказанно обрадованные этим счастливым совпадением своих желаний с волей слепого случая, немедленно истолковали его как предзнаменование благоприятного исхода войны. Избранными оказались: Огненный Глаз, Ястреб, Твердая Рука, Свистун и вождь апачей, по имени Пекари.

Когда выборы закончились и вожди снова расселись по местам, Твердая Рука подошел к одному бледнолицему трапперу, который всячески старался не попадаться на глаза Твердой Руке, скрываясь за спинами индейцев. Хлопнув траппера по плечу, охотник негромко, но повелительно произнес:

— На два слова, Кидд.

Бродяга невольно вздрогнул от этого прикосновения; но, мгновенно оправившись, он с приторной вежливостью поклонился охотнику.

— Я весь к вашим услугам, — слащаво улыбаясь, произнес Кидд. — Неужели и на мою долю выпало, наконец, счастье быть вам чем-нибудь полезным?

— Выпало! — сухо ответил охотник.

— Говорите же скорей, сеньор, приказывайте! Будьте уверены, что все от меня зависящее...

— Хватит! — оборвал его Твердая Рука. — Перейдем к делу!

— Слушаю вас, — сказал бандит, стараясь скрыть свою тревогу.

— Дело в следующем: худо ль это или хорошо, но ваше присутствие здесь раздражает меня...

— К сожалению, ничем не могу помочь вам, любезный сеньор.

— Можете! И очень просто.

— А именно?

— Немедленно покинуть эту башню, сесть на коня и убраться прочь.

— Хо-хо! — произнес бродяга с принужденным смехом. — Позвольте вам заметить, что ваше желание кажется мне довольно странным.

— Вы находите? — холодно возразил Твердая Рука. — А по мне, это прекрасная мысль; и вполне естественно, что она пришла мне в голову.

— Вы, конечно, шутите, — неуверенно произнес опешивший бандит.

— Послушайте, Кидд! Вы ведь знаете, со мной шутки плохи. Не так ли? Так вот я повторяю вам: убирайтесь и как можно скорей! Советую вам... ради вашего же блага.

— Но мне надо еще найти подходящий предлог для такого бегства. Что подумают обо мне индейские вожди, удостоившие меня приглашением на этот совет, что подумают, наконец, обо мне мои друзья охотники, если накануне открытия военных действий я покину их без уважительной причины?

— А мне какое дело! Я требую, чтобы вы немедленно убрались отсюда прочь, а не то...

— А не то?

— А не то я на глазах у всех всажу вам пулю в лоб как предателю и шпиону.

Бандит невольно содрогнулся. Его лицо посинело, несколько секунд он не спускал своих злых змеиных глаз с охотника, который смерил его брезгливым взглядом.

— Твердая Рука, — прошептал наконец Кидд на ухо охотнику, — сегодня вы сильнее меня, всякое сопротивление с моей стороны было бы безумием; я уступаю вам. Но я отплачу вам, запомните это!

Твердая Рука презрительно пожал плечами:

— Мстите, если сумеете. А пока подите прочь, или я приведу в исполнение свою угрозу!

С этими словами Твердая Рука отошел от бандита. А тот, сдержав готовое сорваться вслед охотнику проклятие, молча вышел из зала.

Когда десять минут спустя Кидд мчался во весь опор по направлению к лагерю рудокопов, в голове его роились замыслы один коварнее другого.

Совет сашемов

(продолжение)

Индейские вожди, конечно, догадывались о том, что произошло между охотником и американским бандитом; тем не менее никто из них даже виду не подал, что заметил внезапный отъезд Кидда.

Один только канадский траппер Свистун подошел к охотнику, пожал ему руку и, раскатисто смеясь, сказал:

— Браво, товарищ! Вы не промахнулись — попали, можно сказать, на лету в эту дичь! От души поздравляю: вы избавили нас от смердящего гада. Черт его знает, кто он — ни рыба, ни мясо! Меня, во всяком случае, никак не устраивала физиономия этого плута.

— Она бы устраивала вас еще меньше, мой милый Свистун, если бы вы узнали его поближе.

— А у меня нет желания знакомиться ближе с этим мошенником. Прерия кишмя кишит такого сорта птицами.

Вожди между тем вновь заняли свои места, и прерванный на время совет был снова возобновлен.

Индейцы, которых любят изображать дикарями, могли бы преподать уроки учтивости и обходительности парламентариям нашей старой Европы: они никогда не прерывают оратора нелепыми, а чаще всего неуместными репликами, до которых так охочи многие наши депутаты.

Вожди здесь выступают по очереди. Ораторов слушают в благоговейном молчании, они имеют полную возможность высказаться, не опасаясь наткнуться на оскорбительные колкости. Когда прекращаются прения, председатель, — а эту обязанность выполняет обычно старейший вождь или вождь, занимающий благодаря своей храбрости или мудрости самое высокое положение в племени, — делает краткое заключение о ходе обсуждения и спрашивает мнение остальных вождей, а те высказываются молчаливым покачиванием головы. Меньшинство всегда безоговорочно подчиняется большинству.

Прежде чем продолжать наш рассказ, мы в нескольких словах посвятим читателя в причины, вызвавшие недовольство индейцев и побудившие их восстать против мексиканских властей.

После провозглашения независимости Мексики правительства этой страны, повторяя ошибки первых завоевателей Мексики, начали притеснять индейцев. На них стали смотреть как на рабов, которых можно безнаказанно обирать; власти обложили непомерно высокими пошлинами предметы первой необходимости, которые отпускались индейцам через особых агентов. Вся жизнь индейцев была подчинена особым, ограничительным, поистине драконовским законам*. Расовая ненависть мексиканских властей доходила до того, что за индейцами отрицали право на человеческий разум, к ним обращались с оскорбительным наименованием *gente sin razon* — «люди без разума». Последствия такой системы угнетения не заставили себя долго ждать.

Сначала индейцы отвечали на притеснения правительства тем, что молча уходили искать в пустынях и лесах свободу, в которой им отказывали здесь. Но обидам не было конца, индейцев и там продолжали преследовать, как диких зверей; доведенные наконец до отчаяния, они решились мстить и платить злом за зло.

Тогда возобновились периодические набеги индейцев, своей ожесточенностью напоминавшие те вторжения щитоносцев, которые с таким трудом и ценою большой кро-

* Драконовские законы — суровые законы. Названы так по имени Дракона, легендарного греческого законодателя VII века до нашей эры.

ви были пресечены некогда испанцами. Погромы и разграбления мексиканских городов практиковались в таких широких масштабах, что команчи и апачи, подтрунивая над мексиканцами, иронически прозвали время года, излюбленное ими для своих регулярных набегов, «мексиканской луной».

Неоднократно восставали также индиос мансос, или покоренные индейцы, которые в силу своей связи с землей вынуждены были оставаться в поселениях, невзирая на все притеснения, жертвами которых они являлись. Мексиканскому правительству удавалось усмирять и успокаивать восставших мансос лишь с помощью уступок и обещаний, которые неизменно нарушались и предавались забвению, лишь только индейцы складывали оружие. Таким образом, военные действия, постепенно охватывая все пограничные штаты Мексиканской конфедерации, приобрели постоянный характер.

Однако, если не считать нескольких вторжений, превосходивших по своим размерам обычные набеги индейцев, все это не представляло еще серьезной опасности для мексиканского государства. Индейцы удовлетворялись тем, что частыми боевыми столкновениями с мексиканцами держали их в состоянии вечной тревоги. Так было до 1827 года, когда вспыхнуло всеобщее восстание мексиканских индейцев, чуть было не лишившее Мексику ее богатейших провинций. Серьезность этого восстания заключалась в том, что на этот раз индейцы, вооруженные огнестрельным оружием, отказались от своей старой стратегии и под руководством испытанных вождей развернули настоящую войну, упорно стараясь закрепиться на территориях, в которые им удалось вторгнуться.

Индейцы избрали императора, создали свое правительство, обнаруживая твердое намерение отвоевать свои бывшие владения и восстановить свое независимое, национальное государство. Мексиканцам удалось справиться с этим восстанием ценою больших потерь и жертв. Да и достигли они этого не столько силою оружия, сколько благодаря предательству и раздорам, посеянным ими же среди индейских вождей.

Однако на этот раз восстание щитоносцев заставило призадуматься мексиканских правителей. Они поняли, что прошли времена, когда с индейцами можно было

обращаться, как с существами низшего порядка. Мир был заключен на условиях, весьма приемлемых для индейцев, и мексиканцам волей-неволей пришлось делать вид, что они выполняют договор, предоставив индейцам управляться по законам своего племени.

Несколько лет среди индейцев мансос, удовлетворенных уже тем, что мексиканские власти перестали унижать их национальное достоинство, царило спокойствие. В эти годы мексиканцам пришлось защищать свои границы только от индейцев бравос (непокоренных). Надо сказать, что и с этой задачей мексиканские власти справлялись весьма посредственно; индейцы бравос, нарушив границы, установленные испанцами, прочно обосновались на развалинах бывших селений креолов и, постепенно продвигаясь каждый год все дальше и дальше, в глубь страны, в конце концов чувствительно урезали в свою пользу мексиканскую территорию.

Между тем, по мере того как сглаживались из памяти страхи, навеянные восстанием 1827 года, стала возрождаться политика притеснения индейцев мансос. Эта линия, сначала глухая, проявлялась все более резко, не встречая сопротивления со стороны мансос, с тупой покорностью сносивших возмутительную систему угнетения, снова обрушившуюся на них. Уступки, которых индейцы добились в 1827 году, бесцеремонно попирались; возвращались порядки, господствовавшие до восстания.

А индейцы продолжали терпеливо сносить притеснения и обиды мексиканских властей; казалось, они окончательно примирились со своей печальной участью. Обманчивое спокойствие, за которым таилась страшная буря! Тяжелое пробуждение ожидало мексиканцев.

На этот раз индейцы вели себя с поразительной предусмотрительностью и осторожностью. Они, безусловно, успели бы усыпить бдительность мексиканцев, не будь многочисленных соглядатаев, которых мексиканское правительство постоянно содержало в каждом индейском селении. В числе этих шпионов находился и Кидд, вовремя разоблаченный и изгнанный из зала совета Твердой Рукой.

Однако эти агенты, при всем своем желании угодить тем, кто платил им, могли дать лишь самые скудные сведения о тайно подготовлявшемся восстании. Агентам

было, например, известно, что индейцы избрали императора; они проведали и про то, что этим императором был бледнолицый. Но кто был этот человек, откуда он взялся, как его имя — на все эти вопросы они не могли ответить. Шпионы знали, что движение возглавляла конфедерация папагосов, что именно она и нанесет первый удар мексиканцам, но никому из них не было известно, когда и где откроются военные действия.

Но и этих сведений было достаточно, чтобы вызвать у мексиканцев неприятные воспоминания о последнем индейском восстании и пролитой тогда крови. Правительство стало готовиться к отражению первого, самого страшного натиска индейцев. При своих ограниченных средствах военные власти лишены были возможности укрепить границу на всем ее протяжении, но им удалось подготовить к обороне опорные пограничные форты, что само по себе являлось уже немалым достижением для властей этой страны.

Мексиканское правительство решило отправить подкрепление из столицы в эти наиболее угрожаемые пограничные штаты. Однако, это намерение не было приведено в исполнение; более того, оно породило новые и весьма серьезные осложнения для центрального правительства.

Случилось то, что вообще может произойти только в бывших испанских колониях, где царят беспорядок и анархия. Войска, предназначенные для отправки в Сонору, наотрез отказались идти сражаться с индейцами, заявив, что им «...мало улыбается воевать с варварами, которые, в нарушение международного права, без всякой церемонии снимают скальпы со своих пленников».

Президент республики, сознавая опасность, грозящую стране, вздумал было силой данной ему власти принудить солдат выступить в поход. Тогда произошло то, что и следовало ожидать: солдаты продолжали упорствовать в своем неповиновении и, в довершение всего, окончательно взбунтовавшись, устроили прунунсиаменто в пользу генерала, назначенного командовать экспедицией. Надо отдать должное этому генералу: он первый догадался высказаться против отправки столичных войск на помощь пограничным гарнизонам!

Этот переворот оказался той искрой, которая подожгла пороховой погреб. Гражданская война в несколько дней охватила всю Мексику. Губернаторы Соноры и Си-

налао, предоставленные собственным ограниченным силам, очутились в затруднительном положении, осложнявшемся к тому же неуверенностью самих губернаторов в том, что им удастся удержаться на своих постах при новом президенте. Неудивительно, что они воздерживались от решительных действий и не проявляли никакой инициативы, стараясь лишь получше укрепиться в пограничных опорных пунктах и удержать в повиновении солдат, готовых каждую минуту разбежаться.

Мы умышленно так долго задержались на этих исторических событиях, потому что они имеют существенное значение для дальнейшего нашего повествования. Дело в том, что о них-то и сообщил подробно Твердая Рука совету вождей.

— Мне думается, что настал час, — закончил Твердая Рука, — нанести тот решительный удар, который мы так долго готовим. В рядах наших врагов царит смятение, они потеряли присутствие духа, их солдаты боятся нас, и я убежден, что они не выдержат столкновения с нашими храбрыми и доблестными воинами. Вот все, что я могу сообщить совету; но я не хочу, чтобы наши решения дошли до ушей мексиканских властей. Вот почему я вышвырнул отсюда этого бледнолицего, который, по моему глубокому убеждению, продан нашим врагам. Сашемы сами решат, правильно ли я поступил или действовал необдуманно, под влиянием страстей. Я сказал.

Шепот одобрения пронесся по залу, а польщенный охотник, смутившись, опустился на свое место.

— По-моему, — сказал взявший слово Свистун, — совету нечего больше обсуждать. Решение начать войну принято, теперь у совета лишь одна только забота: привлечь к нашему союзу другие индейские народы. А что касается военных операций и выбора часа для вторжения на мексиканскую территорию, то все это уже дело военной комиссии, которая обязуется хранить свои решения в строгой тайне. Я сказал.

Теперь поднялся Огненный Глаз.

— Сашемы папагосов, и вы, воины союзных народов, — произнес он своим теплым и душевным голосом, — настал час закрыть наш совет! Отныне будет заседать один лишь совет из пяти вождей. А вы, вожди и воины, возвращайтесь к своим племенам, вооружайте

своих отважных сынов и прикажите им исполнить «танец скальпа» вокруг «столба войны». Но восьмое солнце должно застать вас снова здесь, на этот раз во главе ваших воинов. Каждый из вас должен быть готов выступить в тот час, который будет назначен для вторжения.

Я сказал. Довольны ли вы моим словом, воины-исполины?

Вожди молча покинули свои места, отправились в другую комнату за оружием и, спустившись с пирамиды, помчались во весь опор по разным направлениям.

Огненный Глаз и Твердая Рука остались одни в зале.

— Сын мой, — сказал Огненный Глаз, — что можешь ты сообщить мне?

— Многое, отец, — почтительно ответил Твердая Рука. — Многое и очень важное.

Ранчо

Оставим на некоторое время наедине Огненный Глаз и Твердую Руку и вернемся несколько назад, к событиям, которые произошли в асиенде дель Торо еще до отъезда дона Хосе в Эрмосильо.

Молодые мексиканские девушки, выросшие в глуши, у самых индейских границ, за отсутствием общества и знакомых, проводят большую часть своего времени верхом на коне. Целыми днями они объезжают свои огромные поместья, протянувшиеся на двадцать-двадцать пять лье, скачут по горам и полям, навещают убогие хижинки пастухов и пеонов.

Донья Марианна, возвращаясь в асиенду после многих лет затворничества в монастыре города Сан-Росарио, горела желанием возобновить свои пленительные прогулки верхом по лесам и долам. В сопровождении слуги, а чаще всего одна, молодая девушка посещала то одного, то другого из тех, с кем были связаны лучшие воспоминания детства. Все восхищало ее во время этих прогулок: простор прерий, цветы, которые она собирала, солнце, под лучами которого она загорала, ветер, который дул ей в лицо, — одним словом, она была полна радостным и цельным ощущением жизни, тем светлым восторгом, который знаком одной лишь нетронутой юности.

Чаще всего донья Марианна направлялась к одному ранчо, расположенному примерно в трех лье от асиенды среди густых зарослей мескита.

Это глинобитное строение возвышалось на берегу реки, на довольно обширной прогалине на месте леса, вырубленного и выкорчеванного под пашню бедными обитателями этого жалкого жилья. Позади ранчо виднелся загон, заменявший кораль для двух коров и четырех лошадей, составлявших все достояние хозяина ранчо. Надо, впрочем, сказать, что внутри это ранчо не казалось таким убогим, как снаружи. Оно состояло из трех помещений. Два из них были отведены под спальни; третье представляло собой большую комнату, служившую столовой, гостиной, кухней и всем чем угодно; сюда заходили даже куры, нахально поклевывавшие рассыпанные на полу зерна и крошки маисовых лепешек.

У правой стены этой комнаты находился низкий очаг — очевидно, для стряпни; середину комнаты занимал большой дубовый колченогий стол; в глубине комнаты виднелись две двери, ведущие в спальни. Стены этой комнаты были разукрашены теми безвкусными олеографиями, которыми парижские коммерсанты наводняют всю Америку; а ловкие коробейники, для облегчения сбыта, приписывают еще к ним объяснения, ничего общего не имеющие с содержанием картинки. Здесь, например, висела среди прочих олеография, изображающая переход Наполеона через Сан-Бернар*. Лошадь Наполеона ведет под уздцы горный проводник. Надпись под этой картиной гласила: «Великий старец святой Мартин, разделяющий свою шинель с бедняком». Забавнее всего, что Наполеон был очень далек от того, чтобы «разделять» свою шинель с проводником (который, как видно, ничуть в ней и не нуждался), а, ежась от холода, сам кутался в нее**.

Несколько кресел дополняли обстановку комнаты. Такая незатейливая меблировка могла бы, пожалуй, сойти за роскошную в этих краях, где потребности весьма низки и люди не имеют ни малейшего понятия о бытовых удобствах.

Это ранчо, с незапамятных времен принадлежавшее одной индейской семье, переходило из поколения в поколение от отца к сыну. Обитатели его были последними

* Горный переход из Швейцарии в Италию.

** Автор этой книги видел такую олеографию в кабинете одного богатого мексиканского золотопромышленника. (Примеч. автора.)

и единственными представителями многочисленного когда-то индейского населения, обитавшего на этой территории до вторжения испанских завоевателей.

Эти индейцы мансос, давно уже обращенные в христианскую веру, были старыми и верными слугами маркизов де Могюер, которые, в свою очередь, любили их и считали своим долгом оказывать им помощь и покровительство. Семья забыла свое индейское имя, ее знали только по фамилии Санхес. Она состояла из трех человек. Возглавлял семью слепой, но еще прямой и молодой старик. Несмотря на свою слепоту, он уверенно расхаживал, не боясь заблудиться, по всем лесным тропинкам в сопровождении одной только своей собаки Бухало. Мать, сорокалетняя высокая и сильная женщина с крупными чертами лица, сохраняла еще следы былой красоты. Сын, хорошо сложенный молодой человек, отважный охотник, служил в асиенде в качестве тигреро*.

Луиза Санхес вскормила донью Марианну, и молодая девушка, рано лишившаяся матери, питала к ней горячую привязанность. Вполне понятно, что в сердце юной доньи Марианны жила постоянная потребность излить на кого-нибудь свою нежность. Она не могла отдать ее вечно угрюмому на вид отцу и отдавала своей кормилице.

Для обитателей ранчо возвращение молодой девушки было радостным событием. Вся семья — отец, мать и сын — тотчас же сели на коней и помчались в дель Торо расцеловать свое дитя, как они, по душевной своей простоте, называли ее. На полпути они встретили донью Марианну: сгорая от нетерпения свидеться с ними, она как одержимая мчалась в ранчо в сопровождении своего брата, подтрунивавшего над ее привязанностью к кормилице.

С тех пор не проходило дня, чтобы молодая девушка не заглядывала в ранчо. Обычно она заезжала утром и делила с семьей незатейливый завтрак, состоявший из нескольких тонких лепешек, поджаренных в очаге на чугунной доске, из куса отварной говядины, приправленной красным перцем, из молока, из кесадила**.

* Тигреро — истребитель тигров.

** Сырники из зеленого сыра, твердые, как подошва. (Примеч. автора.)

незатейливые деревенские кушанья прились по душе донье Марианне, которая уплетала их с видимым удовольствием.

Бухало, как и все обитатели ранчо, обожал донью Марианну. Это был длинношерстный мексиканский шпиц, белый с черными подпалинами, достигший десятилетнего возраста, задиристый и злой, как и все представители его породы. Этому псу было знакомо одно только чувство: чувство беспредельной преданности своему хозяину, за которым он шел всегда по пятам, у ног которого неизменно лежал. Но с возвращением молодой девушки у этого почтенного четвероногого появилась новая привязанность. Каждое утро Бухало убегал на дорогу сторожить появление доньи Марианны; завидя ее, он неся навстречу и приветствовал свою любимицу прыжками, оглушительным лаем и прочими собачьими нежностями.

Что касается тигреро Мариано Санхес, то его нежная привязанность к Марианне подогревалась еще тем обстоятельством, что они были тезками. А в Мексике тождество имен рассматривается как своего рода духовное родство, дающее право на установление самых тесных дружеских отношений. Токайо и токайя*, по этому трогательному поверью, — почти брат и сестра.

Нередко случалось, что молодой тигреро проделывал в одно утро восемь-десять лье на коне, лишь только бы поздороваться со своей тезкой. За это его награждали улыбкой, приводившей Мариано в самое блаженное состояние.

Старик Санхес с момента возвращения доньи Марианны горевал, как он сам говорил, лишь о том, что лишен возможности видеть ее и наслаждаться ее красотой; он вознаграждал себя поцелуями и объятиями...

Было около одиннадцати часов утра; солнце ярким светом заливало хижину, из леса доносился оживленный птичий гомон. Старик Санхес перетирал зерна между двумя ручными жерновами, а жена его, просеив муку сквозь корзину, заменявшую сито, замешивала тесто для тонких маисовых лепешек. Поджаренные на противне,

* Токайо — тезка (мужчина); токайя — тезка (женщина). Токайо и токайя называют в Латинской Америке тех, кому при крещении дали имя одного и того же святого.

они и являются по существу основным питанием бедных мексиканцев. Бухало, конечно, уже поджидал донью Марианну на дороге.

— Что б это значило, что Мариано до сих пор нет? — спросил старик. — Обычно топот его коня бывает слышен намного раньше...

— Бог знает, где теперь наш бедный малыш, — отвечала мать. — Вот уже несколько дней, как здесь объявилась семья ягуаров; они успели задрать немало коней в асиенде. Наш малыш выслеживает их. Наверно, он и сейчас сидит где-нибудь в засаде. Только бы не попал ненароком бедняга в когти к этим зверям!

— Совсем ума лишилась, мать! — воскликнул старик, пожимая плечами. — Мыслимое ли это дело, чтобы ягуары справились с нашим сыном?!

— Все может случиться, — вздохнула мать.

— Это все равно, что сказать, что Бухало способен совладать с пекари*; одна небывальщина стоит другой. А Бигот? Ты забыла про Бигота? Да Мариано шага не сделает без Бигота! Ну, а эта помесь волка с ньюфаундлендом, ростом с полугодовалого жеребенка, способна повалить и койота**.

— Я не отрицаю этого, отец, — отвечала жена. — Но при всем том наш сын занимается опасным ремеслом, за которое может когда-нибудь поплатиться жизнью.

— Полно, мать! Мариано слишком ловкий охотник, да и ремесло его очень выгодное. Ведь за каждую шкуру ягуара он получает четырнадцать пиастров, а это что-нибудь да значит для нас, особенно с тех пор как из-за этой слепоты — будь она проклята! — я перестал работать. Эх, раз уж я ни на что не годен, не лучше ли было бы, в самом деле, моим старым костям отправиться на покой в могилу?

— Не смей так говорить, отец! Особенно при нашей дочке, она не простит тебе этого. Неправильно ты сказал: ты немало поработал на своем веку и заслужил свой отдых; пусть теперь сын поработает за тебя.

— Да, кстати, мать, — смеялся старик, — меня, кажется, не задрали ягуары. А между прочим, я сорок лет

* Пекари — дикая свинья в Южной и Центральной Америке.

** Койот — американский степной волк, сильный и свирепый хищник.

проработал тигреро. Может быть, ты думаешь, что тогдашние ягуары были покладистее нынешних?

— Уж помолчал бы лучше! Тебя они, действительно, не тронули, но они растерзали отца твоего и деда. Что ты теперь скажешь, отец, а?

— Гм-м... — пробормотал опешивший старик. — Я скажу... я скажу...

— Ничего ты не скажешь, потому что тебе нечего ответить!

— Что?! За кого ты меня принимаешь, мать!.. Да, это верно: мой отец и мой дед попались ягуарам в когти, но случилось это потому... потому...

— Ну же! Почему? Говори!

— Да потому, что эти звери нечестно дрались с ними! — обрадовался старик найденному объяснению. — Эти коварные бестии знали, с кем они имеют дело, и пустились на хитрость, изменив свои обычные звериные повадки; иначе им никогда не удалось бы схватить таких искусных охотников, какими были мой дед и мой отец!

Хозяйка только улыбнулась, пожав плечами. Она не стала больше возражать, зная, что бесполезно спорить с мужем, который никогда не согласится с ее взглядами на рискованное ремесло тигреро. А старик, торжествуя, что за ним, как ему казалось, осталось последнее слово, не стал, однако, злоупотреблять своей победой. Лукаво улыбаясь, он принялся свертывать свою пахитоску. Луиза Санхес тем временем занялась приготовлениями к завтраку. Но, убирая комнату и накрывая на стол, она с замиравшим от тревоги сердцем чутко прислушивалась к малейшему шуму в лесу.

Где-то залаял Бухало; его лай, сначала глухой и отдаленный, с каждым мгновением звучал все громче и явственнее. Старик привстал со своего кресла, а Луиза Санхес бросилась к дверям и на пороге столкнулась с доньей Марианной, улыбающееся лицо которой, казалось, дышало свежестью полей.

— Добрый день, мать! Добрый день, отец! — произнесла она своим мелодичным голосом, целуя старика, нежно обнимавшего ее. — Ну, будет, будет, Бухало! — продолжала она, лаская пса, бурно выражавшего свой собачий восторг. — Мать, попросите токайо отвести моего Негро в кораль; он вполне заслужил свою порцию овса.

Все это было сказано почти не переводя дыхания, с веселой игривостью, свойственной молодым девушкам.

— На этот раз, моя дорогая, придется мне вместо Мариано отвести Негро, — сказал старик, выходя из ранчо.

— Мать, — весело произнесла молодая девушка, — где же мой молочный брат?

— Он еще не вернулся, нинья.

— Не вернулся?! Не может быть!

— Теперь уж, верно, скоро будет... Так я надеюсь, — отвечала мать, подавляя тяжелый вздох.

Молодая девушка испытующе взглянула на нее.

— Что с вами, мать? — произнесла она, схватив за руку бедную женщину. — Что-нибудь случилось с ним?

— Сохрани Боже, голубка! — воскликнула женщина, сложив молитвенно руки.

— Но вы встревожены, мать, вы что-то скрываете от меня! Что случилось, скажите!

— Ничего, дитя мое. Прости меня, ничего особенного не случилось, и я ничего не скрываю от тебя. Вот только...

— Только?

— Ну, коли ты требуешь, дорогая, я сознаюсь тебе: я очень волнуюсь, боюсь, как бы не приключилось с ним несчастья... От этих тигров всего можно ждать!

— Полно, мать, что за мысли! Мариано — искусный и бесстрашный охотник. Второго такого не сыщешь, пожалуй, на всем белом свете.

— Ах, нинья, ты говоришь то же, что и старик! И никто из вас не понимает, что станет со мной, если я потеряю сына!

— Как можете вы говорить так, мать! Мариано не грозит никакая опасность. Он запоздал немного и скоро появится. Вот увидите!

— Дай Бог! Дай Бог!

— Я так уверена в этом, что не сяду за стол без него.

— И тебе недолго придется ждать, дочка, — сказал старик, входя в дом.

— Едет?! — радостно воскликнула мать, украдкой смахивая слезу.

— Что я говорила вам! — весело подхватила девушка.

— Чу! Слышите, как скачет! — произнес старик с облегчением, сам свободно вздохнув при этом.

Обе женщины выбежали навстречу Мариано.

На опушке леса показался всадник, мчавшийся во весь опор, с развевающимися на ветру волосами, с мужественным и энергичным лицом, разгоревшимся от быстрой езды. Рядом с конем бежала собака, великолепная помесь волка с ньюфаундлендом — с мощной грудью и огромной мордой.. Не отставая от лошади, пес то и дело поглядывал на нее своими умными и выразительными глазами.

— Vivo dios, дорогая токайя! — воскликнул Мариано, одним прыжком соскакивая с коня. — Как я счастлив, что застал вас! Я так боялся опоздать!.. Бигот, — крикнул он, бросая поводья собаке, подхватившей их зубами на лету, — отведи-ка лошадь в кораль!

Собака послушно направилась к загону, ведя коня на поводу.

Мариано и обе женщины вошли в дом, где сын прежде всего поздоровался с отцом, поцеловав его в лоб и пожав ему руку. Потом подошел к матери и нежно обнял ее.

— Почему так запоздал, жестокий? — выговаривала ему мать.

— Не слушай ее, мальчик! — воскликнул старик. — Она совсем помешалась.

— Как не стыдно, отец! — вмешалась донья Марианна. — Лучше бы вы побранили Мариано. Я ведь тоже беспокоилась за него.

— Не сердитесь на меня, — отвечал молодой человек. — Мне никак нельзя было отлучиться раньше из лесу: я отслеживаю семью ягуаров.

— Это здешние ягуары?

— Нет, это бродячие звери; должно быть, их загнала сюда засуха. Тем они опаснее: не имея постоянного логова в наших краях, они охотятся где попало, там и сям, и следы их то и дело исчезают.

— Лишь бы только они не вздумали забраться и сюда поближе! — с тревогой заметила мать.

— Вряд ли: звери избегают близости человеческого жилья. Но все же будет благоразумнее, донья Марианна, если вы на некоторое время ограничите свои прогулки и не будете слишком углубляться в лес.

— А чего мне, собственно, бояться?

— Да, пожалуй, нечего: серьезных оснований для тревоги пока еще нет. Но лучше все же соблюдать осторожность: мы еще так мало знаем о повадках хищников, особенно пришлых хищников.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась девушка. — Вы просто хотите напугать меня, Мариано!

— Ничуть. Впрочем, мы с Биготом проводим вас до самой асиенды.

Собака, вернувшаяся из коралля, услышав свою кличку, завиляла хвостом.

— Ни в коем случае! — отвечала Марианна, запустив свои тонкие пальцы в шелковистую шерсть собаки и трепля ее за уши. — Оставьте Бигота в покое. Я приехала сюда одна и уеду одна. И если только тигры не засели в засаду где-нибудь на моей дороге, пусть-ка попробуют они настигнуть моего Негро!

— Но послушайте, нинья... — начал было снова Мариано.

— Ни слова больше на эту тему, прошу вас! Я буквально умираю от голода. Мне кажется, что даже этим ягуарам, явись они сюда, не удастся лишить меня аппетита.

Заблудились

Сели за стол; завтрак, вопреки стараниям доньи Марианны развеселить всех, протекал в атмосфере натянутости и недомолвок.

Тигреро злился на свою молочную сестру за отказ взять его в провожатые. По существу, он только намекнул ей на возможность встречи с ягуарами при возвращении ее в асиенду; а ведь на самом деле опасность была куда более серьезной, чем он дал ей понять.

Воспользуемся случаем, чтобы в нескольких словах рассказать о ягуарах. Мало известные в Европе, эти хищники являются настоящим бичом Мексики. Индейцы и белые Северной Америки страшатся их более, нежели арабы боятся африканского льва. После льва и тигра ягуар — самый крупный зверь кошачьей породы. Кювье* называет его большой дикой кошкой. Ягуара называют также американским тигром, а иногда пантерой. Ростом и сложением своим ягуар достигает огромных размеров: длина его корпуса доходит до двух метров и двадцати сантиметров (из них семьдесят сантиметров приходится на хвост); рост его равен восьмидесяти сантиметрам. Ягуар замечательно красивый зверь. Его рыжая шерсть

* К ю вье Ж о р ж (1769—1832) — основатель палеонтологии — науки о вымерших ныне ископаемых животных и исчезнувших растениях. Переход этих животных и растений путем развития в соответствующие им и ныне живущие виды был доказан продолжателем Кювье, русским палеонтологом Вл. Ковалевским.

у самой головы расписана под мрамор, а на шее и по бокам разрисована черными почти округлыми мазками. Брюхо и ноги ягуара покрыты белой шерстью, также украшенной черными пятнами самых причудливых очертаний.

Редко какое животное в силах уйти от ягуара. Он неутомимо преследует лошадей, быков и бизонов и на всем скаку овладевает своей жертвой. Он, не задумываясь, бросается в воду и ныряет за рыбой, до которой ягуар большой охотник, вступает в бой с крокодилом и пожирает выдру. Мало того, он воюет не на жизнь, а на смерть с обезьянами, и не без успеха, ибо благодаря своей ловкости и цепкости он взбирается на вершины деревьев, достигающих высоты шестидесяти метров, и даже тех, кроны которых находятся почти на такой же высоте.

Как и все хищники, ягуар старается держаться подальше от человека. Впрочем, доведенный до отчаяния голодом или преследованием охотника, ягуар, не помышляя больше о бегстве, храбро вступает в отчаянный бой и с человеком.

Вот уже добрых десять дней, как наш тигреро выслеживал этих хищников и все еще никак не мог добраться до них. Судя по следам, их было четверо: самец, самка и двое детенышей.

Теперь понятно, почему мысль о страшной опасности, грозившей донье Марианне на обратном пути в асиенду, приводила в такой ужас молодого тигреро. Но, слишком хорошо зная донью Марианну и не надеясь поэтому переубедить ее, он не возобновлял разговора на эту тему. Мариано решил незаметно следовать за ней на почтительном расстоянии, чтобы в случае опасности подоспеть к ней на помощь.

А донья Марианна, заметив, что все словно нарочно молчат об ягуарах, сама снова заговорила о них. Она закидала своего молочного брата вопросами: допытывалась, как и когда появились они в этой местности, интересовалась бедами, которые они успели натворить, требовала подробностей о том, как думает он справиться с ними. Тигреро отвечал с неизменной вежливостью, но ограничивался скухими ответами, не поддаваясь великому соблазну всех охотников рассказывать о своих охотничьих похождениях. Сдержанность тигреро в разговоре

на тему, которой он сам только что придавал серьезное значение, невольно рассердила донью Марианну. Она начала подтрунивать над своим тезкой и в конце концов насмешливо заявила ему, что, по ее убеждению, никаких ягуаров вообще не существует; очевидно, он сам их выдумал только для того, чтобы посмеяться над ней.

Мариано отнесся добродушно к ее шуткам и даже признал, что не к чему нагонять на всех так много страха, а затем, желая переменить тему разговора, снял со стены гитару и начал бренчать какой-то танец.

Так в песнях, в разговорах и в смехе незаметно прошло несколько часов. Марианне пора было ехать. Тигреро отправился в кораль, оседлал лошадь молочной сестры, а заодно и своего коня.

— Однако вы долго возились в корале, Мариано! — смеялась молодая девушка, когда он подвел ее коня. — Уж не нашли ли вы там каких-нибудь новых подозрительных следов?

— Нет, нинья, но так как мне тоже надо ехать, то я заодно с вашей лошадью оседлал и свою.

— Собираетесь снова поохотиться на ваших воображаемых ягуаров? — иронически спросила Марианна.

— Ничего не поделаешь: надо!

— Только, ради Бога, не промахнитесь! — с деланным ужасом воскликнула она.

— Постараюсь, хотя бы потому, что я намерен преподнести вам шкуры этих ягуаров. Надеюсь, этот подарок убедит вас в том, что они существуют не только в моем воображении.

— Благодарю за доброе намерение, токайо, но не мешает вспомнить поговорку: «Не следует делить шкуру неубитого ягуара».

— Ладно, ладно! Скоро мы узнаем, кто прав, кто виноват.

Расцеловав на прощанье старика и свою кормилицу, Марианна весело вскочила в седло и протянула руку Мариано.

— Не сердитесь, Мариано, — сказала она, наклонившись к нему. — Вам не по пути со мной?

— Собственно говоря, да.

— Так почему бы нам не поехать вместе?

— Боюсь, как бы вы не заподозрили меня в том, что я собираюсь охранять вас.

— Ба, ба! Я и забыла! Тогда до завтра. Счастливой охоты!.. Вперед, Негро! — и, махнув напоследок рукой своей кормилице, Марианна пустила лошадь в галоп.

Тигреро с минуту провожал ее глазами. Проследив направление, по которому она умчалась, Мариано вошел в дом, снял со стены свое ружье и зарядил его с тщательностью, присущей охотникам, когда они знают, что их жизнь зависит от меткого выстрела.

— Неужели в самом деле едешь? — спросила с беспокойством мать.

— Да, и сейчас же.

— Куда собрался?

— Проводить донью Марианну в асиенду.

— Это ты хорошо надумал. Ей грозит опасность?

— Собственно говоря, нет. Но отсюда не очень близко до асиенды, и бравос, говорят, беспокойны, да и граница не так уж далека от нас. Всякое может случиться.

— Хорошо сказано, мальчик! Наша детка напрасно разгуливает одна по лесам.

— Поезжай скорее, сынок! — заторопил сына старик. — Долго ли до беды! Бедная девочка! Ты напрасно все же не настоял на своем: надобно было поехать вместе с нею.

— Она ни за что не согласилась бы, отец; разве не знаешь ее?

— И то верно. Как только увижу дона Руиса, скажу ему, чтобы он запретил сестре прогуливаться одной. Не такое теперь время.

Но Мариано уже не слышал отца; вскочив на коня, он в сопровождении своего пса во весь опор помчался догонять донью Марианну.

Было пять часов пополудни, когда донья Марианна, удалившись довольно далеко от ранчо, перевела своего коня с галопа на спокойную рысь. Вечерний ветерок нежно покачивал деревья, чуть пригибая к земле их мохнатые зеленые шапки. Гаснущее солнце красноватым шаром низко, словно касаясь земли, повисло на небосклоне. Пахло свежестью; воздух был напоен чудесными ароматами цветов и растений. Лес огласился мелодичным пением птиц; вырвавшись из оцепенения, навеянного жарой, они радостно щебетали на каждой ветке. Марианна отдалась опьяняющей красоте природы. Незаметно для самой себя она, постепенно теряя ощущение

ние местности и окружающих ее предметов, погрузилась в какое-то полужабытье, полное неясных грез.

О чем думала девушка? Вероятно, она сама не могла бы сказать. Она просто и безотчетно поддалась очарованию чудесных сумерек.

Прежде чем выехать в открытую степь, донья Марианне надо было проехать довольно большой участок леса. Она столько раз проделывала этот путь в любое время дня и была так уверена, что ей не грозит никакая опасность, что, отдавшись своим мечтам, бросила поводья на шею коня.

Сумерки в лесу между тем сгущались, смолкло пение птиц, прикорнувших на ночь в листве; солнце закатилось, один за другим тускнели и гасли красные блики на небосклоне. Ветер крепчал, и ветви, раскачиваясь, жалобно и протяжно стонали. Небо темнело, ночь быстро спускалась на землю. Из лесной чащи донеслось первое пронзительное завывание волков; затем ночную тишину нарушило многоголосое глухое рычание, оповещающая обитателей леса, что хищники вышли на охоту.

Внезапно все огласилось протяжным и в то же время звучным ревом, отдаленно напоминающим мяуканье кошки. Зловещее эхо его, зазвенев у самых ушей молодой девушки, вывело донью Марианну из ее мечтательной задумчивости... Молодая девушка задрожала от испуга. Ее лошадь, предоставленная самой себе, шла куда глаза глядят, и донья Марианна очутилась в совершенно незнакомой ей местности; короче говоря, она заблудилась.

Заблудиться в американском лесу — значит погибнуть.

Леса здесь состоят из деревьев одной и той же породы; человеку, не обладающему чудесным умением индейцев и охотников ориентироваться среди самой непроходимой чащи, совершенно невозможно выбраться отсюда. Куда ни взглянешь, всюду нескончаемые зеленые своды; их утомительное однообразие нарушается лишь тропами, проложенными хищными зверями. Этот сложный лабиринт пересекающихся и переплетающихся между собой тропинок в конце концов приводит к неведомому водоему, безымянной речке, неприхотливо и задумчиво протекающей среди густых кустарников. Место, в котором очутилась донья Марианна, было одно из са-

мых диких в лесу. Здесь тесной толпой росли деревья невиданной толщины и вышины. Они образовали непроницаемую стену, почти прижимаясь друг к другу и переплетаясь между собой лианами, неисчислимые поросли которых вырывались отовсюду. С их ветвей свешивались фестонами, зачастую до земли, сероватые мхи, называемые здесь «испанской бородой». Густой покров прямой и высокой травы свидетельствовал о том, что здесь еще не ступала нога человека.

Чувство непреодолимого страха овладело девушкой. Мгновенно вспомнились ей рассказы молочного брата об ягуарах; ужас, навеянный этими воспоминаниями, возрастал от обступившего ее мрака и доносившегося со всех сторон зловещего рыка. Тут только трепещущая и побледневшая донья Марианна поняла, куда завело ее собственное легкомыслие. Взывая о помощи, она крикнула изо всех сил, но голос ее замер где-то в лесу. Ее окружала ночь, она была одна, затерявшаяся в диком лесном безлюдье.

Донья Марианна попыталась было вернуться назад. Но уже исчезла стежка, которую по дороге сюда протоптала ее лошадь; примята копытами трава успела выпрямиться.

Кругом была непроглядная тьма, в четырех шагах не было видно ни зги, и девушке стало ясно, что всякая попытка найти дорогу только заведет ее в еще большую глушь.

Мужчина, очутившийся в таком положении, нашел бы какой-нибудь выход. Он развел бы костер, который защитил бы его от холода и держал бы в почтительном отдалении зверей; на случай нападения он мог бы пустить в ход огнестрельное оружие. У доньи Марианны нечем было развести огонь; у нее не было и оружия, которым, впрочем, она вряд ли могла бы воспользоваться. А впереди долгая ночь, сулившая ей гибель. Как упрекала она себя за свою легкомысленную самоуверенность! Но жаловаться было поздно, приходилось покориться судьбе.

В первый момент, когда донья Марианна поняла, что бесповоротно погибла, ею овладело глубокое отчаяние; сказала присущая женщинам слабость. Но постепенно наступила реакция. Донья Марианна была верующей, и прежде всего она, сойдя с коня, опустилась на колени —

и прочитала молитву. Поднялась она совсем успокоенной, а главное, сильной. Конь, поводья которого она не выпускала из рук, неподвижно стоял рядом с ней. Марианна ласково потрепала рукой благородное животное, этого последнего оставшегося с ней друга. Затем, повинаясь какому-то безотчетному внушению, она расстегнула все пряжки подпруги, в кровь расцарапав при этом свои прелестные, но неумелые руки.

— Милый Негро, — печально проговорила она, снимая с него уздечку и седло, — я не хочу, чтобы ты поплатился жизнью за мою ошибку. Возвращаю тебе свободу. Может быть, верный инстинкт животного поможет тебе найти дорогу и спастись. Ступай же, мой добрый друг! Вперед! Ты свободен.

Лошадь весело заржала и, сделав гигантский скачок, исчезла в темноте.

Донья Марианна осталась одна, теперь уже совсем одна.

Твердая Рука

Трудно себе представить, какие ужасы таит в себе ночная мгла в американских лесах. Даже в полдень солнце не в силах прорваться сквозь этот гигантский зеленый шатер. Днем здесь все погружено в неясный полумрак, а ночью тьма становится такой густой, что, кажется, ее можно прощупать руками. Нигде ни малейшего просвета в этом хаосе, лишь изредка в чаще кустарника зловеще блеснут зрачки какого-нибудь хищного зверя. Они мелькали все чаще и чаще, появлялись и там и сям. Значит, грозные обитатели леса выползли уже из своих логовищ, готовясь под покровом воцарившейся в лесу ночи справлять свои кровавые тризны. Отовсюду — из-за каждого бугорка, из каждой лощинки — неслись неясные шумы, не имеющие названия на человеческом языке: одни — звучные и пронзительные, другие — басовитые и урчащие, третьи — напоминающие мурлыканье, четвертые — звучащие, как дьявольский смех, — и все это сливалось в сплошной, наводящий ужас концерт. Потом в этот гомон ворвалась чья-то тяжелая поступь и вслед за тем хлопанье крыльев вспугнутых птиц. И ни на минуту не умолкало шуршание, какое-то неясное и непрерывное копошение бесконечно малых существ. Это было дыхание природы, занятой своей непостижимой алхимией.

Провести ночь в лесу без огня и оружия — дело достаточно страшное и для мужчины; такая ночь превра-

щается в непередаваемый кошмар для женщины, особенно для такого хрупкого и изнеженного существа, каким была донья Марианна. Выросшая взаперти, она не способна была ничего предпринять для самозащиты. Наклонившись в ту сторону, куда умчалась ее лошадь, донья Марианна напряженно прислушивалась к удалявшемуся топоту копыт. Эти знакомые звуки были для нее своего рода связью с жизнью; пока они доносились до ее ушей, в сердце девушки теплилась надежда. Но когда они замерли в отдалении и могильная тишина снова нависла над ней, Марианна задрожала и, опустившись почти без чувств на землю, прислонилась к дереву, ни о чем больше не думая, ни на что больше не надеясь. Да и на что она могла надеяться в этой зеленой могиле, которая при всей своей необъятности накрепко захлопнулась над ней, не оставляя ни малейшей лазейки в жизнь?

Сколько времени находилась она в этом состоянии полнейшей душевной прострации? Час? А может быть, одну минуту? Этого она сама не знала.

Человеку, потерявшему надежду, кажется, что время остановилось: минута тянется, как век, а час — как вечность.

Внезапно какой-то шум, неясный как дыхание, поразила ее слух. С каждой минутой он нарастал с необычайной силой. Ошибиться было невозможно: Марианна тотчас догадалась, что это возвращался обезумевший от ужаса Негро.

Сердце доньи Марианны похолодело от страха: она понимала, что только преследование диких зверей могло заставить Негро вернуться в эту глушь. Страшная действительность не замедлила оправдать ее догадку. Послышалось жалобное ржание лошади, которому, точно замогильное эхо, вторил в два голоса пронзительный и грозный рык.

В следующую минуту девушка словно во сне увидела силуэт коня, бешеным галопом промчавшегося мимо нее; за ним молнией мелькнули две страшные тени, а еще через мгновение снова донеслось надрывающее душу ржание, прерванное торжествующим рычанием.

Как ни ужасно было ее собственное положение, донья Марианна не могла удержать слезы, медленно скатившиеся по ее лицу. Ее лошадь пала, она услышала ее предсмертный хрип. Она потеряла последнего товарища;

свобода, которую она дала Негро, оказалась для него роковой. Странно, что в этот страшный миг ей и в голову не приходила мысль, что, может быть, всего несколько минут отделяют ее собственную гибель от гибели лошади, что смерть коня является как бы грозным предвестником ожидающей ее участи.

Донья Марианна оцепенела; будь даже у нее в эту минуту под рукой какое-нибудь верное средство спасения, она не могла бы воспользоваться им: все в ней погасло, даже самый инстинкт самосохранения — чувство, которое обычно продолжает жить даже тогда, когда немеют все остальные чувства живого существа.

К счастью для молодой девушки, ветер дул в сторону от ягуаров; к тому же они лизнули крови, и чутье их притупилось. Эти два обстоятельства, вместе взятые, и отодвинули на время ее последний час.

Звери были полностью поглощены своим занятием; слышался только хруст лошадиных костей, крошившихся в зубах хищников, да их довольное мурлыканье, изредка прерываемое грозным урчанием, когда один из зверей покушался на лакомый кусок другого.

Сомнений больше не было: звери, справлявшие свой кровавый пир, были теми самыми ягуарами, за которыми так долго охотился тигреро Мариано. Злосчастная звезда доньи Марианны привела ее к ним.

Мало-помалу донья Марианна не то чтобы свыклась с опасностью, нависшей над ее головой (ибо привыкнуть к ней было немыслимо), но в силу закона, по которому всякое явление, достигнув своей кульминационной точки, должно неизбежно убывать, страх, хотя и не покидавший девушку, вызвал в ней новое, непонятное чувство. Ее вдруг невольно потянуло к этим зверям. В полуобморочном состоянии, вытянув шею, наклонившись вперед, она жадно впилась широко открытыми глазами в черные силуэты копошившихся во тьме зверей, с безотчетным интересом следя за их малейшими движениями и испытывая какое-то горькое любопытство, от которого ее бросало то в жар, то в холод.

Вдруг ягуары, с остервенением пожиравшие свою добычу, подняли головы и стали обнюхивать воздух. Вслед за тем их глаза, горящие как раскаленные угли, уставились на донью Марианну. Она поняла, что погибла безвозвратно, и приготовилась к смерти. Инстинктивно она

закрыла глаза, чтобы избежать одурманивающей притягательной силы металлического блеска их глаз.

Ягуары, однако, не двинулись с места. Удобно рассевшись на останках коня и не спуская глаз с доньи Марианны, они почесывались, чистились и облизывались — словом, занялись своим туалетом. Их громкое мурлыканье говорило о том, что они довольны сытным ужином и предвкушают удовольствие от предстоящей новой поживы.

Внезапно что-то встревожило зверей: они стали усиленно бить по земле своими могучими хвостами, то и дело прислушиваясь, осматриваясь по сторонам и обнюхивая воздух. По-видимому, они учуяли какую-то опасность и старались определить, где она таится и в чем она заключается.

Что же касается доньи Марианны, то звери были уверены, что она не уйдет от них, и не считали даже нужным приблизиться к ней хотя бы на шаг.

Но вот самец, не трогаясь с места, коротко, но пронзительно рявкнул. Самка вскочила и побежала к двум детенышам, которые сладко спали, свернувшись в клубок. Схватив зубами одного из них, она одним прыжком скрылась в кустарнике; почти мгновенно она появилась снова, схватила второго и, утащив его туда же, вернулась к самцу и спокойно и решительно стала рядом с ним. Теперь, когда детеныши были спрятаны в безопасном месте, она готова была принять бой наравне с главой семейства.

Но в это мгновение в ночном мраке блеснула короткая вспышка, грянул выстрел, и самец с глухим предсмертным хрипом повалился на траву.

Почти одновременно с того самого дерева, к подножию которого прислонилась донья Марианна, свалился человек, но, упав, успел все же подняться и заслонить собою девушку. Человек этот отважно принял на себя прыжок самки, при звуке выстрела инстинктивно ринувшейся на Марианну. Человек зашатался, но удержался на ногах. Завязалась отчаянная, но короткая борьба. Не прошло и минуты, как самка ягуара замертво свалилась на землю, страшно и протяжно зарывчав напоследок.

— Гм, — произнес охотник, стирая травой кровь ягуара со своего длинного мачете. — Кажется, я чуть было не опоздал. Но все обошлось благополучно. Остает-

ся покончить только с детенышами — нет смысла щадить ни одного представителя этой звериной семейки.

С этими словами он, не задумываясь, направился к тому самому месту, куда самка утащила своих детенышей, и смело нырнул в кустарник. Казалось, он был наделен вторым зрением, позволявшим ему видеть в темноте. Через минуту он уже вернулся, влача за собой двух маленьких ягуаров. С размаху он размозил им головы о ствол дерева и швырнул их мертвые тела на трупы самца и самки.

— Хорошенькая получилась бойня! — пробормотал он. — И за каким только дьяволом гоняется этот тигреро дона Фернандо, вынуждая меня делать его работу!

Впрочем, охотник не терял времени на праздные причитания. Бормоча себе под нос, он успел собрать валежник для костра, высек искру из своего огнива, и через несколько минут к небу взвился длинный огненный сноп.

Покончив с этим делом, охотник поспешил на помощь к донье Марианне. Она лежала без чувств.

— Бедное дитя, — прошептал он, поднимая ее на руки и перенося к огню. — И как только она не умерла от страха!

Охотник бережно опустил девушку на приготовленное ложе из мягкого мха. Лицо его затеплилось тихой радостью, когда он, забывшись, с минуту любовался ею.

«Нельзя же оставлять ее в таком состоянии!» — думал он, с нежным состраданием глядя на девушку.

Опустившись на колени, он бережно приподнял и прислонил ее голову к своему колену и, разжав кинжалом стиснутые зубы, влил ей в рот несколько капель каталонской водки. Действие этого лекарства сказалось немедленно: нервная дрожь пробежала по телу девушки; донья Марианна глубоко вздохнула и открыла глаза.

Несколько минут ее взгляд блуждал по сторонам; но постепенно окаменевшее лицо приобретало осмысленное выражение; еще мгновение — и глаза девушки с выражением бесконечной благодарности остановились на своем спасителе.

— Твердая Рука! — прошептала она, и сердце охотника забилося от радости.

— Так вы узнали меня, сеньорита?

— Как могу я не узнать человека, который оказывается со мной рядом всякий раз, когда мне грозит смертельная опасность?

— О сеньорита... — смущенно пролепетал он.

— Благодарю вас, благодарю, мой спаситель! — продолжала она, схватив его руку и прижав ее к своему сердцу. — Если бы не вы, на этот раз я бы наверняка погибла!

— Да, я, действительно, поспел вовремя, — просяив от счастья, произнес охотник.

— Но каким образом вы очутились здесь? — спросила донья Марианна.

При этом она непринужденно уселась и, повинаясь женскому инстинкту, кокетливо завернулась в свой плащ.

Этот вполне естественный вопрос вогнал охотника в краску.

— Все объясняется очень просто, — ответил он наконец. — Охотясь в этих краях, я обнаружил следы семьи ягуаров, и сам не знаю почему, но у меня возникло непреодолимое желание уничтожить их. Теперь я понимаю: это было предчувствие. Сегодня я весь день шел по их следам. Однако к вечеру убедился, что хищникам удалось запутать свои следы. Я потерял ягуаров из виду и, вероятно, потерял бы их окончательно, если бы меня не навел на след ваш Негро.

— Мой Негро? Но откуда вы знаете его имя?

— Разве вы забыли, что я подарил вам эту лошадь в первую же нашу встречу?

— Верно! — прошептала она, невольно опуская глаза под страстным взглядом охотника.

— Я случайно увидел вас сегодня утром, когда вы направлялись в ранчо семьи Санхес.

— Вот как! — воскликнула она.

— Мариано Санхес — мой друг, — добавил он в пояснение своих слов.

— Продолжайте.

— Так вот, увидев вашу лошадь, которую я тотчас же узнал, я понял, что вы попали в беду, и погнался за ней. Как раз в этот момент ягуары учуяли Негро и ринулись в погоню за ним. Этот лес мне хорошо знаком, но, к сожалению, я не умею бегать так же быстро, как четвероногие. К счастью, ягуаров терзал голод, и они

занялись злополучным Негро. Не случись этого, я бы не поспел вовремя.

— Но зачем вы прыгнули с дерева?

— Я знал, что после моего выстрела второй ягуар мгновенно бросится на вас.

— Да ведь этот страшный зверь мог растерзать вас! — воскликнула девушка, невольно охваченная дрожью при мысли об ожидавшей ее участи, от которой она избавилась чудом.

— Весьма возможно... Но я отдал бы с радостью свою жизнь за вас! — произнес он с чувством, в значении которого невозможно было усомниться.

Наступило неловкое молчание. Она, покраснев, стыдливо опустила голову и задумалась. Он, испугавшись, что оскорбил ее, не знал, как снова заговорить с ней.

Молчание прервала донья Марианна.

— Еще раз благодарю вас, — произнесла она, протягивая ему руку. — Вы не задумались броситься навстречу смерти, чтобы спасти меня, едва знакомую вам девушку. Вы благородный человек! Я навеки сохраню в своем сердце признательность к вам.

— Я слишком щедро вознагражден этими словами, сеньорита, чтобы просить вас еще об одной милости. А между тем я нуждаюсь в ней и буду бесконечно счастлив, если вы окажете ее мне.

— Говорите, говорите же скорей!

С минуту Твердая Рука испытующе смотрел на Марианну и, наконец решившись, сказал:

— Дело в том, сеньорита, что вы должны дать мне одно обещание.

— Я слушаю вас.

— Если когда-либо, по какому-нибудь случаю, который нам обоим трудно сейчас предвидеть, вам понадобится помощь или совет друга, вы должны обещать мне, что ничего не предпримете, прежде чем не увидите меня и не расскажете мне без утайки, что заставило вас прибегнуть ко мне.

Донья Марианна на минуту задумалась. Охотник внимательно следил за выражением ее лица.

— Хорошо, я согласна и клянусь поступить так, как вы мне советуете, — твердо произнесла она. — Но как же я найду вас?

— Я уж говорил вам, сеньорита, что ваш молочный брат, Мариано, — мой друг. Вы попросите его проводить вас ко мне, и он это сделает. Или известите меня через него, куда я должен явиться для свидания с вами.

— Хорошо.

— И вы сдержите свое слово?

— Разве я не поклялась вам?

Внезапно из чащи донесся шум. Расстроенному воображению Марианны показалось, что это мчится какой-то хищник. Вздвогнув, она инстинктивно прижалась к Твердой Руке.

— Не бойтесь, сеньорита, — сказал он. — Разве не слышите? Это друг.

В то же мгновение из кустов выбежала собака тигреро, Бигот. Пока пес бурно выражал свой восторг, показался и сам тигреро.

— Благодарение Богу! — радостно воскликнул Мариано. — Она спасена! — крепко пожав затем руку охотнику, он добавил: — Благодарю, брат мой! Считаю меня своим должником.

Возвращение

Как же случилось, что Мариано, выехавший из ранчо почти следом за доньей Марианной, так долго не находил ее?

Дело в том, что тигреро и в голову не приходила мысль, чтобы его молочная сестра, отлично знакомая с дорогой, могла сбиться с пути. Поэтому, не присматриваясь к следам ее коня, Мариано взял напрямик, миновал лес и выехал в степь в полной уверенности, что она едет где-то впереди.

Только подъехав к пашням, Мариано стал напряженно вглядываться в даль. Он недоумевал, как могла она опередить его на такое расстояние. Однако доньи Марианны нигде не было видно.

Мариано встревожился. Его несколько успокаивало предположение, что молочную сестру скрывали от его взора мощные дубы видневшейся вдали рощи. Тигреро продолжал путь, прибавив только рыси коню, хотя тот и без того шел резвым аллюром.

Прошло немало времени, прежде чем Мариано миновал рощу. Когда он выехал на ее опушку, солнце уже закатилось. В густой тьме, спускавшейся на землю, трудно было увидеть что-либо даже на незначительном расстоянии. Тигреро остановил лошадь, соскочил на землю и, припав к ней ухом, стал прислушиваться. Его чуткое ухо уловило далекий шум, напоминающий конский топот. Очевидно, донья Марианна опередила его. Тревога тигреро мгновенно улеглась; он снова помчался

вперед. Когда Мариано добрался до подножия горы, на которой высился замок дель Торо, он остановился, мысленно спрашивая себя: стоит ли ему подниматься до самых ворот замка или же считать свою миссию выполненной и вернуться в ранчо?

Прежде чем он успел принять решение, показался силуэт всадника, спускающегося по тропе к нему навстречу.

— Добрый вечер, кабальеро! — обратился тигреро к всаднику, когда тот поравнялся с ним.

— Господь да пребудет с вами, — вежливо ответил всадник и проехал было мимо, но, спохватившись, скоро вернулся. — Так и есть, я не ошибся! — воскликнул всадник. — Как поживаете, сеньор Мариано?

— Благодарю вас, отлично; а вы, сеньор Паредес? — отвечал Мариано, узнав управителя.

— Благодарю, хорошо. Вы куда? В асиенду или в ранчо?

— А почему это вас интересует?

— Если в асиенду, я сказал бы вам «прощайте»; если на ранчо, мы могли бы поехать вместе.

— Вы едете на ранчо?

— Да, по распоряжению его светлости, маркиза.

— Извините за нескромность, сеньор Паредес: что вы собираетесь делать там так поздно?

— Охотно прощаю, приятель. Я просто еду за доньей Марианной. Она загостилась сегодня позже обычного у своей кормилицы, и маркиз обеспокоен этим долгим отсутствием.

Эти слова, как громом, поразили юношу; ему даже показалось, что он ослышался.

— Как! — воскликнул озадаченный тигреро. — Донья Марианна еще не вернулась?

— Как видите, — ответил Паредес, — иначе меня не послали бы за ней.

— Не может быть!

— А почему? — в свою очередь встревожился Паредес.

— Потому что донья Марианна три часа назад покинула ранчо; потому что я выехал вслед за нею, чтобы издалека сопровождать и охранять ее; правда, я потерял ее из виду, но, по самым скромным подсче-

там, она должна была уже с полчаса назад прибыть в замок.

— О Боже, смилуйся над несчастной! — воскликнул управитель. — Не иначе, как она попала в беду.

— Но, может быть, вы просто не заметили ее возвращения?

— Нет, это невозможно. Впрочем, поднимемся в замок; там мы окончательно убедимся.

Не мешкая, оба всадника понеслись галопом.

В замке никто не видел донью Марианну.

Немедленно подняли тревогу. Дон Фернандо порывался сам сесть на коня и выехать во главе своих пеонов на поиски дочери. Дону Руису и Паредесу стоило немалого труда уговорить его отказаться от этой мысли.

Пеоны, высланные на поиски, разбились на две партии и поехали в разные стороны; во главе одной партии находился Паредес, другую возглавлял дон Руис. Все ехали с зажженными брусками сосны, которые здесь используются для факелов.

У тигреро был свой план поисков. Он не разделял мнения многих обитателей замка, что донью Марианну похитили бродячие индейцы, потому что не приметил на своем пути никаких следов всадников. Да и Бигот не обнаруживал по дороге в асиенду никаких признаков беспокойства.

Значит, донья Марианна заблудилась в лесу. Тигреро пропустил вперед дона Руиса и Паредеса с пеонами, а сам поехал по направлению к ранчо; миновав дубовую рощу и доехав до леса, он остановился на опушке и соскочил наземь; затем, привязав поводья мустанга к луке седла, чтобы они не ранили лошадь, Мариано ласково похлопал ее по крупу.

— Ступай, дружище! — сказал он. — Возвращайся в ранчо, сегодня я не нуждаюсь в тебе больше.

Конь повернул к нему свою изящную голову с умными глазами и, весело заржав, пустился вскачь по дороге домой.

Мариано, тщательно проверив свое ружье, засыпал в него свежего пороха и при свете факела стал пытливо осматривать землю. А Бигот, важно рассевшись на задних лапах, с любопытством наблюдал за ним, стараясь вникнуть в смысл такого необычайного занятия своего хозяина.

После довольно продолжительных поисков тигреро выпрямился и свистнул собаку. Судя по сиявшему лицу Мариано, он нашел то, что искал.

— Ну-ка, Бигот, разнюхай хорошенько эти следы! Это следы лошади доньи Марианны. Понял?

Умный пес принялся усердно разнюхивать. Потом, уставившись на тигреро своими блестящими, почти человеческими глазами, завилял хвостом и радостно залаял.

— Хорошо, Бигот, хорошо, мой умный пес! — сказал тигреро, лаская собаку. — Ну, теперь вперед по этому следу! Вперед! Вперед!

С минуту Бигот раздумывал; потом, не отрывая морды от земли, пошел по следу. Его хозяин, погасив факел, надобность в котором отпала, следовал за ним по пятам.

Собака безошибочно петляла по следам коня доньи Марианны. И все же тигреро понадобилось немало времени, чтобы добраться таким образом до лесной глуши, в которой разыгралась страшная, описанная выше сцена.

— Когда я услышал ваш выстрел, Твердая Рука, — закончил свой рассказ тигреро, — и вслед за ним рычание тигра, я понял, что здесь происходит нешуточная борьба. У меня сердце похолодело при мысли, что зверь может одолеть человека... Ну как, токайя, — обратился он к донье Марианне, — вы теперь верите в существование ягуаров?

— Замолчите, ради Бога, Мариано! Я чуть не умерла от страха, когда эти ужасные звери вперили в меня свои глаза. Я наверняка погибла бы, не помоги мне этот мужественный и великодушный человек!

— Мужественный и великодушный! Это вы хорошо сказали! — с нескрываемым восхищением подтвердил тигреро. — Твердая Рука мог бы по праву называться «Добрый Сердцем». Нет человека более, чем он, готового прийти на помощь людям в беде.

Донья Марианна с затаенным восторгом прислушивалась к словам тигреро. Твердая Рука, напротив, чувствовал себя неловко: его корбило от этих разговоров о самом, казалось бы, простом и естественном поступке.

— Послушайте, Мариано, — поспешил он перевести разговор на другую тему, — нельзя же нам вечно оставаться здесь! Не забывайте, что, пока мы тут спокойно

беседуем у огонька, отец и брат сеньориты носятся по прерии в смертельной тревоге. Пора подумать о том, как бы нам поскорей выбраться отсюда.

— Карай! Это сама истина! — отозвался тигреро. — Но как нам быть? Лошади у нас нет. А о том, чтобы заставить сеньориту проделать на ногах такой большой путь, не может быть и речи.

— Успокойтесь, друзья мои! — воскликнула донья Марианна. — С двумя такими ангелами-хранителями я решусь на какое угодно путешествие.

— Нет, сеньорита, — мягко, но властно произнес Твердая Рука. — У вас хватит мужества, но не хватит сил. Придется вам подчиниться и положиться на опытность охотников...

— Хорошо, — ответила она, — поступайте как знаете. Сегодня я пренебрегла советом моего друга и понесла заслуженное наказание. Право, у меня нет никакой охоты повторить все сначала.

— Отлично сказано! — весело воскликнул тигреро. — Ну так что же мы предпримем, Твердая Рука?

— А вот что. Пока вы будете сдирать шкуры со своих ягуаров, я...

— Позвольте, позвольте! — рассмеялся тигреро. — Это совсем не мои шкуры. Ягуаров уложили вы — следовательно, и шкуры ваши.

— Никаких разговоров! — улыбаясь, отвечал охотник. — Какой я тигреро! Все вышло случайно. Эти шкуры принадлежат вам, и только вам. Послушайте меня, возьмите их себе!

— Коли так, не стану перечить. Да! Я ведь обещал подарить эти шкуры донье Марианне на ковер. Прошу принять их, токайя!

— Принимаю, — произнесла она, бросив охотнику взгляд, от которого радостно забилось его сердце. — Эти шкуры будут постоянно напоминать мне о том, кто спас меня от ужасной смерти.

— Ладно, — сказал охотник, — одно дело улажено. Теперь, Мариано, ступайте снимать шкуры, а я тем временем нарублю немного сучьев, из которых мы смастерим носилки.

— Блестящая идея! — воскликнул тигреро.

Трапперы и охотники — ловкие, а главное, проворные ребята. В несколько минут тигреро содрал шкуры с

ягуаров, а Твердая Рука, ловко орудуя своим мачете, смастерил носилки. Аккуратно свернутые шкуры ягуаров были уложены и привязаны к спине Бигота. Бедный пес не очень, кажется, обрадовался этой ноше, но в конце концов добродушно примирился со своей участью. Твердая Рука набросал на носилки ворох листьев, а поверх них разостлал меховую седелку павшего Негро.

Уложив на это мягкое импровизированное ложе донью Марианну, оба охотника подняли носилки на свои сильные плечи и двинулись по направлению к асиенде. Впереди бежал Бигот; судя по его веселому лаю, он был в восторге от своей роли проводника.

Из предосторожности охотники шли с зажженными сосновыми факелами. И все же им нередко приходилось туго среди кромешной тьмы в этом дремучем лесу. Там и сям они наталкивались на такую непроходимую чащу, что приходилось двигаться в обход и шагать по пояс в воде. Они шли под оглушительный гомон и хлопанье крыльев многотысячных птичьих стай, вспугнутых светом факела. Мимо них то и дело проносились с испуганным ревом хищники, глаза которых зловеще горели в ночном мраке. Только теперь донья Марианна осознала, как близка была она от гибели. И хотя опасность миновала и казалась теперь только страшным сном, при одном воспоминании о ней девушку бросало в нервную дрожь.

Твердая Рука, по-видимому, догадывался о том, что происходило в душе доньи Марианны. Обращаясь к ней, он поминутно отвлекал ее от мрачных мыслей. Они шли уже довольно много времени, а лесу, казалось, конца-краю не будет.

— Уж не сбились ли мы с пути? — спросила донья Марианна.

— Я охотно допускаю, — ответил Твердая Рука, — что даже мы с Мариано могли бы заплутаться в таких дебрях; но ведь нас ведет непогрешимый Бигот. Будьте уверены, сеньорита, что этот проводник никогда не даст нам заблудиться.

— Через десять минут, токайя, — добавил тигреро, — мы выйдем на дорогу, ведущую в асиенду.

Внезапно оба охотника, словно по уговору, остановились.

— Слышите? — сказал тигреро.

Девушка прислушалась: к ней явственно донеслись перекликающиеся вдали голоса.

— Вперед! Вперед! — скомандовал Твердая Рука. — Не следует оставлять долее в тревоге ваших близких и родных.

Они снова зашагали, а через десять минут, как и предсказал тигреро, они вышли на дорогу к асиенде.

И тут оба охотника стали протяжно и звонко аукать. В степи и в горах крик на таких высоких нотах разносится далеко и воспринимается, как призыв к сбору.

Через мгновение весь лес, казалось, проснулся: со всех сторон неслись ответные крики, между деревьями замелькали пылающие факелы. Их огни с молниеносной быстротой стекались к тому месту, где находились охотники.

Послышался конский топот, из тьмы вырвались фигуры всадников. Они мчались во весь опор, размахивая факелами. Освещенные их красноватым пламенем, всадники напоминали легендарных ловчих из старинных германских баллад.

Пеоны, спешившись, тесной толпой радостно суетились вокруг носилок; вслед за ними примчался дон Руис, а за ним и Паредес.

Мы не станем задерживаться на описании радостной встречи брата и сестры.

— Брат мой, — после первых же объятий обратилась донья Марианна к дону Руису, — и сегодня я обязана жизнью тому, кто однажды спас нас в прерии; если бы не он, не видать бы вам меня в живых!

— О да... быть бы беде... — подтвердил Мариано.

— Но где же он? — воскликнул дон Руис. — Мне не терпится поблагодарить его. Да где же он, в самом деле?

Но охотник исчез. Воспользовавшись суматохой первых минут встречи, Твердая Рука поставил на свое место одного из пеонов, а сам незаметно нырнул в кусты и бесследно скрылся.

— Опять это бегство! Но почему, почему? — прошептала донья Марианна. — Какой странный и загадочный человек! Может быть, он опасается слишком сильного проявления нашей благодарности?

И, склонив голову на грудь, она погрузилась в глубокую задумчивость.

Случай

Бегство Твердой Руки жестоко уязвило дона Руиса. В этих постоянных и, как казалось дону Руису, преднамеренных исчезновениях охотника молодой человек усматривал подчеркнутое нежелание общаться с ним. Невольно напрашивалась мысль, что за показной дикостью Твердой Руки скрывается затаенная неприязнь, а может быть, и какие-нибудь темные, далеко идущие замыслы. Но тайные мотивы этой неприязни были непонятны дону Руису. Ведь этот человек, не задумываясь, столько раз рисковал своей жизнью, чтобы помочь выбраться из беды ему и сестре! Эти мысли повергли дона Руиса на несколько минут в состояние крайней растерянности. Однако он ни словом не обмолвился о своих подозрениях. Когда пеоны, отправленные на поиски охотника, донесли, что Твердая Рука бесследно исчез, молодой человек лишь пожал плечами и подал знак к отправлению.

Возвращение доньи Марианны в асиенду превратилось в настоящее торжество. Пеоны с веселыми песнями и пляской толпились вокруг ее носилок, наперерыв смеялись друг друга; они всячески старались выразить свой восторг по поводу ее благополучного возвращения. Донья Марианна, в свою очередь, преодолевая неимоверную усталость, старалась дать им понять, как трогает ее их ласка и любовь.

Маркиз, положительно не находивший себе места от беспокойства, вышел во двор встречать прибывших. Он

наверняка и сам бы выехал в степь, не догадайся дон Руис послать к отцу гонца с известием о счастливом исходе поисков.

В первую минуту встречи маркиз всецело отдался своим отцовским чувствам. Позабыв о своей аристократической спеси, дон Фернандо прижал к груди дочь, в спасении которой он уже было отчаялся. Даже дон Руфино Контрерас, поддавшись общему настроению, пролил притворную слезу и пилил на спасенную девушку свои рачьи зеленоватые глаза, тщетно стараясь придать им нежное выражение.

Донья Марианна в слезах кинулась в объятия маркиза и тут же впала в глубокий обморок — сказалось все пережитое. Это происшествие положило конец радостной суете. Донью Марианну унесли в ее комнату, а пеонов маркиз приказал распустить по домам. Их наградили деньгами и чарками мексиканской водки, что довершило радость этих добрых людей.

Тигреро отклонил предложение дона Руиса переночевать в замке. К великому удовольствию Бигота, Мариано освободил пса от противного груза, и они вместе отправились домой.

Стояла чудесная ночь. С ружьем за плечами в прекрасном настроении тигреро шел домой, насвистывая веселую песенку. На опушке леса из-за кустарника неожиданно вынырнул, в двух шагах от Мариано, Твердая Рука.

— А, это вы! — воскликнул тигреро. — Где пропали? Что за нелепость — ни с того ни с сего вдруг скрыться!

Охотник пожал плечами.

— У меня, откровенно говоря, не было охоты стать предметом любопытства толпы. Ради чего? Ведь я ничего особенного не совершил...

— У всякого, конечно, свои причуды. Но я бы на вашем месте не сбежал.

— Как знать?... А мне сдается все же, что вы гораздо скромнее, чем хотите казаться; я убежден, что в подобных обстоятельствах вы поступили бы так же, как и я.

— Возможно, хотя не думаю... Во всяком случае, благодарю за то, что вы открыли во мне качество, о существовании которого я и не подозревал. Но куда, черт возьми, вас несет в такое время?

— Я поджидал здесь вас.

— Вот как? Хорошо, что я не остался ночевать в асиенде... Зачем же я вам понадобился, позвольте полюбопытствовать?

— Хочу просить вас приютить меня на несколько дней.

— Сделайте одолжение. Дом, правда, не очень велик, но место для гостя всегда найдется, особенно для такого гостя, как вы.

— Благодарю вас, друг мой. Я не стану долго злоупотреблять вашим гостеприимством. Мне, видите ли, надо пробить несколько дней в этих местах, а ночи сейчас холодные, и я предпочитаю проводить их под крышей, а не под открытым небом.

— Располагайтесь как дома в нашем скромном ранчо. А зачем и почему вам надобно пробить здесь — это меня нисколько не интересует. Гостите у нас сколько вздумается; доставите нам одну только радость.

— Благодарю, Мариано!

На этом разговор окончился, и оба охотника зашагали нога в ногу к ранчо...

Прошло несколько дней. За это время Твердой Руке довелось не раз увидеть — правда, мельком — донью Марианну; но сам он старался не попадаться ей на глаза. А между тем молодая девушка была бы не прочь встретиться с ним и втайне, сама того не сознавая, даже желала этого.

Однажды, примерно через неделю после истории с ягуарами, в жаркий полдень охотник наслаждался сиестой, растянувшись на земле в частом кустарнике, совершенно скрывавшем его от посторонних глаз. Вдруг ему послышалась тяжелая поступь коня. Он мгновенно приподнялся на локтях и, чуть раздвинув кусты, стал внимательно осматриваться по сторонам. Твердая Рука едва подавил возглас удивления, увидев всадника, который остановился у того самого места, где он отдыхал. Осмотревшись по сторонам, всадник соскочил с коня с видом человека, прибывшего к месту своего назначения. Это был Кидд.

«Зачем пожаловал сюда этот плут? — мысленно спросил себя охотник. — Наверно, затевает какую-нибудь пакость. Какое счастье, что я случайно оказался здесь! За этим бандитом надо следить в оба».

Тем временем Кидд разнуздал коня и пустил его пасть на воле. Сам же он уселся на ближайший камень и, свернув маисовую пахитоску, стал курить с благодушным спокойствием человека, которого никогда не посещают угрызения совести.

Твердая Рука знал, что здешние края далеки от тех мест, где обычно орудует Кидд. Что же могло привести сюда бандита? Охотник тщетно ломал себе голову над этой загадкой. Но сама судьба, явно расположенная к нему в этот день, преподнесла ему ключ к разгадке тайны.

Снова раздался конский топот, а вскоре показался и всадник, трусивший мелкой рысцей. Это был изысканно одетый тучный мужчина с багровым лицом. Кидд, почтительно поклонившись, помог ему сойти на землю.

— Уф! — сказал толстяк. — Кончилась, наконец, эта проклятая тряска по жару!

— Пеняйте на себя, дон Руфино. Вы сами этого хотели. Будь я так богат, как вы, я бы ни за какие блага не стал рыскать по прерии в такую жару. Разрази меня дьявол на этом месте, если я говорю неправду!

— Человек сам себе судья, маэстро Кидд, — сухо ответил дон Руфино, утирая тонким батистовым платком пот, струившийся с его лица.

— Возможно, что и так. А все же имей я честь называться доном Руфино Контрерас, какого дьявола стал бы я гоняться за каким-то бродягой! Я бы пренебрег даже великим наслаждением, которое доставляет беседа с таким достойным кабальеро, как маэстро Кидд.

— Ха-ха! — прыснул со смеху сенатор. — Вы, кажется, пронюхали, что пахнет жареным, мошенник!

— Черт возьми! — без всякого смущения отвечал бандит. — Я не строю себе на этот счет никаких иллюзий. Конечно, вы не стали бы затруднять себя только для того, чтобы насладиться беседой со мной.

— Ты угадал, парень. Итáк, слушай меня внимательно.

— Ого! Обращаться ко мне на «ты»! Предупреждаю, за это удовольствие плата за услуги повышается. А впрочем, говорите. Мне нравится такой крутой подход к делу: значит, дельце будет выгодное.

Сенатор пренебрежительно пожал плечами.

— Хватит! Довольно болтовни! — сказал он. — Перейдем к делу. Скажи, Кидд, ты любишь деньги?

— Я предпочитаю золото!

— Отлично. А ты способен ради него убить человека?

— Что вы сказали?

— Я спрашиваю тебя, мошенник: возьмешься ли ты за плату убить одного человека?

— Ну, это-то я сразу понял.

— Зачем же было переспрашивать?

— А зачем было обижать меня подобными вопросами? Убить человека — невелика штука, все дело в оплате.

— Останешься доволен.

— Деньги вперед?

— Если хочешь.

— Сколько?

— Предупреждаю: человек этот не робкого десятка.

— Поэтому-то он вам и мешает. Дальше.

— Что — дальше?

— Сколько?

— Тысячи пиастров будет довольно?

— Не скажу, чтоб это было много.

— Черт возьми, ты парень с запросом!

— Не спорю; зато работаю на совесть. Выкладывайте все же имя человека, которого надо убрать с вашей дороги.

— Хосе Паредес.

— Управитель асиенды дель Торо?

— Он самый.

— Ну, знаете, с этим парнем не так-то просто справиться. Он здорово насолил вам?

— Я его даже не знаю.

— Рассказывайте! — недоверчиво произнес бандит. — Вы платите тысячу пиастров за убийство человека, которого даже не знаете?

— Невероятно, но факт.

— Не верю! Хотя я и бандит, но знаю, что человек не курица, его так, здорово живешь, не убивают.

— Только что ты сам высказал предположение, что человек этот стал мне поперек дороги.

— А! Это другое дело, — сказал бандит.

Этот довод показался ему достаточно убедительным, чтобы убить человека.

— Слушай же меня внимательно и запомни раз и навсегда мои слова.

— У меня отличная память.

— Дня через два-три Паредес отправится в Эрмосильо. Он повезет векселя на довольно крупную сумму.

— Превосходно! — воскликнул Кидд, потирая от удовольствия руки. — Ему — пуля, мне — векселя.

— Ничего подобного! Ты дашь ему спокойно проехать. А убьешь его на обратном пути, когда он будет возвращаться с деньгами.

— Верно! Что за идиотская у меня башка! Ну конечно, так будет лучше.

— Да, но ты отдашь эти деньги мне, — насмешливо глядя на него, произнес дон Руфино.

— А сколько с ним будет денег?

— Пятьдесят тысяч пиастров.

— *Vivo dios!* И вы хотите, чтоб я отказался от таких денег? Да я скорее удавлюсь!

— И все же тебе придется вернуть их мне.

— Ни за что!

— Полно врать! — сказал сенатор. — Ты ведь в моих руках и отлично это знаешь... Значит, отказываешься? Тем хуже для тебя: теряешь две тысячи пиастров.

— Вы сказали: тысяча.

— Я оговорился.

— Когда можно будет их получить?

— Да хоть сейчас.

— Разве они у вас при себе?

— Разумеется.

Внезапно в глазах бандита сверкнул зловещий огонек, он весь напряжился и с ножом в руке бросился на сенатора. Но на этот раз бродяга наткнулся на достойного ему противника: дон Руфино знал, с кем имеет дело, и, ни на минуту не спуская глаз с бандита, следил за малейшим его движением. Он успел предупредить молниеносное нападение Кидда, схватив бродягу за руку своей левой рукой, а правой наведя дуло пистолета почти в упор на грудь разбойника.

— Гей, маэстро! — произнес сенатор, сохраняя при этом полное спокойствие. — Ты что, взбесился? Какая муха укусила тебя?

— Пустите меня, — угрюмо пробурчал бандит, пристыженный своей неудачей.

— Не раньше, чем ты бросишь нож, парень.

Бандит разжал руку, нож упал на траву; дон Руфино мгновенно наступил на него ногой.

— Я думал, ты работаешь лучше, — иронически заметил дон Руфино. — Жаль, что я не размозжил твою башку, — это научило бы тебя в другой раз бить без промаха.

— Я не всегда даю промах! — с затаенной угрозой пробормотал Кидд.

Наступило короткое молчание. Твердая Рука, явно заинтересовавшийся разговором, внимательно следил за ними, ловя каждое слово и каждое их движение.

— Ну как? Решился, наконец? — прервал молчание сенатор.

— На что?

— Принять мое предложение.

— Разве оно еще в силе?

— Конечно!

— В таком случае, принимаю.

— Но на этот раз придется вести честную игру, — сказал сенатор, — без жульничества. Понятно?

— Понятно, — кивнул головой Кидд.

— Я рассчитываю на твою добросовестность, Кидд. Пусть сегодняшний урок послужит тебе на пользу. Я не всегда такой сговорчивый, и, если подобное недоразумение возникнет между нами еще раз, оно будет иметь для тебя самые серьезные последствия.

Внушительный тон, которым были произнесены эти слова, и выразительный взгляд, которым они сопровождались, произвели свое действие и заставили призадуматься бандита.

— Ладно, — сказал он. — К чему эти угрозы? Ведь мы договорились.

— Тогда давай кончать.

— Где же я вас найду после «дела»?

— Это уж не твоя забота; я сам тебя найду.

— Отлично. Деньги?

— Вот они. Но только знай: если вздумаешь обмануть меня...

— Хватит! Сказано: уговор — и баста!

Сенатор вытащил из кармана длинный вязаный кошелек, сквозь зеленые петли которого просвечивало золото, и, подбросив его несколько раз на ладони, швырнул кошелек шагов на двадцать в сторону от себя.

В воздухе зазвенел чистый металлический звук.

— Ступай подбирай, — сказал сенатор, а сам, воспользовавшись тем, что бандит кинулся за деньгами, вскочил в седло. — Прощай и помни! — крикнул он бандиту, послав коня галопом.

Кидд, занятый пересчетом золотых, молчал.

«Счет верен», — подумал он, облегченно вздохнув.

Опустив кошелек за пазуху, Кидд злобно следил за удалявшимся во всю прыть сенатором.

«Берегись, дьявол! — мысленно грозил он дону Руфино. — Сегодня твоя взяла. Но настанет же день, когда и я дознаюсь о каком-нибудь темном пятне на твоём прошлом, и ты, в свою очередь, будешь в моих руках! Уж я-то маху не дам! Так и знай: пощады не жди!»

Выразительно плюнув вслед умчавшемуся сенатору, бандит взнуздal своего коня, подтянул подпруги, вскочил в седло и ускакал в другом направлении.

«Так вот оно что! — поднимаясь с земли, подумал Твердая Рука. — Нет, не станет дон Руфино убивать Паредеса с целью грабежа. Совершенно ясно, что задуманное убийство должно ударить по маркизу. Ну нет, я это дело расстрою!»

Читатель уже знает, как свято выполнял Твердая Рука свои обещания.

Отец и сын

Теперь, когда мы посвятили читателя в события, разыгравшиеся в дель Торо, мы продолжим наш рассказ с того эпизода, на котором прервали его. Иначе говоря, мы будем присутствовать при разговоре Огненного Глаза и Твердой Руки. Если читатель помнит, этот разговор начался еще в пирамиде, тотчас же после заседания совета сашемов.

Отец и сын, следуя друг за другом, поднялись на вершину левой пирамиды, затем прошли по мосту из лиан, перекинутому на огромной высоте, проникли в правую пирамиду, откуда спустились в нижний этаж, почтительно приветствуемые по пути встречными индейцами. Здесь Огненный Глаз легонько стукнул два раза в дверь, перед которой они остановились. Изнутри прогремел засов, и показавшаяся на пороге молодая служанка пропустила их мимо себя.

Отец и сын мгновенно перевоплотились. Куда девалась их подчеркнутая индейская сдержанность! Всякая натянутость бесследно исчезла, уступив место непринужденности людей, привыкших вращаться в европейском обществе.

— Мария, — обратился Огненный Глаз к индианке, — доложите своей госпоже, что ее сын вернулся.

На этот раз Огненный Глаз отказался от наречия команчей, которым он пользовался до сих пор: распоряжение было отдано на чистейшем испанском языке.

— Но это уж известно сеньоре, ми амо, — ответила молодая девушка.

— Вот как! — удивился Огненный Глаз. — К ней кто-нибудь заходил?

— Фрай Серапио; он и сейчас у сеньоры.

— Прекрасно. Доложите о нас, дитя мое.

Девушка поклонилась и порхнула, словно птичка, за портьеру, но, едва исчезнув, снова появилась и пригласила их войти.

Они прошли за портьеру, приподнятую служанкой, и очутились в просторной комнате в четыре окна; в окна были вставлены деревянные рамы с настоящими стеклами — роскошь неслыханная в этих краях! С потолка вдоль окон свисали занавеси из плотной красной камки*.

Стены комнаты были обиты тисненой кожей, и вся она была обставлена в том хорошем испанском вкусе, секретом которого еще обладают одни лишь родовитые кастильцы. Аналой в углу с висевшим над ним крестом из слоновой кости, пожелтевшей от времени, картины Мурильо и Сурбарана** на евангельские темы придавали этой комнате вид молельни, тогда как удобные диваны, столы, заваленные книгами, и кресла делали ее похожей на гостиную. У серебряной жаровни, в которой догорал ароматный сандал, сидели женщина и монах. Оба были уже не молоды, точнее говоря — приближались к пятидесятилетию.

На женщине был старомодный наряд времен ее молодости. Седина, пробивавшаяся в волосах, несколько глубоких морщин, коснувшихся ее лица, не в силах были уничтожить следы редкой былой красоты. Резко очерченные черты смугловатого лица выдавали в ней представительницу чистой расы ацтеков. Взор черных, чуть раскосых глаз излучал какое-то необыкновенное тепло; лицо дышало добротой; ее худощавая фигура не была еще тронута временем, а красивые руки и ноги были до странности маленькими.

* Камка — шелковая цветная ткань с узором.

** Бартоломео Мурильо — знаменитый испанский живописец XVII века. Франсиско Сурбаран — испанский живописец, современник Мурильо.

Фрай Серапио представлял собой совершенный тип дородного и представительного испанского монаха; казалось, он сошел с одного из полотен Сурбарана.

При входе мужчин женщина и монах встали со своих мест.

— Добро пожаловать, дорогой сын! — воскликнула женщина, раскрывая сыну свои объятия.

Мы не станем описывать нежную встречу матери и сына, продолжавшуюся несколько минут.

— Простите, падре Серапио, — сказал Твердая Рука, освобождаясь из нежных объятий матери, — но я так давно не целовал свою мать, что никак не мог насытиться ее ласками.

— И целуйте ее на здоровье, — ответил монах. — Ласки матери, по крайней мере, никогда не оставляют после себя горьких воспоминаний.

— Что это, падре, уже покидаете нас? — обратился к монаху Огненный Глаз.

— После такой долгой разлуки людям хочется побыть наедине и посторонний человек оказывается всегда лишним. К тому же по случаю приезда сюда бледнолицых охотников и трапперов у меня с братией довольно много дела в селении.

— А как обстоят дела с новообращенными? Довольны ими?

Монах печально покачал головой:

— Нет; правда, благодаря вашему покровительству индейцы относятся к нам с уважением, синьор дон...

— Тсс!.. Падре, молчок! — прервал его Огненный Глаз. — Помните: меня зовут Огненным Глазом, и никак иначе.

— Простите, я все забываю, что вы отказались от имени, которое вам дали при крещении. Да, сеньор, миновало то доброе старое время, когда мы так легко обращали индейцев в христианство. С тех пор как мы стали мексиканцами, индейцы перестали верить в могущество испанского бога...^{*} Да, к слову сказать: у меня к вам серьезная просьба. Донья Эсперанса, с которой я говорил уже об этом, обнадружила меня в том, что вы не откажете.

^{*} Эмар намекает тут на то, что индейцы считали Христа испанским богом и с тех пор, как мексиканцы покончили с владычеством испанцев, перестали верить в его могущество.

— Вы как-то мне сказали, падре, что донья Эсперанса всегда приносит вам удачу. Что ж, вероятно, так будет и на этот раз.

— Вот в чем дело, друг мой, — вмешалась в разговор донья Эсперанса, — наш падре просит разрешить ему и еще одному монаху участвовать в готовящейся военной экспедиции.

— Какая странная мысль! А зачем это вам? Надеюсь, вы не собираетесь сражаться в наших рядах, падре?

— Нет, конечно! — улыбаясь, отвечал монах. — Я страдаю отсутствием каких бы то ни было воинственных наклонностей. Но ведь это будет, если я не ошибаюсь, серьезная экспедиция?

— И весьма, — словно отвечая своим мыслям, сказал Огненный Глаз.

— А известно, — продолжал монах, — что в такого рода походах раненых бросают, не оказав им помощи. Ну, вот я и желал бы сопровождать индейских воинов, чтобы оказывать помощь раненым.

— Хорошо, падре, я удовлетворю вашу просьбу; но должен вас предупредить, что вы многим рискуете. А если вы попадете в руки мексиканцев?! Они расправятся с вами, как с бунтовщиком. Об этом стоит подумать.

— Думать тут не приходится: либо исполнить свой долг и умереть с честью, либо оказаться подлым трусом. Другого выбора нет. Так, значит, вы разрешаете?

— Разрешаю и благодарю.

— Бог ниспошлет вам за вашу доброту! А теперь да пребудет с вами Господь, а я удаляюсь.

Когда они остались наконец вдвоем, донья Эсперанса ласково привлекла к себе сына и, усадив его подле себя на низенькую скамеечку из сандалового дерева, отвела своими прелестными руками вьющиеся кудри со лба и долго и внимательно вглядывалась в его лицо.

— Что с тобой, Диего? — произнесла она ласковым голосом, проникнутым нежной материнской заботой. — Ты какой-то грустный, выглядишь бледным и утомленным... Вот и в глазах затаилась какая-то мрачная дума. Что случилось?

— Да ничего особенного, дорогая, — ответил он с плохо скрытым смущением. — Я, как всегда, много охотился... ну и устал немного, потому и побледнел.

Она недоверчиво покачала головой.

— Мать, дитя мое, трудно обмануть, — ласково произнесла она. — С тех пор как ты стал мужчиной, я не один раз встречала тебя после возвращения из твоих долгих и, увы, опасных странствий. Иногда ты выглядишь утомленным, иногда больным, но никогда таким грустным и встревоженным, как сегодня.

— Мать!

— Не спорь! Ты все равно не переубедишь меня. Просто ты не хочешь открыться мне. Ну что же! Помоги тебе Бог найти человека, которому ты мог бы поверять свои тайны с уверенностью, что тебя поймут так же хорошо, как я всегда понимала тебя.

— О мать! Ты никогда еще в жизни ни в чем не упрекала меня!

— Потому что, Диего, сегодня ты впервые не позволяешь мне заглянуть в твою душу.

Твердая Рука вздохнул и молча поник головой.

Тогда заговорил молчавший до сих пор Огненный Глаз. Мигнув украдкой донье Эсперансе, он подошел к сыну.

— Диего, — сказал он, положив руку на его плечо, — ты еще ни словом не обмолвился о моем поручении.

— Прости меня, отец, — сказал охотник, вскочив на ноги. — Я готов дать тебе полный отчет обо всем, что я делал во время своего отсутствия из нашего селения.

— Сядь, сын мой. Мы с матерью разрешаем тебе сесть.

Охотник сел и, собравшись с мыслями, начал подробно рассказывать обо всем, что случилось с ним во время его путешествия.

Мы не станем пересказывать эти приключения, потому что читатель уже знаком с ними. Заметим только, что Огненный Глаз и донья Эсперанса с неослабевающим вниманием и с явным интересом слушали сына два часа. Когда он кончил свой рассказ, мать нежно расцеловала сына, похвалив Твердую Руку за его доблестное и благородное поведение в таких трудных обстоятельствах.

Но Огненный Глаз интересовался другим.

— Значит, — сказал он, — человек, с которым ты прибыл сюда, и есть управитель дона Фернандо де Мюгер?

— Да, отец.

Огненный Глаз хлопнул в ладоши, и в комнате появился Ястреб. Старик подошел к молодому вождю и прошептал ему что-то на ухо, а Ястреб понимающе кивнул головой и, почтительно поклонившись, удалился.

— Я приказал Ястребу, — обратился к сыну Огненный Глаз, — отсчитать пятьдесят тысяч пиастров этому человеку, а по векселям мы сами получим в Эрмосильо. Ты хорошо поступил, что привел его сюда: не годится, чтобы честный человек стал жертвой негодяя. Собственно говоря, дело это ничуть не касается нас, но, видишь ли, этот дон Фернандо — мой бывший соотечественник, и я не прочь оказать ему услугу. Отправь сегодня же этого управителя из селения. Дай ему в провозятые Свистуна, Пекари да еще трех-четырех охотников: этого будет более чем достаточно, чтобы отпугнуть бандитов, если бы они вздумали напасть на него. Впрочем, путь его лежит далеко в стороне от Эрмосильо, и вряд ли кому-нибудь придет в голову подстерегать его на этой дороге в асиенду.

— С вашего разрешения, отец, я могу и сам проводить его, — сказал Твердая Рука.

В глазах его сверкнула радость при мысли о возможности снова увидеть хотя бы мельком донью Марианну, но строгий взгляд Огненного Глаза заставил его тут же поникнуть головой.

— Нет, — сказал Огненный Глаз, — ты будешь нужен мне здесь.

— Как вам будет угодно, — с притворным равнодушием отвечал Твердая Рука.

С этими словами он встал со своего места, направляясь к двери.

— Куда ты?

— Исполнить ваш приказ, отец.

— Успеешь. Времени до вечера еще много, а мне надобно поговорить с тобой. Садись.

Сын молча повиновался.

— Как ты назвал эту асиенду, Диего? — после минутного раздумья спросил Огненный Глаз.

— Асиенда дель Торо, отец.

— Асиенда дель Торо?.. — произнес Огненный Глаз, делая вид, что роется в своих воспоминаниях. — Постой,

постой! Уж не тот ли это замок, что выстроен на месте древней Сиболы?

— Да, отец; так, по крайней мере, говорят.

Донья Эсперанса с тайной тревогой следила за этим разговором. Она ломала себе голову, стараясь отгадать, куда клонит ее муж. Она не могла понять, почему он не оставляет эту жгучую тему, случайно затронутую в их беседе.

— Это, кажется, укрепленный замок? — продолжал Огненный Глаз.

— Да, отец; и даже с зубчатыми башнями.

— Да-да, теперь я припоминаю: это превосходная боевая позиция.

Донья Эсперанса наблюдала за своим мужем со все возрастающим удивлением; его ледяное спокойствие и упрямая настойчивость положительно пугали ее. А он все не унимался.

— Ты бывал когда-нибудь в этом замке?

— Никогда, отец.

— Жаль! Но ты, кажется, знаком с некоторыми его обитателями? Не может быть, чтобы такой дворянин, как этот дон Фернандо де Могюер, не пожелал отблагодарить человека, который спасал несколько раз жизнь его детей...

— Не могу сказать, была ли такая мысль у дона Фернандо, так как сам я никогда не имел чести его видеть.

— Гм! Довольно странно, дон Диего, что ты не попытался познакомиться с ним! Впрочем, все это не имеет сколько-нибудь важного значения для моих планов.

— Для твоих планов, отец? — удивился Твердая Рука.

— Сейчас ты все поймешь. Дело в том, что мы намереваемся открыть кампанию двумя молниеносными ударами. Прежде всего мы постараемся завладеть Квито-ваком, где в настоящее время сосредоточены главные мексиканские силы. Для успеха нашего дела имел бы также огромное значение захват такой мощной позиции, как асиенда дель Торо, расположенная на перекрестке трех дорог: в Эрмосильо, в Ариспу и в Сонору. Я хотел было поручить это дело тебе. Но у тебя нет заручки в замке, да и самому тебе такая мысль мало, по-видимому, улыбается. Что ж, оставим ее. Я пошлю туда Ястреба и

Пекари. Эти опытные и хитрые военачальники одним ударом возьмут замок, тем более что обитатели его не ожидают, как видно, нападения и плохо подготовлены к обороне. Что же касается тебя, мой сын, то ты пойдешь со мной в поход на Квитовак. Ну, а теперь ты свободен и можешь удалиться.

С тайным ужасом в душе слушал отца охотник. Удрученный его рассказом, Твердая Рука не заметил даже, что отец сам себе противоречит. В самом деле, только что Огненный Глаз притворялся, будто он не знает даже названия асиенды, а теперь говорил о ней с полным знанием дела, обрисовал сыну топографию местности во всех ее деталях, обнаруживая глубокое знакомство с этой позицией. Но Твердая Рука ничего не замечал. Мысль о грозной опасности, которой подвергнется донья Марианна в случае захвата асиенды апачами, ошеломила его.

Огненный Глаз между тем украдкой следил за сыном.

— Прости, отец, — заговорил, наконец, Твердая Рука, — но я полагаю, что было бы неосторожным поручать такую операцию против замка, расположенного в глубине страны, отряду из необученных военному строю индейцев.

— Вот поэтому-то я и думал о тебе. Ты бы двинулся туда во главе отряда белых охотников и метисов; в качестве бледнолицых вы могли бы незаметно добраться до асиенды. Признаюсь, твой отказ нарушает мои планы, но так как я не хочу принуждать тебя...

— Но я не думал отказываться, отец! — воскликнул молодой человек.

— Вот как!

— Уверяю тебя, отец; напротив, я жажду получить столь ответственное задание.

— Значит, я был введен в заблуждение твоим молчанием и двусмысленными фразами. Итак, ты согласен?

— Я буду счастлив, отец.

— Значит, решено. Отлично! А теперь займись Паредесом — ему пора уже вернуться к своему господину. И смотри, сын мой, никому ни слова о нашем разговоре: слишком важные дела связаны с ним. Поцелуй свою мать и ступай.

Молодой человек бросился в объятия доньи Эсперансы, а та, нежно целуя сына, успела шепнуть ему одно слово: «Надейся».

Почтительно поклонившись отцу, Твердая Рука удалился.

— Ну как, Эсперанса, — сказал Огненный Глаз, потирая от удовольствия руки, — теперь ты угадываешь, наконец, мои намерения?

— Нет, — кротко улыбаясь, ответила она. — Но мне кажется, я начинаю понимать их...

Топор

Твердая Рука покинул пирамиду в крайне возбужденном состоянии. Слово, произнесенное на ухо его матерью, не выходило из головы. Очевидно, донья Эсперанса, с чуткостью, присущей одним лишь матерям, разгадала тайну, которую он так тщательно скрывал в глубине своей души, — то затаенное чувство, в котором он боялся признаться даже самому себе. С другой стороны, его несказанно смущал разговор с отцом, а более всего предложение, сделанное ему в заключение беседы. Поведение отца казалось ему необъяснимым. Он не понимал, как у этого старика, известного всем своей безупречной репутацией, могло зародиться намерение предательски напасть на человека, которому он сам только что так бескорыстно пришел на помощь. Твердая Рука положительно терялся в догадках, думая о том, в каком вопиющем противоречии находится поведение отца со словом «надейся», непрестанно звучавшим в его ушах. Но так как до дома охотника, где находился Паредес, было далеко и прошло немало времени, пока продолжалось это сложное путешествие, он успел совладать с собой. У порога его хижины стояли Свистун и Пекари.

— Наконец-то, Твердая Рука! — еще издали крикнул ему траппер. — Мы давно поджидаем вас.

— Вы? Меня?!

— Ну, конечно, вас. Ястреб передал мне и вождю приказ Огненного Глаза охранять в пути человека, прибывшего с вами сегодня утром.

— Ооох! Свистун сказал правду, — коротко подтвердил Пекари.

— А это что? — спросил Твердая Рука, указывая на стоявшего неподалеку мула, нагруженного мешками.

— Подарки Огненного Глаза вашему человеку. Да он сам вам все расскажет.

Твердая Рука застал дона Хосе за приготовлениями к отъезду. Управитель был в самом веселом настроении. Завидев охотника, он бросился к нему и, с жаром пожимая его руку, воскликнул:

— Добро пожаловать, приятель! Да, теперь я вижу, что на ваше слово можно положиться! Ну, а я вот вынужден просить у вас прощения.

— Прощения? За что?

— За то, что усомнился в вас. Когда сегодня утром вы бросили меня здесь как ненужную ветошь... я заподозрил... понимаете, гнев — плохой советник... одним словом, я перестал вам верить. Черт знает какие мысли полезли мне в голову! Поверите ли, я чуть было не удрал отсюда.

— И совершили бы непоправимую ошибку.

— Я думаю, карай! Мне очень стыдно, и я снова прошу простить меня.

— Ха-ха! — рассмеялся охотник. — Есть о чем разговаривать! Вернемся лучше к делу. Вы поедете в асиенду под охраной надежных людей и, конечно, благополучно доберетесь туда. Когда вы выложите все деньги на стол, ваш господин вряд ли станет спрашивать о подробностях вашего путешествия. И я, знаете ли, полагаю, что совсем не к чему посвящать его во все, что случилось с вами. Для него это не представляет никакого интереса, а может дать пищу всяким пересудам.

— Будьте спокойны, — с хитрой усмешкой ответил Паредес. — Я не пророню ни слова. Да, кстати, — продолжал он, — я получил здесь сполна по всем этим векселям. Теперь они ваши. Прошу принять их.

Охотник взял векселя и сунул их за пазуху.

Наступило молчание. Хотя все приготовления к отъезду управителя были окончены, он продолжал без толку метаться по хижине. Охотнику стало ясно, что Паредес хочет что-то сказать, но не знает, как приступить к делу.

— Что вас беспокоит, друг мой? — пришел ему на помощь Твердая Рука. — Говорите же, не стесняйтесь.

— Дело в том, — решился наконец Паредес, — что мне не хотелось бы уехать отсюда, не отблагодарив вас за оказанную помощь. Но как? Сколько ни бьюсь, ничего не придумую.

— Только и всего! — весело ответил охотник. — Неужто это так трудно?

— Вы и не представляете себе! Поверите ли, вот уже полчаса, как я напрасно ломаю себе голову над этой задачей!

— Потому что вы ищете не там, где надо.

— А вы придумали? Да неужели?!

— Сейчас сами убедитесь! Я часто охочусь в ваших краях. Так вот, как только мне случится быть снова в окрестностях асиенды, я заеду погостить у вас.

— Ничего лучшего и не придумаешь! Увидите, какой я окажу вам прием. Приезжайте хотя и с десятью приятелями — у меня найдется, чем угостить вас.

— Ловлю вас на слове!

— А сами вы даете слово? — спросил Паредес.

— Даю.

— Чудесно! Приезжайте, когда хотите, днем или ночью: мой дом будет всегда открыт для вас.

— Ночью?! Но ночью мне, пожалуй, будет трудно-то пробраться в асиенду.

— Ничуть! Вам достаточно будет назвать себя.

— Значит, решено. А теперь вам пора ехать. До наступления темноты осталось часа четыре, не больше. Не задерживайтесь.

— А вы не медлите с исполнением своего обещания.

— Не беспокойтесь!

Они вышли из хижины. У дверей верхами стояло человек восемь индейцев и трапперов, готовых двинуться в путь по первому знаку управителя.

Паредес пожал на прощанье руку охотника, вскочил в седло и, подхватив одной рукой поводья мула, подал знак к отъезду. Маленький отряд, вырвавшись из толпы зевак, галопом помчался по улицам селения.

Твердая Рука долго смотрел вслед удаляющимся всадникам. Только когда они скрылись, он вернулся к себе. Занятый своими мыслями, он не замечал, как течет

время. Вдруг он вскочил, топнул об пол ногою и гневно воскликнул:

— Нет, тысячу раз нет! Я не злоупотреблю доверием этого человека. Это было бы низким предательством. Нет, не пойду на такую подлость!

Это не были слова; это было решение, плод долгих и мучительных дум, обуревавших молодого охотника...

Прошло много дней. В индейском селении жизнь шла своим чередом. Неоднократно собирался военный совет; был окончательно разработан план предстоящей кампании; вернулся Свистун, доложивший Огненному Глазу, что дон Хосе благополучно добрался до асиенды дель Торо.

Но вот начали, наконец, стекаться союзные индейские войска. Вскоре не стало места для размещения всех прибывающих воинов, им приходилось разбивать свои стоянки в степи под открытым небом. Это обстоятельство не являлось, впрочем, слишком большой неприятностью для индейцев, привыкших ко всякой непогоде. Скорее наоборот: жизнь под открытым небом была им по душе.

На двенадцатый день после отъезда Паредеса глашатаи сзывали всех вождей свершить при закате солнца религиозный, установленный перед началом военных действий ритуал — так называемое «Великое Врачевание». В тот самый миг, когда солнце, окруженное багрово-красным ореолом, заходило за горизонт, верховный жрец поднялся на крыльцо «Хижины Великого Врачевания» и среди воцарившейся тишины провозгласил:

— Ушло живительное тепло солнца, земля погрузилась во мрак! Настал таинственный час борьбы человека с духом зла. Начинайте обряд «Великого Врачевания»!

Мгновенно воздух огласился нестройными дикими криками, и отовсюду двинулись полчища всевозможных чудищ: четвероногих, рептилий и птиц. Эти странные существа выбегали из каждой хижины, спускались по лестницам пирамид, выползали из-за углов улиц, надвигались с полей. Толпы их скоро захлестнули все площади и улицы и разлились нескончаемым потоком по окрестностям селения на целую милю в окружности. Это были ряженные индейские воины, облаченные в меха, перья и шкуры. Индейцы, как известно, в совершенстве подражают крикам различных животных и птиц. Они великолепно изучили, кроме того, нравы и повадки животных,

их движения, их поведение при самых различных обстоятельствах — например во время еды, и даже их манеру укладываться спать.

Трудно себе представить этот неистовый концерт с его визгом и криком, с его посвистом и шипением, с его человеческим пением и рычанием хищников, всю эту дикую какофонию, в которую врывался еще и неумолчный лай одуревших от страха собак. От всего этого религиозного шествия веяло какой-то первобытной суровостью, способной поразить даже самое богатое воображение.

Временами внезапно воцарялась тишина, и тогда в ночном безмолвии снова гремел голос жреца:

— Низвергнуто ли, братья мои, злое начало? Попрали ли вы его своими ногами?

В ответ неслись нестройные крики, и оглушительный гомон начинался снова.

Так продолжалось всю ночь. За несколько мгновений до восхода солнца жрец снова задал свой вопрос. На этот раз среди наступившей тишины прозвучал высокий и мелодичный голос молодой девушки:

— Владыка жизни сжалился над своими детьми и послал им на помощь солнце! Злое начало побеждено!

В то же мгновение взошло сияющее солнце. Индейцы приветствовали его радостными возгласами и, скинув с себя свое фантастическое облачение, пали на колени, подняв глаза к небу.

Жрец обмакнул в наполненную водой чашу из тыквы пучок полыни и, покропив им на все четыре стороны, обратился с мольбой к небу:

— Здравствуй, солнце, видимый наместник невидимого владыки жизни! Внемли мольбам своих краснокожих сынов! Дело их правое! Даруй же им скальпы их врагов, дабы было что нанизать им на свои пояса! Приветствую тебя, солнце, здравствуй!

— Приветствую тебя, солнце, здравствуй! — хором подхватила толпа.

Все встали с колен. Первая часть ритуала была окончена. Жрец удалился; место его занял глашатай, призвавший главных сашемов вырыть топор войны. Начался новый обряд.

Вожди стройной процессией вошли в «Хижину Великого Врачевания». Здесь на месте, указанном жре-

цом, старейший из вождей отрыл ножом для снятия скальпов «великий топор войны», эмблему предстоящей войны.

Затем сашемы в том же порядке выступили из хижин. Впереди, между воином, который нес тотем, и воином, который нес трубку мира, шествовал старейший вождь; обхватив обеими руками рукоятку топора, он нес его лезвием вперед, плотно прижав топор к своей груди. Так сашемы дошли до «Ковчега первого человека», где они выстроились лицом к «Столбу войны». Теперь дело было за жребием: он должен был решить, кому из сашемов выпадет великая честь нанести удар «священным топором» «Столбу войны».

Индейцы, народ в высшей степени суеверный, придают этой церемонии огромное значение. Удачно нанесенный удар, сделавший глубокую зарубку в столбе, считается предзнаменованием счастливого исхода войны.

Приступили к жеребьевке; жребий пал на Твердую Руку. Гул одобрения пронесся по рядам присутствующих, когда было произнесено имя человека, которого народ любил и уважал как одного из храбрейших своих сынов.

Твердая Рука выступил из рядов, стал спиной к «Ковчегу первого человека», принял топор из рук старейшего вождя, занес его высоко над своей головой и, вращая с невероятной быстротой, метнул в «Столб войны». Топор так глубоко врезался в дерево, что жрец, который должен был выдернуть его, после долгих и тщетных усилий вынужден был отказаться от этой попытки. Крик радости вырвался из груди воинов; подхваченный многотысячной толпой, он прозвучал, как могучий боевой клич.

Старейшие сашемы в один голос утверждали, что они не помнят такого удара.

Все предвещало счастливый исход войны. Всеобщее ликование не знало границ. Твердой Руке устроили овацию, вожди и воины наперебой поздравляли его с достигнутым результатом. Когда топор был наконец вынут, воины посторонились, очистив место для женщин. Началась пляска скальпов.

В танце участвуют одни только женщины; это, кажется, единственный случай, когда индейские воины падают перед женщинами.

Эта священная пляска сохранилась только у непокоренных индейцев; она исполняется лишь в честь особо важных событий: накануне великого похода или после окончания его, да и то лишь в случае счастливого его исхода. А успешным походом индейцы считают такой, из которого воины возвращаются с большим количеством скальпов и отобранных у неприятеля лошадей, не понеся при этом потерь.

Женщины отплясывают этот танец с воодушевлением, переходящим в иступление, зажигая сердца воинов воинственным задором.

Но вот смолкли неистовые крики женщин и прекратились их необузданные движения. Пляска скальпов кончилась. Воины приступили к последнему из обрядов, предшествующих началу военных действий.

Следы этого обряда нам случалось встречать лишь у некоторых племен, обитающих на берегах Верхнего Миссури, да еще у индейцев чисто папагосского происхождения. Он состоит в предсказании будущего по потрохам молодой кобылицы. Само собой разумеется, что жрец-толкователь говорит все, что ему взбредет на ум, и все ему верят на слово по той простой причине, что никто, кроме жреца-толкователя, не владеет искусством этого вещания. На этот раз то ли потому, что он не хотел смущать всеобщую радость, то ли потому, что, долго обманывая других, он сам уверовал в свою ложь, жрец предсказал внимавшим ему воинам победоносный исход войны. Это предсказание было встречено новым взрывом всеобщего ликования. Останки кобылицы, согласно обычаю, были отданы жрецу, который, таким образом, один только и вышел с чистым барышом из этого темного дела.

Наконец, все предвоенные обряды были закончены, и воины получили приказ держать наготове оружие, лошадей и провиант в ожидании приказа о выступлении, которого ждали с минуты на минуту.

Папагосским сашемам удалось поставить под свои тоtemы тридцать тысяч воинов на превосходных конях; около четырех тысяч из них были вооружены огнестрельным оружием. Правда, индейцы, с редким искусством владеющие топором, копьем и луком, весьма посредственные стрелки из ружей: суеверный страх, который они питают к огнестрельному оружию, мешает им

брать точный прицел. Однако есть немало индейцев, которым удастся преодолеть этот страх. Из них вырабатываются отличные стрелки, которых следует весьма опасаться в бою. Но главная огневая мощь индейской армии заключалась в оружии восьмидесяти охотников белых и метисов, присоединившихся к индейцам в надежде на грабеж и поживу.

Огненный Глаз, оставив за собой верховное командование, назначил трех командующих — Ястреба, Свистуна и Пекари.

Твердой Руке было поручено командование отрядом особого назначения, в составе двадцати пяти белых охотников. Он сам отбирал их из числа самых смелых и честных трапперов.

Итак, все уже было готово к открытию военных действий. Индейцы ожидали только безлунных ночей, чтобы, по своему обыкновению, вторгнуться на территорию врага под покровом темноты.

Бледнолицые

Возвращение Паредеса было по-разному воспринято в асиенде.

Маркиз, конечно, обрадовался ему, хотя суммы, привезенной Паредесом, едва хватило для удовлетворения самых насущных нужд хозяйства, требовавшего все новых и новых вложений капитала.

Дон Руфино ничем не выдал своего удивления по поводу благополучного возвращения человека, гибель которого он так тщательно подготовил. Но его удивление уступило место тревоге, а затем и ужасу, когда он подсчитал время, затраченное доном Хосе на путешествие. В самом деле, на проезд в Эрмосильо и обратно, по самым скромным подсчетам, требовалось девять суток, между тем как отсутствие управителя продолжалось всего пять дней. Ясно, что Паредес не ездил в Эрмосильо, но вместе с тем он получил по векселям. Что бы это могло значить? За всем этим, несомненно, скрывалась какая-то тайна. Дон Руфино, сгоравший от нетерпения пролить на нее свет, находился в затруднительном положении. Дело в том, что ему нельзя было расспрашивать Паредеса. Ведь в глазах всех сенатор якобы ничего не знал о цели его поездки. Кроме того, дон Руфино отлично понимал, что Паредес все равно не ответит ему, а, пожалуй, еще и зло подшутит над ним.

Бравый управитель не знал, что дон Руфино и есть глава заговора, который чуть было не погубил его. Он

вообще не имел никаких видимых оснований сомневаться в порядочности сенатора. Тем не менее безошибочным чутьем, которое свойственно честным и порядочным натурам, Паредес с первого же взгляда угадал в сенаторе волка в овечьей шкуре, почувствовал к нему непреодолимое, почти инстинктивное отвращение, скрывать которое не считал даже нужным.

Не имея возможности добиться чего-нибудь от Паредеса, дон Руфино не переставал искать ключ к разгадке этой таинственной истории. Он знал, что в Соноре, как, впрочем, в любом другом штате Мексики, не так просто встретить человека, способного из одной любви к ближнему учсть такие крупные векселя. Это мог сделать только очень богатый человек, преисполненный к тому же желанием оказать услугу маркизу. Но сколько ни ломал себе голову дон Руфино, сколько ни перебирал в памяти всех владельцев асиенд, живущих на протяжении пятидесяти лет в округности, он не видел среди них такого человека. В конце концов сенатор пришел к выводу, что тот, кто учел эти векселя, знал о готовящемся покушении на управителя. Но кто?

«Неужели Кидд?» — подумал дон Руфино, но тут же вынужден был отвергнуть это подозрение. Уже одно предположение, что бандит мог пощадить жизнь Паредеса, показалось ему смешным; но чтобы Кидд дал уйти своему пленнику, не очистив его карманов, — такая мысль была просто нелепой.

Дон Руфино долго не мог выбраться из порочного круга всевозможных догадок. Для этого ему не доставало отправной точки. Внезапно он ее нашел. Он решил проследить всю историю заговора, начиная со своей встречи с Киддом. Он шел от вывода к выводу, с трудом пробинаясь сквозь рой туманных предположений, теснившихся в его воспаленном мозгу, пока его не озарила мысль, которая почти привела его к истине.

— Правду говорят краснокожие, — бормотал он про себя, — что в прерии деревья имеют уши, а листья — глаза. Теперь я вспоминаю, что мой разговор с этим плутом происходил возле густого кустарника; может быть, в нем скрывался соглядатай? Отныне я буду сговариваться о делах не иначе, как на оголенных холмах! Впрочем, как знать... может быть, и там меня будут подслушивать из какой-нибудь норы!

Размышления сенатора прервал подошедший дон Руис.

— Сеньор дон Руфино, — произнес он после взаимного обмена учтивостями, — не угодно ли вам пройти со мной в гостиную? Дело в том, что наш управитель, находившийся, как вам известно, несколько дней в отсутствии, привез довольно важные известия, которыми мой отец хотел бы поделиться с вами.

Сенатор, невольно вздрогнув, испытующе посмотрел на дону Руиса, но не прочел никакой задней мысли на открытом лице юноши.

— Что случилось, дорогой дон Руис? — заискивающим голосом произнес дон Руфино. — Неприятности?

— Да, но у меня только самые смутные сведения о них. Пожалуйста, если вам угодно, со мной в гостиную, и там вы все узнаете.

— Я весь к вашим услугам, дон Руис, — сказал сенатор и последовал за молодым человеком в гостиную, где уже находились маркиз, донья Марианна и дон Хосе.

— Что случилось, мой дорогой маркиз? — спросил сенатор. — Признаюсь, дон Руис нагнал на меня страху.

— Это не пустые страхи, кабальеро, сейчас вы сами убедитесь. Но прошу вас, присядьте... Итак, — обратился он к управителю, — эти сведения вы получили из вполне достоверных источников?

— Я готов поручиться, ми амо, что все это правда чистой воды. Папагосы объединились с черт его знает какими еще племенами индейцев, и мы должны с часу на час ожидать их нападения.

— Вот так чертовщина! — весело воскликнул сенатор.

— Это гораздо более серьезно, чем вы думаете! — резко ответил Паредес. — На этот раз индейцы полны решимости окончательно водвориться в Соноре, изгнав оттуда белых.

— Только и всего? — продолжал посмеиваться сенатор. — Ну что ж! Для них, видно, это пара пустяков!

— Вы можете смеяться сколько угодно, но факт остается фактом.

— Да я и не думаю смеяться, друг мой: я только не предполагаю, чтобы индейцы могли решиться на такое безумное предприятие.

— Во-первых, сеньор, я не ваш друг! — оборвал его управитель. — А во-вторых, вы, вероятно, изменили бы свое мнение об индейцах, доведись вам увидеть их в бою.

— Я никогда еще не видел индейцев бравос и, Бог даст, никогда не увижу их. Но вместе с тем я сильно подозреваю, что жители этого края рисуют себе их несравненно более страшными, чем они есть на самом деле.

— Напрасно вы так думаете, — вмешался маркиз. — Поживете еще немного с нами и сами поймете, как вы глубоко ошибаетесь.

— Но мы-то, надеюсь, уедем отсюда заблаговременно! — воскликнула донья Марианна.

— Нам нечего бояться индейцев, дочь моя, — отвечал маркиз. — Скала, на которой построен мой замок, слишком тверда для них; они сломают себе шею и ничего не добьются.

— Но все же, отец, не мешает принять некоторые меры предосторожности, — заметил дон Руис.

— В дни всеобщего восстания тысяча восемьсот двадцать седьмого года, — сказал маркиз, — индейцы не показывались даже на подступах к дель Торо; весьма сомнительно, чтобы и теперь они осмелились напасть на нас. Ты все же прав, сын. Я прикажу немедленно привести замок в состояние обороны, хотя бы для того, чтобы успокоить твою сестру.

— Ну, на этот раз восстание будет посерьезнее, — возразил Паредес. — Поверьте мне, ми амо, нельзя терять ни минуты.

— Сделайте милость, сеньор управитель, — воскликнул сенатор, — скажите наконец, кто же это так обстоятельно осведомил вас о положении дел?

Дон Хосе, косо взглянув на сенатора, пожал плечами.

— Не все ли вам равно? — ответил он. — Предположим, эти сведения я получил от одного друга. Это вас устраивает?

— Позвольте, позвольте, сеньор! — возразил дон Руфино. — Это важнее, чем вы думаете. Нельзя же так, ни с того ни с сего, встревожить покой целого семейства, не представляя никаких доказательств в достоверности принесенных вами известий.

— Мой господин слишком хорошо знает меня, сеньор, как честного и правдивого человека, не способного на ложь!

— Я не сомневаюсь ни в вашей порядочности, ни в вашей правдивости, сеньор управитель; однако, если вы хотите, чтобы ваше сообщение было принято во внимание, вы должны подтвердить его неопровержимыми доказательствами или, по крайней мере, ссылкой на лицо, пользующееся общественным доверием.

— Ба! Ба! — заметил дон Хосе. — Никогда не мешает быть наготове.

— Да, когда ты уверен, что тебе следует это делать, — возразил сенатор. — Вот поэтому-то в качестве должностного лица... тысяча извинений, маркиз, за то, что вынужден действовать так в вашем доме... я требую, чтобы вы назвали тотчас же имя человека, от которого вы получили эти тревожные известия.

— А что скажет вам имя человека, которого вы никогда не видели, о котором никогда ничего не слышали?

— Не в этом дело. Потрудитесь отвечать, прошу вас!

— Очень возможно, сеньор, что вы должностное лицо, но меня это мало трогает. Я признаю здесь одного только господина: сеньора маркиза. Он один имеет право расспрашивать меня, ему одному только и буду я отвечать.

Сенатор, кусая губы, повернулся к маркизу.

— Почему же, Паредес, вы не хотите ответить? — сказал дон Фернандо. — Право, я не могу понять вашего упрямства в этом деле.

— Если вы этого требуете, ми амо, я могу ответить. Знайте же, что о готовящемся восстании индейцев меня предупредил один белый охотник, по имени Твердая Рука.

— Твердая Рука?! — одновременно воскликнули брат и сестра.

— Не тот ли это самый охотник, — спросил маркиз, — которому мы уже так многим обязаны?

— Да, ми амо, — отвечал дон Хосе.

Сенатор впервые услышал это имя; тем не менее, когда управитель произнес его, дон Руфино испытал какое-то необъяснимое внутреннее волнение.

— О, ему нельзя не верить! — пылко воскликнула донья Марианна. — Каждое его слово заслуживает полного доверия.

— Конечно, — подтвердил дон Руис. — Надо полагать, что он сделал это преднамеренно, желая предостеречь нас.

— Но кто этот человек и почему он так симпатичен всем вам? — продолжал домогаться сенатор.

— Друг! — с жаром произнесла донья Марианна. — Друг, которого я никогда не забуду!

— И которого все мы любим, — добавил маркиз.

— И вы ему полностью доверяете? — не унимался дон Руфино.

— О да! Можете быть уверены, сеньор, что я не стану пренебрегать его предупреждением!

— Но, в таком случае, позвольте мне заметить вам, сеньор маркиз, что мне кажется весьма подозрительным упорство, с которым сеньор управитель отказывался называть его имя.

— Сеньор дон Руфино, — отвечал маркиз, — Паредес — наш старый слуга, он пользуется известной свободой в обращении со всеми нами и правом, я бы сказал, вполне заслуженным правом, требовать, чтобы ему верили на слово... Но пора, однако, подумать, — продолжал маркиз, — что нам следует предпринять, чтобы не быть захваченными врасплох. Вы, Паредес, садитесь тотчас же на коня и объявите всем нашим пеонам и пастухам мой приказ немедленно перебраться с семьями в асиенду и пригнать сюда же стада и табуны... А ты, сын мой, займись подготовкой загонов для животных и жилья для людей. Надо запастись фуражом и провиантом, чтобы нас не взяли измором во время осады. Сколько пеонов в вашем распоряжении, Паредес?

— У нас восемьдесят человек, способных носить оружие, ваша светлость; но я думаю, что мы сумеем как-нибудь использовать для обороны и других обитателей асиенды.

— Этого нам вполне хватит, — сказал маркиз. — По-моему, нет никакой надобности вызывать еще наших рудокопов из Квитовака.

— Тем более, — отвечал управитель, — что капитан де Ниса успел, вероятно, завербовать их в число защитников крепости.

— Вполне возможно, — произнес, поднимаясь, маркиз. — А пока ступайте и постарайтесь без промедления исполнить мои распоряжения.

Управитель поклонился и вышел.

— Не соблаговолите ли вы, маркиз, уделить мне несколько минут? — сказал сенатор.

— К вашим услугам, дон Руфино.

— О, не беспокойтесь! — обратился сенатор к брату и сестре, вскочившим со своих мест с намерением удалиться из комнаты. — Дело это отнюдь не секретное.

Брат и сестра снова заняли свои места.

— Признаюсь, — начал сенатор, — что сообщение вашего управителя встревожило меня не на шутку. Я никогда не видел индейцев бравос, но смертельно боюсь их. Поэтому, с вашего разрешения, дон Фернандо, я немедленно хотел бы покинуть асиенду.

— В такое время?

— Да, маркиз. Я убедился, наконец, в серьезности готовящихся событий. Но ведь я плохой вояка, я боюсь даже простой драки; да к тому же мой сан сенатора требует моего присутствия в Мехико* хотя бы для того, чтобы предупредить правительство о беде, которая угрожает Соноре, и побудить его принять необходимые меры.

— Вы, конечно, вольны поступать как вам вздумается, сеньор Руфино. Однако я далеко не уверен, что сейчас безопасно на дорогах.

— Я уже подумал об этом, маркиз. Но мне надо только добраться до Ариспы. Это недалеко отсюда, а там уж мне ничего не грозит. Может быть, дон Руис проводит меня туда?

— В этом доме вам ни в чем не будет отказа, дон Руфино, — сказал маркиз. — Мой сын поедет с вами.

— Не премину воспользоваться вашим любезным предложением, маркиз, — сказал сенатор и, бросив украдкой взгляд на Марианну, которая сидела, задумчиво опустив голову на грудь, продолжал: — К тому же в Ариспе я намерен передать дону Руису письмо для вас.

— Зачем же писать? Не проще ли сказать, пока вы еще здесь?

— О нет, это совершенно исключено, — ответил дон Руфино с улыбкой, весьма смахивающей на гримасу. —

* Мехико — столица Мексиканской республики.

Вам, конечно, лучше, чем мне, известно, мой дорогой маркиз, что существуют дела, столкнуться по которым можно только через посредников.

— Как вам будет угодно, сеньор. Когда полагаете выехать?

— Чем скорее, тем лучше. Несмотря на всю свою привязанность к вашей семье, я вынужден честно заявить вам, что не хочу медлить.

— Сейчас только десять часов утра. Если мы поторопимся, мы еще к ночи посеем в Ариспу, — сказал дон Руис.

— Вот и прекрасно! Позвольте же, дон Фернандо, распрощаться с вами и с вашей прелестной дочерью. Примите мою искреннюю признательность за ваше радушное гостеприимство!

— Неужели вы не боитесь ехать в такую жару?

— Я боюсь только индейцев, и это чувство все заглушает. Простите мне этот внезапный отъезд, но я убежден, что умру от страха, лишь только услышу воинственный клич этих свирепых дикарей.

Дон Руис покинул зал, чтобы распорядиться насчет лошадей и конвоя, а за ним, сделав гостю реверанс, вышла и донья Марианна, ничего не подозревавшая о тайных намерениях сенатора.

Надо сказать, что этот хитрец сильно преувеличивал свои страхи перед индейцами; по всей вероятности, это было чистое притворство. Но, чувствуя, что у него земля горит под ногами, дон Руфино предпочел немедленно уехать. Бегство из асиенды было выгодно для него со всех точек зрения. Во-первых, он избегал таким образом серьезных неприятностей, которые могли возникнуть для него, если раскроется его преступный заговор с Киддом. Во-вторых, лишь находясь в безопасности, дон Руфино мог продолжать плести свою прерванную интригу и довести ее до успешного конца, как только надвигающиеся события создадут благоприятную обстановку. Дело в том, что восстание индейцев, которое неизбежно повлечет за собою прекращение работ на приисках и на полях и почти полную приостановку деловых операций, должно было губительно отразиться на делах маркиза. На это-то и рассчитывал дон Руфино для осуществления своих коварных замыслов. Кроме того, сенатор предпочитал письменное объяснение с маркизом устному по той про-

стой причине, что бумага все терпит, а человек, который пишет, может быть уверен, что ему не помешают высказаться до конца.

Занятый своими мыслями, дон Руфино не заметил, как в комнату вошел дон Руис и сообщил, что лошади готовы. Сенатор тотчас же вскочил и направился к маркизу, чтобы распрощаться с ним. Но дон Фернандо не отпускал его до тех пор, пока, согласно законам мексиканского гостеприимства, они не выпили по стакану замороженного оранжада. Затем маркиз, несмотря на все протесты своего гостя, проводил его до ворот замка.

Несколько минут спустя дон Руфино вместе с доном Руисом, в сопровождении шести хорошо вооруженных пеонов, мчались на горячих конях в Ариспу. После целого дня утомительной, безостановочной езды они прибыли туда к вечеру. Путешествие их протекало без каких-либо происшествий, но их поражало полное безлюдье в степи. Поля точно вымерли. Очевидно, слухи о близком вторжении индейцев успели уже разнестись по всему пограничному краю. Ни стад, ни табунов не было и следа. Сиротливо выглядели покинутые дома с огромными зияющими отверстиями вместо оконных рам и дверей, унесенных их хозяевами. Бежавшие обитатели прерий ничего не оставляли индейцам. Все, что нельзя было унести, предавалось огню и уничтожению. Затаенной печалью веяло от опустевших полей. Посевы были сняты еще зелеными или сожжены на корню. Словом, прежде чем индейцы успели приступить к разорению этого злосчастного края, он был полностью опустошен самими же его жителями.

Ворота Ариспы оказались запертыми, когда наши путешественники добрались туда. Город охранялся солдатами и отрядом гражданской милиции, содержавшейся на средства богачей для защиты города от банд грабителей и мародеров.

Понадобились бесконечные переговоры, чтобы убедить, наконец, стражу открыть ворота и впустить наших путников в город. Все улицы Ариспы были перегорожены мощными баррикадами; город походил на обширный военный лагерь; солдаты, раскинув свои биваки на всех площадях, спали и грелись вокруг костров.

У дона Руфино был в городе великолепный дом, где он проживал, когда дела требовали его присутствия в

Соноре. Путникам пришлось целый час пробираться туда в обход многочисленных встречных баррикад.

Ворота дома оказались раскрытыми настежь, а на дворе и крыльце дома спокойно расположились человек двенадцать солдат. Дон Руфино нисколько не протестовал против этого вторжения в его дом; напротив, он был, казалось, весьма доволен этим.

Сенатор ни под каким видом не соглашался, чтобы дон Руис и его пеоны отправились искать себе ночлег в городе, и предложил им переночевать у него. А те не заставили долго упрашивать себя: и люди, и кони нуждались в отдыхе после столь продолжительной скачки под жгучими лучами субтропического солнца.

Тяжелые известия

Почти одновременно с возвращением дона Руиса из Ариспы в асиенду туда прискакал курьер, — судя по его изнемогавшему от усталости коню, он примчался изда-лека. Маркиз тотчас же заперся с ним в своем кабинете. После долгой беседы с маркизом курьер, по-видимому очень торопившийся, вскочил на коня и умчался.

Таинственное появление этого человека вызвало среди остальных обитателей замка какую-то безотчетную тревогу.

Лицо маркиза, всегда носившее на себе отпечаток печали и тихого примирения с судьбой, покрылось вдруг мертвенной бледностью; резко обозначились глубокие морщины на лбу и вокруг глаз, брови нахмурились — казалось, что они вот-вот сомкнутся.

Он долго прохаживался взад и вперед по саду, заложив руки за спину и свесив голову на грудь. По временам он круто останавливался и бормотал какие-то невнятные слова; потом снова начинал шагать — вероятнее всего, повинаясь властной потребности на мгновение забыться в физическом движении.

Донья Марианна, сидя у окна своего будуара, с грустным любопытством следила за отцом. Состояние, в котором находился маркиз, огорчало и в то же время пугало молодую девушку. Ее сердце томилось в мучительной тоске, словно она предчувствовала, что ей предстоит разделить с отцом обрушившуюся на него беду.

Наконец, маркиз пришел в себя, остановился, огляделся вокруг и после минутного раздумья направился в свои апартаменты. Спустя немного времени слуга, вошедший в комнату доньи Марианны, доложил ей, что маркиз ожидает ее в Красной комнате. Тяжелые предчувствия с новой силой вспыхнули в душе молодой девушки; тем не менее она поспешила исполнить волю отца.

Дон Фернандо ни разу не переступал порога этой комнаты с тех пор, как покойный маркиз де Могюер так безжалостно изгнал из семьи своего сына Родольфо. Ничто не изменилось за минувшие годы в этом холодном и мрачном покое. Но время, под воздействием которого еще сильнее потускнели вышивки и гобелены и мебель выглядела еще более потертой, наложило на всю комнату отпечаток неизъяснимой грусти, от которой у доньи Марианны, когда она вошла туда, пробежали мурашки по телу.

Отец уже ожидал ее. Он расхаживал взад и вперед по возвышению, вдоль старинных кресел. Увидев дочь, он, не прерывая своей прогулки, указал знаком на ее место.

Молодая девушка, замирая от волнения, опустилась, вернее упала, в кресло.

Вскоре пришел дон Руис, а вслед за ним и Паредес.

Маркиз занял стоявшее в центре кресло с фамильным гербом на спинке, приказал управителю запереть дверь и, помолчав немного, заговорил прерывающимся от волнения голосом:

— Я созвал вас на совет, дети мои, ибо нам предстоит обсудить весьма важные вещи. Я пригласил также сюда Паредеса, верного и испытанного друга нашего семейства. Надеюсь, вы не станете упрекать меня в превышении моих прав!

Молодые люди одобрительно кивнули головами.

— Дети мои, — продолжал маркиз, — уже много лет миновало с тех пор, как наш род начал приходить в упадок... До сегодняшнего дня, щадя вашу беззаботную юность, я переносил один втихомолку все беды и невзгоды, которые не переставали сыпаться на нас. «К чему, — думал я, — взваливать на их молодые плечи такую тяжесть! Несчастье ходит семимильными шагами, и рано или поздно оно настигнет каждого человека. Так зачем

же преждевременно омрачать короткие дни светлой юности моих детей! Пусть досыта наслаждаются ею». Так рассуждал я, дети мои, и боролся один, тая от вас беды, осаждавшие меня, скрывая от вас горькие слезы, обжигавшие не раз мои глаза. Роль счастливого человека была, правда, мне не под силу, но мне удавалось по крайней мере принимать вид человека, довольного той мерой добра и зла, которая отпущена на его долю. И поверьте, что так продолжалось бы и впредь, если бы не страшная, непоправимая беда, которая обрушивается теперь на нас. Только она и вынуждает меня ознакомить вас с ужасным положением наших дел.

Тут маркиз замолчал, подавленный волнением, от которого сжималось его горло.

— Отец, — сказал дон Руис, — вы всегда были для нас добрым и хорошим отцом. Верьте, отец, что мы давно уже ждем этого откровенного разговора. Напрасно из боязни причинить нам боль вы так долго откладывали его. Мы всегда горячо желали разделить с вами ваши горести и печали и тем самым влить в вас новое мужество для дальнейшей тяжелой борьбы с превратностями судьбы... Говорите же, отец мой, расскажите нам все без утайки!.. Сегодняшний курьер привез вам дурные вести, да?

— Да, сын мой, ты угадал. Вот уже несколько лет как ополчившаяся против нас судьба преследует меня с каким-то неизменным упорством. Все будто нарочно складывается против нас; наше состояние не перестает таять. Тщетно пытался я устоять против этого стремительного потока бедствий — все мои усилия ни к чему не привели. Правда, всего лишь несколько дней назад я надеялся если не восстановить все наше достояние, то по крайней мере спасти нашу фамилию от окончательного разорения. Но ужасные известия, полученные час назад, положительно разбили все мои надежды. Только чудо может теперь спасти меня от разорения, а вас — от нищеты. Да, дети мои, мы лишились всего, даже этого фамильного замка, который через несколько дней, может быть даже завтра, попадет в руки наших кредиторов.

— Но как и почему все это случилось, отец? — воскликнул дон Руис.

— А вот как! Дела в этой стране, находившиеся давно уже в застое из-за злосчастной нерадивости прави-

тельства, пришли в полное расстройство при известии о восстании индейцев бравос и мансос. Торговыми, банковскими и промышленными кругами овладела паника. Все спешат вернуть свои деньги, вложенные в различные предприятия, и припрятать их подальше. Многие фирмы в Эрмосильо, Уресе, Ариспе, Соноре, Мехико объявили себя банкротами и прекратили платежи. А тут еще, как на беду, в Мехико произошло новое пронунсиаменто. Пограничные штаты еще только готовятся отразить нападение индейцев, а внутренние штаты уже охвачены огнем гражданской войны. И вот последствия такого положения дел: кредиторы требуют от своих должников немедленного возврата долгов, в то время как должники, пользуясь создавшейся обстановкой, стараются не платить по своим обязательствам. Они либо объявляют себя банкротами, либо, ссылаясь на трудности, требуют отсрочки платежей на столь отдаленные сроки, что на эти деньги и вовсе не приходится рассчитывать. Письма, которые я получил сегодня, делятся на две именно такие категории: мои должники отказываются расплатиться со мной, а мои кредиторы получили уже в суде исполнительный лист против меня. Таким образом, если я не выплачу в недельный срок кругленькую сумму в триста восемьдесят тысяч пиастров, я буду объявлен банкротом, выселен из своих владений, а этот замок будет продан с аукциона за бесценок какому-нибудь бывшему нашему вассалу, обогатившемуся за наш же счет.

— Триста восемьдесят тысяч пиастров! — воскликнул дон Руис. — Но откуда же взять такую уйму денег!

— Одна только асиенда стоит в два раза больше этой суммы, — ответил маркиз. — В другое время ничего не стоило бы занять тысяч четыреста под залог поместья. Мало того, разные лица и фирмы должны мне триста тысяч пиастров. Как видишь, сын, в нормальное время я был бы в силах отвести от нас этот новый удар судьбы. Но сегодня об этом и думать нечего. Нет, уж лучше сразу выйти из игры, предоставив кредиторам делиться остатками нашего достояния.

— Но куда мы тогда денемся, отец? — спросил дон Руис.

— Карай! — воскликнул Паредес. — Не так уж трудно ответить на этот вопрос. Вам ведь всем известно, что у меня имеется небольшое ранчо, которое, слава

Богу, не обременено никакими долгами. Возьмите его, ми амо, а для себя и для своей старой матери я всегда найду где-нибудь уголок. О, разумеется, я и не думаю сравнивать свой дом с вашим дворцом, но вам все же лучше поселиться у меня, чем искать приюта у чужих людей. Ну как, ваша светлость, решено?

— Благодарю вас, друг мой, — после минутного раздумья произнес маркиз. — Я принимаю ваше предложение. Я не стану, впрочем, долго обременять вас; но ваш дом понадобится мне на несколько дней, в течение которых я сделаю попытку спасти из этой катастрофы хотя бы самые жалкие крохи для моих детей.

— Не заботьтесь о нас, отец! — с жаром воскликнула донья Марианна. — Мы молоды и можем работать.

— Да вы не думайте, ми амо, — вмешался снова дон Хосе, — мое ранчо не так уж плохо. Я надеюсь, что с Божьей помощью вы недурно там устроитесь; у меня, по крайней мере, вам нечего будет опасаться посещения некоей особы.

— Вы намекаете, конечно, Паредес, на дона Руфино Контрераса, — сказал маркиз. — Вы несправедливы к нему. Это один из лучших моих друзей, и я не могу нахвалиться его отношением ко мне.

— Гм! Все возможно, ми амо, всяко бывает... Тем не менее я позволю себе заметить, с вашего разрешения, что было бы благоразумнее повременить немного с окончательным суждением о сеньоре сенаторе.

— Что-нибудь слышали о нем?

— Ничего, ми амо, ничего! Это я просто так, сам с собой разговариваю.

— Да, чуть было не забыл! Отец, ведь у меня письмо к вам от дона Руфино! — воскликнул дон Руис, протягивая маркизу запечатанный конверт.

— А мне, к слову сказать, — пробурчал себе под нос управитель, — всегда были подозрительны люди, которые предпочитают бумагомарание живому слову.

Маркиз тем временем вскрыл конверт и пробежал глазами письмо.

— Ну, по крайней мере на этот раз, — воскликнул он, — нам не придется обвинять дона Руфино в недостатке искренности и ясности! Он уведомляет меня о мерах, принятых против меня моими кредиторами, и, указав мне затем на безвыходность моего положения,

предоставляет мне возможность, — правда, немного странную, — с честью выйти из него. Короче говоря, он просит у меня руки моей дочери и обещает внести в банк на ее имя, в виде приданого, капитал в полтора миллиона пиастров и расплатиться, кроме того, со всеми моими долгами.

Донья Марианна сидела не шелохнувшись, словно пришибленная этим известием.

— Вот до чего мы дошли, дети мои! — с горечью продолжал маркиз. — Мы, потомки доблестного рода, должны считать себя польщенными искательством человека, так мало подходящего в мужья моей дочери.

— И что же вы намерены ответить, отец, на это странное послание? — спросил дон Руис, задыхаясь от волнения.

— Сын мой, даже угроза самой ужасной нищеты не может заставить меня поступиться моей честью. Моя дочь свободна в своем выборе, она вольна принять или отвергнуть это предложение. Я не желаю ни в коей мере влиять на ее решение. Она еще молода, и я не имею права приковать ее на всю жизнь к нелюбимому человеку... Подумай, дочь моя, и поступай согласно велению своего сердца. Заранее одобряю всякое твое решение.

— Благодарю, отец, — тихо произнесла молодая девушка, — благодарю тебя, но разреши мне ответить только через восемь дней. Я так поражена и так взволнована, что не смогу сейчас принять какое-либо решение.

— Хорошо, дочь моя, я подожду с ответом. А теперь, дети, прошу вас удалиться. Паредес, вы останьтесь здесь. Прежде чем окончательно покинуть асиенду, мне надо отдать вам некоторые распоряжения.

Брат и сестра, почтительно поклонившись отцу, молча вышли из злосчастной комнаты, в которую члены семьи де Могюер входили лишь в тех случаях, когда на них обрушивалось какое-нибудь несчастье.

Тигреро

Брат и сестра вышли из Красной комнаты, храня угрюмое молчание. Им было не до избитых взаимных утешений. Они даже не пытались поделить друг с другом своими печальными мыслями.

Когда они дошли до вестибюля, от которого расходились лестницы в их личные апартаменты, дон Руис, шедший об руку с доньей Марианной, остановился и, поцеловав сестру в лоб, ласково произнес:

— Прощай! И не падай духом, Марианна.

— Неужели ты собираешься покинуть меня? — упрекнула брата донья Марианна.

— Мне показалось, что ты направляешься к себе.

— Чем ты намерен заняться сейчас, Руис?

— Откровенно говоря, ничем. У меня одна только потребность — движения, одно только желание — бесцельно носиться взад и вперед, наглотаться воздуха, иначе я, кажется, заболел. Эх, оседлаю-ка я сейчас своего Яго и буду часа два-три скакать по полям куда только глаза глядят!

— Тогда будь добр, Руис, оседлай заодно и мою Мадрину.

— Ты намерена куда-нибудь поехать?

— Да, к своей кормилице. Мы давно не видались с ней, и сегодня мне особенно отрадно побыть с ней.

— И ты поедешь туда одна?

— Да, если ты откажешься составить мне компанию.

— А ты этого хочешь, сестренка?

— И да и нет.

— Что за загадка?

— Я буду откровенна с тобой, Руис. Мне надо пови-
дать кормилицу по делу; может быть, мне придется даже
заночевать в ранчо. И мне будет неприятно, если ты
станешь отговаривать меня.

— Ты забываешь, Марианна, что теперь в наших
краях далеко не спокойно. В случае внезапного нападе-
ния это жалкое ранчо не сможет долго сопротивляться.
Подумай, что ждет тебя тогда.

— Я обо всем подумала, Руис, я все взвесила. Но
повторяю: мне надобно ехать в ранчо и, возможно,
остаться там даже не на одну ночь, а на двое-трое
суток.

— Я знаю, сестра, что ты не какая-нибудь глупыш-
ка, — после минутного раздумья произнес дон Руис. —
Прежде чем действовать, ты все тщательно обдумаешь и
взвесишь. Ты не открываешь мне цели своей поездки, но
я не сомневаюсь в ее серьезности и поэтому не стану
перечить тебе. Делай как знаешь, я буду во всем помо-
гать тебе.

— Благодарю тебя, Руис! — с жаром воскликнула
донья Марианна. — Другого ответа я и не ожидала от
тебя.

— Итак, я иду седлать лошадей?

— Иди, я подожду тебя здесь, — сказала донья Ма-
рианна, спустившись вместе с братом во двор.

Ей недолго пришлось ждать: скоро показался дон Ру-
ис, ведя на поводу двух оседланных коней. Брат и сестра
вскочили в седла и выехали из замка.

Было около четырех часов пополудни. Близился за-
кат, спадал дневной жар, отовсюду несло звонкое пе-
ние птиц, приятной прохладой веяло от вечернего
ветерка, уносившего далеко на запад тучи мошкары, до
этого времени положительно затемнявшие яркий солнеч-
ный свет.

Молодые люди молча ехали рядом. Занятые своими
мыслями, они не замечали чудесного ландшафта, развер-
тывавшегося во всем своем богатом разнообразии по ме-
ре их продвижения. Так, не обменявшись ни словом, и
домчались они до ранчо.

Бухало, верный своей привязанности к донье Мари-
анне, заблаговременно возвестил о ее приближении. Все

обитатели ранчо, не исключая и слепого старика Санхеса, высыпали навстречу своей любимице.

С первого же взгляда донья Марианна успела убедиться в том, что ее молочный брат дома.

— Ах, Боже мой, нинья! Каким благодатным ветром занесло вас так поздно сюда! — радостно воскликнула кормилица.

— Просто захотелось повидать вас, мадресита*. Я так давно не целовала вас, что мне положительно стало невтерпеж.

— Как жаль, что вы так поздно, нинья! — сказал старик Санхес. — Мы едва успеем переброситься несколькими словами.

— Как знать! — ответила донья Марианна и, соскочив с коня, обняла старика. — А я вот возьму, да и переночую у вас!

— Не может быть! Неужели вы в самом деле хотите так осчастливить нас, нинья?

— Да, хочу. И в доказательство я попрошу моего брата оставить меня здесь, а самому вернуться в асиенду.

— Так!.. Значит, меня уже в отставку! — засмеялся дон Руис.

— Жаловаться теперь поздно: ведь я предупреждала тебя.

— Я не жалуюсь; скажи только, в котором часу мне приехать за тобой завтра.

— Об этом не беспокойся, Руис. Мариано сам проводит меня домой.

— И на этот раз, нинья, я поступлю иначе. Убей меня Бог, если я хоть на шаг отстану от вас! — воскликнул тигреро.

— Неужели ты уже гонишь меня, жестокая? — шутливо произнес дон Руис.

— Нет, отчего же! Отдохнешь, закусишь немного... На все это тебе дается час времени. После чего... исчезни, испарись!

— И на том благодарю, сестренка! — засмеялся Руис. Все вошли в ранчо.

Старуха Санхес успела уже, с проворством и радушием хозяйки мексиканского ранчо, поставить на стол разные прохладительные напитки: пультке, мескаль,

* Матушка. (Примеч. автора.)

каталонскую водку, оранжад и тамариновую настойку. Гости, измученные жаждой, не стали, конечно, отказываться и, к великому удовольствию гостеприимных хозяев, без всяких церемоний налегли на обильное угощение.

Дон Руис, ласково поддразнивая донью Марианну, в глубине души не сомневался, что решение сестры остаться в ранчо не было простой прихотью, а вызывалось серьезными соображениями. Развеселившись, дон Руис не скупился на остроумие. Заметим тут кстати, что образованные мексиканцы свободно общаются с простым человеком, не опасаясь быть непонятыми, чего нельзя сказать о французах, остроумие которых угасает, лишь только они садятся за один стол с простыми людьми.

Когда день стал клониться к вечеру, дон Руис попрощался с хозяевами, вскочил на коня и помчался обратно в асиенду.

Вечер в Мексике, как и во всех субтропических странах, — самое приятное время суток; неудивительно, что здешний народ предпочитает проводить его на открытом воздухе, а не взаперти. С наступлением темноты люди рассаживаются на лавочках у своих ранчо, беседуют, поют, пляшут и до трех часов ночи даже не помышляют о сне.

Донья Марианна любила проводить так вечера в гостях у кормилицы.

Однако на этот раз она тотчас же после отъезда дона Руиса стала зевать и вообще обнаруживать такие явные признаки усталости, что старики предложили ей отправиться на покой, да и сами вскоре последовали ее примеру.

Молодой тигреро предпочел открытый воздух комнатам, не остывшим еще от дневного жара. После обычного обхода ранчо он подвесил гамак у ворот и как был в одежде, так и повалился спать.

Спустя час, когда все в ранчо, в том числе и тигреро, крепко спали, Мариано ощутил сквозь сон ласковое прикосновение чьей-то руки к своему плечу. Он раскрыл глаза: перед ним стояла донья Марианна.

— Что случилось? Что с вами, токайя?

— Тсс!.. Говорите тише, — шепнула она. — Ничего не случилось, все спокойно, Мариано; просто мне надо поговорить с вами.

— Слушаю вас, токайя! — шепнул тигреро, одним прыжком соскочив с гамака на землю.

— Мне так было жаль, Мариано, испугнуть ваш сладкий сон. Я простояла около гамака с четверть часа, не решаясь разбудить вас.

— Ну, это вы напрасно, нинья! — засмеялся тигреро. — Наш брат, лесные бродяги, спит так крепко, что за один час мы славно высыпаемся. А я, если не ошибаюсь, залег часа два назад. Итак, говорите, нинья, я весь внимание.

С минуту донья Марианна собиралась с мыслями.

— Вы любите меня, Мариано? — неуверенно произнесла она наконец.

— Как родную сестру! Постыдились бы задавать такие вопросы!

— Это потому, Мариано, что я хочу просить вас оказать мне большую услугу.

— Говорите, нинья, не бойтесь: отказа не будет. Вы знаете, что я предан вам душой и телом.

— Берегитесь, Мариано! Не связывайте себя слишком твердыми обещаниями: есть вещи, перед которыми люди отступают, — с лукавой усмешкой произнесла она.

— Возможно, нинья, вполне возможно; но для меня ничего такого не существует, коль скоро речь идет о вас.

— Скажите, Мариано, вы дружны с охотником по прозвищу Твердая Рука?

— Очень, очень дружен с ним!

— Он благородный человек? — спросила донья Марианна.

— Признаться, я не совсем понимаю ваш вопрос, нинья.

— Ну, можно ли на него положиться? Умеет он держать свое слово? Иначе говоря, хороший ли он человек?

— Сеньорита, — проникновенно начал Мариано, — однажды я находился в таком отчаянном положении, что мне оставалось только положиться на Господа Бога. Мне помог Твердая Рука: он спас мне жизнь. Да разве только мне! Я видел не раз, как этот человек совершал ради людей подвиги, невероятные по своей дерзости и отваге. Он для меня больше, чем друг... даже больше, чем брат. В любую минуту я готов отдать за него жизнь. Вот что я думаю, нинья, об охотнике по прозвищу Твердая Рука!

— И вы часто видите с ним?
— Всякий раз, когда у меня имеется надобность к нему, а у него — ко мне.
— Значит, он живет где-то поблизости?
— Не так давно он гостил несколько дней у нас.
— Неужели?! Может быть, он собирается вновь побывать у вас на этих днях?

— Не знаю.
— А что же он тут делал?
— Не знаю точно; думаю, что он охотился, хотя за все время его пребывания в ранчо он ни разу не принес дичи.

— Вот как! — задумчиво протянула донья Марианна. После минутного размышления она снова заговорила: — А вы сумели бы, Мариано, найти этого охотника, если бы мне понадобилось повидать его?

— Надеюсь.
— Надеетесь? Значит, не совсем уверены?
— Простите, нинья, я не так выразился. Конечно, я найду его: есть такое место, где мы обычно встречаемся.
— Но может случиться, что как раз в этот день его там не окажется.

— Вполне возможно.
— Что же тогда?
— Тогда я отправлюсь в другое место, где уж наверняка застану его.

— Что это за место?
— Деревня, в которой он живет.
— Далеко отсюда?
— Всего в нескольких лье.
— И как называется эта деревня?
— Это папагосское селение, нинья.
— Папагосское?!

— Да, я забыл сказать вам, нинья, что, хотя Твердая Рука по своему происхождению белый человек, он, по неизвестным мне причинам, сблизился с индейцами; одно могущественное индейское племя даже усыновило его.

— Как все это странно! — прошептала донья Марианна.

— Не правда ли? — подтвердил тигреро, сейчас меньше, чем когда-либо, понимавший, к чему клонится этот длинный разговор в такой поздний час, да еще под открытым небом.

— Мариано, — произнесла она наконец, энергично тряхнув при этом головой, — я уже сказала, что намереваюсь просить вас оказать мне услугу.

— Да, и я обещал исполнить вашу просьбу.

— Так вот чего я жду от вас: мне надобно повидаться с Твердой Рукой.

— Очень хорошо. Когда?

— Сейчас же.

— Как вы сказали?

— Уже отказываетесь?

— Нисколько. Но...

— А!.. Есть одно «но»?

— Оно бывает при любых обстоятельствах.

— Так! Какое же у вас «но»?

— Сейчас еще ночь, токаяя.

— Какое это имеет значение?

— Самое ничтожное...

— А именно?

— Немного далековато.

— У нас добрые кони!

— А если мы не застанем его в том месте?

— Мы поедем в ту деревню.

Тигреро снова пристально взглянул на нее.

— Вам так необходимо видеть его, нинья?

— Чрезвычайно...

— Гм... Видите ли, это гораздо серьезнее, чем вы думаете.

— Почему?

— Да потому, что не так просто проникнуть в эту индейскую деревню.

— Но ведь вы только что сказали, что вхожи туда.

— Я, но не вы, нинья.

— А я пройду за вами, только и всего.

— Да ведь индейцы находятся в состоянии войны с бледнолицыми мексиканцами.

— Что вам до этого? Ведь вы их друг!

Тигреро неодобрительно покачал головой.

— Это опасная игра! Слишком многим вы рискуете.

— Конечно, если проиграю. Но я выиграю!

— Послушайте меня, токаяя: откажитесь от этого намерения.

— Сознайтесь лучше сразу, что вы отказываетесь от своего обещания.

— Вы несправедливы ко мне; я только пытаюсь отговорить вас, пока еще не поздно, от предприятия, в котором вы, может быть, глубоко раскаетесь впоследствии.

— Уж это мое дело! Повторяю вам, Мариано: это не прихоть, имеются серьезные соображения, в силу которых мне необходимо повидаться с охотником. Поймите же: самые серьезные! А если и этого вам мало, то я прибавлю, что Твердая Рука сам просил меня при известных обстоятельствах обратиться к нему. Мало того, именно он сказал мне, что вы можете устроить эту встречу. И этого вам мало? Все еще сомневаетесь?

— Ну, если так, — воскликнул тигреро, — я готов повиноваться вам, нинья! Но только прошу вас не пенять на меня, если что случится.

— Что бы ни случилось, Мариано, все равно я буду вечно хранить в своей душе признательность к вам. Вы даже не представляете, что вы сделаете для меня, проведив к Твердой Руке!

— И вы по-прежнему хотите ехать сейчас же, нинья?

— Сколько туда пути?

— Десять-двенадцать лье.

— Сущий пустяк, Мариано.

— Да, если ехать по торной дороге. Но ведь нам придется следовать едва приметными звериными тропками.

— Ночь стоит светлая — не собьемся с пути. Едем!

— Воля ваша: едем! — сказал тигреро и направился в загон.

Спустя несколько минут два всадника, выехав из ранчо, во весь опор помчались по прерии.

Было около часу пополудни. Луна заливала землю своим сиянием. Было светло как днем.

Путешествие

Энергия, твердая воля и пламенный темперамент — эти основные черты характера доньи Марианны созрели в суровой действительности пограничного края Мексики, где на каждом шагу человека подстерегает опасность. В будничной жизни такие характеры ничем себя не проявляют. Дремлющая в них энергия пробуждается только тогда, когда на них обрушивается несчастье. О, тогда они умеют постоять за себя, стойко выдерживают удар судьбы и смело вступают в бой с враждебными силами!

Еще там, в Красной комнате, где маркиз открылся, наконец, своим детям, в душе доньи Марианны, сначала ошеломленной сообщением отца, все вдруг взбунтовалось. В поисках выхода она вспомнила слова Твердой Руки. У нее зародилась смутная надежда, что он сможет указать путь к спасению от несчастья, нависшего над ее головой.

Она перебирала в своей памяти всю свою жизнь с того момента, когда покинула город Сан-Росарио, вспомнила, как охотник не раз приходил ей на помощь, задумалась над недавним своим разговором с Твердой Рукой, и для нее стало очевидным, что этот человек, который лучше, чем она, а может быть, даже лучше, чем сам маркиз, разбирается в коварных махинациях недругов семьи де Могюер, сумеет помочь ей. И с решимостью, свойственной только сильным натурам, донья Марианна направилась прямо к своей цели.

Предприятие это, в сложной обстановке индейского восстания и гражданской войны, было далеко не легким и отнюдь не безопасным для молодой девушки.

Дочь маркиза де Могюера, скачущая ночью вдоль индейской границы, по дорогам, кишашим разбойниками, — в этом было нечто дерзновенное! Правда, ее сопровождал храбрый человек; но что мог бы сделать он один против целой банды?

От сознания, что она находится одна в чужом мире, донья Марианна не раз внутренне содрогалась. Но отважная и гордая девушка, воодушевленная благородной целью, ничем не выдавала своих чувств. Она держалась уверенно и непринужденно, беседовала вполголоса с тигреро о самых посторонних вещах, поддразнивала своего спутника, шутливо высмеивая его страхи и предостережения, и восхищалась прелестями прогулки по незнакомым местам в такую дивную ночь.

Что же касается Мариано, то он отказывался понимать что-нибудь в затее доньи Марианны. Он сразу решил, что все это не что иное, как прихоть немного взбалмошной девушки, и поэтому не доискивался более глубоких причин столь странной экспедиции. С детства он привык исполнять все желания своей токайи. И теперь, ни о чем не думая, он был в восторге от сознания, что доставляет ей какую-то радость. Впрочем, он и сам наслаждался неожиданно представившейся возможностью провести с ней наедине несколько часов.

Не следует, однако, ложно истолковывать чувства тигреро к донье Марианне. Он любил свою молочную сестру, любил ее всей душой, готов был в любую минуту отдать за нее свою жизнь, но в этом живом и горячем чувстве не было и тени личной заинтересованности. Это была чистая дружба, пламенная и самозабвенная, — самое возвышенное чувство, которое только может возникнуть в сердце мужчины.

Сознание огромной ответственности за жизнь доньи Марианны ни на одну минуту не покидало тигреро. Он настороженно прислушивался к малейшему шуму, внимательно всматривался в лесные опушки. В любую минуту он готов был беззаветно биться за свою молочную сестру.

Они ехали по пересеченной, но, к счастью, малолесистой местности. Да и яркий лунный свет исключал возможность неожиданного нападения.

Донья Марианна с любопытством поглядывала по сторонам, изредка спрашивая тигреро, скоро ли они доберутся до места его встреч с Твердой Рукой.

Наконец, Мариано, остановив коня, указал ей рукой на небольшую горку над рекой, на самой вершине которой мелькало, пробиваясь сквозь высокую траву, пламя угасающего костра.

— Вот туда мы и направимся, нинья.

— О, да нам осталось всего несколько минут ходу! — радостно воскликнула донья Марианна.

— Вы ошибаетесь, нинья. Во-первых, тропа, по которой мы следуем, очень извилиста; во-вторых, этот прибрежный холмик совсем не так близок, как вам кажется. В такую ясную ночь человек теряет способность ориентироваться и становится жертвой оптического обмана. На самом деле до этого берега около двух лье по птичьему полету, то есть напрямик. А если принять во внимание все обходы извилистой тропки, то наберется, пожалуй, и все четыре лье.

— Но отчего бы нам, в таком случае, не взять напрямик, по полям?

— Боже нас упаси, нинья! Мы попали бы в зыбучие пески, которые поглотили бы нас в несколько минут.

— Полагаюсь на вас, токайо! Впрочем, теперь, когда я уверена благодаря этому огоньку, что Твердая Рука на месте, мне уже не к спеху.

— Простите, дорогая токайя, но я вовсе не говорил вам, что мы непременно застанем там Твердую Руку.

— А что же вы тогда сказали?

— Только то, что у нас имеются шансы застать его там, так как Твердая Рука разбивает обычно на том пригорке свой бивак, когда охотится в здешних местах.

— Но ведь это же пламя его костра? Или, может быть, вы станете утверждать, что это вовсе и не костер?

— И не подумаю! Неизвестно только, кто развел этот костер. Ведь, кроме Твердой Руки, есть еще и другие охотники, и эта вышка, с которой легко наблюдать за всей окрестностью, давно уже облюбована ими для ночных стоянок.

— Значит, вы полагаете, что Твердой Руки там нет?

— Нет, и этого я не говорил, нинья! — ответил охотник.

— Так скажите же толком, что вы думаете! — воскликнула донья Марианна, сердито стукнув рукой по луке седла. — Право, вы бываете иногда несносным, токайо!

— Не волнуйтесь, токайя, ничего еще не потеряно. Если мы застанем там другого охотника, мы сможем узнать у него, где находится сейчас Твердая Рука.

— А почему вы знаете? Может быть, там вовсе не охотники, а какой-нибудь индеец?

— Нет, индейцев там нет.

— Ну, уж на этот раз, Мариано, я попрошу вас ответить: откуда вам это известно.

— Не надо быть волшебником, чтобы разгадать такую простую вещь.

— Вот как! Вы полагаете, что это очень просто?

— Конечно!

— Тогда потрудитесь объяснить мне; учиться, говорят, никогда не поздно.

— Вы все шутите, токайя, а между тем это так: никогда нельзя пренебрегать уроками прерии.

— Ладно, без нравоучений, токайо! Я жду вашего объяснения.

— Так слушайте же. Индейцы, из опасения быть тотчас же обнаруженными, никогда не разводят костра на мексиканской границе. В тех редких случаях, когда обстоятельства вынуждают их к этому, индейцы принимают всевозможные меры предосторожности. Они разводят костры только в глубоко вырытых ямах и употребляют для этого лишь самое сухое дерево, которое они берут с собой в поход. Из глубокой ямы вырывается едва приметное пламя, а сухое дерево горит без дыма и не дает искр. Понятно?

— Но и этот костер едва приметен, мой друг.

— Но он все же виден издалека. И будь это индейцы, они дорого заплатили бы за такую неосторожность!

— Верно, приятель! Сразу виден бывалый человек, — раздался в нескольких шагах от них грубый, но не лишенный добродушия голос.

Путники невольно вздрогнули и, пугливо озираясь, увидели человека, стоящего на тропе. Он опирался обе-

ими руками на ствол ружья. В эту критическую минуту Мариано не растерялся: молниеносным движением он вскинул свой карабин и навел его на незнакомца.

— Эй, дружок! — продолжал между тем тот, несколько, по-видимому, не смущаясь враждебными намерениями тигреро. — Смотри, что делаешь! Этак недолго и убить старого приятеля.

— Гм!.. Голос как будто знакомый, — сказал тигреро, не опуская, однако, ружья.

— Еще бы! Тебе да не узнать его!

— Неужели Свистун?

— Наконец-то! Он самый и есть, — усмехнулся канадец.

— Это друг, — сказал тигреро и закинул ружье за спину.

— Кто он? — спросила донья Марианна.

— Траппер, канадский охотник, типичный сын своего народа.

— Вы в нем уверены?

— Как в самом себе; честнейший парень.

— Канадцы недаром славятся за порядочных людей! Спросите его, что он тут делает.

— Хо! Это уж мое дело, — ответил Свистун на вопрос Мариано. — Скажите лучше, куда вы мчитесь ночью в таком неподходящем обществе да еще в такое смутное время?

— А я, как видите, путешествую, — ответил ему в тон Мариано.

— Возможно. Но каждое путешествие предпринимается с какой-нибудь целью. А я, откровенно говоря, не возьму в толк, куда это вы так стремитесь по этой тропе?

— А туда, где мы надеемся встретить человека, которого ищем.

— Гм... Неохота мне что-то допрашивать вас как следует, хотя я, может быть, имею на это право; но вам лучше повернуть назад, чем двигаться вперед. Так я полагаю.

— А это не от меня зависит, Свистун, — отвечал тигреро.

— Почему?

— Потому что не я команду этой экспедицией.

— Не вижу никого другого: ведь вас тут всего двое!

— Вы забываете, сеньор, — вмешалась в их разговор донья Марианна, — простую вещь: когда из двух одна — женщина...

— ...то она и командует, — прервал ее Свистун. — Простите, сеньорита, мою забывчивость!

— Прощаю великодушно, — в том же шутливом тоне произнесла донья Марианна. — Но при условии, что вы ответите на некоторые мои вопросы.

— Я слушаю вас, сеньорита.

— Я хотела бы знать, что это за бивак там, вдали?

— Это стоянка охотников, сеньорита.

— Вы знаете этих людей?

— Еще бы, сеньорита! Я сам из их числа.

— Видите ли, сеньор, — после минутного колебания произнесла донья Марианна, — по некоторым важным соображениям, мне необходимо немедленно повидаться с одним охотником. Может быть, он находится среди ваших товарищей.

— Вы знаете его лично, сеньорита?

— Да. Его зовут Твердая Рука.

Услышав это имя, Свистун быстро приблизился и пристально взглянул на девушку:

— Вы, кажется, сказали, что у вас важное дело к Твердой Руке?

— Очень важное, повторяю вам, сеньор,

— Тогда, значит, вы и есть донья Марианна де Мо-
гюер?

— Как вы узнали?

— Не удивляйтесь, сеньорита: Твердая Рука — мой друг. Он предупредил меня, что вы, быть может, будете разыскивать его здесь.

— Он знал? — пробормотала донья Марианна. — Но как он мог знать?

Загадочная осведомленность охотника обо всем, что касалось ее жизни, начинала пугать донью Марианну.

— Он не смел этому верить, сеньорита, он только надеялся, — сказал охотник, словно прочитав ее мысли. — И меня он предупредил о вашем возможном посещении, не вдаваясь ни в какие подробности, поверьте мне, сеньорита. Просто он не хотел затруднять вас излишними розысками и поручил мне оказать вам в этом содействие.

— В таком случае, сеньор, — с обычной своей решимостью произнесла донья Марианна, — прошу вас проводить нас к этому биваку.

— Охотно, сеньорита. Могу вас заверить, что вам окажут там радушный прием, несмотря на отсутствие вашего друга.

— Как?! — воскликнула пораженная донья Марианна. — Его там нет?

— Да вы не волнуйтесь, сеньорита, он скоро вернется.

— Боже мой! — простонала девушка.

— Разрешите мне отправиться вперед, сеньорита, чтобы подготовить все к вашей встрече.

— Да, но Твердая Рука...

— Скоро вернется, — успокаивал ее Свистун. — Я сам уведомя его. К утру он будет на месте.

— Даете слово, сеньор?

— Честное слово охотника прерий!

— Тогда идите... С Богом!

Свистун вежливо поклонился и, взяв наперевес свое ружье, пригнулся и нырнул в кустарник.

— Ну, токайя, теперь мы можем смело двинуться вперед. Я хорошо знаю Свистуна — это добрый и честный парень. Слово его верное.

— Только бы мне встретиться с Твердой Рукой!

— «Встретиться»! Сами видите, какие меры приняты на случай вашего появления в этих краях.

— Вот это-то и пугает меня. Но будь что будет! Едем!

С этими словами она стегнула свою лошадь и помчалась вперед. За ней последовал тигреро, так же мало понимавший смысл этого восклицания, как не мог он раньше постичь желания доньи Марианны немедленно увидеться с охотником.

Лагерь охотников

До стоянки охотников было уже недалеко, и наши путешественники прибыли туда на полчаса позднее Свистуна.

Однако за это короткое время Свистун, бывалый человек, успел совместно с другими охотниками соорудить для доньи Марианны шалаш из древесных веток. В условиях прерий это был довольно сносный кров.

Стоянка охотников смахивала скорее на военный лагерь, чем на бивак. На подступах к нему высились засеки из цельных срубленных деревьев. У коновязей стояли разнузданные, но оседланные кони. Сторожевые огни, зажженные на одинаковом расстоянии друг от друга, освещали подступы к лагерю. Пять часовых, сидя на корточках с ружьями на изготовку, наблюдали с вышек бастионов за прерией; от их зоркого глаза не могло ускользнуть ни малейшее движение в кустарнике.

Человек тридцать охотников спали, растянувшись у костров. Это были люди с энергичными и суровыми лицами, в одежде трапперов; на них были меховые шапки, куртки из миткаля, кожаные штаны. Руки их покоились на ружьях; они готовы были открыть огонь при первой же тревоге.

Часовые, выполняя, очевидно, заранее полученный приказ Свистуна, молча пропустили наших путников через проход в одной засеке, немедленно закрывшийся за ними.

Канадец ожидал гостей перед шалашом.

— Добро пожаловать, сеньорита! — сказал он, помогая донье Марианне сойти с лошади. — Мы приготовили вам в этом шалаше постель из мха. Спите спокойно, никто, кроме вас, не посмеет переступить этого порога.

— Благодарю вас, сеньор, но я воспользуюсь вашим любезным вниманием только после того, как узнаю, предупрежден ли Твердая Рука о моем приезде.

— За ним посланы два гонца, сеньорита. Но снова повторяю вам: он прибудет сюда только к утру. Не хотите ли закусить с дороги?

— Благодарю вас, нет, — отвечала донья Марианна и, улыбнувшись Свистуну и пожав руку тигреро, скрылась в шалаше.

Как только завеса из одеяла, заменявшего дверь, опустилась за доньей Марианной, тигреро снял со своих плеч плащ и с невозмутимым спокойствием расстелил его перед входом в шалаш.

— Что вы делаете? — спросил удивленный Свистун.

— Как видите, готовлю себе постель.

— Неужели собираетесь ночевать здесь?

— А почему бы и нет?

— Да просто потому, что вам здесь будет холодно.

— Ба! Ночь скоро кончится, ведь уже поздно.

— Вы что, не доверяете нам?

— Не в том дело, Свистун. Донья Марианна — моя молочная сестра, да к тому же еще и токайя. Значит, мне и надлежит охранять ее покой.

— Э, нет, сегодня эта обязанность лежит на мне! — возразил Свистун.

— Прекрасно! Двое часовых всегда лучше одного!.. Послушайте-ка, Свистун, я вполне и безоговорочно доверяю вам и все же никому никогда не уступлю охрану моей молочной сестры. Вы ведь хорошо знаете меня, Свистун: коли мне что втемашится в голову — я не уступлю; прав я или нет, все равно не уступлю.

— Как хотите! — рассмеялся Свистун, предоставив тигреро устраиваться, как ему нравится.

А тигреро, хотя и знал лично — вернее, потому, что знал лично, — всех собравшихся здесь охотников, не хотел оставить донью Марианну на произвол этих, как ему казалось, необузданных людей, привыкших к свободным нравам прерий. Кто знает, не нарушат ли

они под влиянием спиртного священных законов гостеприимства?

Надо, однако, заметить, что на этот раз тигреро, при всем своем знании нравов и жизни пустыни, жестоко ошибался.

У нас нет никакого намерения стать на защиту распущенных людей, которые, не имея ни малейшего желания приспособиться к нормам общественной жизни, удалились в прерии якобы для того, чтобы обрести там свободную жизнь, а в действительности лишь только для того, чтобы дать волю своим порокам. Однако, нельзя не отметить, что с течением времени кочевой образ жизни сам по себе оказывает на них благотворное влияние, изменяет их характер, смягчает их нравы. Опасности, которым они постоянно подвергаются, лишения, которые им приходится переносить, помогают им избавиться от своих дурных задатков и благоприятствуют развитию хороших начал человеческого характера. За суровыми и часто грубыми повадками таятся честность и добропорядочность — качества, от которых они некогда были весьма далеки.

Это можно бесспорно отнести по крайней мере к двум третям отважных пионеров, осваивающих обширные американские саванны. Но наряду с ними прерии притягивают к себе и низкие, неисправимые натуры. После нескольких лет жизни в этих пустынных и малолюдных краях из них вырабатываются отпетые бандиты. Они-то и пополняют собою те преступные банды степных пиратов, которые подстерегают путешественников, набрасываются на них, как стервятники на свою добычу, — короче говоря, живут разбоем и убийством.

Однако всем этим обитателям прерий, кто бы они ни были — дурные или хорошие, бледнолицые, метисы или индейцы, трапперы или разбойники, — всем им одинаково свойственно чувство гостеприимства, законы которого они свято чтут и, добавим, выполняют с необычайной щедростью и благожелательностью. Усталый путник, застигнутый ночной мглой или непогодой, может без всякой опаски просить приюта около первого попавшегося на его пути костра или постучаться в двери любого шалаша встречной индейской деревушки. С этого момента путник становится священной особой для тех, к кому он обратился. Индейцы браво, охотники или даже

степные пираты, которые без зазрения совести свернули бы шею этому же самому путнику, попадись он им в руки где-нибудь в степной глуши, принимают гостя как родного брата и окружают его трогательным вниманием. Сколько бы ни оставался путник у них, они никогда ни одним словом, ни одним жестом не намекнут ему, что он слишком долго загостился, и радушие их останется неизменным. Более того, при расставании они неохотно будут отпускать его и распрощаются с ним с неподдельной грустью и сердечной теплотой. Бывает, правда, и так, что радушный хозяин, встретив дней через восемь своего гостя где-нибудь в лесу, не постесняется ограбить и прикончить его или же снять с него скальп; но такая опасность грозит путнику только в том случае, если он имеет дело с закоренелыми степными пиратами или с индейцами, да и то только некоторых племен Дальнего Запада. Что же касается трапперов, то для них особа путника, разделившего с ним однажды пищу и ночлег, остается навсегда священной.

И охотники, на которых с опаской поглядывал тигреро, были простыми и грубоватыми, но порядочными людьми; у них даже в мыслях не было намерения оскорбить донью Марианну. Напротив, польщенные тем, что такая прелестная девушка доверилась им, они готовы были сами защитить ее от любого обидчика. Вот почему опасения тигреро вызвали насмешливую улыбку Свистуна.

Донья Марианна намеревалась было бодрствовать те немногие часы, которые оставались до рассвета. Но в лагере царило полное спокойствие, и девушка, одолевая усталостью, уснула глубоким сном. Как только забрезжил рассвет, донья Марианна вскочила, привела в порядок свое измятое платье и вышла из своего шалаша.

Лагерь был еще погружен в ночную тишину. Кроме часовых, зорко всматривавшихся вдаль, все охотники спали, растянувшись там и сям на земле.

Заря чуть занималась, алыми облачками загораясь на небе; утренний холодный ветерок шевелил ветки лесных гигантов; бесчисленные цветы поднимались и, выпрямляя свои стебли, тянулись открывавшимися венчиками навстречу первым солнечным лучам; степные ручейки, журча, пробивали себе путь сквозь густые заросли; прыгая с белого камня на серый и с серого на белый, они

несли свои серебряные воды в дань Рио Браво-дель-Норте, капризные излуины которой издаലെка выдавали себя седыми клубами тумана, стелившимися над рекой.

То здесь, то там начинала звучать робкая прелюдия птичьего концерта, хотя большинство певцов еще прятались в листве.

Ликующая земля, безоблачное небо, прозрачный воздух — все предвещало прекрасный и ясный день.

Донья Марианна, выпавшаяся и посвежевшая, с наслаждением вдыхала чудесные испарения утренних полей, терпкий аромат, присущий одним только американским прериям. Перед ней расстилались далекие поля. Это глубокое спокойствие пробуждавшейся природы, эта мощная симфония прерий наполняли сердце девушки тихой отрадой. Она невольно отдалась мечтам и мыслям, всегда возникающим в чистых сердцах перед величавым зрелищем природы.

Солнце уже совсем взошло, ослепительные лучи дневного светила неумоимо преследовали последние уходящие тени, когда донья Марианна внезапно радостно вскрикнула: вдали показалась кавалькада всадников, направлявшаяся, по всей видимости, в лагерь. Тигреро, разбуженный ее криком, мгновенно вскочил и, с ружьем на изготовку, вопросительно уставился на нее.

— Доброе утро, токайо! — приветливо произнесла донья Марианна.

— Да хранит вас Бог, нинья! — отвечал он, все еще тревожно оглядываясь. — Как спали?

— Превосходно, Мариано!

— Рад слышать. Но почему вы так вскрикнули?

— Я? Поверите ли, друг мой, сама не знаю почему. Ах, да! Видите там кавалькаду, которая во весь опор мчится сюда?

— Карай! Как они скачут! Они будут здесь через какие-нибудь полчаса!

— Как думаете, токайо, Твердая Рука с ними?

— Полагаю, что да.

— А я в этом уверен, — произнес Свистун, приветливо раскланиваясь с доньей Марианной.

— Откуда такая уверенность, сеньор? — взволнованно спросила донья Марианна.

— Да потому, что я узнал его. Ну как, сеньорита, умеет Свистун держать свое слово?

— Не знаю, как и благодарить вас, сеньор!

— Ба! Я только простой исполнитель воли моего друга, сеньорита. К нему и адресуйтесь со своими благодарностями!

Лагерь между тем начинал пробуждаться.

Охотники, позевывая и потягиваясь, принимались за работу. Одни водили коней на водопой, другие кололи дрова и подбрасывали их в почти потухший уже костер, а трое, те, что были постарше, исполняя обязанности поваров, занялись приготовлением завтрака для всего отряда.

Изменился и облик лагеря. Он жил теперь той кипучей и деятельной жизнью, когда каждый выполняет свое задание с лихорадочной поспешностью человека, знающего цену времени.

Донья Марианна, пораженная сначала всем этим гамом, смехом и толчеей, быстро освоилась с непривычной для нее обстановкой и с интересом следила за работой охотников.

Вдруг, отчетливо прозвучавший окрик часового: «Кто идет?» — заставил ее оглянуться.

— Друг! — последовал ответ, и она узнала голос Твердой Руки.

И вот уже кавалькада во главе с охотником галопом въехала в лагерь.

Соскочив с коня, Твердая Рука обменялся несколькими словами со Свистуном и тотчас же направился к донье Марианне, с удивлением глядевшей на его спутников. Твердая Рука был не один: с ним прибыли Огненный Глаз, донья Эсперанса и несколько индейских слуг.

Приблизившись к донье Марианне, Твердая Рука низко поклонился и, повернувшись к двум сопровождавшим его особам, сказал:

— Разрешите, сеньорита, представить вам мою мать, донью Эсперансу, и моего отца. Оба они успели уже полюбить вас и пожелали поэтому приехать сюда вместе со мной.

Молодая девушка вся зарделась от радости, которая уступила место смущению, когда донья Эсперанса и сашем обняли и расцеловали ее. Она положительно не понимала, почему ее так сердечно обласкали люди, внешность которых говорила об их высоком положении,

и не знала, как отвечать на их ласки и знаки дружеского расположения.

Тем временем охотники с необычайным проворством успели раскинуть палатку из полосатого тика, в одном из отделений которой поспешили уединиться донья Марианна с доньей Эсперансой. Обе женщины, мгновенно проникшись взаимной симпатией, предоставили мужчинам заниматься своими делами, а сами завели дружескую и оживленную беседу.

Донья Марианна, очарованная своей собеседницей, к которой она почувствовала безотчетное и неудержимое влечение, решила без утайки открыться ей во всем. Каково же было удивление молодой девушки, когда она убедилась, что донья Эсперанса, только что познакомившаяся с ней, была осведомлена о тяжелом положении дел маркиза де Могюер. Донье Марианне не пришлось даже много распространяться насчет причин, побудивших ее приехать в этот лагерь. Донья Эсперанса, разбиравшаяся лучше ее в этих делах, пришла ей на помощь и, смеясь, рассказывала все за донью Марианну.

— Я могла бы добавить к этому многие еще более удивительные вещи, — закончила, улыбаясь, донья Эсперанса, — но я не хочу утомлять вас больше. Знайте только, что мы принимаем живое участие в судьбе вашей семьи, и у нас есть возможность помочь вам избавиться от грозящей беды.

— О, как вы добры, сеньора! — с жаром воскликнула донья Марианна. — И чем только могла я заслужить такое внимание к себе!

Дружественная и откровенная беседа двух женщин была прервана появлением Твердой Руки, который пришел известить их, что завтрак готов и Огненный Глаз приглашает их к столу. Донья Марианна, хорошо знакомая с жизнью на индейской границе, где неприхотливые трапезы происходят прямо на траве, едва удержалась от смеха при этих словах Твердой Руки. Каково же было ее удивление, когда, войдя в другое отделение палатки, она увидела стол, уставленный массивным серебром и дорогим хрусталем. Такому столу позавидовали бы и в мексиканской столице. Здесь не было, правда, изысканной еды; кушанья состояли из разных сортов мяса и фруктов. Но все в этой палатке дышало величием; а ведь в нескольких шагах, за ее полотняными стенами, текла как

ни в чем не бывало жизнь прерий во всей своей первобытной простоте.

Донья Марианна, конечно, и виду не подавала, как была она одновременно и удивлена, и польщена этим торжественным завтраком, устроенным в честь ее. Она весело болтала и с аппетитом ела, не переставая восхищаться радушием хозяев.

— Прежде чем перейти к серьезному разговору, — обратился к ней Твердая Рука, когда были поданы сласти, — разрешите, сеньорита, попросить донью Эсперансу рассказать нам одну из тех прелестных индейских легенд, которыми она обычно оживляет наши трапезы.

Донья Марианна была несколько озадачена этим неожиданным и, как ей сперва показалось, странным предложением; но, подумав, что за этими словами охотника, может быть, кроется какой-то тайный смысл и что под видом легенды ей преподнесут полезные советы, она поспешила ответить с самой милой улыбкой:

— Конечно, я с великой радостью выслушаю рассказ сеньоры. Моей кормилицей была индианка, в детстве она рассказывала мне на ночь множество индейских легенд. Они глубоко врезались в мою память, и я до сих пор с удовольствием вспоминаю о них.

Легенда

Донья Эсперанса собралась с мыслями и, переглянувшись с Огненным Глазом, обратилась к донье Марианне.

— Прежде чем приступить к моему рассказу, дитя мое, — начала она своим приятным и мелодичным голосом, — я должна сообщить вам, что я дочь народа ацтеков и происхожу по прямой линии от прежних правителей этого народа. Рассказ, который вы сейчас услышите, отличается исторической достоверностью и был донесен до нас через века во всей первобытной неприкосновенности. Я уверена, что эта легенда заинтересует вас, — многозначительно добавила донья Эсперанса и, повернувшись к одному из слуг, неподвижно стоявших за стульями обедающих, коротко приказала: — Кипу*.

Слуга вышел и, скоро вернувшись, подал своей госпоже сумку из надушенной кожи тапира**, а та, открыв ее, вынула несколько длинных шнурков, сплетенных из разноцветных прядей и сплошь усеянных узелками; в

* К и п у — узелковое письмо древних перуанцев, состоявшее из разноцветных шнурков с узелками различной формы. Окраска ниток, форма и расположение узелков должны были передавать какое-либо число или факт. Смысловое значение кипу, дошедших до нас, еще не разгадано полностью современной наукой.

** Т а п и р ы — млекопитающие из рода непарнокопытных, покрытых шерстью; имеют маленький хобот. Американский тапир живет в лесах Южной Америки; напоминает свинью; отлично плавает и ныряет.

узелки были вплетены то мелкие ракушки, то крупинки золота. Эти шнурки, так называемые «кипу», заменяли древним индейцам письменность; с помощью кипу они вели свою летопись. Умение читать кипу требует особой науки; даже среди индейцев мало кто владеет этим искусством, не говоря уже о белых, от которых индейцы ревниво оберегают секрет этой письменности. Именно этим обстоятельством и объясняются почти непреодолимые трудности в изучении истории индейцев.

С минуту донья Эсперанса внимательно рассматривала кипу. Выбрав один шнурок и убрав остальные в сумку, она начала свой рассказ, перебирая руками шнурок примерно так, как монах, творя молитву, перебирает четки.

Из опасения исказить эту легенду, которую нам самим довелось слушать в одном папагосском атепетле, мы передаем ее во всей суровой простоте. Любая попытка украсить этот рассказ цветистой европейской фразеологией привела бы, на наш взгляд, к исчезновению прелестного ощущения его подлинности.

Некогда, еще задолго до появления белых на индейских землях, многочисленное кочевье племен чичимеков и толтеков, населявших раньше берега озер, в один засушливый год решило переселиться на юго-восток, вслед за бизонами. И они осуществили это.

У Соленого озера они разделились. Часть их осела у берегов этого озера. Другие, более предприимчивые, приняв, по неизвестным причинам, новое название — «команчи», двинулись дальше. Они дошли до Рио Хила и заселили ее берега. Вскоре, однако, разделились и племена команчей. Одни из них осели здесь, другие собрались идти дальше. Уходившие называли остающихся «большими ушами», но испанцы, встретившие эти племена ранее других, прозвали их «опатосами». Те племена, которые продолжали двигаться вперед все в том же направлении, дошли до Рио Браво-дель-Норте у самого устья Рио Пуэрко. Здесь они сами называли себя «Neu-tache», что означает: «Те, что дошли до устья». В то время у них оставалось всего два вождя. У одного вождя был единственный сын, у другого — единственная дочь. Молодые люди полюбили друг друга. Это привело в бешенство отца молодой девушки; он призвал к оружию своих сородичей, и племя приготовилось к битве. Но отец юно-

ши, желая избежать войны, перешел со своим племенем через Рио Хила и углубился с ним на территорию, которую впоследствии белые называли сначала Сенорой, а потом Сонорой. Здесь они вели мирное существование до тех пор, пока их землями не завладели, после кровавых войн, бледнолицы, которых привела сюда ненасытная жажда земель и золота.

В Соноре команчи построили много городов поблизости от открытых ими золотых россыпей и серебряных рудников и, по своему обыкновению, занялись их разработкой.

Во главе одного из самых населенных и богатых городов стоял вождь, прославившийся своей мудростью в совете и храбростью в бою. Этого вождя звали Кецалмалин*, то есть Скрученное Перо. Он принадлежал к знатному роду и по праву считал себя прямым потомком Акамапихцина**, первого правителя Мексико, иероглиф которого он, со свойственным нашим праотцам благоговейным уважением к своим предкам, сохранил на своем тотеме. Этот иероглиф, ставший гербом команчей, бережно пронесли через века потомки Кецалмалина. Герб представлял собой изображение руки, держащей пучок тростника. Эта ныне священная для команчей эмблема по существу является буквальным переводом имени благородного родоначальника племени команчей.

У Скрученного Пера была дочь, стройная восемнадцатилетняя красавица; звали ее Ова. Она была так легка и воздушна, что даже степные травы не сминались под ее ногами. Это была веселая и ласковая девушка, задумчивая и целомудренная, черные глаза которой не оставались еще ни на одном из воинов своего племени, хотя молодежь вся поголовно была влюблена в нее.

Ова носила тунику бледно-зеленого цвета, перехваченную поясом из кожи пумы с большой золотой пряжкой. Когда она плясала для своего отца, морщины сбегали с лица старика, а глаза его сияли, как два солнца.

* Это имя складывается из слов: кецал — перо и малина — скручивать.

** Имя «Акамапихцин» складывается из слов: акал — тростник, маитл — рука, и пахоа — сжимать, то есть тот, кто сжимает в руке тростник. (Примеч. автора.)

Самые знатные вожди племени мечтали взять ее в жены. Всем им грезились и во сне и наяву длинные косы Овы, с красной вплетенной в них лентой, ее запястья, словно закованные в браслеты из ракушек, испещренных крупинками золота, ее тонкая шея, щиколотки ее босых и крошечных ножек.

Отец неоднократно напоминал ей о том, что пора избрать мужа; но Ова со смехом только покачивала головой: она и так чувствовала себя счастливой; крохотная птичка, дремлющая в сердце каждой девушки, еще не проснулась и не провела ей сладкозвучной песни любви.

Но вот пришел и ее час. Молодая девушка, обычно шаловливая и веселая, перестала вдруг смеяться: она любила.

Ова пошла к отцу. Вождь восседал в «Хижине Врачевания», где происходил в это время под его началом великий совет народа. Молодая девушка подошла и преклонила перед ним колена.

— О чем ты просишь? — спросил вождь, любовно поглаживая косы дочери, шелковистые, как волокно алоэ.

— Отец, — отвечала она, — я люблю и любима.

— На кого же пал твой выбор, дочь моя? Кто этот счастливый вождь?

— Он не вождь, отец; он — самый простой, но и самый храбрый воин нашего племени.

Старый вождь нахмурился, в глазах его сверкнул гнев.

— Отец, — продолжала Ова, обнимая колени отца, — я умру, если не стану его супругой!

Старику не хотелось потерять свою дочь.

— Ты станешь супругой того, кого любишь, — сказал вождь.

— Поклянись на этом священном тотеме племени, отец!

— Клянусь на этом священном тотеме племени, что выполню свое обещание! Говори смело! Произнеси имя человека, которого ты любила.

— Его зовут Пернатый Змей, отец.

— Он очень беден, — прошептал старик, тяжело вздохнув.

— Моего богатства хватит на двоих, отец.

— Хорошо, дочь моя, ты станешь супругой Пернатого Змея.

Ова поднялась, сияя от счастья и радости, и, низко поклонившись собранию, покинула «Хижину Врачевания».

Пернатый Змей был, действительно, беден, так беден, что вынужден был работать на золотых приисках. Но он был молод, был храбр и слыл самым красивым воином среди сверстников своего племени. Но до чего же не похожи были Ова и Пернатый Змей! Настоящий богатырь, рослый и мускулистый, он выглядел рядом с нежной и хрупкой Овой, как красавец бизон рядом с изящной антилопой. Может быть, из-за этого контраста и вспыхнула их любовь.

Как ни беден был Пернатый Змей, он умудрился все же преподнести своей невесте свадебные подарки: ароматные масла, приготовленные из жира серого медведя, ожерелье из зубов аллигаторов и пояса из кожи пумы.

Молодые люди были счастливы. Наступил канун свадьбы. Пернатый Змей принес и положил у ног Овы золотые пряжки и два браслета из ракушек, испещренных крупинками золота.

Ова приняла с улыбкой эти подарки и, прощаясь со своим женихом, сказала:

— Прощай! Мы расстаемся сегодня, чтобы свидеться завтра, и свидимся завтра, чтобы никогда не расставаться.

Но назавтра Пернатый Змей не пришел. Напрасно долгие месяцы ждала его Ова; напрасно по приказу вождя его разыскивали по всей стране: никто не видел его, никто не слышал о нем. Пернатый Змей исчез навсегда; он жил только в сердце Овы.

Она не переставала оплакивать любимого. Чтобы утешить девушку, ей сказали, что он ушел на войну с бледнолицыми. Ова недоверчиво покачала головой и снова стерла с лица никогда не высыхающую слезу.

Сорок раз покрывались снегом горные вершины, а тайна исчезновения Пернатого Змея все еще не была разгадана.

Однажды рабочие золотых приисков, перешедших к Ове в наследство от отца, отрыв одну старую, заброшенную штольню, наткнулись на тело человека, так же чудесно сохранившееся, как египетские мумии.

Воины сбегались толпой посмотреть на эту странную мумию никому не известного человека, одетого по старинной моде.

К тому времени Ова успела уже сильно постареть. Когда погасла последняя надежда на возвращение Пернатого Змея, она, уступая просьбам отца, стала супругой одного из мужественных вождей своего племени. И вот теперь она, вместе со своим супругом, отправилась к тому месту, где было выставлено напоказ тело, найденное в старой штольне.

Вдруг она вся содрогнулась, глаза ее наполнились слезами: она узнала Пернатого Змея. Он лежал такой же молодой и прекрасный, как в тот день, когда они расстались. А она, согбенная не столько под тяжестью времени, сколько под бременем своего горя, стояла перед ним старая и дряхлая.

Наконец она пришла в себя и приказала водворить тело человека, похищенного духом зла накануне свадьбы, на прежнее место, в штольне, в которой оно покоелось, а самый рудник, со всем его золотом, был по ее приказу заброшен и замурован.

На камне, служившем могильной плитой ее жениху, она приказала высечь один иероглиф; вот его точный перевод:

«Здесь могила без мертвеца и мертвец без могилы, а между тем это и могила, и мертвец».

— Вот, — закончила донья Эсперанса, отложив в сторону кипу, — и вся история прекрасной Овы, дочери великого вождя Скрученное Перо и жениха ее — Пернатого Змея, рудокопа. Такой она была, так она и занесена на кипу по завету самой Овы, на память грядущим поколениям.

Донья Эсперанса замолкла. В палатке воцарилась тишина.

— Ну как, сеньорита, — нарушил молчание Огненный Глаз, — понравилась вам эта легенда?

— Простая и трогательная история. Потому и трогательная, что простая, — отвечала донья Марианна. — Но в ней чувствуется какая-то недоговоренность и неясность, что значительно ослабляет интерес к ней.

По губам Огненного Глаза скользнула улыбка.

— Вы, вероятно, намекаете на отсутствие в ней географической и исторической точности? — сказал он. —

Сонора — обширный край, да и намек на город, где главенствовал Скрученное Перо, недостаточно ясен. Не так ли?

— Как вам сказать, сеньор... Сама эта легенда много теряет от отсутствия точных географических данных; впрочем, для меня лично это упущение представляет мало интереса.

— Гораздо больше, чем вы думаете, сеньорита, — заметил Огненный Глаз.

Огненный Глаз хотел еще что-то добавить, но донья Эсперанса прервала его:

— Вас, вероятно, интересует, дитя мое, что случилось с бедной Овой? Несчастная умерла через несколько дней после того, как было открыто тело ее нареченного супруга. Перед своей смертью она выразила желание покоиться рядом с тем, с кем была разлучена при жизни. Ее последняя воля была исполнена, а штольню, в которой были похоронены влюбленные, снова замуровали, и никто с тех пор до наших дней ни разу не разрывал ее.

— Вероятно, это была очень бедная золотом штольня, если испанцы, завладевшие этой страной, пренебрегли ею, — заметила донья Марианна.

— Напротив, дитя мое, там очень жильная порода. Но тайна Овы так свято хранилась теми, кто знал ее, что испанцы и не подозревали ничего о существовании этого богатства.

Обе женщины были теперь одни в палатке, незаметно покинутой мужчинами.

— Как все это странно! — прошептала донья Марианна, отвечая скорее каким-то своим собственным мыслям, чем на слова доньи Эсперансы.

Ее удивляла и в то же время глубоко заинтересовала настойчивость, с какою донья Эсперанса возвращалась все время к этой легенде; неотступно преследовала мысль, что за поэтическим рассказом кроется скрытый намек, над разгадкой которого молодая девушка тщетно ломала себе голову.

— Я могу объяснить вам, — сказала донья Эсперанса, — как это случилось, что испанцам не пришлось узнать об этом руднике. Его замуровали много лет назад. При захвате города прежние жители были перебиты или изгнаны испанцами, а у немногих уцелевших не было никакого желания открывать своим угнетателям тайну

заброшенной штольни. А потом испанцы сровняли тот город с землей и на пепелище его воздвигли асиенду.

— Простите за нескромный вопрос, сеньора, но как могла дойти до вас эта история, да еще во всех ее подробностях?

— Очень просто, дитя мое: Ова была одной из моих прабабок; история этого рудника — наша семейная тайна. Может быть, одна только я на всем белом свете и знаю его точное местонахождение.

— Понимаю, — задумчиво произнесла донья Марианна.

— Понимаете, но не все еще, — добродушно возразила донья Эсперанса. — Вам, например, неясно, почему мой сын, вместо того чтобы поговорить с вами о важных делах, приведших вас сюда, заставил вас выслушать эту легенду. И почему, не считаясь с гнетущей вас тревогой, я согласилась поведать ее вам. И почему, наконец, даже теперь, когда рассказ мой окончен, я продолжаю донимать вас мельчайшими подробностями о нем.

— Вы угадали мои нехорошие мысли! Простите меня, сеньора! — воскликнула молодая девушка, пряча свое лицо на груди доньи Эсперансы и заливаясь слезами.

— За что же вас прощать? Ваша тревога так понятна и так естественна. Но послушайте, дорогая, вы ведь умная девушка и, наверно, успели уже, несмотря на наше кратковременное знакомство, убедиться в искренности моего участия в вашей судьбе.

— О да, сеньора! Я верю вам; я не могу не верить вам.

— Так утешьтесь же, дитя мое, и перестаньте плакать, иначе я заплачу вместе с вами, а мне ведь надобно добавить еще несколько слов к этому бесконечному рассказу.

— Как вы добры, сеньора! — произнесла донья Марианна, улыбаясь сквозь слезы.

— И опять вы не угадали, дитя мое: все дело тут не в доброте, а в том, что я люблю вас и давно уже любила. Удивлены? Вполне понятно! Но довольно об этом, вернемся к нашему рассказу.

— Я слушаю вас, сеньора.

— Я хочу сказать вам теперь, где находился город моей прабабки Овы и как он назывался... Он назывался Сибола.

— Сибола! — воскликнула донья Марианна.

— Да, дитя мое, Сибола, на месте которой один из ваших прадедов, маркиз де Могюер, выстроил асиенду дель Торо. Теперь вы поняли меня?

Донья Марианна молча кинулась в объятия доньи Эсперансы, нежно прижавшей ее к своей груди.

Кидд появляется вновь

Ярость душила Кидда, когда он покидал атепетль; мысли о мести, одна ужаснее другой, роились в голове бандита. Не то чтобы в его гнилой душонке сохранилась еще какая-то чувствительная струна, способная зазвучать под влиянием благородного негодования. Какое значение имел для него тот факт, что он был публично унижен и изгнан, как последний негодяй? Никакого! Оскорбления, нанесенные Кидду, никогда не задевали его самолюбия. Нет, бандита бесило другое: выводила из себя мысль, что благодаря вмешательству Твердой Руки внезапно улетучился источник обогащения, который так заманчиво поблескивал перед его алчным взором после беседы с капитаном Маркосом де Ниса. Кидд ведь надеялся, что при помощи предательства и измены богатство, в виде золотых унций капитана, так и потечет в его карманы.

Теперь об этом нечего было и думать; скудные и случайные сведения, которые он сумеет еще собрать, не стоят, конечно, золота, обещанного комендантом Квито-вака.

Да, было от чего прийти в отчаяние такому человеку, как Кидд! На ком сорвать свою злобу?

В характере Кидда, в дополнение ко всем прочим «милым» его качествам, была одна черта, довольно странная для бандита такой закалки: Кидд был храбр... как волк. А волки, как известно, нападают только стаями, когда они уверены в своем численном превосходстве.

Иначе говоря, когда надо было биться один на один, он праздновал труса. Впрочем, бандит и сам был не очень высокого мнения о своей храбрости; одна только мысль о поединке с Твердой Рукой бросала его в дрожь.

Итак, Кидд возвращался в городок золотоискателей в самом мрачном, прямо-таки отчаянном настроении; он еще не решил, следует ли ему заезжать в Квитовак или отправиться искать счастья в другом месте.

Внезапно его внимание было привлечено каким-то необычным и непрекращающимся колыханием высокой травы немного левее тропы, по которой он следовал.

Поистине удивительно, каким инстинктом самосохранения обладают разбойники, какую изобретательность проявляют они, когда над ними нависает угроза! При первом же подозрительном шорохе, еще до появления признаков реальной опасности, эти люди, ни в грош не ставящие чужую жизнь, спешат уже спасти свою шкуру.

Первым движением Кидда было соскочить с коня и притаиться вместе с ним за спасительными кустами алоэ. Почувствовав себя в относительной безопасности, бандит стал внимательно наблюдать за колыханием травянистых волн. Так продолжалось четверть часа; но вот из кустарника вынырнули верхами на мулах четверо всадников, одетых с ног до головы во все черное.

Бандиты и воры обладают каким-то особым чутьем, позволяющим им распознавать полицейских в любом наряде. Так и Кидд, завидев приближавшихся к нему всадников, немедленно и безошибочно признал в них представителей «благородной» корпорации полицейских крючков. Четвертый всадник был также одет во все черное, но по его угрюмому лицу, в чертах которого сквозили коварство и злоба, Кидду нетрудно было признать начальника. Это был старший альгвасил^{*}; в других странах этот чиновник называется судебным исполнителем, что несколько не меняет бездушной и бессердечной сущности этой особой породы двуногих хищников.

Впереди кавалькады бежал ее проводник, индеец мансо, оборванец в разодранных штанах, босой, с обнаженной головой и голыми руками.

^{*} Альгвасил — полицейский, судебный исполнитель.

— Смотри, Хосе, — крикнул индейцу старый альгвасил, прибегая к общеупотребительному здесь прозвищу бедняков индейцев, — не сбейся с пути! Мы направляемся в Квитовак по важным делам, и, если не поспеем туда к вечеру, несдобровать твоей спине!

— Мы можем поспеть туда часа через два, если сеньоры решатся пришпорить своих мулов; ну, а если сеньоры будут и дальше так трусить, мы, пожалуй, и к ночи не доедем.

— Черт возьми! — гневно воскликнул альгвасил. — Воображаю, как отнесется к этому сеньор дон Руфино де Контрерас! Сколько дней уж ждет он нас! Всякое терпение лопнет.

— Ба! Ба! Ваша милость успеет еще вдоволь потешиться, терзая честных людей, — вымолвил индеец.

— Как ты смеешь, негодяй! — воскликнул альгвасил, замахнувшись хлыстом.

Но индеец отпарировал удар своей дубиной и так дернул за узду мула, что тот мгновенно вздыбился, к великому ужасу его всадника.

— Берегитесь, сеньор, — сухо произнес индеец. — Вы позволяете себе называть меня Хосе и обращаться со мной, как со скотом. Но мы находимся сейчас не в ваших цивилизованных городах, мы в дикой прерии; здесь, на родной земле, я твердо стою на ногах и не позволю оскорблять себя! Можете называть меня дураком или идиотом, — меня мало трогает ругань человека, которого я глубоко презираю. Но при первой же вашей попытке ударить меня я всажу вам в самое сердце нож! Запомните это, ваша милость!

Тут перед глазами испуганного служителя правосудия блеснул нож, голубоватое лезвие которого зловеще сверкало.

— Вы с ума сошли, Хосе! — возразил альгвасил, прикидываясь спокойным, хотя сердце его забилося от страха. — У меня не было и никогда не будет никакого намерения оскорбить вас. Отпустите же, Бога ради, моего мула, и давайте мирно продолжать наше путешествие!

— Вот это хорошо сказано! — произнес индеец со смешком. — Так и надо разговаривать, если хотите, чтобы мы остались добрыми друзьями до конца нашего путешествия.

И, отпустив мула, индеец как ни в чем не бывало снова пошел вперед тем беглым шагом, секретом которого владеют одни индейцы. Они могут шагать так в продолжение целого дня, поспевая за рысью коня и нимало при этом не уставая.

Кидд отчетливо слышал весь разговор с того места, где он притаился.

— Какие дьявольские дела могут быть у этих филинов с доном Руфино? — ломал он себе голову.

Внезапно он встрепнулся: в его изобретательной голове созрело какое-то решение. Дав всадникам отъехать, но не так далеко, чтобы невозможно было догнать их, он вскочил на лошадь и помчался вдогонку за ними.

На повороте тропы он увидел их на небольшом расстоянии от себя. Всадники, услышав позади себя топот коня по высохшей и отвердевшей земле, тревожно оглядывались.

Как ни старался Кидд придать себе вид порядочного человека, он не мог ввести в заблуждение этих опытных полицейских ищеек. Они сразу признали в нем того, кем он был на самом деле, то есть бандита. Но в Мексике, так же как и во многих других так называемых цивилизованных странах, полицейские и бандиты умеют при случае прекрасно ладить друг с другом. И не находясь они в столь глухом месте, дон Порфиадо Бурро (так звали старшего альгвасила) не имел бы ничего против встречи с этим рыцарем большой дороги.

А тот продолжал двигаться вперед, красуясь и хорохорясь. Лихо надвинув набекрень шапку, Кидд то разговаривал со своим конем, то ласково похлопывал его по шее.

— Добрый вечер, сеньоры! — приветствовал он их, сдерживая своего коня, чтобы приноровить его ход к шагу мулов. — Какому счастливому случаю обязан я этой встрече, да еще в столь поздний час?

— Счастливому для нас, кабальеро, — вежливо ответил дон Порфиадо. — По вине этого индейца — будь он проклят! — мы бродим тут наугад; боюсь даже, что, вопреки его уверениям, мы сбились или сбиваемся с пути.

— Гм, — пробурчал Кидд, — всякое бывает. Но, простите мой нескромный вопрос, куда путь держите? Впрочем, чтобы развязать вам язык, я готов первым

удовлетворить ваше любопытство: я направляюсь в Квитовак.

— Ну вот и прекрасно! И мы тоже должны заехать туда, прежде чем продолжать дальнейшее путешествие... Но скажите, кабальеро, далеко еще до Квитовака?

— Всего несколько миль! Не более двух часов езды. Если хотите, я готов заменить этого индейца в качестве вашего проводника.

— Предложение ваше мне по душе, кабальеро, и я с радостью принимаю его, — сказал альгвасил.

— Так, значит, решено! Я могу даже найти вам в городке прекрасную квартиру, где вы будете чувствовать себя как дома.

— Благодарю вас, кабальеро! Я старший альгвасил в Эрмосильо и еду впервые в Квитовак.

— Альгвасил! — воскликнул бандит. — Карай! У вас превосходная должность, сеньор!

— Готов служить вам, сеньор, в случае нужды, — самодовольно ответил полицейский.

— А что же вы думаете! Вполне возможно, что вы и мне понадобится... Когда ворочаешь большими делами, знакомство с таким высокопоставленным кабальеро может весьма пригодиться.

— Вы, право, смущаете меня...

— Но я нисколько не преувеличиваю, я, действительно, так думаю. Да вот... на днях только я говорил об этом дону Руфино де Контрерас. Он также очень богат и, следовательно, обременен многими судебными процессами.

— Как! Вы знакомы с доном Руфино де Контрерас? — с явной ноткой уважения к собеседнику воскликнул альгвасил.

— Вы имеете в виду знаменитого сенатора?

— Его самого! — ответил альгвасил.

— Да, это один из самых близких моих друзей. Так вы, значит, тоже знакомы с ним?

— А как же! Он поручил мне взыскать долги с некоторых его должников.

Лицо бродяги расплылось в притворном восторге.

— *Vivo dios!* — воскликнул он. — Какое чудесное совпадение!

— Благороднейшая личность этот сенатор! — не преминул восхититься альгвасил.

— И честнейшая! — млея от восторга, поддакнул Кидд.

Оба проходимца отлично поняли друг друга: плут плута понимает с полуслова; между ними тотчас же установилось взаимное доверие.

Беседа продолжалась и дальше в том же дружественном тоне. Кидд искусно вызывал своего собеседника на откровенность; а тот, приняв Кидда за сообщника дона Руфино, знакомого не меньше его самого с грязными делишками сенатора, стал без тени смущения рассказывать Кидду о темных махинациях почтенного сенатора.

Вот что выведал Кидд: дон Руфино де Контрерас скупил через третьи руки все долговые обязательства маркиза де Могюер. Заручившись ими, он начал от имени тех же третьих лиц судебный процесс против маркиза. Он поставил себе задачу завладеть всем имуществом маркиза, особенно асиендой дель Торо. Сватовство к донье Марианне было пустой приманкой, предназначенной для усыпления бдительности маркиза. Сенатор всеми средствами домогался стать владельцем дель Торо. Но так как для успеха своего предприятия дону Руфино надо было сохранить обличие друга, которое до сих пор помогало ему обманывать маркиза, он поручил вести это дело своему доверенному человеку. При этом сенатор наказал ему, не входя ни в какие переговоры с маркизом, поступить с ним по всей строгости закона. Дон Порфиадо Бурро, которому было поручено привести в исполнение злодейский замысел сенатора, получил от последнего точные и неукоснительные инструкции и горел желанием исполнить, как он высокопарно выразился, свой долг.

При всей нашей горячей симпатии к Мексике, мы вынуждены признаться, что нельзя себе представить ничего более комического, шутовского и в то же время печального, чем правосудие в этой стране.

В судьи здесь идут обычно полнейшие невежды. Не получая фактически никакого содержания от государства, так как казначейство никогда не выплачивает им жалованья, они стараются вознаградить себя за счет тяжущихся, обирая их без всякой жалости и без малейшего стеснения. Взятничество так процветает в здешних судах, что никто не может быть заранее уверен в исходе процесса; все решают деньги.

Приведем один пример. Некий человек совершил убийство; его виновность не подлежала сомнению: убийство было совершено среди бела дня на улице, на глазах у доброй сотни людей.

Родственники убитого подают жалобу судье. Тот терпеливо и бесстрастно выслушал их подробное сообщение, ничем не выдавая своего одобрения или негодования. Когда истцы закончили свое объяснение, судья задал им невинный с виду вопрос:

— У вас имеются свидетели?

— А как же!

— Очень хорошо... И, вероятно, ценные свидетели? — продолжал допрашивать судья.

— Безусловно. Каждый стоит не менее тысячи пиастров.

— Гм... — протяжно произносит судья. — А сколько их?

— Десять!

— Какое несчастье! — продолжал судья самым добродушным тоном. — Представьте, у вашего противника, который, между нами будь сказано, кажется мне весьма почтенным кабальеро, столько же свидетелей; причем все они люди, заслуживающие самого высокого доверия, и каждый из них стоит не менее двух тысяч пиастров.

Торг закончен. Но как? А очень просто: если родственникам жертвы не под силу перебить цену убийцы, последний будет оправдан, признан невиновным и тем самым приобретает право за ту же цену убивать среди бела дня кого только вздумается.

Вот как выглядит правосудие в Мексике*. Теперь понятно, в каком выгодном положении находился трижды миллионер дон Руфино в своей игре против маркиза, лишенного возможности благодаря плачевному состоянию своих дел перетянуть на свою сторону судей.

Итак, Кидд внимательно прислушивался к откровениям альгвасила, язык которого был развязан желанием угодить дону Руфино.

Рассказ альгвасила навел Кидда, привыкшего ловить рыбу в мутной воде, на мысль закинуть сюда же и свою

* Читатель не должен забывать, что все это было написано сто лет назад.

удочку. Городок не успел еще показаться, как у проходимца созрел точный и подробный план действий.

Было уже темно, когда наши друзья добрались до Квитовака. Часовые, из той же компании рыцарей большой дороги, что и Кидд, несмотря на то что хорошо знали бандита, а может быть, и поэтому, отказывались пропустить его и его спутников в крепость. Понадобился специальный приказ дона Маркоса, чтобы после часа бесплодных переговоров перед ними открылись крепостные ворота.

Кидд, продолжая играть свою роль проводника, привел полицейских в одну таверну и, предоставив им располагаться на ночлег, отвел свою лошадь в кораль и заботливо укрыл ее плащом; а сам, надвинув шляпу на глаза, чтобы не быть узнанным, прошмыгнул незаметно к жилищу Маркоса де Ниса.

Двери этого дома, как мы уже сказали выше, были открыты для лазутчиков в любой час дня или ночи. Кидд вошел и застал капитана в том самом кабинете, в котором был уже однажды принят им.

— Ба, маэстро Кидд! — воскликнул капитан, не вставая со своего обычного места за письменным столом. — Давненько не видал вас! Ну что же, добро пожаловать! Привезли что-нибудь новенькое?

— И весьма интересное, капитан! Особенно для вас.

— А для кого же еще, черт возьми! Или, кроме меня, имеется еще и другой комендант этой крепости?

— Так-то оно так, да ведь новости мои на этот раз не военного характера.

— Убирайся тогда к черту, мошенник! Ты, может быть, воображаешь, что у меня только и дела, что слушать твои глупые басни?

— Я, ваша милость, ничего не выдумываю; просто мне посчастливилось сегодня докопаться до одной тайны, очень важной для вас. Только и всего.

— Гм!.. Да уж ладно, выкладывай!.. Посмотрим, что это такое.

— Это касается ваших дел.

— Моих дел! — расхохотался капитан. — К черту!.. Да разве я веду какие-нибудь дела?

— Но речь идет о делах вашего близкого родственника маркиза де Могюер.

Дон Маркос мгновенно преобразился: лицо стало серьезным, брови грозно нахмурились; даже Кидду, несмотря на всю его наглость, стало не по себе.

— Говори, только не виляй! — сказал капитан и, достав из ящика письменного стола несколько золотых унций, швырнул их бандиту.

— Вы не пожалеете о своих деньгах, ваша милость, — произнес бандит, поймав на лету золото и с видимым удовольствием опуская его в свои карманы.

— Надеюсь. Ну, получил свою плату, так говори, мошенник!

Кидд без дальних околичностей подробно рассказал капитану весь свой разговор с альгвасилом. Капитан слушал его с напряженным вниманием.

— Все? — спросил он, когда Кидд замолк.

— Да, ваша милость.

— Хорошо; можешь идти, но продолжай следить за полицейским и держи меня в курсе всего, что он предпримет.

Кидд поклонился и вышел.

Капитан призадумался на несколько минут, потом уселся писать. Когда письмо было закончено, он запечатал его и позвал своего ординарца.

— Исидро, — сказал ему капитан, — это письмо во что бы то ни стало должно быть вручено маркизу де Могюер. И не позже чем через шесть часов. Ты понял меня: во что бы то ни стало!

— Будет исполнено, сеньор капитан!

— Это для тебя, — сказал капитан Маркос, протягивая ординарцу две золотые унции, — а вот и пропуск на выезд из города и въезд в него. Отправляйся немедленно!

Солдат опустил письмо в карман своего мундира и молча вышел.

— Посмотрим, что станут они теперь делать! — усмехнулся про себя капитан.

Очередное предательство Кидда

Выйдя из кабинета капитана, Кидд задержался в прихожей не с какой-нибудь преднамеренной целью, а из простой привычки всех плутов никогда не покидать места, где можно пожить чем-нибудь, раньше, чем их оттуда вышвырнут.

Он слышал, как капитан позвал своего ординарца. А тот, пробыв несколько минут в кабинете капитана, вышел оттуда, заметно приосанившись. Его озабоченное лицо заставило призадуматься Кидда. «Хорошо бы узнать, — промелькнула мысль, — о чем говорил капитан со своим ординарцем?»

Ординарец капитана, Исидро, индеец из племени опатосов, был человеком испытанной храбрости и верности. К несчастью, этот храбрый, но весьма ограниченный солдат питал слабость к спиртным напиткам; это пристрастие не раз уже причиняло ему серьезные неприятности.

Кидд был на короткой ноге с Исидро и хорошо знал эту его слабость. В одно мгновение в голове бандита созрела новая мысль.

— Прости, приятель, но мне надо покинуть тебя, — обратился он к индейцу. — В кабачке уважаемого Коспетто у меня осталась початая бутылка мескаля, и мне, право, не терпится пойти прикончить ее. Не приглашаю тебя только потому, что ты сейчас при исполнении своих служебных обязанностей, иначе с удовольствием распилил бы ее с тобой.

— Да я кончил все свои дела! — живо возразил индеец. — А ночью мне предстоит сегодня далекая поездка.

— Далекая поездка! — воскликнул плут. — Какое совпадение, карай! И я собираюсь в дорогу. Но так как я не знаю лучшей защиты от ночного холода, чем мескаль, я решил перед отъездом осушить свою бутылку. Если и у тебя лежит к этому душа, мескаль к твоим услугам.

Надо отдать справедливость ординарцу: он колебался.

— Охотно допускаю, что и тебе придется ехать этой ночью, но не так далеко, как мне, — отвечал Исидро, отрицательно покачав головой.

— Как знать! Я лично убежден, что мой путь будет подлиннее твоего. Капитан посылает меня в Ариспу.

— Смотри, пожалуйста!.. Да нам с тобой по пути! — воскликнул опатос.

— Правда? Вот здорово! Так почему же нам не выпить вместе на дороге?

— Что же, это меняет дело. Я, пожалуй, соглашусь!

— Тогда не к чему медлить, — торопил плут, опасавшийся, как бы капитан не застиг его с ординарцем.

Оба они вышли.

У ворот Кидд покинул индейца, условившись встретиться с ординарцем через несколько минут возле кабака Коспето. Они должны были привести туда же своих коней, чтобы прямо оттуда без задержки тронуться в путь.

Кидд прибег к этой уловке, потому что ему надо было повидать хозяина таверны, в которой он устроил на ночлег своих дорожных спутников. От имени коменданта он наказал трактирщику учредить строгий надзор за альгвасилом и докладывать капитану де Ниса обо всем, что предпримет судебный исполнитель. Хозяин таверны обещал в точности выполнить это распоряжение. Успокоившись на этот счет, хлопотливый плут вывел из коралы свою лошадь и поскакал на свидание с индейцем у кабака Коспето.

Подъезжая по одной улице к этому заведению, Кидд, к своему великому удовольствию, увидел ординарца, выезжавшего из другой улицы. Индеец был в дорожном снаряжении, готовый к отъезду. Оба приятеля вошли в притон сеньора Коспето, описанный уже нами выше.

Плут честно сдержал свое слово. Кроме бутылки мескаля, он распорядился подать еще бутылку первого сорта каталонской водки. Все благоразумие индейца испарилось при виде такого щедрого угощения. У него не было никаких оснований не доверять бандиту, в компании которого ему приходилось не раз уже знатно выпивать. Тем более что Кидд не задавал ему никаких вопросов. Он ограничивался пока тем, что подливал ординарцу стакан за стаканом, а сам пил очень мало. Когда обе бутылки были осушены, Кидд спросил еще одну бутылку и, уплатив по счету, поднялся и сказал:

— А это на дорогу.

— Чудесная мысль! — воскликнул ординарец, глаза которого горели, как два граната; от изрядного количества выпитого вина у него немного помутилось в голове.

Приятели вышли и, сев на коней, двинулись в путь.

Выезд из города очень беспокоил Кидда: у него не было пропуска, а выехать из крепости было еще труднее, чем въехать в нее. К счастью, пропуск индейца находился в полном порядке; предъявляя его страже, Исидро сказал: «Этот со мной». Солдаты, привыкшие видеть в этом опатосе доверенное лицо коменданта, без малейшей помехи пропустили обоих всадников, пожелав им счастливого пути.

Когда оба они очутились в открытой степи, Кидд, облегченно вздохнув, окинул своего доверчивого спутника насмешливым взглядом.

— Теперь нам надобно избрать кратчайший путь, — сказал бандит.

— А разве есть и вторая дорога?

— Их по крайней мере десять! — не задумываясь, выпалил бандит. — Одна из них проходит мимо асиенды дель Торо.

— Вот по этой-то дороге мы и поедем.

— Почему не по другой?

— По той простой причине, что я еду в асиенду.

— А!.. — отозвался плут. — Так выпьем по этому случаю еще разок — и в путь!

С этими словами Кидд откупорил бутылку, приложился к ней и передал ее своему спутнику, который с нескрываемым удовольствием последовал его примеру.

— Значит, ты едешь в асиенду? — начал Кидд, причмокнув при этом якобы от удовольствия, доставленного ему выпитым вином.

— А то куда же?

— А славный это дом: радушный и гостеприимный.

— Ты там бывал?

— Карай! Я думаю! Тамошний управитель — мой самый близкий друг. Как славно мы выпивали с этим добрейшим сеньором Паредесом!

— Но коль скоро нам по дороге, почему бы тебе не заехать туда вместе со мной? Ведь ты уверен, что тебя хорошо примут?

— А я и не отказываюсь... Ты, наверное, едешь туда за людьми: Квитоваку ведь нужны солдаты.

— Не думаю! Дон Фернандо уже предоставил в распоряжение капитана своих рудокопов; а пеоны нужны маркизу для защиты замка от возможного нападения.

— Правильно. Впрочем, все это меня не касается, — заметил бандит. — Карай! До смерти не люблю выведывать чужие тайны!

— Ба! Не думаю, чтоб за этим скрывалась большая тайна, — возразил солдат. — Капитан — близкий родственник маркиза, они часто переписываются. Вернее всего, и то письмо, которое я везу теперь маркизу, касается только их частных семейных дел.

— Вполне возможно; я слышал, что дела маркиза очень плохи.

— Так говорят; но говорят также, что они должны скоро поправиться.

— Карай! Я от души желаю ему этого. Больно смотреть, как приходит в упадок одно из самых старинных семейств нашей страны. За здоровье маркиза! Идет?

— Охотно!

Оба приятеля снова прильнули губами к бутылке.

Даже индейцу опатосу, то есть геркулесу с грудью колесом, могучей, как броня морской черепахи, нельзя безнаказанно поглощать такую дозу алкоголя, какую принял Исидро. Появились первые признаки опьянения. Великолепный наездник, Исидро стал покачиваться на седле; глаза то и дело смыкались, язык заплетался. Но чем труднее было говорить охмелевшему ординарцу, тем разговорчивее становился он. Кидд внимательно наблюдал за все усиливающимся процессом опьянения своего

спутника, не показывая даже вида, что замечает плачевное состояние индейца.

— Да, приятель, так оно и есть, — разглагольствовал солдат. — Дела маркиза поправятся гораздо скорее, чем этого можно было бы ожидать.

— Разумеется, — подзадоривал его Кидд. — С таким именем, как у маркиза, нетрудно достать денег.

— Ба! Не в этом дело. Но... молчок, хотя мы и знаем кое-что!

— Понятно! Раз это тайна, я сам не стану допытываться.

— Разве я сказал, что это тайна?

— Нет, но я так полагаю.

— И совершенно напрасно. Да, в конце концов, ты мой друг, не так ли?

— Я думаю!

— Но если ты мой друг, у меня не должно быть от тебя секретов.

— Так-то оно так; но если тебе кажется, что так лучше, то помалкивай.

— Мне? Помалкивать?! Уж не хочешь ли ты сам заставить меня молчать?

— Я? Боже упаси! И вот доказательство: за твое здоровье! — воскликнул плут, прикладываясь к бутылке.

— Ну, уж против такого доказательства и вправду ничего не скажешь! — рассмеялся индеец и, припав губами к бутылке, запрокинул голову, словно собираясь сосчитать все звезды на небе.

На этой позиции он храбро держался до тех пор, пока все содержимое бутылки не перелилось в его горло.

— Хм! — произнес он с сожалением. — Вкусная была штука!

— То есть как это — была? — с деланным удивлением воскликнул Кидд. — Разве там ничего не осталось?

— Не думаю, — ответил индеец, рассматривая бутылку с серьезностью пьянчужки. — Обидно, что они такие маленькие, — добавил он, бросая бутылку в траву.

— Ах, не говори, эти кабатчики — чистые грабители!

— Да, — согласился индеец, у которого началась икота, — грабители... Ну ничего, скоро мы будем пить, сколько душа примет.

— Это было бы недурно. Но где?

— Где? Да в асиенде дель Торо!

— В этом доме, конечно, не откажут в чарке мескаля порядочному человеку.

— В чарке? Ты шутишь, приятель! Скажи лучше — в бурдюке, а то и в бочонке! Неужели ты думаешь, что маркиз что-нибудь пожалеет на свадьбе своей дочери?

— Как ты сказал? На свадьбе дочери?

— Ты что, с неба свалился? Да об этом только и говорят повсюду.

— Первый раз слышу.

— Тем лучше. Значит, я первый сообщил тебе эту новость! Знай же: донья Марианна выходит замуж за сенатора.

Кидд наострил уши.

— За сенатора? — почти машинально повторил он.

— Тебя это удивляет? А почему бы этой красотке не выйти за сенатора? Ты что, не веришь мне? Довольно странно ведешь себя, любезный!

— Нет, почему же, я тебе верю.

— Посмей только не поверить, скотина!

Опьянение опатоса, которого разобрало еще от быстрой верховой езды, достигло своего предела; раздражение, вызванное спиртом, подогревалось искусным поддразниванием Кидда; от гнева в голове Исидро помутилось. Хмель индейцев часто выливается в ужасные формы: они разъяряются до безумия; в воспаленном мозгу возникают чудовищные галлюцинации; под влиянием спиртных напитков они способны на все, даже на убийство. Все эти особенности опьянения индейцев были хорошо известны Кидду и входили в его преступные расчеты. Он выведал у индейца все, что ему надо было; ординарец был для него своего рода лимоном, из которого он выжал весь сок; теперь ему оставалось только уничтожить самую цедру.

Нет надобности напоминать, что в такой час ночи в этой глуши нельзя было встретить ни одного человека, и Кидду нечего было опасаться нескромных свидетелей.

Они ехали к тому же вдоль берега маленькой речки, притока Рио Браво-дель-Норте, прибрежный кустарник которой совершенно скрывал их.

Вдруг бандит, отскочив в сторону, выхватил свой мачете и, крикнув:

— Сам ты скотина, пьянчужка опатос! — нанес бедняге мощный удар, от которого тот, как сноп, повалился наземь.

Тяжело раненный и оглушенный ударом, индеец, пошатываясь, поднялся на ноги и, отцепив свою саблю, с яростным криком кинулся на бандита.

Но Кидд был настороже; он внимательно следил за движениями противника и, направив своего коня прямо на индейца, сбил его с ног. Опрокинутый конем Исидро лежал на земле без движения.

Умер ли он? Бандит был почти уверен в этом. Но он был осторожным человеком: индейцы — лукавый народ; весьма возможно, что и этот опатос только прикидывается мертвым.

Кидд спокойно выжидал в нескольких шагах от своей жертвы; торопиться ему некуда было. Прошло четверть часа; индеец не шевельнулся. Бандит, обманутый его неподвижностью, решил наконец сойти с коня и подойти к убитому.

Внезапно опатос вскочил на ноги и прыжком тигра накинудся на бродягу; оба противника повалились на землю и с дикими криками старались прикончить друг друга.

Это была короткая, но страшная борьба; от ярости и чрезмерного алкогольного возбуждения у опатоса, несмотря на рану и увечье, появилась нечеловеческая сила, удесятеренная еще жаждой мщения за подлое нападение.

К несчастью, от усилий, которые ему приходилось делать в борьбе, растрavлялись его раны; он истекал кровью, а вместе с кровью уходила и жизнь. Чувствуя приближение смерти, он сделал последнее усилие, чтобы подобраться к горлу подлого убийцы, но тому удалось ловким и хорошо рассчитанным движением вырваться из железных объятий индейца. Кидд мгновенно вскочил на ноги, и, пока Исидро поднимался, намереваясь снова ринуться на врага, бандит подобрал свой мачете и рассек несчастному череп.

— Умри, проклятый пес! — крикнул он, нанося свой предательский удар.

Индеец с минуту держался еще на ногах, пошатываясь то вправо, то влево; потом он с вытянутыми вперед

руками сделал еще шаг и с предсмертным хрипом грохнулся ничком наземь.

На этот раз он, действительно, был мертв.

— Гм... — бормотал Кидд, втыкая несколько раз подряд свой мачете в землю, чтобы стереть с него следы крови. — Нелегкая это была работа! Чтобы прикончить этих дьяволов индейцев, их надо убивать два раза кряду. Ну, что же теперь мне надо сделать?

После минутного размышления он подошел к неподвижному телу индейца, положил его навзничь, расстегнул его мундир, без особого труда нашел письмо капитана и переложил его из кармана ординарца в свой карман. Затем он раздел свою жертву: военная форма может при случае пригодиться.

Два обстоятельства затрудняли его: лошадь убитого и его тело. Лошадь умчалась в лесную чащу, как только свалился наземь ее раненый хозяин; было бы безумием гнаться за ней в этой крошечной ночной мгле. Кидд не пытался этого сделать, хотя бегство животного сильно тревожило его. Тот, кто найдет коня, отведет его в город. А там возникнут подозрения, которые, конечно, падут в первую голову на Кидда. Правда, бандит был почти уверен, что его не узнал никто из часовых, когда он выезжал ночью из крепости. Но самый факт его отсутствия покажется подозрительным капитану. Дон Маркос, хорошо знавший Кидда, без колебаний обвинит его в этом убийстве.

Дело принимало дурной оборот.

Но проходимец был человеком находчивым.

Другой на его месте привязал бы к шее убитого камень и сбросил бы его тело в реку. Кидд и не подумал так поступить. Он понимал, что это простое решение было чревато последствиями: вода — не такой уж надежный страж. Кто знает, не всплывет ли однажды тело на поверхность, и тогда самые раны утопленника расскажут, чья это была работа. Нет, Кидд нашел другое, верное и, как ему казалось, самое простое средство.

С отвратительным хладнокровием висельника он снял скальп с опатоса и, привязав затем скальп к большому камню, бросил в реку. Совершив это первое надругательство над телом своей жертвы, он крестообразно вскрыл грудь убитого и, вырвав оттуда сердце, также бросил его с размаху в реку. Потом все с тем же хладнокровием он

скрутил из нескольких лиан бечевку и, обмотав один ее конец вокруг левой ноги Исидро, повесил его тело на ветку ближайшего дерева.

— Ну, вот и прекрасно, карай! — любовался он своей работой. — Я готов поспорить с кем угодно, поставив в заклад свое пребывание в раю, — а я твердо надеюсь попасть туда, — что даже самые опытные ищейки клюнют на эту удочку: индейцы уже выступили! И будь я проклят, если найдется хотя бы один человек, который усомнится в том, что этот пьянчужка пал жертвой апачей!

И в самом деле, такого рода надругательство над телом врага было в обычае у некоторых племен индейцев бравос.

Прежде чем покинуть место, где совершено было это подлое убийство, Кидд тщательно смыл все следы крови как со своей одежды, так и с военной формы Исидро. Окинув в последний раз пытливый взгляд всю местность и убедившись, что нигде не осталось никаких следов преступления, Кидд привязал мундир опатоса позади седла, скрутил пахитоску, закурил и, вскочив на коня, пустился в путь, испытывая тихое удовлетворение человека, успешно закончившего важное и хлопотливое дело.

Во время своего пребывания в атепетле Кидду совершенно случайно удалось найти документ, при чтении которого его сердце радостно забилося. Эта находка давала ему власть над доном Руфино.

Первым движением Кидда было разыскать сенатора. Мысленно бандит представлял себе разговор с сенатором. Ему казалось, что он уже видит, как бледнеет дон Руфино. Кидд даже причмокнул от удовольствия, предвкушая всю эту сцену.

Вдруг его охватило сомнение: а что, если этот документ не имеет отношения к сенатору? Тогда дон Руфино воспользуется тем, что сам знает о Кидде, и... Нет, лучше не думать об этом!

Кидд решил отложить на время свой разговор с сенатором. Он исподволь стал расследовать это дело и узнал про некоторые факты, сопоставление которых подтверждало его первоначальную догадку. И все же он опасался еще вступить в открытый бой с доном Руфино. Прежде чем решиться на это, надо было подготовить путь к отступлению; другими словами, Кидду хотелось иметь про

запас средство смягчить гнев сенатора на случай провала задуманного шантажа.

Когда Кидд сказал индейцу, что он едет в Ариспу, он совсем не собирался туда. Он просто произнес наобум первое пришедшее ему в голову название города. Но, когда он узнал о существовании письма капитана, поездка в Ариспу приобрела определенный смысл. Связав в одно целое пьяный лепет несчастного ординарца, бандит сообразил, какое громадное значение может иметь для дона Руфино это письмо, раскрывающее — Кидд в этом не сомневался — все, что предпринимается капитаном против махинаций сенатора. Он понимал, что за такую услугу дон Руфино простит ему все, и поспешил в Ариспу, куда он прибыл с рассветом.

Два типа отъявленных негодяев

В Ариспе Кидда знали; в город ему удалось проникнуть без всяких затруднений. Было еще рано; сенатор в этот час, должно быть, еще спал. Кидд это знал и, вместо того чтобы поспешить к нему, отправился в знакомую таверну. Это был довольно подозрительный притон, место сбора таких же плутов, как и сам Кидд, где за скромную плату можно было сравнительно сносно устроиться.

Хозяин таверны, весьма хмуро встретивший Кидда, весь расплылся в приветливой улыбке, когда в руке бандита зазвенели золотые монеты.

Поставив свою лошадь в кораль, бродяга вошел в дом и стал приводить в порядок свою одежду. Всегда довольно неряшливая, она теперь, после борьбы с ординарцем и длительного ночного путешествия, особенно нуждалась в уходе. Кое-как справившись с этим делом, он стал дожидаться часа, когда можно будет явиться к сенатору.

Хозяин таверны, хорошо знавший, что Кидд никогда даром ничего не предпринимает, так и вертелся вокруг него, стараясь выведать причины его неожиданного появления в Ариспе. Дело в том, что здешняя полиция довольно косо посматривала на Кидда, и поэтому он стал весьма редко посещать город. Вероятно, у полиции были на то свои основания, хотя, впрочем, полиция во всех городах неблагосклонно относится к людям такого рода. Но напрасно хозяин пускал в ход самые хитрые и искусные приемы: на все его вопросы Кидд отвечал неясными

намеками, загадочными улыбками или идиотским подмигиванием, так и не удовлетворив его любопытства. Содержатель таверны до глубины души был обижен подобным недоверием и дал себе слово при случае посчитаться с бандитом.

Когда на городских часах пробило девять, Кидд поднялся, величественно бросил хозяину пиастр и, завернувшись в плащ, вышел из дома.

«Кого это он отправил на тот свет, что так разбогател?» — подумал кабатчик, исподтишка наблюдая за бандитом.

Такого рода размышление красноречиво говорило о том, что достопочтенный хозяин прекрасно знал своего не менее достопочтенного постояльца.

Но Кидд, заметив, что за ним следят, и не подумал направиться прямо к дому сенатора, а с небрежным видом праздного гуляки зашагал вразвалку в противоположную сторону. Более получаса бродил он так по улицам города, тщательно при этом избегая многочисленных улиц и площадей, где его могли узнать; незаметно приблизившись наконец к дому дон Руфино и убедившись, что никто не следит за ним, он проворно прошмыгнул в дверь.

— Эй, вы! — раздался голос, заставивший его вздрогнуть. — Куда вас черт несет? Кого вам здесь надо?

Бродяга увидел перед собой довольно пожилого человека, стоявшего на пороге передней. По ливрее в незнакомце нетрудно было признать слугу.

— Кого мне надо? — переспросил Кидд, чтобы выиграть время и оправиться от смущения.

— Да, кого вам надо? Кажется, ясно сказано, так я полагаю.

— Карай! А кого же мне тут может быть надо, как не его превосходительство, сенатора дон Руфино?! Кажется, ясно сказано, так я полагаю.

— Очень хорошо! — насмешливо продолжал слуга. — И вы воображаете, что его превосходительство так, ни с того ни с сего, тотчас вас и примет?

— А почему бы и нет, скажите на милость, сеньор?

— Потому что рожей не вышли.

— Вы находите? — спросил бандит, задрав нос.

— Я думаю! Это бросается в глаза; вы больше похожи на пройдоху, чем на кабальеро.

— Вы не очень вежливы, приятель. Если вы судите по внешности, ваше замечание, может быть, и верно, но в данном случае неуместно. За поношенным платьем зачастую скрывается весьма почтенный кабальеро, и то обстоятельство, что судьба так немилостиво обошлась со мной, не дает вам право бросать мне в лицо подобные оскорбления.

— Ладно, ладно, хватит болтать! Убирайтесь!

— Я не сдвинулся с места, пока не повидаю сенатора.

Слуга косо посмотрел на него, что не произвело ни малейшего впечатления на Кидда.

— Так! И вы думаете, что это вам удастся?

— Я в этом убежден, — спокойно ответил Кидд.

— В последний раз говорю вам: убирайтесь! — угрожающе произнес слуга.

— Полегче, любезный! Мне надо поговорить с сенатором. Он ждет меня!

— Ждет? Вас?!

— Да, меня! — важно ответил плут.

Слуга презрительно пожал плечами, но, поразмыслив, спросил уже более мирным тоном:

— Ваша фамилия?

— Вам не к чему знать ее; доложите своему господину, что я прибыл из асиенды дель Торо.

— Из асиенды дель Торо?! Почему же вы это сразу не сказали?

— Вероятно, потому, что вы меня не спросили об этом. Ступайте же и доложите своему господину. Вы и так уж отняли у меня немало времени.

Слуга, не сказав ни слова, удалился, а Кидд, воспользовавшись его отсутствием, вошел в переднюю и уселся там. Соседство улицы никак не устраивало его; у него была тысяча причин не попадаться на глаза любопытным. Слуга быстро вернулся; на этот раз он заговорил по-другому.

— Кабальеро, — низко кланяясь, произнес он, — благоволите следовать за мной. Его превосходительство ожидает вас.

— Был нахалом, стал подхалимом! — сказал плут, обдав слугу презрительным взглядом. — Ступай вперед!

И Кидд, посмеиваясь, последовал за слугой, побагровевшим от стыда, обиды и гнева.

В Мексике, за исключением лишь очень больших городов, возводят, как правило, одноэтажные или же, самое большее, полутораэтажные дома. Их строят обычно из самых легких материалов, чтобы противостоять частым в субтропических странах землетрясениям, которые в несколько минут превращают города в руины. Благодаря такой конструкции все помещения расположены на одном уровне, и людям не приходится ни подниматься, ни спускаться по лестницам, что, на наш взгляд, весьма приятно.

Кидд с удовлетворением заметил, что кабинет сенатора отделялся от прихожей длинным лабиринтом других комнат, жилых и парадных. Наконец слуга открыл одну дверь и, посторонившись, пропустил бандита.

Кидд вошел развязно и непринужденно, как человек, уверенный в том, что его хорошо примут.

— А! — воскликнул сенатор. — Это вы?

— Да, это я, — ответил Кидд, отвесив вычурный поклон.

— Можешь идти, — обратился сенатор к слуге. — Я никого не принимаю. И сам не входи, покуда не позову тебя.

Слуга поклонился и вышел, закрыв за собой дверь.

Точно сговорившись заранее, сенатор и Кидд, храня молчание, чутко прислушивались к шагам удалявшегося слуги. Когда шум их совсем заглох в отдалении, Кидд, не говоря ни слова, подошел к двери и распахнул настежь обе ее створки.

— Зачем вы делаете это? — удивился дон Руфино.

— Потому, что предстоит серьезный разговор, потому, что петатес, разостланные на полах ваших комнат, заглушают шаги, потому, наконец, что у вашего слуги типичная рожа шпиона.

Сенатор, очевидно согласившийся с этим замечанием, не возразил ни слова.

— Так, значит, это вы, бандит! — начал беседу дон Руфино.

— А вы, если не ошибаюсь, не очень-то ожидали меня?

— Сознаюсь, что меньше всего на свете мне хотелось бы видеть вас.

— Гм! Вы не очень любезно встречаете своих друзей. Это очень огорчает меня... дон Руфино, — сокрушенно произнес бандит.

— Это еще что такое! Как смеешь ты так разговаривать со мной!

Кидд пожал плечами и, придвинув к себе кресло, с явным удовольствием опустил в него.

— Я должен вам заметить, — с невозмутимым хладнокровием произнес Кидд, — что вы забыли предложить мне сесть.

И, закинув ногу за ногу, он стал скручивать пахитоску. Казалось, он всецело поглощен был этим занятием. Сенатор хмуро следил за каждым его движением. Ему стало ясно, что Кидд не осмелился бы вести себя так без серьезных оснований: либо в его руки попало какое-нибудь веское оружие против сенатора, либо он принес какие-нибудь весьма важные для сенатора известия. И в том и в другом случае следовало быть обходительнее с этим человеком.

Лицо сенатора внезапно смягчилось, а сам он протянул бандиту золотое огниво прекраснейшей работы.

— Закурите, любезный Кидд, — произнес он, приветливо улыбаясь.

Бродяга взял огниво в руки и стал разглядывать вещицу с видом знатока.

— Какая прекрасная безделушка! — воскликнул он. — Всю жизнь мечтал о такой штуке, но, увы, — тут он тяжело вздохнул, — подобные вещицы создаются не для таких бедняков, как я.

— Ну, если она вам так нравится, — с плохо скрытой гримасой сказал сенатор, — я рад преподнести ее вам.

— Вот это подарок так подарок! Поверьте, сеньор, он мне особенно дорог тем, что исходит от вас, — сказал Кидд и, закулив, без всякой церемонии сунул вещицу в свой карман.

— Вы пришли, вероятно, по делу? — помолчав, спросил сенатор.

— Я всегда прихожу по делу, сеньор, — ответил бандит, выпуская через рот и через нос густые клубы дыма. — Но сегодня мною руководило прежде всего желание повидать вас.

— Благодарю за любезность; но позвольте мне усомниться в том, что любовь ко мне, а не к золоту заставила вас разыскать меня здесь.

— Довольно обидное, знаете ли, замечание! — с грустью произнес бандит, но, тут же изменив тон, заговорил

на своем обычном грубом жаргоне. — Вот что, дон Руфино, карты на стол! Пора покончить с этими бесконечными взаимными любезностями, в которые, к тому же, никто из нас не верит; иначе мы никогда не сдвинемся с места.

— По мне, ничего лучшего не придумаешь. Говорите же, а там хоть чума вас задави!

— Благодарю; такой разговор мне больше по душе: по крайней мере, узнаю вас. Хорошо, сейчас я преподам вам урок откровенности. Я пришел не то чтобы по делу, а просто с намерением продать вам кое-какие сведения и одно очень важное для вас письмо. А каким образом я раздобыл его, это уже вас не касается.

— Отлично! Теперь посмотрим, сойдемся ли мы в цене.

— Да, но прежде позвольте мне в двух словах обрисовать вам позиции, которые мы теперь занимаем относительно друг друга. Должен вам сказать, что с недавних пор многое изменилось: раньше я боялся вас, а теперь вы станете бояться меня.

— Я? Бояться? Вас?

— Да, сеньор, или, если вам так больше нравится, вы будете опасаться меня, как человека, который знает кое-что о вас. Только не думайте, что вам удастся сейчас, как в прошлый раз, испугать меня расправой.

— А почему бы нет, позвольте вас спросить?

— Потому, что мы здесь один на один, потому, что у вас нет оружия, а у меня оно имеется, потому, наконец, что при малейшем вашем движении я убью вас, как собаку! Надеюсь, вы поняли меня, любезный сеньор! — закончил он, извлекая из-под плаща два пистолета. — Как вам нравятся, кстати, эти безделушки?

— Неплохие вещички, — спокойно ответил сенатор. — А что вы скажете относительно этих игрушек? — добавил он, вытащив из-под вороха бумаг, покрывавших его письменный стол, два превосходных пистолета.

— Никуда не годная рухлядь!

— Почему?

— Потому что вы не посмеете воспользоваться ими.

Дон Руфино усмехнулся.

— Смейтесь сколько вам угодно, сенатор! Мне даже нравится, что вы так весело встречаете ожидающие вас неприятности, но повторяю: теперь уж не я в ваших

руках, а вы в моих! Потому что в моей власти вручить капитану Маркосу де Ниса кое-какие бумаги, которые могут немало повредить вам. Между ними имеется одна записка примерно следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, обвиняю своего слугу Лупино Контрариаса в том, что он подло поразил меня насмерть и, отняв у меня все мое достояние, состоявшее из двух мулов, груженных золотым песком, и двух тысяч трехсот золотых унций в звонкой монете, бросил меня без помощи в совершенно безлюдной пустыне. Не питая надежды остаться в живых и готовясь предстать перед Богом, я обвиняю этого негодяя и прошу...» и т. д. и т. п. Подписано... Угодно вам узнать, кем?... Но что с вами, сеньор? Вам дурно? Вы что-то побледнели, на вас лица нет, вы стали бледнее мертвеца!

Рассказ бандита произвел потрясающее впечатление на сенатора; казалось, он сейчас лишится чувств.

— Просто удивительно, — жеманно продолжал между тем бандит, — как нельзя ни в чем быть уверенным в этом мире! Взять хотя бы этого злосчастного Лупино! Уж на что чудесную устроил он ловушку с предусмотрительностью, превосходящей всякое человеческое воображение! Как терпеливо выжидал он своего часа! Только тогда, когда они перешли индейскую границу и очутились в глуши, куда и в десять лет не заглянет ни одна живая человеческая душа, он разрядил в спину своего господина два револьвера, для пущей уверенности стреляя в упор. А сам ушел, утачив, разумеется, так добросовестно заработанное богатство. И что же вы думаете? Судьбе было угодно, чтобы человек, которого его слуга имел все основания считать мертвым, ожил и у него хватило еще сил достать свою записную книжку и написать это обвинение, хотя и карандашом, но по всем правилам. Затем та же чертова судьба, которая, раз впутавшись в какое-нибудь дело, ни за что не выпустит его из своих лап, приводит к тому же месту какого-то охотника, который и находит эту записку! Ну, что ты скажешь? От таких дел у тебя может родиться мысль стать честным человеком... И стал бы им, не будь у меня определенного мнения об этой породе людей, черт бы их побрал!

Пока длился этот монолог, сенатор успел оправиться от страшного удара; невероятным усилием воли ему уда-

лось взять себя в руки, вернуть утраченное было хладнокровие и даже выдавить улыбку, весьма похожую на гримасу.

— Карай! — воскликнул он со смехом, напоминавшим зубовой скрежет. — Никогда еще не слышал столь чудесного и так мастерски состряпанного рассказа! Позвольте, любезный сеньор, поздравить вас: у вас настоящий талант сочинителя! Прелестно, честное слово, прелестно!.. Но кто, черт возьми, поверит вашему рассказу?

— Вы — первый, сеньор, потому что кому же лучше, как не вам, знать всю подоплеку этого происшествия?

— Честное слово, вы помешались, сеньор!

— Ну, не совсем: ведь в моих руках улики.

— Не спорю. Но допустим даже, что все это правда; так ведь это дело давно минувших дней, а сам Лупино Контрариас исчез... может быть, умер; наконец, и господин его никак не мог выжить: слишком хорошо были заряжены пистолеты. Ну, а кто же станет интересоваться умершим человеком, особенно в нашей стране?

— А откуда вам известно, что пистолеты были хорошо заряжены?

— Я так предполагаю.

— Вот в подобных предположениях и вся беда в такого рода делах. Послушайте, между нами говоря, неужели вы думаете, что так трудно будет распознать Лупино Контрариаса в доне Руфино Контераса? Нет, не так ли?

Сенатор невольно покраснел.

— Сеньор, — сказал он, — подобного рода намеки...

— ...Ни в коем случае не должны вас оскорблять, — с невозмутимым спокойствием прервал его Кидд. — Предположение — и только! Теперь давайте продолжим наш разговор все в том же духе предположений и допустим на мгновение, что этот человек, в смерти которого так убежден его слуга, на самом деле жив и...

— Ну, это уж никак невозможно!

— Не прерывайте меня, сеньор! Итак, предположим, что он жив и, явившись однажды, положил бы руку на плечо своего бывшего слуги... ну вот примерно так, как я сейчас кладу свою на ваше плечо... приговаривая при этом: «Вот мой убийца!» Что вы ответите на это?

— Я? Я? — вскричал уже совершенно растерявшийся сенатор. — Я бы сказал, я бы ответил...

— И ничего бы вы не ответили, — прервал его лепет бандит и, взяв со стола пистолеты, которые дон Руфино в своем смятении выпустил из рук, преспокойно засунул их за свой кушак. — Да, дорогой друг, вы не выдержали бы очной ставки с вашей жертвой; неожиданное появление ее сокрушило бы вас, и вы были бы неизбежно осуждены.

Наступило молчание, страшное молчание, когда оба противника, мерившие взглядом друг друга, готовы были схватиться в смертельном поединке. Все это длилось не более секунды: такое сильное волнение быстро проходит. Сенатор вытер рукой холодный пот, выступивший на его лбу, и, поднявшись во весь свой рост, хриплым голосом произнес:

— Ну, а дальше? Чего вы, собственно, добиваетесь?

— Подождите; прежде чем предъявить вам свои условия, мне надо знать, признаете ли вы неоспоримость моих улик?

На несколько минут дон Руфино де Контрерас погрузился в глубокое раздумье. Кидд не спускал с него глаз, готовый пустить в ход оружие при малейшем подозрительном движении сенатора. Но тот и не помышлял об этом: оглушенный потрясающим разоблачением Кидда, дон Руфино с блуждающим взором тщетно ломал себе голову в поисках выхода из ужасного тупика, в котором он очутился. Наконец он решился. Глядя прямо в глаза бандиту, он заговорил:

— Ну что же, все это правда. Да, я подло убил и ограбил человека, который протянул мне руку помощи, вывел из нищеты и видел во мне скорее друга, чем слугу. Да, мое богатство досталось мне преступным путем, но оно все же мое! С его помощью я достиг высокого положения в обществе. Пусть не без плутовства и лжи, но я пробил себе дорогу, у меня есть звание сенатора и имя, имя! И теперь одна только смерть может вырвать у меня отказ от благ, добытых таким страшным путем. Ну вот я и сказал вам правду, открыл свои карты. Теперь ваша очередь играть со мной в открытую. Назначайте ваши условия; если они будут приемлемыми, я не стану возражать; если чрезмерными, отвергну, какими бы последствиями ни грозил мне этот отказ. Я

не соглашусь стать игрушкой в руках такого плута, как вы. Не такой я человек! Я не примирюсь с подобной участью и предпочту сам на себя донести. Но берегитесь! В своем падении я увлеку и вас за собой в бездну. Подумайте же хорошо, прежде чем ответить мне. Я предупреждаю вас со всей серьезностью: уговор, который будет заключен между нами, должен раз и навсегда исчерпать все отношения между нами. Даю вам десять минут на размышление!

Это ясное и решительное заявление привело Кидда в смущение: он понял, что имеет дело с одной из тех неукротимых натур, которые никогда не меняют раз принятого решения. Бандит ничего не выиграл бы, погубив дону Руфино; да это и не входило в его планы. Он хотел только напугать сенатора, и ему удалось это как нельзя лучше. Теперь этим людям, словно созданным для взаимного понимания, оставалось только разрешить вопрос о цене, а сделать это каждому хотелось как можно выгоднее для себя. Кидд готовился начать атаку.

Полюбовная сделка

Дон Руфино сидел, прислонившись спиной к столу; склонив голову на правую руку и небрежно играя ножом из слоновой кости левой рукой, он терпеливо выжидал, когда заговорит его собеседник. Это подчеркнутое безразличие заставило призадуматься бродягу. Люди такого склада, как Кидд, инстинктивно остерегаются всего, что им кажется неестественным; бандит был невольно смущен этим равнодушием дона Руфино, за которым ему мерещилась какая-то скрытая ловушка.

Наконец он резко прервал молчание:

— Прежде всего, дон Руфино, я должен сообщить вам еще об одной причине моего появления у вас.

— Я не очень настаиваю на этом, — безучастно отозвался сенатор. — Но, если вы считаете это нужным, действуйте, не стесняйтесь, я вас слушаю.

— Я полагаю, вы измените свое мнение, когда выслушаете меня, сеньор, и поймете, какую важную услугу я собираюсь вам оказать.

— Боже мой, все возможно, я не спорю, любезный сеньор! — не без иронии отвечал сенатор. — Но вы так усердно вмешиваетесь в мои дела, что мне весьма трудно разобраться во всех комбинациях вашего изобретательного ума, понять, какие из них продиктованы добрыми намерениями, а какие — враждебными.

— Сейчас вы сами поймете.

— Тем лучше. Говорите, прошу вас.

— Я могу сообщить вам, что судебный исполнитель дон Порфиадо Бурро прибыл в Квитовак.

— Дальше! — сказал сенатор, пристально глядя на бандита.

— Не знаю, как это случилось, но не успел еще дон Порфиадо въехать в город, как, по какому-то странному капризу судьбы, это стало известно капитану де Ниса.

— Вот как! — насмешливо воскликнул сенатор. — Все та же судьба, о которой вы уже не раз упоминали. Очевидно, ей никак не надоест досажать мне неприятностями.

Несмотря на огромную дозу наглости, которой природа одарила бродягу, он невольно смутился.

— И так же очевидно, — осклабясь, продолжал дон Руфино, — что, по воле той же злой судьбы, капитану стало известно не только о приезде дона Порфиадо, но и о цели его появления в этих краях!

— Откуда вы это узнали? — с деланным удивлением воскликнул Кидд.

— Догадался, только и всего. Но продолжайте. Ваше сообщение начинает живо интересоваться меня.

— Капитан, как вам известно, родственник маркиза де Могюер, — оправившись от смущения, продолжал Кидд.

— И даже очень близкий родственник.

— Неудивительно, что капитан недолго думая отправил в асиенду дель Торо курьера с письмом, в котором он, вероятно, извещал дона Фернандо о судебном исполнителе и его намерениях.

Маска напускного равнодушия мгновенно слетела с лица дона Руфино.

— О, это письмо! — воскликнул он, стукнув кулаком по столу. — Я бы не пожалел за него золота!

— А я дарю его вам, сеньор, — расплывшись в улыбке, произнес Кидд. — Теперь, надеюсь, вы поверите в мое искреннее расположение к вам.

С этими словами Кидд извлек из кармана письмо и протянул его сенатору. Кинувшись, словно тигр на добычу, дон Руфино выхватил пакет из рук бандита.

— Легче, легче, сенатор, — остановил его Кидд. — Обратите внимание — печать цела, письмо не вскрыто, а следовательно, и содержание его мне неизвестно.

— В самом деле! — прошептал сенатор, вертя письмо в своих руках. — Благодарю за такую деликатность.

— Помилуйте! — произнес Кидд, скромно опустив глаза.

— Но скажите, какими судьбами попало в ваши руки письмо, адресованное дону Фернандо?

— А очень просто, — развязно отвечал бандит. — Представьте себе такое совпадение: человек, с которым капитан отправил свое письмо, оказался моим приятелем. Ну, я и предложил ему сопровождать его: душа болела от мысли, что этот парень пустится один, да еще ночью, в дорогу, пользуясь такой дурной славой; к тому же ведь я и сам собрался в Ариспу. Приятель принял, конечно, мое предложение. По дороге мы вдруг повздорили... Сам не понимаю, как и почему это случилось! Короче говоря, в разгаре спора я, — клянусь, без всякого злого умысла, — так рубанул его по голове своим мачете, что ему не оставалось ничего другого, как умереть. Поверьте; я был весьма огорчен, но не в моих силах было уже помочь ему. Я опасался, как бы письмо не затерялось или не попало в руки плохого человека, и решил поэтому захватить его с собой.

— Действительно, очень просто, — сказал, усмехнувшись, сенатор и взломал печать.

Кидд скромно отошел в сторону и опустился в кресло, предоставляя сенатору полную свободу прочесть столь интересовавшее его письмо.

А дон Руфино, пробежав с величайшим вниманием письмо два раза кряду, ушел в свои мысли.

— Ну как? — прервал наконец молчание бродяга. — Плохие вести?

— Очень важные, сеньор. Но я вот все спрашиваю себя: с какой целью вы завладели этим письмом?

— С целью доставить вам удовольствие — так мне кажется, сеньор.

— Со стороны это выглядит очень мило, но при наших отношениях непонятно.

Бандит рассмеялся.

— Разве я не сказал, что собираюсь предложить вам одно дельце.

— Сказали, и я жду ваших предложений.

— Это не так просто, сеньор.

— Ладно, я помогу вам, подскажу, на каких условиях мы могли бы договориться.

— Отлично! Я вижу, вы начинаете понимать меня, и мы, пожалуй, сумеем успешно закончить все сегодня же.

— Вы человек небогатый, — прямо приступил к делу сенатор.

— Признаюсь, что не купаюсь в золоте, — сказал бродяга, окинув взглядом свой обветшалый костюм.

— Так вот, я могу озолотить вас.

— Что вы называете «озолотить»? — недоверчиво произнес бандит.

— Я мог бы предоставить в ваше распоряжение такую сумму денег, которая не только избавила бы вас навсегда от нужды, но и позволила бы вам жить в роскоши, не сходя при этом с колеи честной жизни.

— Честность — это добродетель, доступная лишь тем, кто может тратить деньги, не считая их, — назидательно произнес бандит.

— Пусть так; я дам вам возможность стать честным человеком в вашем понимании этого слова.

— Но это будет вам дорого стоить! — вызывающе продолжал Кидд. — У меня ведь большие запросы.

— Я так и полагал; но это неважно. Послушайте, в Калифорнии у меня имеется асиенда. Я готов подарить ее вам.

— Гм... — промычал Кидд, презрительно выпятив нижнюю губу. — Какая-нибудь захудалая асиенда, а?

— Напротив, огромная, с большими стадами рогатого скота, с отарами овец, с табунами диких лошадей; к тому же она расположена вблизи моря.

— Это уже кое-что, не спору; но это все же еще не богатство.

— Подождите!

— Жду.

— В придачу к асиенде я отсчитаю вам кругленькую сумму в сто тысяч пиастров золотом,

У бандита закружилась голова.

— Как! — вскричал он и, побледнев от радости, вскочил, словно кукла на пружине. — Как вы сказали: сто тысяч пиастров?

— Да, повторяю: сто тысяч пиастров, — подтвердил сенатор, внутренне удовлетворенный произведенным эф-

фектом. — Как думаете, вам достаточно будет этих денег, чтобы стать порядочным человеком?

— Я думаю! *Vivo Cristo!*

— От вас зависит, чтобы все это претворилось в жизнь в ближайшие восемь дней.

— А, понимаю! Есть одно условие? Карай! Я откажусь от него лишь в том случае, если оно окажется невыполнимым.

— Вот это условие. Слушайте меня внимательно.

— Карай! Как не слушать! Асиенда и сто тысяч пиастров! Я еще не сошел ума, чтобы отказаться от такой милости судьбы.

— Прежде всего не мешать осуществлению моих планов, дать мне жениться на донье Марианне и в день свадьбы вручить мне записку, которую нашли на том несчастном... убитом своим слугой.

— Прекрасно. И это все?

— Нет. Я требую, чтобы вместе с запиской вы дали мне неопровержимое доказательство, что на этот раз этого человека нет уже в живых.

— Карай! Это не так просто.

— А уж это меня не касается. Выкручивайтесь как знаете.

— Справедливое замечание. А срок какой?

— Восемь дней.

— Боже праведный! Восьми дней, пожалуй, будет маловато. Нелегко убить такого человека!

— Да, но когда он станет мертвецом, вы станете богачом.

— Я знаю и принимаю в расчет это соображение; а все же это слишком трудное дело. Я рискую своей шкурой.

— Соглашайтесь или отказывайтесь; третьего выхода нет.

— Соглашаюсь, соглашаюсь! Никогда в жизни мне не представится больше такого случая стать честным человеком!

— Значит, решено?

— Решено!

— Отлично! Теперь о другом. Вы ведь можете еще передумать и попытаться предать меня...

— Как вам не стыдно, сеньор!..

— Как знать, всякое бывает... Ну, так вот: для пресечения возможной измены вы подпишете мне сейчас же

документ, в котором будет подробно изложен весь наш уговор.

— Карай! Это очень опасно.

— Верно, но не только для вас, а и для меня; ведь там будут изложены и мои требования.

— Но если существование такого документа будет одинаковой уликой против нас обоих, зачем вообще его писать?

— А вот для чего. Если вам взбредет вдруг в голову мысль предать меня, вы не сможете этого сделать, не погубив и себя вместе со мной. Я надеюсь, что это обстоятельство несколько обуздает вас и заставит одуматься, если такая шальная мысль зародится в вашей голове.

— Вы не доверяете мне?

— А вы мне?

— Это другое дело: я ведь бедняк.

— Пора кончать: либо вы принимаете мои условия, либо отвергаете их, и тогда исключается всякая возможность сделки между нами.

— Напрасно вы разговариваете со мной в таком тоне: ведь я могу еще пустить в ход известную вам записку!

— Не посмеете!

— Я не посмею?! А почему же?

— Если бы вы могли воспользоваться этой запиской, вы бы сделали это давно. Не знаю что, но что-то вам мешает. Я слишком хорошо вас знаю, слишком высокого мнения о вашей сметливости, чтобы сомневаться в этом. Послушайте меня, Кидд: не пытайтесь больше пугать меня этой запиской, словно пистолетом, приставленным к горлу, — все равно из этого ничего не выйдет. Поторопитесь лучше принять те блестящие предложения, которые я сделал вам. Так будет лучше.

— А, будь по-вашему! Придется мне уступить, раз уж вы так настаиваете. Но вы должны согласиться, что ставите меня в тяжелое положение.

— Нисколько! Вы ошибаетесь, сеньор: просто я принимаю свои меры предосторожности, только и всего.

Бродяга думал об этом иначе, но сто тысяч пиастров сделали свое дело. Соблазн был велик, и Кидд, подавив вздох, не стал больше препираться и согласился на все.

Дон Руфино тотчас же стал набрасывать на бумаге условия уговора между двумя сообщниками. Хотя сена-

тор и отдавал себе отчет в том, что это преступное соглашение, попади оно в руки правосудия, может погубить их обоих, дон Руфино все же надеялся, что с помощью этого своеобразного дамоклова меча он сумеет держать бандита в страхе и повиновении.

Сенатор писал, а бандит, стоя за его спиной, впивался глазами в каждое слово. Кидд опасался, как бы сенатор не надул его, а у самого уже копошились в голове мысли о том, как бы уклониться от этой страшной сделки... Только бы получить деньги, а там уж он придумает, как погубить того, кто навязал ее ему. Мы не решимся утверждать, что со своей стороны дон Руфино не думал о том же.

Наконец сенатор кончил писать этот странный документ о преступном сообществе двух людей, документ, приковавший их друг к другу крепче любой цепи.

— Может быть, у вас имеются какие-нибудь поправки? — спросил сенатор, прочитав договор вслух.

— К черту поправки! — сердито воскликнул бандит. — Вы все равно ничего не измените. Пусть уж все остается так, как оно есть!

— Я того же мнения. Итак, подписывайте, а я тем временем отсчитаю вам сто унций золотом... чтобы позолотить пиллюлю!

— В добрый час! Люблю, когда говорят о золоте! — сказал Кидд.

Взяв перо из рук сенатора, он, не задумываясь больше, приложил свою руку к документу, на котором уже красовалась подпись дона Руфино. Обещание ста золотых унций заставило его позабыть о том, что этот росчерк пера может стоить ему жизни; впрочем, Кидд был фаталистом и очень рассчитывал на счастливый случай, который скоро избавит его от этого опасного соучастника.

Сенатор, взяв у Кидда документ, взглянул на подпись и, обсыпав не высохшие еще чернила золотой пудрой, сложил его вчетверо и засунул за пазуху.

— Теперь, — сказал он, извлекая из сундука горсть золота, — получите обещанную сумму.

С этими словами сенатор расставил золотые монеты стопками по столу. Кидд радостно набросился на них, и золото быстро исчезло в его карманах.

— Теперь я готов повиноваться вам. Приказывайте! — обратился он к сенатору. — И для начала возвращаю вам ваши пистолеты, они мне больше не нужны.

— Благодарю. Долго вы предполагаете пробыть еще в Ариспе?

— О нет! Я собираюсь немедленно покинуть этот город.

— Чудесное совпадение! Я как раз собирался просить вас передать письмецо дону Порфиадо.

— Как! Вы хотите послать меня в Квитовак?

— А вам не нравится этот город?

— Напротив; но мне неохота оставаться там... из-за того ночного дела.

— Ах да, убийство солдата! Смотрите, будьте осторожны.

— Я только выполню ваше поручение и сейчас же уберусь оттуда.

— Да, такая предосторожность не повредит вам. Впрочем, знаете, поразмыслив, я решил, что вам лучше совсем не заезжать в Квитовак. Я отправлю письмо с другим курьером.

— Да, так будет лучше. Что еще прикажете?

— Ничего. Располагайте собою как хотите. Но только помните, чего я жду от вас через восемь дней, и действуйте сообразно.

— Этого я, конечно, не забуду, сохрани Бог!

— В таком случае, я вас больше не задерживаю. Прощайте!

— До свиданья, сеньор!

Сенатор дернул шнурок колокольчика. Слуга появился почти мгновенно. Дон Руфино и Кидд исподлобья обменялись взглядами. Было ясно, что любопытный, как и все люди этой профессии, слуга подслушивал, стараясь узнать, о чем его господин мог так долго беседовать с подобным бродягой. Однако, благодаря предосторожности, принятой Киддом, до слуги доносились только заглушенные голоса собеседников, и бедняга не выиграл ничего. Зато лицо его покрылось краской стыда, вспыхнувшей от сознания, что он изобличен в подслушивании.

— Проводите этого кабальеро, — приказал сенатор.

Сообщники раскланялись, словно они были самыми лучшими в мире друзьями, и наконец расстались.

— Негодяй! — воскликнул дон Руфино, оставшись один. — Только бы представился случай отплатить тебе за все, что ты заставил меня выстрадать сегодня! Уж я его не упущу!

В припадке злобы он разбил великолепную китайскую вазу, на беду подвернувшуюся ему под руку.

Но и мысли бродяги, когда он следовал за слугой по апартаментам сенаторского дома, не отличались благодушием:

«Черт возьми, черт возьми, какое жаркое было дело! Кажется, следует остерегаться моего дружка... Трудно рассчитывать на сеньора сенатора, скорей жди от него всякой пакости... Я, кажется, напрасно подписал эту проклятую бумагу... А впрочем, чего же я, собственно, боюсь? Он слишком нуждается во мне, чтобы подстроить какую-нибудь ловушку... Надо все же быть начеку, это не повредит».

Очутившись в передней, бродяга надвинул на глаза поля своей поношенной шляпы, тщательно завернулся в плащ и вышел, провожаемый почтительным поклоном слуги. Перспектива попасться на глаза полицейским мало улыбалась Кидду; поэтому, возвращаясь в таверну, он принимал все те же меры предосторожности, к которым прибегнул, направляясь к сенатору.

Кидд еще издали заметил содержателя таверны, который, закинув руки за спину и расставив ноги, стоял на пороге и внимательно наблюдал за всем, что творилось вокруг его дома.

— А-а! — воскликнул хозяин, кланяясь Кидду. — Уже вернулись?

— Как видите, приятель. Приготовьте мне поскорее завтрак, я очень занят сегодня.

— Неужели собираетесь покинуть нас?

— Я еще не знаю. Ну же, поспешите с завтраком!

Кабатчик вынужден был молча прислуживать своему гостю. А Кидд, поев с аппетитом и щедро расплатившись с хозяином, чтобы как-нибудь вознаградить его за свое нелюбезное обхождение, оседлал коня и уехал, так и не сказав, вернется он или нет.

Четверть часа спустя он уже мчался в поле, с бесконечным наслаждением вдыхая свежий и ароматный степной ветерок.

Асиенда дель Торо

Теперь, читатель, мы забежим на пятнадцать дней вперед и вернемся в асиенду дель Торо. Но прежде чем продолжать наш рассказ, мы дадим краткое изложение событий, которые произошли за эти пятнадцать дней. Без такого изложения читателю трудно будет понять, благодаря какому странному стечению обстоятельств судьба свела лицом к лицу всех действующих лиц нашего повествования и как от столкновения их друг с другом возникла неожиданная развязка.

Донья Марианна, очарованная доньей Эсперансой, а может быть, просто и безотчетно поддавшись тайному влечению сердца, согласилась пробыть в лагере охотников еще два дня. За эти дни, прошедшие в теплых и дружеских беседах, девушка, сама того не сознавая, выдала свою сокровенную сердечную тайну.

Донья Эсперанса счастливо улыбнулась, услышав это наивное признание. Она давно уже догадывалась о чувствах девушки и была готова всячески поощрить их.

Со своей стороны, и Твердая Рука не противился магической власти над ним доньи Марианны; от сознания, что он любим, его холодная замкнутость растаяла и уступила место открытому восхищению. Увлеченный страстью, он приоткрыл душу, обнажив благородные и хорошие черты своего немного дикого характера. Но в этой дикости были прямота и сила, которые так прельщают женщин, внушая им тайное желание обуздать и покорить себе эти бунтарские натуры.

За все эти два дня между молодыми людьми не было произнесено ни слова о любви, но они отлично поняли друг друга и не сомневались в своих взаимных чувствах.

Пора было, однако, подумать о возвращении в асиенду. Было решено, что донья Марианна сообщит отцу обо всем, что она узнала от доньи Эсперансы; что она не откажет наотрез дону Руфино, а будет спокойно выжидать дальнейшего хода событий.

— Помните, — сказала донья Марианна, протягивая на прощанье руку охотнику, — вся моя надежда на вас. Если ваши планы не осуществляются, я останусь одна, никому будет защитить меня, и мне останется только умереть... Я не переживу крушения всех моих надежд!

— Надеемся на меня, донья Марианна! Я поставил на карту свою жизнь и свое счастье и выиграю эту роковую партию, я в этом убежден!

Вот те несколько слов, которыми обменялись молодые люди при расставании. Эти слова стоили любых клятв в верности.

— Помните о легенде, — сказала донья Эсперанса, нежно обнимая на прощание девушку.

Донья Марианна ответила ей улыбкой.

Тигреро держал поводья двух коней, а Твердая Рука с группой охотников собрались охранять путешественников, издали следуя за ними.

Двинулись в путь. Путешествие проходило в молчании. Донья Марианна была всецело поглощена своими мыслями после всего пережитого в лагере охотников, а Мариано был так ошеломлен приемом в лагере, его роскошью и комфортом, невиданными в прерии, что не мог прийти в себя от изумления.

По желанию доньи Марианны, торопившейся вернуться домой, тигреро избрал кратчайший путь, ведущий прямо в асиенду дель Торо, минуя ранчо. Когда путники достигли ворот замка, позади них раздался выстрел. Девушка оглянулась и увидела клубок белого дыма, расстилавшийся вдаль над группой всадников. Донья Марианна догадалась, кто это стрелял, и помахала на прощание своим платочком. Новый выстрел дал ей понять, что ее сигнал принят; вслед за тем охотники повернули коней и скрылись в лесной чаще.

Первым человеком, которого встретила в асиенде донья Марианна, был Паредес.

— Боже милостивый, нинья, — воскликнул управитель, — где вы пропадали? Сеньор маркиз вне себя от беспокойства.

— Разве моему отцу неизвестно, что я поехала погостить к моей кормилице?

— Дон Руис говорил ему об этом. Но ваше отсутствие было столь продолжительным, что сеньор маркиз стал опасаться, не случилось ли с вами какой беды.

— Как видите, ничего плохого не произошло, мой добрый Паредес. Успокойтесь и успокойте моего отца. Я не замедлю сама засвидетельствовать ему свое уважение.

— Дон Фернандо вместе с доном Руисом проверяют сейчас состояние укреплений асиенды. Ведь с часу на час мы ожидаем нападения индейцев.

— И пусть себе проверяют. А я тем временем отдохну в голубой гостиной. Умираю от усталости! Вы доложите отцу о моем возвращении, когда он закончит свой осмотр, а до тех пор не надо беспокоить его.

— Беспокоить?! — воскликнул дон Хосе. — Простите, сеньорита, но я не могу согласиться с вами. *Vivo dios!* Да маркиз никогда не простит мне, что я не доложил ему немедленно о вашем возвращении!

— Если так, делайте как знаете, мой добрый Паредес.

Дон Хосе, очевидно только того и ожидавший, бросился со всех ног искать маркиза.

— Мой дорогой Мариано, — обратилась между тем девушка к тигреро, — никому нет надобности знать, где мы с вами были и что делали в эти дни. Пусть все думают, что я не покидала вашего ранчо. Я рассчитываю на ваше молчание. Настанет час, когда я сама расскажу все отцу.

— Слушаю, нинья; ваше слово для меня закон. Да мне вообще до этого нет никакого дела.

— А теперь я хочу поблагодарить вас, Мариано, за огромную услугу, оказанную мне.

— Вы знаете, как я предан вам, нинья. Я только исполнил свой долг, и не за что благодарить меня.

Девушка, улыбнувшись, протянула ему руку и вошла в дом, а тигреро повел двух коней в кораль, мимо множества шалашей окрестных хуторян, укрывшихся по приказу маркиза в асиенде и заполнивших все ее дворы.

Дон Фернандо, услышав радостную весть, бросился к дочери, так и не закончив осмотра укреплений. По мере того как над головой маркиза сгущались грозные тучи, возрастала его любовь и нежность к детям; он словно искал в них опоры, чувствовал необходимость укрепить семейные связи перед лицом надвигавшегося несчастья.

— Жестокое дитя! — с ласковым упреком произнес он, обнимая дочь. — Можно ли так долго пропадать в такое тревожное время?!

— Прости, отец, и поверь, — сказала донья Марианна, ласкаясь к нему, — что мысль о тебе и о твоих делах ни на минуту не покидала меня в эти дни моего отсутствия.

— У тебя доброе сердце, дитя мое! Но, увы, — со вздохом произнес маркиз, — мое положение отчаянное, меня уже ничто не спасет.

— Как знать, отец!

— Не убаюкивай меня ложными надеждами: пробуждение будет еще более тяжким.

— Я и не собираюсь обольщать тебя несбыточными мечтами! — с достоинством произнесла она. — Я привезла тебе нечто положительное и веское.

— Положительное и веское? В устах молодой девушки эти слова звучат довольно странно. Где же думаешь ты, дитя, найти это «нечто»?

— За ним не придется далеко ходить, оно здесь, у нас под ногами. Тебе стоит только захотеть поднять его.

Дон Фернандо ничего не ответил, только безнадежно склонил голову на грудь.

— Послушаем Марианну, отец! — вмешался дон Руис. — Она всегда была ангелом-хранителем нашей семьи. Я верю ей, отец; она не сотворит себе забавы из нашего горя.

— Благодарю тебя, Руис! — сказала донья Марианна. — Да я лучше умру, чем огорчу нашего отца!

— Господи, я сам отлично это понимаю! Но вы еще молоды, лишены жизненного опыта и склонны принимать свои желания за действительность.

— Но почему же все-таки не выслушать ее? — возразил дон Руис. — Может быть, Марианна и ошибается... может быть, слова ее не произведут на тебя

должного впечатления, но, во всяком случае, ты услышишь в них любовь к тебе. Уже из-за одного этого мы оба — и ты и я — должны быть благодарны ей.

— Но к чему все это, дети?

— Бог мой, в нашем отчаянном положении нельзя ничем пренебрегать, отец! — сказал дон Руис. — Как знать? Иногда самые слабые существа приносят самую большую пользу. Разве не сказано: «Устами младенцев глаголет истина»?

— Ладно. Если ты этого требуешь, сын мой, я выслушаю ее.

— Я не требую, я прошу, отец!.. Говори же, сестренка! Говори, не бойся.

Донья Марианна кротко улыбнулась, обхватила шею отца руками и, нежно склоняясь головой к нему на плечо, ласково шептала:

— Если бы ты только знал, отец, как я люблю тебя, как я желала бы видеть тебя счастливым! Но я не стану ничего тебе рассказывать, ты все равно не поверишь мне, — до того странно и невероятно то, что я должна сообщить тебе.

— Видишь, дитя, я был прав!

— Одну минутку, отец. Я не стану рассказывать, но у меня к тебе серьезная просьба, такая необычная, что я, право, не знаю, как ее выразить... Боюсь только, что ты не поймешь меня...

— О! О! Дитя мое, — улыбнулся маркиз, явно заинтересованный словами дочери, — что же это за просьба, которая нуждается в таком длинном предисловии? Страшная, должно быть, штука, если ты так долго не решаешься ее высказать.

— Нет, отец, ничего страшного нет, но, повторяю, это может показаться тебе сумасбродством.

— Ах, дитя мое, с некоторых пор я такого насмотрелся, что меня уже ничем не удивишь! Говори же, не бойся, я не стану упрекать тебя ни в чем.

— Сейчас, отец. Но прежде дай мне слово исполнить мою просьбу.

— Карамба! — шутливо воскликнул он. — Ты, однако, предусмотрительна! А я вот возьму да и откажу!

— Тогда все будет кончено, отец, — с невыразимой печалью произнесла она.

— Успокойся, дорогая! Даю тебе слово. Довольна?

— О, благодарю, отец! Но это правда, да? Дашь честное слово исполнить мою просьбу?

— Да, милая упряmica, да, сто раз да! Даю слово исполнить все, что бы ты ни попросила.

Девушка радостно запрыгала, хлопая в ладоши, потом с жаром расцеловала отца.

— Честное слово, она помешалась, — произнес сияющий маркиз.

— Да, отец, помешалась от счастья, потому что берусь теперь доказать тебе, что твои дела никогда еще не были в таком блестящем состоянии.

— Ну вот, теперь она начинает бредить!

— Нет, отец, — сказал дон Руис, пристально следивший за сменой чувств на подвижном лице сестры, отражавшем все ее внутренние переживания. — Нет, отец, мне думается, что в этой головке возник сейчас какой-то проект, для осуществления которого ей нужна полная свобода действий.

— Ты угадал, Руис. Да, мне необходима полная свобода действий, я должна чувствовать себя сегодня всемогущей хозяйкой — по крайней мере от восьми вечера до полуночи. Вручаешь мне эту власть, отец?

— Я поклялся, Марианна, — ответил, улыбаясь, дон Фернандо, — и сдержу свое слово. Итак, согласно твоему желанию, ты будешь полновластной хозяйкой асиенды с восьми часов вечера до полуночи. Никто, включая и меня, не посмеет возражать против твоих поступков и приказов. Прикажешь объявить об этом во всеуслышание нашим людям?

— Нет, не всем, а только двум из них.

— И кто же эти счастливыцы?

— Мой молочный брат, тигреро Мариано, и наш управитель Паредес.

— Я вижу, ты умеешь разбираться в людях! Это самые преданные нам слуги. Такой выбор обнадеживает меня. Продолжай, дочь моя. Что еще тебе понадобится?

— Эти люди должны вооружиться кирками, мотыгами, лопатами и фонарями, — сказала донья Марианна.

— Гм! Придется, значит, копать в земле?

— Возможно, — загадочно улыбнулась девушка.

— Все эти басни о зарытых кладах давно уже отжили свой век, дочь моя! — произнес маркиз, покачивая головой. — Если когда-нибудь и существовали клады, то в этой стране они давно уже все вырыты.

— Я не могу ничего объяснить тебе, отец. Ты не знаешь моих планов и не можешь правильно судить о них. И потом, — добавила она с чудесной улыбкой, — ведь ты не имеешь права возражать мне, ты должен первым показать пример повиновения, а ты поднимаешь знамя восстания!

— Справедливое замечание, дорогая! Каюсь и приношу повинную. Приказывай дальше.

— Мне остается сказать только одно: ты, отец, и ты, Руис, должны тоже вооружиться теми же орудиями, так как я намереваюсь заставить работать и вас обоих.

— Ну, это ты уж хватила! — рассмеялся дон Руис. — Что касается меня, то это куда ни шло, я еще молод. Но отец... Смилуйся, сестренка, нельзя впрягать отца в такую работу!

— А может быть, и мне самой придется взяться за лопату! Поверь мне, брат мой: это дело гораздо серьезнее, чем ты думаешь. Я вижу, вы оба не верите мне, но я готова поклясться!

— Нет, я верю тебе, сестра.

— А мне кажется, Руис, что и ты начал сомневаться, хотя из любви ко мне и не хочешь в этом сознаться. Так вот: я клянусь самым дорогим мне на свете, то есть вами обоими, что я действую не наугад и уверена в успехе!

Глаза девушки горели такой верой, она говорила с таким жаром, что двое мужчин, склонив головы, признали себя побежденными: ее вера поборолла их неверие. Она убедила их.

— Все твои желания будут исполнены, — сказал дон Фернандо. — Выйдет у тебя что-нибудь или нет, я все равно буду благодарен тебе за твое рвение и заботу о моих делах.

Дон Руис по приказанию отца отправился за доном Хосе и тигреро.

Тогда произошло то, что обычно случается при подобных обстоятельствах. В то время как донья Марианна спокойно ждала наступления назначенного ею часа, дон Фернандо и дон Руиса прямо трясло от возбуждения.

Время тянулось для них мучительно долго; подстрекаемые любопытством, они буквально не могли и минуты усидеть на одном месте.

Наконец пробило восемь часов.

— Пора! — сказала донья Марианна.

Парк

Все южные народы любят тень, цветы и птиц.

Вынужденные из-за жары проводить большую часть суток на открытом воздухе, они довели практику садоводства до высоты, недоступной для северных стран.

Итальянцы и испанцы не перестают трудиться над тем, чтобы превратить свои сады в настоящие оазисы, где можно было бы дышать свежим воздухом, не подвергаясь преследованиям мошкеры — этого безжалостного бича тропических и субтропических широт. Эти насекомые, неизвестные обитателям умеренного пояса, в полдень мириадами роятся здесь в каждом солнечном луче. На особенно большую, прямо-таки научную высоту поднята культура садоводства в испано-американских странах, где между полуднем и тремя часами земля, согреваемая с раннего утра раскаленными лучами южного солнца, пышет губительным жаром и до того изменяет структуру воздуха, что дышать становится почти невозможно.

Богатый и выразительный испанский язык имеет два слова для передачи понятия «сад»: слово «хардин», под которым подразумевается исключительно цветник; здесь на открытом воздухе растут великолепные цветы, которые в странах умеренного климата выращивают только в оранжереях, да и то лишь чахлыми и блеклыми. Слово же «уэрта» означает более обширный сад; тут и огород, и плодовый сад, и длинные тенистые аллеи, водопады, фонтаны и пруды — одним словом,

весь тот ансамбль, которому в Европе мы даем неточное название парка.

В асиенде дель Торо был такой парк, над благоустройством которого трудились все поколения маркизов де Могюер. Этот парк, территория которого в Европе, где человеческое жилье сведено к позорно малым размерам, сошла бы за огромную, в Мексике считался небольшим. Он занимал всего двенадцать гектаров. Правда, сравнительно небольшой размер парка дель Торо искупался замечательной планировкой местности и обилием тенистых аллей, чем он и славился в Соноре.

В восемь часов вечера в асиенде пробили сигнал «гасить огни». Пеоны и пастухи кончили работать и разошлись по своим шалашам. Паредес отправился расставлять ночных дозорных на стенах замка. С тех пор как стали опасаться нападения индейцев, он это делал каждый вечер. Предосторожность не лишняя, особенно теперь, когда стояли безлунные ночи, излюбленные индейцами для набегов.

Удостоверившись, что часовые на своих постах, Паредес в сопровождении старших пастухов и пеонов обошел асиенду, проверяя, потушены ли все огни, и только тогда отправился вместе с тигреро в голубую гостиную, где уже собрались дон Фернандо, дон Руис и донья Марианна.

— Все в порядке, ми амо, — доложил управитель маркизу. — Все разошлись по своим шалашам, ворота заперты, часовые на своих постах.

— Вы проверили, Паредес, нет ли кого в корале или в парке? — спросил маркиз.

— Никого; я все решительно обошел и тщательно осмотрел.

— Отлично!.. Ну что ж, дочь моя, приказывай, мы готовы исполнять все твои распоряжения.

— Вы все приготовили, Паредес? — обратилась к управителю донья Марианна.

— А как же, нинья! Я припрятал у акаций, что у входа в большой цветник, шесть кирок, шесть лопат и шесть мотыг.

— Зачем так много? — невольно рассмеялась девушка.

— А на случай поломки. Если не будет запасных под рукой, работа задержится, а ведь срок для нее не так уж велик.

— И то верно... Сеньоры! Прошу следовать за мной.

— Зажечь фонари? — спросил дон Руис.

— Нет. Мы зажжем их, когда будем на месте. Ночь, правда, темная, но местность знакомая, мы и впотьмах прекрасно доберемся куда надо. Свет может быть замечен, и возникнут подозрения, которых нужно обязательно избежать.

— Правильно, — заметил маркиз.

И четверо мужчин отправились следом за доньей Марианной.

Они пошли внутренним ходом, чтобы миновать двор, где спало множество людей, и проникли в парк через большую двухстворчатую дверь, соединявшуюся с садом каменной лестницей.

По пути из голубой гостиной они, по приказу доньи Марианны, гасили все огни в комнатах; асиенда, погрузившаяся во мрак, казалась заснувшей. Стояла темная ночь; ни одной звездочки нигде; небо, словно свод гигантской усыпальницы, раскинулось над землей. Ветер глухо урчал меж деревьев; их колыхавшиеся ветви угрюмо шептались о чем-то друг с другом.

Было тихо. Лишь далекий вой волков в степи да раздававшиеся иногда зловещие крики совы смущали тишину, нависшую над землей.

Эта ночь как нельзя лучше подходила для таинственной экспедиции доньи Марианны.

После минутного раздумья девушка быстро и решительно спустилась по ступенькам лестницы и вошла в сад; мужчины следовали за ней, не в силах справиться с обуревающим их безотчетным волнением.

У акаций все остановились. Тигреро и Паредес захватили инструменты, а маркиз и дон Руис понесли фонари. Даже темень, сгустившаяся под сенью столетних деревьев, не заставила девушку замедлить свой шаг. Свободно, как днем, она шествовала среди многочисленных излучин аллей; песок едва поскрипывал под ее быстрыми маленькими ножками.

Любопытство маркиза и дон Руиса непрерывно возрастало. Радостное настроение и уверенность в себе доньи Марианны невольно возбуждали у них какие-то смутные надежды, заставлявшие усиленно биться их сердца.

Паредес и тигреро были также заинтересованы таинственностью этой экспедиции. Но их мысли были далеки

от настоящей ее цели. Они думали, что им предстоит какая-то секретная работа, и только. А донья Марианна все шагала. Иногда она останавливалась и, шепча что-то про себя, вспоминала указания, полученные в лагере. Уверенность ни на минуту не покидала ее; она не сбивалась с пути и, раз избрав определенное направление, не возвращалась уже назад.

Ночь, особенно темная ночь, накладывает на пейзаж какой-то причудливый отпечаток, изменяя внешние очертания даже самых знакомых предметов. Ночью стираются бесчисленные цветные оттенки, которыми природа так щедро наделила каждое свое создание; ничто не выделяется, все сливается в одну сплошную массу. Место, самое веселое при свете солнца, в темноте выглядит угрюмым и зловещим.

Тем не менее донья Марианна уверенно продвигалась вперед. Наконец она остановилась.

— Зажгите фонари, — сказала она.

Это были первые слова, произнесенные с тех пор, как они вышли из голубой гостины.

Приказ был исполнен мгновенно. Донья Марианна взяла один фонарь и, передав другой брату, сказала:

— Посвети мне.

Место, где они остановились, находилось в центре сада. Это было нечто вроде лужайки, поросшей редкой и чахлой травой. Посреди лужайки возвышался не то курган, не то надгробный мавзолей, сложенный из беспорядочно наваленных друг на друга огромных каменных глыб. Хозяева асиенды, тронутые первобытной суровостью этого памятника, сохранили его в неприкосновенности. Старинное предание гласило, что в этом месте был похоронен один из древних царей Сиболы. Поэтому это место и называли «Могила касика».

Первый маркиз де Могюер, человек благочестивый, как и все завоеватели Америки, как бы узаконил это предание, приказав своему священнику освятить этот курган. Он сделал это под тем весьма благовидным для той эпохи предлогом, что могила язычника служит приютом для демонов, а крещение изгоняет нечистую силу. Впрочем, место это не пользовалось дурной славой, но сюда редко кто заходил, потому что оно находилось довольно далеко от дома и потому что его окружал почти непроходимый кустарник; и наконец, потому, что эта

лужайка была открыта солнечным лучам. Мало кто в асиенде подозревал о существовании этого кургана; о нем знали лишь завсегдатаи асиенды, то есть члены семейства де Могюер и несколько самых старых слуг.

— А! Вот куда ты вела нас! — воскликнул маркиз. — На могилу касика!

— Да, отец, именно сюда.

— Я очень опасаюсь, дочка, что твое... не знаю, как это назвать... предвидение или предчувствие обмануло тебя.

— Но ты дал слово, отец, ни в чем не противоречить мне.

— Верно, поэтому я и умолкаю.

— Очень хорошо, отец; поверь, что твое примерное послушание будет хорошо вознаграждено.

Донья Марианна смолкла и приступила к изучению местности. Она внимательно вглядывалась в каждый камень, стараясь выяснить его положение по отношению к какой-то точке на горизонте.

— В каком направлении находятся заросли столетних алоэ? — спросила она наконец.

— Вот уж о чем я понятия не имею! — воскликнул дон Руис.

— Сейчас, с вашего разрешения, я отвечу вам, — отозвался Паредес.

Несколько секунд он внимательно осматривал местность, потом, повернувшись, сказал:

— Заросли алоэ Сиболы находятся как раз против меня.

— Вы в этом уверены, Паредес?

— Да, нинья, уверен.

Девушка стала рядом с управителем и, нагнувшись над камнями, принялась старательно рассматривать их. Вдруг она радостно вскрикнула и, выпрямившись во весь рост, едва сдерживая волнение, произнесла:

— Отец, тебе по праву принадлежит честь нанести первый удар.

— Ладно, дитя мое. Куда надо бить?

— Сюда, — ответила она, указав пальцем на пространство между двумя камнями.

Дон Фернандо вонзил туда кирку и, сильно налегая на нее, вырвал из лунки камень, который покатился на траву.

— Прекрасно! — сказала девушка. — Теперь предоставим работать молодым. Позже, если это понадобится, ты снова возьмешься за кирку, отец... Руис, Мариано, Паредес, очередь за вами! За работу, друзья! Расширяйте эту дыру, превратите ее в яму, куда мы могли бы спуститься.

Трое мужчин, воодушевленные этим призывом, дружно взялись за работу, и скоро земля вокруг них была завалена камнем и песком. Никто из мужчин не знал толком, ради чего, собственно, он трудится; тем не менее все они с неимоверным усердием вгрызались в землю. Грунт был мягкий, и камни, наброшенные внавалку, легко поддавались их усилиям. Работа кипела, яма расширялась и углублялась с минуты на минуту.

Время от времени землекопы останавливались, но после короткой передышки снова дружно брались за лопаты. Всем не терпелось узнать тайну гробницы.

Внезапно они остановились обескураженные: им открылся огромный обломок скалы площадью примерно в два квадратных метра. Хуже всего было то, что края ее нигде не выступали. А это заставляло предполагать, что размеры этой гранитной глыбы были еще больше, чем это казалось на первый взгляд.

— В чем дело, Руис? — встревожилась донья Марианна.

— Мы наткнулись на скалу; можно ломать сколько угодно мотыг — все равно не сдвинемся с места.

— Какая там еще скала! Не может этого быть! — воскликнула донья Марианна.

— Да, это скала, — сказал маркиз, нагнувшийся над ямой. — И было бы безумием пытаться разбить ее.

— А я говорю вам, что там не может быть никакой скалы!

— Взгляни сама, сестра.

Донья Марианна взяла в руки фонарь, заглянула вниз и, не ответив брату, обратилась к Паредесу и тигеро:

— Вам, верным слугам нашего семейства, я могу приказывать, не боясь, что вы будете спорить со мной. Прошу вас: удалите как можно скорее все камни вокруг этой так называемой скалы. Когда это будет сделано, я надеюсь убедить и маловеров.

Паредес и тигреро не заставили просить себя вторично. Дон Руис, уязвленный замечанием сестры, присоединился к ним.

Камни были удалены; оставалась одна только так называемая скала.

— Ну что? — спросила донья Марианна.

— Готово, — ответил дон Руис.

— Отец, — обратилась девушка к маркизу. — Ты нанес первый удар киркой, тебе надлежит участвовать и в последнем усилии. Помоги им сбросить вниз эту каменную глыбу.

Маркиз молча взял мотыгу и стал рядом с тремя землекопами. Все четверо запустили свои мотыги в рыхлую землю, примыкавшую к глыбе. Отделив камень от земли, они стали сообща потихоньку поднимать его, пока он, внезапно покачнувшись, не скатился на дно ямы. И тут их взорам открылось зияющее отверстие подземного туннеля.

Крик изумления невольно вырвался из всех уст при виде этого зрелища.

— Пожгите немного хвороста: надо очистить воздух, — распорядилась донья Марианна.

Мужчины повиновались с той лихорадочной поспешностью, которая овладевает даже самыми медлительными людьми в решающие мгновения жизни.

— Теперь следуй за мной, отец, — сказала девушка и, схватив фонарь, стала решительно спускаться вниз.

Маркиз последовал за ней, а за ним и все остальные.

Спустившись шагов на сто по штреку, они наткнулись на грубо сколоченный помост, на котором покоилось мертвое тело. Мертвец так хорошо сохранился, что походил больше на крепко уснувшего человека, чем на труп. Рядом с телом валялись кости рассыпавшегося скелета другого человека.

— Должно быть, тело касика, погребенного под мавзолеем, — сказал маркиз.

— Ошибаешься, отец, это тело одного рудокопа, а этот так называемый мавзолей — на самом деле золотоносный рудник. В течение веков он находился под охраной этого бесчувственного тела, а теперь открылся нам. Он возместит все твои потери, отец!.. Взгляни! — добавила она, высоко подняв свой фонарь.

Крик радостного изумления невольно вырвался из уст маркиза: всюду виднелись золотоносные жилы, выходящие прямо на поверхность.

Сомнений больше не было; у маркиза закружилась голова. Сильный в часы горя, он не выдержал радости и свалился без чувств на землю, которая принесла ему спасение.

Штурм Квитовака

Одновременно с вышеописанными происшествиями в асиенде дель Торо, крепость Квитовак стала ареной событий, несравненно более серьезных.

Едва расставшись с Киддом, сенатор после недолгих сборов отправился в Квитовак под охраной надежного конвоя.

Дон Руфино прибыл в город на другой день в восемь часов утра и тотчас же поспешил посетить коменданта дона Маркоса де Ниса. Капитан принял его более чем холодно. Принужденность капитана в беседе с ним не ускользнула, конечно, от зоркого ока сенатора, но ничуть не смутила его.

— Дорогой капитан, — начал дон Руфино после первых же слов приветствия, — на мою долю выпала великая честь быть представителем мексиканского правительства перед военными властями штата Соноры. Я вдвойне счастлив, и это по двум причинам.

Капитан молча поклонился.

— Во-первых, потому, — продолжал сенатор со своей неизменной улыбкой, — что мне представилась возможность познакомиться с таким замечательным кабальеро, как вы; во-вторых, потому, что, желая начать наше сотрудничество с приятного почина, я исходатайствовал для вас чин полковника, чин, который, кстати сказать, вы давно уже заслужили. На мою долю выпало также счастье вручить вам приказ президента о вашем производстве.

С этими словами сенатор извлек из своего портфеля большой казенный конверт и передал его дону Маркосу, машинально протянувшему за ним руку.

Сенатор правильно рассчитал действие этой ловко подготовленной проделки. Капитан, ошеломленный этой запоздалой оценкой его заслуг, не нашелся что ответить сенатору, мгновенно завоевавшему симпатию вновь произведенного полковника. Теперь дон Руфино был уверен, что, не случись каких-нибудь непредвиденных обстоятельств, ему нечего больше опасаться дона Маркоса, которого он так ловко обязал, не ударив для этого палец о палец.

Дело в том, что губернатор Ариспы уже несколько дней назад получил приказ президента о производстве капитана. Сенатор, случайно проведавший об этом, вызвался сам свезти приказ в Квитовак. Естественно, что губернатор, не видя никаких препятствий к тому, доверил это дело дону Руфино, который и воспользовался этим с присущей ему изобретательностью.

— Теперь, дорогой полковник, — заговорил сенатор, словно желая предотвратить возможные выражения благодарности со стороны де Ниса, — позвольте поговорить с вами о деле, касающемся лично меня.

— Сделайте одолжение, кабальеро, — ответил полковник. — Чем могу служить?

— О, одним только советом! — прервал его дон Руфино. — В двух словах дело заключается в следующем: как вам, может быть, известно, я очень дружен с одним вашим родственником — маркизом де Могюер. Я недалек даже от того, чтобы породниться с ним.

Дон Маркос ответил утвердительным кивком головы.

— Но, — продолжал сенатор, — и это, вероятно, вам также известно, дела маркиза сильно пошатнулись, вернее говоря, — это, конечно, между нами, — он почти разорен. Уже несколько раз на мою долю выпадало счастье приходить ему на помощь. Но вы понимаете, когда такое несчастье обрушивается на какое-нибудь семейство, самые благие намерения ни к чему положительному не приводят. В лучшем случае можно только немного отсрочить час катастрофы. Желая во что бы то ни стало спасти человека, с которым я надеюсь скоро быть связанным не только дружбой, но и узами самого близкого

родства, я скупил все его векселя. Другими словами, я стал его единственным кредитором, а если сказать еще проще, — маркиз никому ничего больше не должен. Я назначил здесь свидание с лицом, которому я поручил скупить все векселя маркиза, и жду его прибытия с часу на час.

— Он уже несколько дней как здесь, — ответил полковник.

— Неужели?! — притворно удивился сенатор. — Видимо, он оказался более расторопным, чем я предполагал. Тем лучше! Тысячу раз лучше! Теперь мне остается только просить вас об одной услуге.

— Услуге? — с инстинктивным недоверием произнес полковник.

— Да, — нимало не смущаясь, продолжал сенатор. — Я, право, даже не знаю, как изложить вам свою просьбу... Поймите, что, несмотря на самую тесную дружбу с человеком, как-то неловко прямо выпалить ему в глаза следующее: «Вы задолжали уйму денег, я выкупил ваши векселя. Вот они. Возьмите и сожгите их — вы никому ничего больше не должны!» Когда действуешь таким образом, то невольно выглядишь человеком, который сейчас же, вслед за этими словами, предъявит какие-то условия — короче говоря, предложит сделку. А мне, признаться, претит такое положение, и без помощи какого-нибудь общего друга я не найду выхода из этого тупика.

— Нет, — вскричал полковник, вне себя от восторга, — вы серьезно намерены поступить так?

— Ничего другого у меня и в мыслях не было, — скромно потупив взор, отвечал сенатор.

— Но это благородный и великодушный поступок!

— Да нет же! Напротив, все это вполне естественно. Дон Фернандо — мой друг, я собираюсь жениться на его дочери. Всякий на моем месте поступил бы так же.

— Ох, не говорите, никто не сделал бы этого! Увы! Человека с таким сердцем, как ваше, днем с огнем не сыщешь!

— Это плохо, это очень плохо... Я скорблю за человечество, — произнес дон Руфино, воздев руки кверху.

— О какой же услуге хотели вы просить меня, сенатор?

— Весьма несложной. Дело в том, что я собираюсь сегодня же вручить вам эти злосчастные векселя и просить вас лично передать их маркизу. Вам будет легче, чем мне, убедить его в чистоте моих намерений. А кроме того, прошу вас уверить его в том, что я и не помышляю кичиться этим поступком и не желаю, чтобы он как-нибудь повлиял на ответ маркиза насчет моего сватовства.

Огорошив так полковника своим благородством, сенатор поднялся и удалился. Он спешил в таверну, где остановился дон Порфиадо. Дон Руфино принял из рук альгвасила векселя и, щедро вознаградив его, расстался с ним только у самых ворот крепости.

К полковнику он возвращался не спеша, потирая руки и бормоча себе под нос: «Ну, теперь мы, кажется, можем не бояться ваших доносов, почтенный маэстро Кидд!.. Да, кстати, куда он запропастился? При следующей нашей встрече придется все же освободиться от него раз и навсегда».

Дон Руфино застал полковника де Ниса в окружении офицеров, которым дон Маркос объявлял о своем производстве. Комендант воспользовался возвращением сенатора, чтобы представить его своим подчиненным. Полковник прибавил при этом, что они обязаны повиноваться сенатору, который прислан сюда правительством для наблюдения за ходом военных операций.

Офицеры почтительно поклонились сенатору, откланялись и удалились.

Дон Руфино и дон Маркос снова остались наедине. На этот раз холодок между ними уступил место теплым дружеским отношениям.

— Ну как? — спросил полковник.

— Готово, — отвечал сенатор, показывая векселя.

— Карамба! Вы проворны в делах.

— А добрые дела всегда делаются быстро. Ну вот они, уберите от меня эту пачкотню и делайте с ней что хотите. Уф! Как я рад отделаться от них!

С этими словами сенатор, великолепно разыгрывая радостное облегчение, швырнул кучу векселей на стол.

— Однако позвольте, кабальеро! — рассмеялся полковник. — Я возьму, конечно, эту, как вы ее называете, пачкотню, но я выдам вам расписку в получении.

— О нет! — воскликнул сенатор. — Вы испортите все дело!

— Но как же?

— Ни слова больше! Я не желаю, чтобы дон Фернандо чувствовал себя моим должником.

Возможно, полковник и продолжал бы настаивать, если бы в передней не поднялся шум; вслед за тем в комнату влетел до смерти испуганный человек и не своим голосом завопил:

— Индейцы! Индейцы! Индейцы!

Этим человеком был Кидд. Его лицо и руки были в крови, разодранная одежда была покрыта густым слоем пыли; по всему было видно, что он едва ушел от своих преследователей.

Все возрастающий гул голосов, доносившихся с улицы, подтверждал слова Кидда.

Полковник и сенатор вскочили со своих мест.

— Кидд?! — воскликнул полковник.

— Да, я... Но не теряйте времени, капитан, язычники следуют за мной по пятам! Я опередил их на какие-нибудь полчаса.

Ничего далее не слушая, дон Маркос поспешно вышел.

— Откуда ты? — обратился дон Руфино к бандиту, как только они остались наедине.

От взора дона Руфино не ускользнул жест досады, невольно вырвавшийся у Кидда при виде сенатора, присутствие которого он сразу не заметил.

— А вам что до того? — сердито ответил Кидд.

— Мне надо знать.

— У каждого свои дела! — насмешливо произнес бандит.

— Опять задумал какое-нибудь предательство?

— Возможно! — с сардоническим смехом произнес бродяга.

— Может быть, против меня?

— Как знать!

— Ты будешь говорить?!

— Зачем говорить, раз вы сами догадались?

— Итак, ты затеваешь новую интригу против меня?

— Я принимаю меры предосторожности, только и всего.

— Негодай! — крикнул сенатор.

— Не кричите, — презрительно пожал плечами Кидд. — Я не боюсь вас. Все равно вы не посмеете убить меня.

— А почему бы и нет?

— Хотя бы потому, что капитан не так уж расположен к вам, чтобы простить, если вы сделаете подобную штучку в его доме.

— В этом ты глубоко заблуждаешься, злодей. Сейчас я докажу тебе!

— Что вы сказали?! — произнес бродяга, тревожно озираясь и пятась к выходу.

Но дон Руфино молниеносным движением уже схватил со стола один из пистолетов дона Маркоса, и, прежде чем Кидд успел выбежать из комнаты, раздался выстрел, и бандит упал на пол с простреленной грудью.

— Умри, разбойник! — крикнул сенатор, отшвырнув в сторону пистолет.

— Да, я умру, но буду отомщен, — прошептал бандит. — Хорошо сыграно, маэстро, но скоро наступит и ваш черед.

Скорчившись в предсмертной судороге, бродяга испустил последний вздох. Но и мертвое, искаженное агонией лицо Кидда сохранило выражение дерзкого вызова, от которого невольно содрогнулся сенатор.

— Что случилось? — воскликнул полковник, поспешно входя в комнату.

— Ничего страшного, — равнодушно ответил дон Руфино. — В порыве гнева я прикончил этого негодяя.

— *Vivo dios!* Вы прекрасно сделали; жаль только, что вы опередили меня: дело в том, что я получил сейчас доказательства его измены... Эй, кто там! Убрать отсюда эту падаль и выбросить ее на улицу! — крикнул полковник.

Вбежавшие солдаты исполнили в точности это приказание.

— А что, индейцы, действительно, подходят? — поинтересовался сенатор.

— Видна уже пыль, поднятая их конницей. Нельзя терять ни минуты. Я могу рассчитывать на вас, сенатор?

— Вполне!

— В таком случае, идемте.

Они вышли.

Кидд, действительно, со свойственным ему макиавеллизмом*, подготовил новое предательство, первой жертвой которого стал он сам.

В городе царило смятение. Улицы были запружены спешившими на свои посты солдатами, бегущими куда-то в панике стариками и женщинами с детьми, пеонами, примчавшимися в крепость с искаженными от страха лицами; повсюду носился ошалелый скот, брошенный на произвол судьбы погонщиками, которые были призваны занять свои посты на укреплениях. А вдали в облаках пыли показалась уже лавина индейской конницы, катившейся к стенам крепости со скоростью вихря.

— Их много! — шепнул сенатор на ухо полковнику.

— Их слишком много, — ответил полковник. — Но тише! Не подавайте вида!

Прошло двадцать минут; двадцать минут невыразимо тревожной тишины, в продолжение которой защитники Квитовака могли наблюдать за противником и представить себе грозную опасность, надвигавшуюся на них. Да, это не был один из обычных партизанских индейских набегов на границу; на этот раз, говоря словами одного очевидца, «казалось, что индейское море вышло из своих берегов».

Индейцы мчались во весь опор. Большинство их были вооружены огнестрельным оружием. Они неслись с диким воинственным гиканьем, припав к лукам своих седел и вызываясь потрясая в воздухе копьями, луками и ружьями.

Подскакав к стенам укреплений, всадники взвихрились, потом, внезапно приподнявшись на стременах, осыпали мексиканцев градом пуль и стрел. Солдаты, не дрогнув, послали ответный залп; десятки заматававшихся по степи коней без седоков наглядно свидетельствовали о меткости их огня.

* Макиавеллизм — хитрая и умная политика, не стесняющаяся в средствах для достижения своей цели. Названа так по имени Макиавелли, итальянского государственного деятеля эпохи Возрождения.

К несчастью для мексиканцев, солнце уже садилось. Очевидно, индейцы, любители ночных атак, заранее приурочили свое появление к этому времени.

Полковник, предвидя, что ему придется, быть может, спастись бегством, поставил в резерв отряд из полусотни самых смелых кавалеристов, приказав им ожидать его дальнейших распоряжений.

Между тем после первой отбитой атаки индейцы отступили за пределы ружейного выстрела и не возобновляли нападения. Только немногие из всадников, на самых горячих скакунах, носились врассыпную под стенами крепости, подбирая раненых и заарканивая коней. Полковник запретил стрелять по ним — не из чувства человеколюбия, конечно, а ради экономии боевых припасов, которыми гарнизон располагал в весьма ограниченном количестве.

Тем временем на землю спустилась темная, непроглядная ночь.

Индейцы не разжигали огней. Это обстоятельство крайне тревожило полковника. Прошло несколько часов, а индейцы все еще не начинали штурма.

Над городом и его окрестностями нависла гнетущая тишина. Казалось, что индейцы сгинули по мановению руки. Тщетно пытались мексиканцы разглядеть в потемках какие-нибудь движущиеся или ползущие тени: никого не было видно, ничего не было слышно.

Нет ничего мучительнее такого ожидания нависшей и близкой опасности.

Вдруг громадное зарево осветило окрестные поля; в причудливых отблесках пламени отовсюду повыскакивали черные силуэты, и могучий, дикий и нестройный боевой клич оглушил мексиканцев. В то же мгновение тучи зажженных стрел градом посыпались на осажденных, а на самом гребне крепостного вала появились головы индейцев.

И вот при фантастическом свете подожженного индейцами леса, который, как гигантский факел, освещал им путь, завязался рукопашный бой — ожесточенная и беспримерная схватка между мексиканцами и индейцами.

Место каждого поверженного индейца мгновенно занимал другой; несмотря на отчаянное мужество мексиканцев, невзирая на их решимость стоять насмерть,

наступил час, когда мощная, все возрастающая волна индейцев, нахлынув со всех сторон на укрепления, затопила и поглотила защитников крепости своей численной громадой.

Квитовак был взят; дальнейшее сопротивление стало невозможно. Уже горело немало домов; еще несколько минут — и весь город превратится в пылающее горнило.

Полковник и сенатор храбро дрались, пока оставался хоть луч надежды отстоять город. Когда же и эта надежда погасла, они направили все свои усилия на спасение тех, кто каким-то чудом выскочил живым из этого страшного побоища. Собирая попутно вокруг себя всех уцелевших защитников, они кинулись на главную площадь, где все еще стоял в резерве кавалерийский эскадрон полковника де Ниса. Все вскочили в седла, и полковник отдал приказ к отступлению.

Маленький отряд понесся как ураган, опрокидывая и сметая все на своем пути. Потеряв треть своего состава, отряд прорвался сквозь линии индейцев и, оторвавшись от неприятеля, направился к асиенде дель Торо.

Убийца изобличен

Обморок маркиза продолжался недолго; стараниями сына и дочери он скоро пришел в себя. Первые слова его были обращены к донье Марианне.

— Дорогая! — прошептал он, прижимая к своей груди дочь. — Спасительница наша!

Смущенная и счастливая девушка выскользнула из объятий отца.

— Значит, ты все-таки признаешь, отец, что я сдержала свое слово?

— Еще бы! Да тут в двадцать раз больше того, что я потерял, — сказал маркиз, обводя взглядом золотоносную жилу.

Девушка от радости захлопала в ладоши:

— Как я рада! Как я рада! Я знала, что она не обманет меня.

Эти слова, сорвавшиеся на радостях с языка дочери, поразили дону Фернандо:

— О ком, собственно, ты говоришь, дитя мое?

— О той, которая открыла мне тайну этих сокровищ.

Маркиз не стал более настаивать.

— Мариано, — обратился он к тигреро, — вы останетесь здесь на ночь сторожить. Не подпускайте никого близко к руднику.

— Будьте покойны, ми амо, — отвечал храбрый юнqша. — Пока я жив, ни одна душа не приблизится к нему.

— Прощайте! На заре вас сменят, — сказал маркиз.

— А хотя бы и позже, ми амо! — ответил тигреро и, подобрав все орудия и фонари, устроился в яме, в нескольких шагах от мертвого тела.

А четверо остальных не спеша вернулись в замок, беседуя о чудесном открытии, которое спасло от нищеты фамилию маркизов де Могюер.

Все вошли в голубую гостиную. Несмотря на поздний час, никому не хотелось спать, все испытывали потребность поделиться своими впечатлениями о находке.

— Так, значит, ты не сама догадалась о существовании этого золотиносного рудника? — обратился маркиз к дочери. — Ты только что призналась в этом.

— Конечно! Одна особа дала мне подробные указания, как обнаружить эти сокровища.

— Но что это за особа и как может она лучше меня знать это поместье? Наше семейство владеет этим имением вот уже триста лет, и никто из его членов никогда и не подозревал о существовании этого рудника.

— Вероятно, потому, что тайна его бережно хранилась.

— Само собой разумеется. Но кем?

— Кем же, как не теми, кто до нас еще владел этими землями!

— Полно шутить, дитя мое! Те злополучные индейцы давно уже исчезли с лица земли.

— Мне кажется, ты ошибаешься, отец, — вмешался в разговор дон Руис.

— И мне достоверно известно, — поддержал дон Руис Паредес, — что племя, на которое вы намекнули, сеньор, еще существует; более того, это самый могущественный народ в союзе папагосов.

— А тебе известно, конечно, отец, — добавила донья Марианна, — как свято хранят индейцы доверенные им тайны.

— Это верно; но ведь один из них все же проговорился тебе!

— Одна! — поправила Марианна.

— Ладно, пусть будет одна. Вот мы кое-что и узнали: тайну этого рудника сообщила тебе женщина. Продолжай, дочь моя.

— К сожалению, отец, мне запрещено говорить об этом.

— Гм! Запрещено...

— Да, отец, запрещено. Впрочем, успокойся: этот рудник полностью принадлежит тебе. Это твоя законная собственность. Его владелец, точнее — владелица, отказался от него в твою пользу.

— Милостыня? — пробормотал маркиз.

— Нет, подарок. И, клянусь, ты можешь принять его, отец! Впрочем, особа эта обещала мне в самом близком будущем открыться тебе...

На другой день поутру начались работы. Управитель по приказу маркиза отобрал для этих работ десять человек, пользовавшихся его доверием. Это были пеоны, переселившиеся в асиенду из страха перед индейцами.

Рудник был замурован некогда индейцами в том самом состоянии, в котором находились его разработки, когда было обнаружено тело рудокопа. Одна лишь вынутая уже, но оставленная в руднике порода составляла значительную массу золота. Через несколько дней работы было собрано столько драгоценного металла, что маркиз мог не только расплатиться со всеми долгами, но и отложить достаточно золота для успешного ведения своего хозяйства.

— Дочь моя, — обратился однажды вечером маркиз к донье Марианне, когда та собиралась уйти на покой в свою спальню, — ты не дала еще ответа на предложение дона Руфино Контрераса, а между тем твои восемь дней давно уже истекли. Завтра Паредес поедет по моим делам в город. Я хотел бы воспользоваться этой оказией, чтобы написать ответ дону Руфино.

Молодая девушка вздрогнула, но, овладев собой, ответила:

— Я, конечно, польщена предложением кабальеро, но не находишь ли ты, отец, несколько несвоевременным это сватовство, особенно в дни, когда над нами нависла грозная опасность войны?

— Как знаешь, дитя мое. Я не собираюсь торопить тебя. Я так и отвечу пока сенатору. Да, но как быть, если он сам явится за ответом?

— Тогда и подумаем, что ему ответить, — улыбаясь, сказала донья Марианна.

— И это правда! Напрасно я так настаиваю. Спокойной ночи, дочка! А мы тут с твоим братом, возможно, всю ночь будем корпеть над письменным столом за делами.

Донья Марианна едва успела удалиться, как в комнату ворвался Паредес.

— Простите, что беспокою вас так поздно, сеньор маркиз, — сказал он, — но в асиенду прибыл тигреро Мариано со своей семьей! Он привез невероятные и ужасные вести. Хорошо бы вам самому расспросить его...

— Что же он рассказывает? — тревожно спросил вошедший в комнату дон Руис.

— Что индейцы восстали, захватили и сожгли Квитовак, перебив всех его жителей.

— Какой ужас! — воскликнул маркиз.

— Бедный дон Маркос! — вырвалось у дона Руиса.

— Да-да, ведь он комендант Квитовака! Какое несчастье! — вздохнул маркиз.

Вошел Мариано. Он рассказал подробности штурма Квитовака, не преминув, правда, несколько приукрасить события, о которых мы рассказали в предыдущей главе.

Каждодневная жизнь изобилует непонятными явлениями. Но самое необъяснимое из них — это та быстрота, с которой распространяются плохие вести. Как могло, например, в какие-нибудь три часа дойти до тигреро известие о взятии Квитовака, да еще в более или менее точных подробностях, тогда как тигреро находился на расстоянии десяти лье от места происшествия? Сам Мариано не мог ответить на этот вопрос. Кто-то ему сказал, но кто? Он сам этого не помнил.

Эти неутешительные вести заставили призадуматься маркиза. Теперь, когда дороги были наводнены мародерами и перехвачены индейцами, нечего было и думать о поездке Паредеса в Ариспу. Надо было прежде всего привести в боевую готовность замок, нападения на который можно было ожидать с часу на час.

Несмотря на позднее время, все мгновенно пришло в движение в асиенде дель Торо. Сторожевые посты были усилены, в разных местах асиенды были сосредоточены резервы.

В этих хлопотах прошла вся ночь.

Часа два спустя после восхода солнца, когда маркиз, утомленный бессонной ночью, собирался пойти немного отдохнуть, часовые заметили многочисленный отряд конницы, карьером мчавшийся к асиенде.

Маркиз, вооруженный подзорной трубой, взобрался на башню и убедился, что это мексиканцы; однако за дальностью расстояния трудно было распознать, солдаты это или земледельцы. На всякий случай он приказал приготовиться к приему этих людей, явно спешивших укрыться от врагов в асиенде.

Прошло немало времени, прежде чем всадники достигли ворот асиенды. Теперь уже не оставалось сомнения: это были солдаты во главе с полковником де Ниса и доном Руфино. И кони, и люди едва держались на ногах; лица и разодранные мундиры всадников были черны от пыли и вымазаны в крови; по всему было видно, что эти изнуренные люди, вырвавшись из горячего боя, искали спасения в стремительном бегстве.

Маркиз, ни о чем пока не расспрашивая новоприбывших, распорядился, чтобы им была оказана помощь и отведены помещения для отдыха.

Дон Маркос и дон Руфино едва сумели выговорить несколько слов в объяснение своего внезапного вторжения и, мертвые от усталости, свалились в бесчувственном состоянии, из которого их даже и не пытались вывести. Их так и снесли в отведенные комнаты.

Исполнив таким образом свой долг гостеприимства, маркиз удалился в свои апартаменты, поручив сыну наблюдать за охраной асиенды.

В три часа пополудни в поле был замечен новый довольно многочисленный конный отряд. Дон Руис, видя, что он состоит исключительно из белых охотников и трапперов, принял его за своих и приказал не открывать огня. Он решил, что этот отряд из сотни кавалеристов будет весьма желанным подкреплением для защитников асиенды.

Однако, когда дон Руис увидел, в каком стройном порядке и с какой уверенностью в себе поднимаются эти всадники по тропинке к асиенде, у него зародилось сомнение, и мысль об измене, словно молния, мелькнула в его голове.

Он бросился к Паредесу с приказанием не отворять ворот.

Но Паредес прервал его с первых же слов:

— Вы, вероятно, не разглядели их, ниньо.

— Напротив, я потому и приказываю, что слишком хорошо разглядел.

— Значит, плохо смотрели. Разве вы не узнали в человеке, который ведет этих людей, преданного нам друга?

— О ком вы говорите, не понимаю.

— Ну конечно, о Твердой Руке!

— Твердая Рука с ними?

— Точнее, он во главе колонны, ниньо.

— Ну, тогда отворяйте.

И охотникам даже не понадобилось вступать в переговоры: без единого выстрела они проникли в асиенду через открытые ворота. Дон Руис тотчас же узнал Твердую Руку в человеке, который, приблизившись, протянул ему руку.

— Прошу оказать мне услугу, дон Руис, — обратился к нему охотник.

— Я слушаю вас, — отозвался дон Руис.

— Мне надобно сказать вам два слова, но в присутствии вашей сестры... Да, вот еще что: меня будет сопровождать одна особа. Кроме того, по причинам, основательность которых вы сами вскоре признаете, эта особа желает сохранить до поры до времени полное инкогнито*. Вы согласны?

Дон Руис колебался.

— Чего вы опасаетесь? — продолжал охотник. — Неужели не верите мне? Или вы принимаете меня за человека, способного злоупотребить вашим доверием?

— О нет! Даже и в мыслях этого не имею, даю вам слово.

— А я вам свое, дон Руис.

— Хорошо. Поступайте как хотите.

По знаку охотника один из всадников сошел с коня. Широкие поля его шляпы были низко опущены на глаза, а длинный плащ совершенно скрывал его фигуру. Подойдя поближе, человек этот молча поклонился дону Руису. Появление таинственного незнакомца разожгло любопытство дона Руиса, но он ни словом не выдал себя. Поручив прибывших заботам управителя, он повел охотника и «инкогнито» в голубую гостиную, где донья Марианна вышивала на пальцах. На скрип двери она машинально повернула голову.

* Инкогнито — появляться скрытно, не называя своего настоящего имени, часто под вымышленным именем.

— А!.. — радостно воскликнула она. — Твердая Рука!

— Как видите, сеньорита, — произнес охотник, низко кланяясь. — Я пришел за обещанным.

— И вы его получите.

— Благодарю вас.

— Руис, — обратилась тогда донья Марианна к брату, — впредь до нового распоряжения отец ничего не должен знать о приезде этих сеньоров.

— Ты задаешь мне трудную задачу, сестра! Подумай, какую огромную ответственность принимаю я на себя, поступая таким образом.

— Я понимаю, брат, но дело идет о моем счастье. Чего ты боишься? Разве ты не знаешь этого охотника?

— Его-то я знаю, но его спутник... Кто он?

— Я отвечаю за него, Руис.

— Ты его знаешь?

— Не спрашивай меня ни о чем, Руис, и делай так, как я прошу тебя.

— Хорошо, я буду молчать ради тебя, сестра.

— Благодарю тебя, брат, благодарю!

В эту минуту из смежной комнаты донеслись шаги.

— Что теперь делать?! — прошептала девушка.

Твердая Рука, дав ей знак молчать, увлек за портьеру своего спутника, закутанного в плотный плащ и походившего скорее на призрак, чем на человека. В то же мгновение на пороге другой двери появились полковник Маркос де Ниса и дон Руфино Контрерас. Они едва успели поздороваться с доном Руисом и с доньей Марианной, как в комнату вошел маркиз.

— Наконец-то вы на ногах! — весело произнес маркиз. — *Vivo dios!* Когда я вспоминаю, в каком жалком состоянии вы прибыли... Но все хорошо, что хорошо кончается!

— Мы весьма благодарны, кузен, за ваше гостеприимство — ведь мы так нуждались в нем!

— Полноте!.. А я как раз собирался писать вам, дон Руфино.

— Но, дорогой мой сеньор... — начал было, поклонившись, сенатор.

— Разве вы не ждали моего ответа?

— Да, но я не смел надеяться...

Маркиз не дал ему договорить:

— Начнем с самого спешного дела. Случилось такое чудо, — ибо ничему другому я не могу приписать счастливую перемену в моих делах, — которое дает мне возможность рассчитаться с вами. Но будьте уверены, что это обстоятельство не заставит меня позабыть о том, что вы вели себя как настоящий друг. Я никогда не забуду, как много сделали вы для меня!

Сенатор, застигнутый врасплох, заметно побледнел. Словно моля о помощи, он искоса взглянул на полковника.

— Он сделал для вас гораздо больше, чем вы думаете, кузен! — с жаром воскликнул полковник.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился маркиз.

— А вот что! Дон Руфино, не будучи осведомлен о счастливой перемене в ваших делах и желая вывести вас из тупика, в котором вы очутились, скупил все ваши векселя и вручил их мне, умоляя при этом уничтожить их. Вот смотрите! — добавил полковник, вытащив из кармана связку бумаг. — Тут они все.

Слова эти были по-разному восприняты присутствующими. Брат и сестра обменялись взглядами, полными отчаяния, ибо им стало ясно, что маркиз не сможет теперь отказать сенатору в руке своей дочери.

— О, — вскричал маркиз, — я не могу принять такого великодушного дара!

— От постороннего, конечно, маркиз, но я питал надежды, что я не совсем чужой для вас человек, — сказал сенатор.

Наступило молчание.

— Все это так странно и так неожиданно, — заговорил наконец маркиз, — что никак не может уложиться в моей голове. И я прошу вас, дон Руфино, отложить этот разговор до завтра. За это время я успею прийти в себя и сумею ответить вам согласно велению моего долга.

— Я вполне понимаю, дорогой сеньор, благородство ваших побуждений. Конечно, я буду ждать, сколько вам будет угодно, — отвечал дон Руфино, окинув при этом сладострастным взглядом бледную и трепещущую донью Марианну.

— Разумеется, серьезные дела надо отложить до завтра; мы испытали чересчур крепкую встряску, чтобы

быть в состоянии обсуждать их сегодня, — вмешался полковник де Ниса.

— Да, что с вами случилось? Так это правда, что индейцы овладели Квитоваком?

— Увы, истинная правда. Индейцы взяли его штурмом, город сгорел и больше не существует. Нам удалось ценой большой крови пробиться сквозь ряды врагов. Да, немало трудов и невероятных страданий пришлось перенести нам, прежде чем мы добрались до асиенды!

— Благодарение Богу, что вы все же вырвались из их рук. Особенно радует меня ваше спасение, дон Руфино; вы ведь не солдат.

— Нет, он убийца, — раздался вдруг гневный возглас, и чья-то рука тяжело опустилась на плечо сенатора.

Присутствующие обернулись.

Спутник Твердой Руки сбросил с себя плащ и шляпу и стоял теперь мрачный и грозный перед сенатором.

— О Боже! — с невыразимым ужасом воскликнул сенатор. — Родольфо! Дон Родольфо!

— Неужели это ты, брат мой! После стольких лет! — радостно воскликнул маркиз.

— Огненный Глаз! — невольно вырвалось у доньи Марианны.

Сашем с неподражаемым презрением оттолкнул сенатора, а сам вошел в круг своих родственников.

— Да, брат, это я. Я вышел из этого дома изгнанныком, а возвращаюсь его спасителем.

— Ах, брат мой, брат мой! — горестно воскликнул маркиз.

— Успокойся, Фернандо. Я не питаю к тебе никакой злобы и далек от мысли о возмездии. Напротив, я не переставал чувствовать к тебе братскую привязанность и, живя вдали, никогда не терял тебя из виду. Приди в мои объятия, брат, забудем прошлое и будем наслаждаться радостью встречи!

Маркиз со слезами бросился в объятия брата; дон Руис и донья Марианна последовали его примеру. Несколько минут продолжался обмен приветствиями и поцелуями между вновь воссоединенными родственниками.

— Я не переставал расстраивать козни одного злодея, — продолжал дон Родольфо. — Это благодаря моим стараниям Паредес благополучно вернулся с деньгами,

которые ты должен был получить в Эрмосильо. Я же навел твою дочь на этот спасительный для тебя рудник. Но я прибыл сюда не только для того, чтобы обнять тебя и твоих близких, брат мой. Я пришел сюда, чтобы свершить правосудие над одним преступником. Этот человек... — продолжал дон Родольфо, указывая пальцем на сенатора, которого от бешенства и страха бросало в жар и в холод, — этот человек был моим слугой; он пытался подло убить меня, предательски выстрелив мне в спину. И такому человеку, успевшему опутать тебя своими темными плутнями, ты собирався отдать свою дочь!..

— О! — застонал от бешенства сенатор.

— Негодяй! — воскликнул маркиз. — Люди! Сюда скорей! Схватите этого злодея!

Несколько слуг стремительно вбежали в гостиную.

Но прежде чем они успели схватить сенатора, он с ловкостью тигра одним прыжком подскочил к дону Родольфо и вонзил кинжал ему в грудь.

Сашем с глухим стоном повалился на руки брата и сына. А убийца, свершив свое страшное дело, отшвырнул от себя кинжал и, обведя сраженных горем присутствующих исполненным ненависти и торжества взглядом, произнес:

— Я отомщен! Делайте теперь со мной что хотите!

Похороны сашема

Прошло два дня с тех пор, как сенатор нанес свой предательский удар дону Родольфо.

Воспользовавшись смятением, охватившим всех мексиканцев после покушения на жизнь старшего отпрыска семейства де Могюер, папагосы без единого выстрела захватили асиенду дель Торо. Справедливость требует, однако, отметить, что индейцы — то ли потому, что получили заранее соответствующие инструкции, то ли потому, что были слишком ошеломлены и удручены тяжелым ранением великого сашема, — не чинили в асиенде суда и расправы.

Донья Марианна и донья Эсперанса, прибывшая в асиенду вместе с индейским войском, не отходили от изголовья больного.

Дон Фернандо не находил места от горя, а полковник не мог себе простить, что даже на один миг принял сенатора за порядочного человека. Вся асиенда была охвачена глубокой скорбью. Один только дон Родольфо спокойно ждал приближения смертного часа.

Фрай Серапио, прибывший вместе с индейцами, наложил первую повязку на рану. Раненый провел довольно спокойную ночь. Когда поутру монах снова вошел в комнату больного, дон Родольфо знаком попросил удалиться жену и племянницу.

— Ну, теперь, падре, говорите правду! — сказал он, помогая монаху снять повязку.

Лицо монаха невольно помрачнело, когда он взглянул на рану.

— Я обречен? Правда? — произнес дон Родольфо, внимательно следивший за выражением лица монаха.

— Все во власти Божьей, — нетвердым голосом произнес отец Серапио.

— Понимаю, — кротко улыбаясь, отозвался сашем. — Так сколько же еще часов осталось мне жить? Только прошу вас, падре, говорите правду и без утайки.

— К чему это, мой добрый сеньор... — начал было монах, но сашем не дал ему договорить.

— Послушайте, падре, я должен это знать. Мне надо успеть закончить свои земные дела, прежде чем начнутся небесные.

— Если не произойдет какого-нибудь чуда, — задыхаясь от волнения, отвечал монах, — с закатом солнца вы отдадите свою душу нашему создателю.

— Благодарю вас, друг мой, — сказал сашем, на суровом лице которого не дрогнул ни один мускул. — Попросите сюда моего брата, мне надо поговорить с ним. А жену и племянницу постарайтесь задержать там до тех пор, пока я не позову их сам. Ступайте же, друг мой, мы еще увидимся до моей кончины.

Монах удалился, едва сдерживая рыдания.

Беседа братьев тянулась долго. Дон Фернандо каялся во всех своих интригах против брата, место которого он занял в семействе де Могюер. Но дон Родольфо, далекий от мысли упрекнуть в чем-нибудь брата, напротив, горячо благодарил дону Фернандо за то, что тот взвалил на свои плечи тяжелую ношу главы знатного рода, предоставив ему полную свободу жить согласно своим вкусам и взглядам. Умиравший старался утешить брата, вспоминая разные эпизоды их счастливого детства. Еще многое другое было сказано в этой беседе, после которой маркиз вышел из комнаты, побледнев от горя и обливаясь слезами. Только теперь открылась ему во всем своем величии душа не понятого им дона Родольфо.

На смену маркизу в комнату вошли донья Эсперанса с доньей Марианной и фрай Серапио. А через несколько минут снова появился маркиз, на этот раз в сопровождении Твердой Руки.

Охотник, воспитанный в духе индейского мужества и стойкости, не в силах был сдержать свое горе и зарыдал, опустившись на колени у изголовья умирающего отца.

Несколько минут отец и сын шепотом разговаривали друг с другом. О чем беседовали эти две сильные натуры? Неизвестно; это так и осталось тайной для всех.

— Подойди ко мне, племянница, — обратился наконец дон Родольфо к донье Марианне.

Девушка опустилась на колени рядом с Твердой Рукой; в глазах ее стояли слезы.

Несколько мгновений старик с умилением смотрел на побледневшие лица молодых людей, почтительно склонившихся перед ним. Затем, приподнявшись с помощью брата и доньи Эсперансы на постели, он произнес голосом, дрожащим от волнения:

— Дитя мое, отвечай мне по совести, как перед Богом: любишь ли ты моего сына?

— Да, дядя, — отвечала сквозь слезы девушка. — Да, я люблю его.

— А ты, сын мой, Диего, любишь ли ты Марианну?

— Да, отец, я люблю ее.

Дон Родольфо взглянул на брата; а тот, поняв его без слов, сказал:

— Благослови, брат, наших детей! Отец Серапио, согласно твоему желанию, тут же повенчает их.

Раненый простер над головами молодых людей свои дрожащие руки и произнес твердым голосом, исполненным невыразимой нежности:

— Благословляю вас, дети, будьте счастливы!

И в изнеможении упал на подушку, лишившись чувств.

Когда стараниями обеих женщин дон Родольфо пришел в себя, он увидел алтарь, водруженный против его кровати. Отец Серапио, которому помогал служить Паредес, совершил обряд венчания.

— Теперь, друзья мои, — сказал дон Родольфо, — когда я исполнил свой долг мексиканца, мне остается только исполнить свой долг индейского вождя. Пусть войдут сюда воины-папагосы.

И через раскрывшиеся двери в комнату хлынула толпа воинов, печальных, угрюмых и сосредоточенных

Сашем, поддерживаемый своим сыном, снова приподнялся, чтобы достойно встретить их. Воины, среди кото-

рых находились Ястреб и Пекари, молча обступили ложе своего умирающего высокочтимого вождя.

Огненный Глаз обвел всех своим спокойным взглядом.

— Владыка жизни, — начал он недрогнувшим голосом, — неожиданно призывает меня к себе. Увы! Не на поле битвы, не славной смертью бойца умирает ваш сашем — он пал от руки подлого убийцы. Мне жаль покидать свой народ, не завершив дела, которое я начертал себе для его блага. Но найдется, конечно, среди вас другой человек, который довершит то, что не успел сделать я. Пусть братья мои продолжают войну, так счастливо и так славно начатую ими. Я уйду, но мысль моя живет с моими воинами. Да не забудут они никогда, что владыка жизни создал их свободными людьми, и свободными должны они жить и умереть! Папагосы — храбрые люди и непобедимые воины; рабство — не их удел. Покидая эту землю, я прошу вождей помнить, что окружающие меня бледнолицы — члены моей семьи. Если братья мои сохранят после моей смерти добрую память обо мне, они не причинят зла этим бледнолицым, которые мне очень дороги. Мне остается сказать всего несколько слов: я желаю умереть не здесь, а среди своего народа, под сенью шатра из бизоньих шкур, как подобает воину. Я желаю, кроме того, быть похороненным согласно обычному церемониалу, принятому для погребения вождей.

При этих словах индейские воины невольно вздрогнули от радости; до этого момента они втайне опасались, как бы их сашем не завещал похоронить себя по обычаю бледнолицых.

От имени всех воинов ответил Пекари:

— Желание отца нашего, Огненного Глаза, для нас закон; пока существует могущественный союз папагосов, никогда не будет причинено никакого зла бледнолицым, которые дороги ему. Отец наш может умереть спокойно: все его желания будут исполнены его детьми — папагосами.

В глазах сашема сверкнула радость: он знал, как свято соблюдают индейцы свое слово.

Но вот снова заговорил Пекари:

— Вожди папагосов скорбят, сердца их обливаются слезами при мысли о потере их отца. Они опасаются,

как бы его смерть, наступившая в час, когда военные действия едва только начались, не внесла смятения и распри в наш союз.

— Моя жизнь до самого последнего вздоха принадлежит моим сыновьям. Чем могу я помочь им?

— О, наш отец еще многое может! — ответил вождь.

— Мои уши слушают, пусть сын мой скажет свое слово.

— Вожди и храбрейшие наши воины, — продолжал Пекари, — собрались на рассвете вокруг костра совета. Они желают, чтобы отец наш, Огненный Глаз, во избежание всяких раздоров между ними, сам назначил себе преемника. Вожди убеждены, что выбор отца нашего падет на храброго и мудрого воина, достойного повелевать народом папагосов.

Сашем с минуту собирался с мыслями.

— Да будет так. Совет принял мудрое решение, я одобряю его. Ястреб займет мое место, когда меня призовет к себе владыка жизни. Не вижу никого более достойного стать великим сашемом.

Ястреб вышел вперед и, склонившись перед умирающим, произнес:

— Благодарю отца моего за великую честь, которою он удостоил меня! Но я еще слишком молод, чтобы командовать вождями и прославленными воинами. Я боюсь, что ноша, назначенная мне моим отцом, будет мне не по силам. Наш отец оставляет после себя своего сына. Твердая Рука — храбрейший воин нашего народа, он славится своей мудростью.

— Мой сын — бледнолицый; ему не так известны, как Ястребу, нужды папагосов. Повелевать будет Ястреб.

— Повинуюсь ясно выраженной воле моего отца, но Твердая Рука навсегда останется одним из великих вождей моего народа.

Шепот одобрения пронесся по рядам индейцев.

— Я благодарю моего сына Ястреба от имени Твердой Руки. Скромность украшает такого великого вождя, как мой сын Ястреб. Великий дух вдохновит его на большие дела. Я сказал. Согласны ли со мной вожди?

— Мы не сделали бы лучшего выбора, — ответил Пекари. — Вожди благодарят нашего отца, постигшего самые сокровенные наши желания.

Эта величественная в своей простоте сцена до слез растрогала всех присутствующих.

Но вот снова заговорил Огненный Глаз:

— Мои силы быстро тают, жизнь покидает меня. Пусть же дети мои перенесут меня в один из шатров моего народа: я хочу, чтобы последний мой вздох покинул меня среди моих воинов.

Твердая Рука, маркиз, Пекари и Ястреб осторожно подняли на плечи кровать с умирающим и понесли ее на передний двор; за ними в глубоком молчании двинулись все остальные.

Палатка из бизоньих шкур, натянутых на четырех столбах, уже ожидала сашема. Шкуры были разрисованы изображениями зверей и домашних животных.

Сюда осторожно внесли кровать; ее установили так, чтобы лучи заходящего солнца падали в глаза раненого вождя.

Воины и их жены, поспешившие в асиенду, лишь только гонцы принесли им весть о тяжком ранении сашема, обступили со всех сторон шатер. С индейцами на этот раз братски смешались толпы мексиканцев. Шесть тысяч человек замерли в глубоком и благоговейном молчании. Взоры всех были обращены на сашема. Он тихо умирал, окруженный своими родными и воинами папэгосами.

Время от времени старик произносил несколько слов, обращенных то к монаху, то к своему брату, то к индейским воинам.

Когда солнце начало спускаться за горизонт, дыхание раненого стало затрудненным, он задышался, его глаза постепенно потухали. Но он все еще молча сжимал в своей правой руке руки сына, жены и брата, а в левой — руку Ястреба. Внезапно нервная дрожь пробежала по всему телу умирающего; на щеках вспыхнул яркий румянец, его полузакрытые глаза широко раскрылись; без всякой посторонней помощи он приподнялся и сел на постели.

— Прощайте, папэгосы! — произнес сашем так громко, что все его услышали. — Эсперанса, Эсперанса, до свидания!

Его глаза закрылись; мертвенная бледность покрыла лицо, он весь вытянулся, упал навзничь и, глубоко вздохнув, скончался.

Он умер, и последняя мысль его была обращена к любимой жене.

В толпе раздались сдерживаемые до сих пор рыдания.

— Отец наш умер! — громовым голосом воскликнул Ястреб.

— Мщение! — ответили индейцы.

Несколько воинов отправились за убийцей. Бледнолицые, не желая присутствовать при ужасной казни, почти все удалились. На месте остались лишь Твердая Рука, полковник, Паредес и Мариано.

Тело умершего сашема было тотчас же окружено индейскими женщинами; они разрисовали его ослепительно яркими красками, нарядили его в мантию из бизоньих шкур и, в знак высокого достоинства, приподняв волосы, связали их в виде развевающегося на голове султана. После всех этих приготовлений тело покойного было выставлено для обозрения на открытых высоких подмостках.

Тогда привели убийцу. Он был бледен, но держался стойко. Ястреб стал у изголовья покойника и произнес длинную надгробную речь, часто прерывавшуюся громкими рыданиями толпы. Под конец он, протянув руку по направлению к убийце, неподвижно стоявшему среди индейской стражи, повелительно произнес:

— Приступите к казни!

Преступника тотчас же раздели донага и привязали к столбу, специально установленному для этой цели.

Мы не станем описывать страшных пыток, через которые прошел сенатор. Ему пришлось провести три часа в неопикуемых мучениях, прежде чем он испустил последний вздох.

Тем временем на землю спустилась глубокая ночь. Когда покончили наконец с подлым убийцей, храбрейшие воины племени подняли на плечи тело сашема и при свете факелов отнесли его в парк, к тому месту, где длинный выступ асиенды повис над бездонной пропастью.

Сюда же привели любимого коня умершего сашема. Тело сашема, с тотемом в одной руке и с ружьем — в другой, крепко привязали к спине благородного животного ремнями из оленьей кожи. Шею покойника украсили стеклянными ожерельями, а руки — медными запястьями, к луке седла привязали скальпы его врагов.

Затем, под плач и стенания женщин, коня с телом сашема отвели на выступ и поставили в центр дуги, образованной папагосскими воинами, в полном вооружении выстроившихся здесь на своих конях. Оба конца этой живой дуги подводили прямо к бездне.

И вот тогда-то и разыгралась здесь сцена, которую по своему первобытному величию можно сравнить с тем, как хоронили готских и германских королей в эпоху великого переселения народов.

При свете факелов, красноватый пламень которых, раздуваясь на ветру, придавал какой-то фантастический вид этому дикому и суровому уголку парка, всадники, потрясая оружием, с неистовым воодушевлением запели погребальный гимн.

Испуганный конь помчался по выступу к бездне. При каждом скачке животного тело сашема ритмично покачивалось взад и вперед; со стороны казалось, что покойник ожил.

На краю пропасти конь в ужасе отпрянул; раздувая ноздри, он повернул и помчался назад, тщетно пытаясь прорвать живую преграду из всадников, все теснее обступавших его и теснивших к бездне.

Несколько раз конь возобновлял свои попытки, проделывая один и тот же путь — взад и вперед. И наконец, доведенный до предельного отчаяния страхом, преследуемый гиканьем индейцев, весь исколотый их длинными копьями, конь вдруг вздыбился и, пронзительно заржав, кинулся со своей ношей в пропасть.

В то же мгновенье погасли все факелы, словно по сигналу смолкли все шумы, наступила мертвая тишина, и воины разбрелись в угрюмом молчании.

Наутро, с восходом солнца, индейцы покинули асиенду, у стен которой они ни разу не появлялись в течение всей этой войны, длившейся три долгих года.

Может быть, нам представится еще когда-нибудь случай рассказать читателю, чем окончилось это всеобщее восстание индейцев, которое чуть было не стоило Мексиканской республике потери ее лучших и богатейших провинций.

Мексиканская месть

ГЛАВА I

Хоза

Мексиканский берег, начиная от Акапулько к западу, низок и состоит из Коюканского побережья; от Жекепайского же мыса к северу он возвышается, и оттуда на расстоянии двадцати лье видно Петатланское морро, которое распознают самые неопытные мореходцы по множеству островков, которые окружают его.

Между этим мысом и многими белыми островами находится небольшой порт Сигвантанейо.

На этом громадном берегу порт этот почти не замечен; он населен одними только индейцами и состоит из нескольких хижин, разбросанных в беспорядке по морскому берегу.

Хижины эти выстроены из нежженого кирпича, высушенного на солнце, и чрезвычайно бедной наружности; в порте есть и небольшая крепостца, над которой развевается старый мексиканский флаг и из амбразур которой выглядывают заржавевшие жерла нескольких пушек без лафет, предназначенных для защиты довольно трудного прохода в порт.

Немного подалее, за Пуэбло, среди зеленеющих рощиц пальм, ликведембаров, гранатов и тамаринов, кое-где виднеются кокетливые домики с итальянскими крышами, принадлежащие богатым местным негоциантам. Потому что в Мексике, как и везде, роскошь граничит с крайней бедностью и для смелых и бессовестных спекулянтов нажива очень легка.

Однако, несмотря на видимую бедность, поражающую путешественника, Сигвантанейо, в сущности, вовсе не беден, он может почитаться одним из богатейших портов в этих водах, потому что обитатели его ведут три отрасли весьма прибыльной торговли.

Это контрабанда, организованная здесь в большом размере, потом ловля жемчужных раковин, которых чрезвычайное обилие у берегов островов, потом, наконец, сбор соли из многочисленных солончаков, рассеянных по берегу. Он производит также довольно обширный каботаж, и в известное время года его рейд покрыт легкими судами, которые приходят сюда для нагрузки или привозят необходимые для потребления жителей съестные припасы.

Народонаселение преимущественно состоит из рыбаков, моряков и контрабандистов, то есть таких людей, легкая нравственность которых потребовала открытия многочисленных пулькерий на всех углах улиц, в которых поют, и публичных балов, на которых расстроенные гитары днем и ночью заставляют скрипеть зубами и дерут уши прохожих.

В день, с которого начинается наша история, то есть 7 ноября 1862 года, против обыкновения, свинцовое безмолвие тяготело над Пуэбло; и хотя едва было только четыре часа вечера, улицы были пусты и лавки заперты; две обезоруженные и выброшенные на берег шкуны лежали на боку, их черноватые кили были облеплены раковинами; только и слышались грустные и протяжные всплески волн, разбивавшихся о береговые камни, и брюзжание бесчисленных мириад комаров, которые кружились в воздухе, освещаемые лучами заходящего солнца. Солнце было красно, как раскаленное железо; жар был удушлив, и густые желтоватые облака, собравшиеся вокруг вершины Петатланского морро, вокруг которого они образовали зловещий ореол, предвещали близкую бурю, вроде ужасного сирокко, которая в этих странах называется кордонназо, или порыв ветра Святого Франциска, которая часто производит ужасные опустошения в тех странах, в которых она разражается.

Почти на расстоянии ружейного выстрела от Пуэбло, в совершенно пустынной местности на берегу моря, возвышался домик, которого стены, выбеленные известкой, и кокетливый мирадор весело выглядывали из зеленой

чащи дерев, которыми он был окружен и как будто спрятан.

Живая изгородь из кактуса и алое окружала его со всех сторон, за исключением только от моря, где стоял дощатый сарай, покрытый камышом, он служил для укрытия лодки, которой теперь не было в нем, но которая, по-видимому, должна была быть довольно большого размера.

По мексиканскому обычаю перед этим домом было портильо, под которым висела койка из волокон алое; там и сям клохтали куры в саду, и великолепная черная с белыми пятнами ньюфаундлендская собака важно сидела на задних лапах у дверей дома и, казалось, оберегала жителей, как бдительный часовой.

Кто бы ни были обитатели этого дома, несмотря на то что его наружность была скромная и даже бедная, он выглядел так весело, благосклонно и гостеприимно, что весело было смотреть на него.

Люди, приютившиеся в этом очаровательном уединении, должны быть ежели не совершенно счастливы, — полное счастье невозможно на этой земле, — то по крайней мере наслаждаться чистою совестью и спокойной жизнью, чуждой тех материальных невзгод, которые обыкновенно обременяют бедных людей.

По крайней мере таково было впечатление, которое испытывал чужестранец, которого заносила судьба к этому домику и который мимоходом засматривался на него через живую изгородь, которая составляла его единственную ограду.

Ньюфаундлендская собака, которая со своего места долгое время всматривалась в море, вдруг обернулась и встала, махая хвостом и слегка испуская полусдержанный лай, что у этих умных животных служит несомненным признаком радости.

Почти в то же самое время на пороге двери появилась женщина, которая, как было заметно, собиралась уйти.

Эта женщина была молода; по-видимому, ей едва только исполнилось восемнадцать лет; она отличалась той изумительной и страстной красотой, которая свойственна креолкам андалузского происхождения.

Строгая пропорциональность придавала всем ее движениям что-то грациозно очаровательное, что делало ее походку томно-сладоострастной.

Ее большие черные как смоль глаза, увенчанные бровями безупречного рисунка, посматривали сквозь бахрому ее длинных бархатных ресниц так сладострастно; ее улыбающийся рот с углами слегка приподнятыми, окаймленный розовыми губами, был украшен рядом зубов ослепительной белизны; лицо ее, загоровшее под знойными лучами солнца, имело золотистый оттенок.

Ее костюм был прост; она подобрала свои густые и длинные косы волос под складки развевающегося ребозо; ее платье из прозрачного и белого муслена, приподнятое любопытным морским ветром, обнажило белую, как будто выточенную грудь, ее детские ножки были обуты в тонкие сандалии из волокон алое.

Эта простодушная, трогательная грация, это детское лицо, в линиях которого проявлялась совершенная женщина, девственное выражение этой откровенной физиономии внушало уважение.

В эту минуту оттенок меланхолии и тревоги, осенявший лицо этой женщины, еще более усиливал таинственное обаяние, которым она вся дышала.

Она небрежно и с грустью остановилась на пороге двери и, опершись плечом о косяк, грустно всматривалась в волнующееся море, погрузившись в фантастический мир дум, от которых тяжело вздымалась ее грудь, а из глаз ее катились крупные слезы. Ньюфаундлендская собака подошла к ней, ласкаясь, и тихо лизала ее свесившуюся руку.

В этой столь простой, по-видимому, сцене заключалась целая драма.

Около двух минут молодая девушка не меняла своего положения и не выходила из немного созерцания, в которое она была погружена.

Вдруг собака подняла голову и глухо залаяла.

— Что это такое, мой добрый пес? — сказала она ему кротким и гармоническим голосом, наклоняясь к нему и слегка трепля его. — Придет ли он?

Собака устремила свои умные глаза на хозяйку и отвечала ей, залаяв вновь и махнув несколько раз хвостом.

— Ох! Она не ошибается, — шепнула хозяйка, — обоняние Линдо верно, он узнал Альбино. Боже мой! Почему он запоздал?.. А Маркос? — добавила она, бросая продолжительный и печальный взгляд на море.

В это время свежий голос с звучным и приятным тембром раздался довольно далеко; а между тем повсюду царствовала такая тишина, что легко можно было расслушать слова, которые этот голос произносил подобно призыву. Он пел куплет старинной испанской баллады.

Молодая девушка, услышав, конечно, знакомый ей мелодический голос, вздрогнула, и ее лицо внезапно вспыхнуло ярким румянцем.

— Это он!.. — шепнула она, быстро прикладывая руку к сердцу, как будто бы для того, чтобы сдержать ускоренное его биение. — Это он!

Вот куплет, который пел этот голос:

A Ximena, a'Rodrigo.
Pendio el rey palabra y mano.
De juntarlos para en uno
En presentia de Luyn calvo.
Las enemistades viejas.
Con amor se confirmaron.
Que donde preside el amor.
Se olvidan muchos agravios.

Поющий быстро приближался, и шум лошадиного галопа смешался с последними рифмами куплета.

Молодая женщина хотела выбежать к нему навстречу, но вдруг попятилась назад со сдержанным криком и поспешила запереть дверь.

Легкая пирога, в которой сидели двое мужчин, обогнула скалистый мыс и причалила к берегу на расстоянии десяти метров от дома.

— Благодарю тебя, кум, — сказал один другому, — я постараюсь отплатить тебе тем же. Не отужинаете ли вы с нами?

— Нет, Маркос, — ответил другой, — мне необходимо возвратиться туда: взгляните на небо, я едва успею воротиться до кордонназо.

— Ваша правда, — ответил Маркос, — уезжайте не медля, счастливого пути!

— Приедете ли вы?

— Может быть; я еще не решил.

— Вы очень дурно сделаете, ежели упустите это дело; такие хорошие дела редко бывают.

— Это верно, — отвечал Маркос, как будто обдумывая, — вероятно, я приеду.

— И прекрасно! Так, значит, это решено?

— Да, ежели ничто не задержит меня.

— До свидания!

Маркос, опершись обеими руками в нос пироги, сдвинул ее на реку.

Она тотчас же отчалила и тотчас же скрылась за мысом, из-за которого причалила; сделавши последний прощальный жест своему товарищу, Маркос обернулся, как будто бы намереваясь идти в дом.

В то же время из рощи выехал всадник на прекрасном вороном коне.

Они встретились лицом к лицу и вскрикнули от изумления; в восклицании Маркоса слышна была насмешка, в восклицании же всадника слышалась нота неудовольствия. Они остановились как будто по обоюдному соглашению и чрезвычайно вежливо поклонились друг другу.

— Вив Диос! Сеньор дон Альбино, — сказал Маркос с притворною улыбкою, — как я рад тому, что встретил вас.

— И я также очень рад, сеньор дон Маркос, — ответил всадник с новым поклоном.

— Я не надеялся встретиться с вами в этих местах; меня уверяли, что вы отправились в продолжительное путешествие внутрь страны.

— Таково, действительно, было мое намерение, сеньор дон Маркос, — ответил с улыбкою Альбино, — но, вы знаете, человек предполагает, а Бог располагает.

— Это значит, что вы переменили свое решение и, вероятно, предпочли остаться здесь?

— Ваше заключение не вполне верно, сеньор; право, не от меня зависело, чтобы это путешествие совершилось.

— Я понимаю. Вас остановили не зависящие от вас обстоятельства в то самое время, когда вы собрались уже ехать?

— Да, сеньор.

— Что делать; необходимо покоряться силе обстоятельств; но, извините меня за нескромный вопрос, как это случилось, что я встречаю вас так далеко от вашего ранчо в такое позднее время, когда все предвещает кордонназо.

— В то время, когда я отправился в путь, нельзя было предполагать, что случится буря.

— Так как нас нечаянно свел случай, то мы не расстанемся так; уже поздно; до вашего ранчо отсюда более шести лье: я предлагаю вам гостеприимство в моей хозе на ночь; завтра, наверное, будет прекрасная погода, и вы возвратитесь домой на рассвете.

— Извините меня, сеньор дон Маркос, за то, что я откажусь от вашего любезного приглашения, — отвечал не без смущения дон Альбино, — потому что Пуэбло только в нескольких шагах отсюда и я буду там в десять минут.

— Почему вы отказываетесь от моего приглашения? — спросил дон Маркос, незаметно поморщив бровями. — Неужели вы предполагаете, что оно неискренно?

— Нисколько, сеньор, я очень хорошо знаю вашу честность и поэтому не мог предположить этого.

— Ну так почему же, в таком случае?

— Я боюсь стеснить вас, вот и все.

— Вы шутите, дон Альбино. Разве хозяина можно стеснить? Ну пойдемте со мною, я не принимаю извинения.

Всадник стоял неподвижно; очевидно, в уме его происходила сильная борьба, его лицо выражало сильную тоску. Дон Маркос со странным выражением наблюдал за ним украдкой.

В это время сверкнула молния и глухо загрохотал гром.

— Вот и разрешение вопроса, — сказал дон Маркос. — Начинается гроза, через несколько минут она пронесется здесь с бешенством; поспешим приютиться.

— Пусть же будет по-вашему, — ответил дон Альбино.

— Вот и прекрасно! — сказал, смеясь, дон Маркос, — я знал, что сумею убедить вас.

Они пошли рядом и направились к небольшому домику, находившемуся на расстоянии не более ста шагов от того места, на котором встретились.

Дону Маркосу по наружности казалось от сорока четырех до сорока пяти лет; у него были блестящие глаза, умный лоб; несмотря на простоту его морского костюма, ничто не умаляло силы выражения лица этого человека, не столь замечательного своим высоким ростом, как задумчивым, энергическим и внушительным видом его

благородной и прекрасной физиономии; в нем было что-то гордое и кроткое, что прельщало и действовало внушительно.

Дон Альбино был молодой человек, не более двадцати пяти лет; черты его лица были изящны и деликатны, лицо его было бледно и задумчиво, его темно-голубые глаза придавали его физиономии нежное мечтательное выражение, его стройная, гибкая и красивая талия, врожденное изящество его жестов делали его прекрасным молодым человеком. Ансамбль его наружности имел чрезвычайную прелесть; его длинные волосы ниспадали густыми и шелковистыми кудрями на плечи; на нем был богатый и грациозный костюм мексиканских кампезинов. Одним словом, оба эти человека представляли, по крайней мере в физическом отношении, полнейший контраст.

Дон Маркос поднял задвижку и вошел в дом; за ним следовал дон Альбино, который сошел с лошади и вел ее за повод.

Мексиканские дома нельзя назвать комфортабельными: у них нет внутри дверей, и многие из домов устроены так, что для того, чтобы пройти в конюшню или корраль, надобно пройти через зал; но это неудобство не сильно беспокоит их.

Первая комната была пуста. Даже Линдо, прекрасная ньюфаундлендская собака, с которой мы познакомили наших читателей, ушла из нее.

Дон Маркос быстро окинул взглядом вокруг себя, отпер дверь, ведущую в корраль, и сделал знак головою своему гостю, чтобы он поставил в нее свою лошадь, что тот и поспешил исполнить.

— Теперь, — сказал дон Маркос, когда молодой человек вошел к нему, расседлав и почистив лошадь, — посмотрим, есть ли для нас ужин, — и громко закричал: — Марцелия!

Тотчас же появилась молодая девушка, предшествуемая собакою, которая, вбежав, положила свои толстые лапы на плечи моряка, выражая живейшую радость.

— Прочь, Линдо! Прочь! — сказал Маркос, лаская ее. — Ты добрая собака; но довольно!

— Вы звали меня, батюшка?.. — спросила молодая девушка тихим и слегка дрожащим голосом.

Дон Маркос наморщил брови, однако же с кротостью отвечал:

— Да, дитя мое, я привел тебе гостя; угости его как можно получше; он переночует здесь, надо приготовить ему приличную комнату.

— Достаточно будет одной койки, — сказал тогда дон Альбино, — а ежели будет необходимо, то я всплюсь на моем седле.

— Любезный дон Альбино, — грациозно сказал дон Маркос, — вы мой гость; предоставьте мне свободу действий.

Молодой человек молча поклонился.

— Милая моя дочь Марцелия, — продолжал дон Маркос, — готов ли ужин?

— Он ожидает вас, батюшка, — ответила она.

Странно, что всякий раз, как только молодая девушка произносила эти два столь простых слова: мой батюшка, нервная дрожь пробегала по лицу моряка, и его прекрасное лицо вдруг омрачалось.

— Прикажите подавать нам, — сказал он и обратился к Альбино: — Извините меня, я оставляю вас и через минуту вернусь.

И, не ожидая ответа молодого человека, он вышел из залы.

Альбино и Марцелия остались одни.

— Ох! — воскликнула она. — Неблагодарный, зачем вы приехали сюда?

— Он потребовал этого, — ответил Альбино просто. — У меня не хватило силы; я так счастлив, когда я вижу вас!

— Разве вы не ежедневно видите меня? — возразила она тоном кроткого упрека.

— Правда, — сказал он ласково, — но на минуту и то украдкой, редко несколько минут. А когда я не вижу вас, я бываю так несчастлив. Напрасно я ожидал вас сегодня. Ежели бы вы знали, как я страдал, что не мог прийти раньше; поэтому-то я не мог отказаться от сделанного мне предложения провести несколько часов с вами под одной кровлей. Простите меня, Марцелия.

Молодая девушка вздохнула.

— Увы! — прошептала она сквозь слезы. — Я не знаю, почему по моему телу пробегает дрожь; я понево-

ле трепещу. Умоляю вас, Альбино, уезжайте; я предчувствую несчастье.

— Уехать! — воскликнул он с грустью. — Ах, Марцелия, можете ли вы приказывать бежать от вас.

— Альбино, это необходимо. Вы знаете дон Маркоса; ежели он узнает о том, что мы любим друг друга, он убьет вас.

— Но что значит для меня смерть, ежели мне суждено жить в разлуке с вами, моя милейшая Марцелия?

— Тише! — вскрикнула она с живостью. — Тише, вот он!

Отворилась дверь и вошел дон Маркос.

Его лицо было бледно, хотя выражение его лица было спокойно. Он окинул молодых людей взглядом, зловещий блеск которого заставил их вздрогнуть и со смущением отойти друг от друга.

Но моряк, по-видимому, не замечал смущения молодых людей и обратился к Марцелии:

— Ну! Подадут ли нам ужин?

— Сейчас подадут, батюшка, — пролепетала она в ответ. И быстро вышла из комнаты.

— Извините ее, любезный дон Альбино, — сказал он с добродушием. — Марцелия избалованный ребенок, который вследствие уединения, в котором он живет, немного одичал; но будьте уверены в том, что она знает обязанности гостеприимства и сделает все, что от нее зависит, для того, чтобы хорошо принять вас.

Дон Альбино, совершенно растерявшись от тона, которым были произнесены эти слова, ничего не ответил, но не мог скрыть вполне своего смущения.

Дон Маркос

Наконец буря разразилась; кордонназо свирепствовал с неслыханною яростью, блеск молнии перемежался постоянными раскатами, и свистом ветра, и глухим ревом моря, чудовищные валы которого покрывали бахромою пены берег, об который они с яростью разбивались; бурный дождь стучал в кровлю и окна домика, мрак казался ужасным; все, казалось, перевернулось и смешалось, ночь была ужасная.

Три лица, находившиеся в хозе, находясь под впечатлением необыкновенной силы темпораля, только изредка обменивались между собою словами.

Ужин был грустный.

Оба мужчины были задумчивы; Марцелия, преклонив колени перед изваянием Нуэстра Сеньора де Гвадалупе, покровительницею Мексики, горячо молилась.

Дон Маркос отодвинул наконец стоявшую перед ним тарелку, зажег сигару и подал другую своему гостю, который машинально принял ее.

— Ночь будет ужасная, — сказал он, выпуская густую струю дыму, — несчастье для кораблей, которые в это время будут находиться у берега; завтра мы увидим их обломки на берегу.

— Не видели ли вы сегодня вечером какого-нибудь корабля? — ответил дон Альбино.

— Я не могу сказать вам точно, но мне кажется, что я видел один, но на таком далеком расстоянии, что, быть может, принял крыло сатаника за парус судна.

— О, вы чрезвычайно удивили меня, говоря это: глаз моряка, подобного вам, настолько верен, что не может ошибиться.

Дон Маркос лукаво улыбнулся, но не ответил. Через какое-то время он продолжал:

— Еще не наступило время прибытия кораблей. В это время не ожидают прибытия их, кроме одного корабля, и командир должен быть старым морским волком, чтобы не почувствовать кордонназо за пять или за шесть часов, пока он не разразится.

— Не знаете ли вы названия этого корабля?

— Пер Диос! Конечно, я знаю его, ежели я вам рассказываю о его капитане; это сан-бляский брик — шхуна «Искупление».

Марцелия глухо застонала, бросивши украдкой продолжительный взгляд на дона Маркоса, который продолжал:

— Вы, сеньор дон Альбино, как говорят, *tierras adentro* (туземец континентальный), какого вы мнения о наших приморских ураганах?

— Те, которые вам сказали, дон Маркос, что я уроженец центральных провинций, ошиблись. Детство мое протекло в морских портах, а юность свою я провел почти всю в плавании по обоим океанам, и ежели я в настоящее время не моряк, то зато я долгое время был им. Напротив, я *consteno*.

Дон Маркос вдруг выпрямился; его серые глаза метнули молнии.

— Вы моряк? — вскрикнул он.

— Почему же вы не верите мне? — спокойно спросил молодой человек. — Ведь вы же моряк!..

— Это верно, — продолжал глухим голосом дон Маркос, — но я не моряк в том смысле, какой обыкновенно придают этому слову; я только скромный рыболов, добывающий жемчуг.

Молодой человек улыбнулся в свою очередь. Эта улыбка была иначе перетолкована доном Маркосом.

— Станем говорить откровенно, — сказал он.

— Я ничего более и не желаю, — сказал дон Альбино.

— Станете ли вы откровенно отвечать на мои вопросы?

— Я стану отвечать на них с такою же откровенностью, с какою вы будете отвечать на мои.

— Ах! — сказал он со сдержанным гневом. — Вы предлагаете мне условия?

— Вовсе нет; я ограничиваюсь только требованием полнейшей свободы и равенства.

Дон Маркос выскочил вдруг из-за стола и в продолжение нескольких минут ходил вдоль и поперек залы, склонив голову и скрестив руки на груди.

Наконец он остановился перед Марцелией и слегка дотронулся до ее плеча.

Молодая девушка вздрогнула и быстро повернулась к нему.

— Что вам угодно, батюшка? — спросила она кротко.

Дон Маркос с гневом топнул ногою, но тотчас же опомнился.

— Милая дочь, — сказал он, — уйдите в вашу комнату, уже поздно.

Молодая девушка встала и, не сказав ни слова, вышла, а за нею последовал Линдо, который, казалось, постоянно следовал за нею.

Прошло несколько минут, в продолжение которых оба мужчины сохраняли безмолвие, наблюдая украдкой один за другим.

Маркос первый нарушил безмолвие.

Он сел против молодого человека и, налив ему стакан пюлька, спросил:

— Итак, вы моряк? — сказал он.

— Я был им.

— Да, я убежден в том, что в случае нужды вы сами сумеете защищать себя.

— Это верно, — возразил молодой человек, все более и более удивляясь.

Маркос опорожнил свой стакан и поставил его опять на стол.

— Дон Альбино, — сказал он, улыбаясь, — вы красивый молодой человек, а красивые юноши любят красивых девушек, не правда ли?

— Что вы хотите этим сказать?

— Эх! — произнес он с добродушием. — Я не более как грубый моряк, полурыболов, полуконтрабандист, подобно всем костеносам (прибрежным жителям), но Бог дал мне два глаза, я вижу ясно все.

— Я не понимаю вас, — пролепетал молодой человек.

— Ба! Ба! Напротив, вы прекрасно понимаете меня!.. Вы прекрасный охотник, и приманка, которая вас привлекает сюда, недалеко отсюда.

— Я ручаюсь вам...

— Полноте, я не слеп, повторяю вам; к тому же, черт возьми, в этом я не нахожу ничего дурного. Это закон природы. Сознаюсь вам, что ваши посещения стесняли меня; мне очень неприятно было видеть, что вы беспрестанно бродили вокруг моего домика; я задавался вопросом: к чему такой молодой человек, как вы, как говорят, богатый, так внезапно и сильно полюбил эти места, столь грустные. Теперь я все понял: вы моряк, вас привлекало море; случай свел вас с молодой девушкой, и вы стали посещать ее. Не правда ли? Ну, отвечайте откровенно.

Говоря это, дон Маркос переменил гордое выражение своей физиономии на выражение столь благосклонное, заговорил так ласково, что молодой человек ошибся.

— Вы могли это угадать, дон Маркос, — ответил он, улыбаясь.

— Пардье! Я в этом уверен.

— В случае, ежели бы ваши предположения оказались верными, что бы вы ответили мне?

— Во-первых, верны ли они?

— Допустим, что они верны.

— Итак, они верны?

Альбино сделал утвердительный жест.

— Ну, молодой человек, — возразил дон Маркос, — я не стану терять попусту слов. Вы мне нравитесь, потому что вы молоды и честны, во-вторых, потому что вы моряк, и, что важнее всего, это то, что только моряк может быть принят мною в семейство; я хочу, чтобы мужчина, с которым вступлю в родство, был одного со мною ремесла и мог бы в случае нужды помогать мне или в ловле жемчуга, или иначе. Понимаете ли вы меня?

— Вполне понял.

— И вы согласны и на это условие?

— Вполне согласен.

— Прекрасно! Но любите ли вы Марцелию?

— Да, я люблю ее.

— А... любит ли она вас?

Дон Альбино колебался.

— Ну что же? — продолжал дон Маркос с некоторым воодушевлением. — Вы не отвечаете на мой вопрос.

— Потому что я не могу ответить.

— Почему же?

— Потому что я только знаю состояние моего сердца; но ничто не дает мне права предрешать чувства Марцелии ко мне.

— Гм, — сказал дон Маркос, — это не ясно.

— Извините меня. Мне кажется, что я нравлюсь донне Марцелии; вот и все. Спросите лучше ее; она ваша дочь; она ответит вам.

— Марцелия не дочь мне! — закричал дон Маркос с гневом, стукнув кулаком по столу.

— Как? — с изумлением произнес молодой человек. — Марцелия не ваша дочь?

Дон Маркос сильно прикусил себе губы, но благодаря силе воли, которую был одарен, он успел подавить свое волнение и тотчас же оправился:

— Неужели вы не знаете этого? Вот это странно, — сказал он, — но так как вы живете далеко отсюда, то это не удивительно. Нет, Марцелия не дочь моя: она бедная сирота, и так как мы завели об этом разговор, то я считаю необходимым поскорее объяснить вам все, рассказав вкратце историю этой бедняжки. За ваше здоровье! — он чокнулся с доном Альбино и продолжал: — Я расскажу вам грустную историю, несмотря на то что она проста и коротка. Двадцать лет тому, мне было еще тогда двадцать четыре года, я был моряком, как и в настоящее время. Мой отец, старый солдат времен независимости, за которую он храбро дрался под командой Гидальго, Морелосов и других героев, прославивших эту славную эпоху, удалился за несколько миль отсюда, в Пуэбло, построенное на морском берегу, и занялся прежним своим ремеслом: ловлей жемчуга. Мой отец обыкновенно бывал грустным, мрачным и задумчивым; мать моя умерла, родивши меня. Он сосредоточил всю свою любовь на мне и воспитывал меня с нежностью и такими заботами, каких нельзя было ожидать от старого солдата, подобного ему, сердце которого было закалено в огне сотен битв.

Мы жили одни уединенно в домике, расположенном, так же как и этот, за деревней. Мне исполнилось десять лет; начиная с двухлетнего возраста я сопровождал уже отца на ловлю; вдруг в один вечер, возвратившись в наше ранчо, мы нашли в нем двери и окна полуоткрытыми первая комната была занята четырьмя особами.

Эти четыре osoby были: высокий, почти шестидесятилетний старик, но еще прямой и свежий, с заглубленным лицом и угловатыми манерами; молодая женщина болезненной красоты и двое детей: маленькая девочка, имевшая едва только несколько месяцев, которую молодая женщина кормила грудью, и мальчик одиннадцати-двенадцати лет, который, держа в руке реуту, упражнялся в метании бутылки.

Мы часто находились в отсутствии, иногда восемь или десять дней, и в это время небольшое наше состояние, как это водится здесь, доверялось честности народа.

Мой отец не выразил никакого неудовольствия, когда увидал, что наше жилище было таким образом занято; он поспешил снять с себя снасти ловли и вошел в дом.

Увидев его, старик встал с экипажа, на котором он сидел, и подошел к нему с распростертыми объятиями:

— Вот уже четыре дня, как я поджидаю тебя, Яцинто, — сказал он — так звали моего отца, — я почти потерял надежду на твоё возвращение.

Услыхав этот голос, звуки которого были очень хорошо ему знакомы, мой отец вскрикнул от изумления и радости и бросился к своему гостю, который принял его в свои объятия.

После продолжительных поцелуев оба мужчины перешли в другую комнату, в которой они пробыли вдвоем более двух часов. Но, — сказал дон Маркос, перебивая свою речь, — эта история не очень интересна для вас. Я невольно увлекаюсь моими воспоминаниями. Я постараюсь сократить ее.

— Извините меня, — ответил ему Альбино, — напротив, я слушаю вас с живейшим интересом.

— Имя этого старика было Евстакио Кальдерон. Это был старинный товарищ моего отца по оружию; десять лет они сражались рядом друг с другом против испанцев. Дон Евстакио, оставшись вдовцом с сыном и кроме того принявши на свое попечение дочь своего брата, убитого в одном из набегов, которые так часто здесь бывают, решился удалиться из Пуэблской провинции, где первоначально приютился, но которая напоминала ему столь печальные события, и возвратиться к старинному своему другу, с которым он хотел дожить остаток своих дней. Мой отец с радостью выслушал это сообщение дона Евстакио, и он поселился в нашем доме.

Его дочь, донна Паула, принялась заниматься хозяйством; старый солдат стерег дом, а его сын Рафаель, с которым я тотчас же сильно подружился, ездил с моим отцом и со мною на ловлю.

Таким образом прошло пятнадцать лет. Эти пятнадцать лет были счастливейшими годами моей жизни.

Дон Евстакио умер, завещав моему отцу небольшую сумму денег, поручая ему свою племянницу и свою дочь Антонию, уже большую и прелестную девушку, черные глаза которой заставляли сильнее биться мое сердце, когда они устремлялись на меня с выражением невыразимой нежности.

Однажды, в то время когда мы с Рафаелем были на охоте, мой друг, который был немного постарше меня, признался мне в своей любви к его кузине; по тяжелому чувству, какое я почувствовал, услышав это неожиданное сообщение, по холоду, которым оледенело мое сердце, я понял, что и я также полюбил ее. Увы!.. Антония была до того прелестна, что невозможно было не влюбиться в нее.

Я с большим трудом успел скрыть мое волнение и успел скрыть свою печаль так, что Рафаель ничего не заметил.

Мой друг рассказывал мне о своей любви по целым дням, с тою обильною любезностью, с какой влюбленные говорят о предмете своей любви.

Рафаель и не подозревал того, что он терзал меня этим. Ежели бы он мог заподозрить мои чувства к Антонии, то его дружба ко мне была столь откровенна, что, быть может, опасаясь сделать меня несчастным, он попытался бы ежели не забыть Антонию — это было выше человеческих сил, то отказаться от нее.

Но я так искусно притворялся равнодушным, что совершенно провел его; он начал даже упрекать меня в бесчувственности.

Я провел ужасную ночь; на другой день я принял твердое решение.

Я встал с постели до восхода солнца и, употребив всевозможные предосторожности, чтобы никого не разбудить, вышел из дому с намерением удалиться навсегда.

На рейде стояло американское китоловное судно; я знал, что оно нуждалось в матросах, явился к капитану и был им принят. Спустя два часа корабль вступил под паруса и удалялся с попутным ветром в направлении к

берегу N. O., где ему было назначено крейсирование для ловли жемчуга.

Дон Маркос остановился; он встал, взял из шкафа бутылку и откупорил ее.

— Не находите ли вы, так же как и я, — сказал он, — что пулька производит сердцебиение? Выпьем лучше траго де рефино де Каталюна: оно превосходно и оживит нас.

Дон Альбино подал ему свой стакан не отвечая; они чокнулись и духом опорожнили свои стаканы до последней капли.

— А потом? — спросил дон Альбино, заметивши, что его хозяин хранил молчание.

— Это верно, я не окончил, — сказал он, — выслушайте же. — голос его был сух; отрывочные звуки свидетельствовали о душевном страдании, а между тем лицо его было спокойно.

— Прошло три года, — сказал он, — во время которых я объехал почти вокруг света, плавая то с англичанами, то с французами, а чаще всего с североамериканцами.

В продолжение этих трех лет я не получал никакого известия ни о моем отце, ни о Рафаэле. Кто сообщил бы мне об них?

Во время моих бродяжнических курсов, увлекаясь примером наших товарищей, а также и желанием забыть мою любовь, я износил мое сердце во всех портах, в которых побывал мой корабль, растрачивая свою жизнь без цели и без удовольствия в оргиях, которым я предавался с лихорадочной жадью, но которых, однако же, я стыдился впоследствии. Однажды судно, на котором я находился, бросило якорь в Сан-Бляс.

Я уже сказал вам, что со времени моего отъезда прошло три года. Любовь в особенности поддерживается надеждой; я не имел ее, я полагал, что она умерла. Я в первый раз находился в мексиканском порту. Со времени моего побега я всегда принимал все предосторожности, чтобы не возвращаться на родину; в этот раз мои предосторожности случайно были рассеяны: авария, которую потерпел корабль во время быстрых маневров в бурю, принудила его поскорее найти приют, где бы он мог оконопатиться.

Я не знаю, какие идеи закружились в моей голове при виде мексиканских берегов; род опьянения или ско-

рее сумасшествия овладел мною, и у меня было только одно желание: увидеть моего отца, которого я так подло бросил и которого, быть может, мой отъезд довел до отчаяния. О своей любви я совершенно забыл.

Повторяю вам, что она, действительно, умерла.

Дон Маркос сделал новую паузу, его лицо слегка побледнело, брови его нахмурились, вероятно, при пробудившихся воспоминаниях; он налил себе стакан рефино и духом опорожнил его.

— Я попросился у моего капитана отпуск; сначала он не хотел отпускать меня, но потом согласился на увольнение.

Я съехал на берег; так как мой пояс был наполнен золотом, то мне легко было экипироваться для путешествия, которое я хотел сделать сухим путем.

Не знаю, какая-то сила гнала меня, какое-то предчувствие заставляло меня торопиться: мне, забывшему совершенно в продолжение этих трех лет моих родных и друзей, казалось, что мое присутствие было необходимо для тех, которых мне хотелось видеть, и что ежели бы я не отправился немедленно в путь, то я прибыл бы слишком поздно.

На другой день, севши на прекрасную лошадь, я выехал из Сан-Бляса. Так как дорога, по которой мне предстояло ехать, была длинная и пустынная и кроме того со мною было около двухсот унций (17 000 французских франков), что составляло довольно значительную сумму, скопленную мною, я вооружился, для того чтобы защищать себя в случае нападения; к тому же в Америке не принято предпринимать путешествие без оружия.

Между тем, несмотря на мои предосторожности, со мною не случилось ничего необыкновенного; я ехал быстро, останавливаясь только в крайней необходимости: для того чтобы дать лошади отдых, и через пятнадцать дней я был уже среди знакомых мне пейзажей.

Чем более уменьшалось расстояние, отделявшее меня от нашего ранчо, тем более беспокойство мое возрастало; я тосковал и сильнее погонял мою лошадь. Наконец, в одно утро я въехал в шапарраль, находившийся на расстоянии не более двенадцати лье от жилища моего отца; и хотя моя лошадь была утомлена далекой поездкой, я мог надеяться к вечеру достигнуть цели моего путешествия.

Между тем, кажется, я дурно рассчитал то расстояние, которое мне оставалось проехать, или же моя ло-

шадь была более утомлена, чем я предполагал, потому что уже было одиннадцать часов ночи, когда я проехал мимо роши, находившейся в нескольких сотнях шагов от ранчо, в котором я увидел уже издали горевший огонь.

Увидав его, я задрожал от радости и пришпорил свою лошадь, которая, напрягши свои последние силы, пустилась в галоп. Вдруг огни, с которых я не сводил глаз, внезапно исчезли. По невольному чувству я вздрогнул и почувствовал, что на лице моем выступил холодный пот; почти в то же время я услышал два выстрела, раздавшиеся один за другим, которые слились почти в один выстрел; потом бешеный галоп скачущих во всю мочь лошадей, которые проехали мимо меня как зловещие тени.

Я поспешил к ранчо с грустным предчувствием о несчастии, я подъезжал к нему, как вдруг моя лошадь бросилась в сторону и повалилась со всех четырех ног.

Так как я был осторожен, то не был ранен; я встал и побежал с ружьем в руке к ранчо, бросив свою лошадь и не думая более о ней.

На пороге дома я споткнулся о какое-то препятствие, которое заграждало мне путь.

Я наклонился; это было тело человека, лежавшего поперек дверей. Мои руки, которыми я оперся об него, обгалялись кровью.

Произошло убийство.

Несколько времени стоял я неподвижно в испуге; величайшим усилием воли я бросился в дом.

В то же время я услышал щелканье ружейного курка, который взводили, и получил рану в грудь.

— Батюшка! Батюшка! Это я! — крикнул я.

Крик отчаянья ответил на мое восклицание, и мой отец — потому что это он выстрелил — принял меня в свои объятия.

Я упал в обморок.

Дон Маркос остановился и испустил глубокий вздох.

Открытие

На дворе ураган разыгрался вполне: дождь хлестал в окна, ветер свистел сквозь ветви деревьев, которые шумели со зловещим треском; волны с бешенством выбегали на берег, и гром страшно грохотал. Ночь была мрачная и страшная, наполненная привидениями.

Оба мужчины сидели один против другого, слабо освещаемые дымящейся лампой, пламя которой раздувалось ветром, и молчали.

Дон Маркос машинально выпивал стакан за стаканом; казалось, что он хотел найти в непомерном злоупотреблении ликера лекарство против жгучей боли, которую он чувствовал при этих тяжелых воспоминаниях.

Однако рефино, несмотря на всю свою силу, не производил никакого действия на этот сильный организм; лицо его было так же бледно, глаза его так же блистали, речь его была так же отчетлива.

— Ну! — спросил у него дон Альбино. — Что произошло потом?

Дон Маркос быстро поднял голову и, устремив на своего собеседника странный взгляд, продолжал глухим голосом:

— Ужасные вещи. Когда я пришел в себя, уже рассвело; светлые солнечные лучи проникали сквозь окна и открытые двери; птицы весело пели в зелени деревьев. Труп моего отца лежал рядом со мною; недалеко от себя я увидел труп Рафаеля.

Наши два индейских слуги с раздробленными черепами лежали посреди залы; разломанная мебель была разбросана вокруг, в этом доме, должно быть, произошло что-то ужасное; но снаружи он выглядел так весело и так спокойно.

С неслыханными усилиями я смог встать; полученная мною рана, хотя и была довольно серьезна, однако не была опасною; по непонятному случаю выстрел, сделанный почти в упор, только оцарапал тело, не повредив ни одного органа. Я перевязал кое-как мою рану рубашкой, которую разорвал на куски; меня мучила жгучая жажда; полуопорожненная бутылка стояла на столе, я взял ее и с жадностью поднес к губам. В нем было рефино де Ка-толюна, я сделал большой глоток. Ликер тотчас же возвратил мне силы. Между всеми трупами, которые я видел, не доставало трупа Антонии; что случилось с ней?

Вот что мне хотелось узнать. Опершись на ружье как на трость, я начал роковое расследование в доме. Повсюду царствовал ужаснейший беспорядок: вся мебель была разбита и поломана, белье и одежда разбросаны. Сальтеадоры успели совершить кровопролитие, но они не успели обогреть нас: они совершили безмолвное преступление. Наконец я вошел в комнату, которая прежде принадлежала Антонии, вошел в нее, шатаясь и с трудом опираясь о стены: волнение мое было так сильно, что я чувствовал приближение обморока.

— О Маркос! — закричал чей-то кроткий голос, который я тотчас же узнал. — Зачем вы оставили нас?

Я упал на колени в полуобмороке у изголовья кровати, на которой лежала умирающая Антония.

Она протянула ко мне руку; это прикосновение ставило меня вдрогнуть,

— А вот и вы, наконец, — сказала она. — Вы опоздали для их спасения; они умерли. Скоро и я соединюсь с ними; но Бог дозволил, чтобы вы прибыли вовремя для того, чтобы отомстить за них, потому что они были зарезаны и кровь их вопиет об отмщении, Маркос.

— Я отомщу за них! — закричал я. — Скажите мне, кто были убийцы?.. Знаете ли вы их?

— Я знаю их, — сказала она с усилием, — я знаю их, Маркос.

Тогда, собрав все свои силы, она приблизила свою очаровательную головку к моей, наклонилась к моему

уху и произнесла две фамилии; извините меня за то, что я не скажу их вам, дон Альбино.

— Я уважаю чужие тайны, сеньор, — ответил молодой человек.

— Когда я произнес клятву, которую от меня потребовала бедная Антония, она показала мне ребенка, очаровательного ангелочка нескольких месяцев, который спокойно почивал в своей кровати.

— Вот моя дочь, — сказала она мне, — моя Марцелия. Я завещаю ее вам, Маркос: будьте ей отцом. У нее теперь никого нет.

— Я буду ее отцом, — ответил я.

— Благодарю, — сказала она мне, нежно пожимая мою руку. — Благодарю, Маркос.

Она вздохнула и упала на постель.

Я подбежал к ней... она умерла!

Исполняя клятву, данную мною ее умирающей матери, я удочерил Марцелию; она не знает еще этого, по крайней мере я так думаю, что я только ее покровитель и... она любит меня как родного отца своего.

Рана моя зажила довольно быстро. Я удалился из этого дома, который напоминал мне столь ужасную катастрофу, и поселился здесь. Вот уже прошло семнадцать лет со времени этих событий, и они так живо запечатлелись в моей памяти, как будто бы они происходили вчера; но рана в моем сердце все еще жива и так же кровава.

Такова история Марцелии, дон Альбино. Я должен был рассказать ее вам для того, чтобы вы знали ту, руки которой вы просите, и мой рассказ имеет другой мотив, который мне остается рассказать вам.

— Благодарю вас за доверие, которым вы удостоили почти незнакомого вам человека, дон Маркос; но будьте уверены, что я заслуживаю этого доверия и что я оправдаю его.

— Я верю вам, Альбино. Что же касается до того, что вы сказали, будто бы вы незнакомы мне, то вы ошибаетесь, дон Альбино; напротив, я вас очень хорошо знаю; ежели бы это было иначе, то я не позволил бы вам переступить порога этого дома. Одна Марцелия привязывает меня к жизни: я охраняю ее, как скряга охраняет свое сокровище, с тревожной ревностью, но постоянно бдительно.

Я выдам ее только за того, в ком будут соединены все необходимые качества для того, чтобы сделать ее счастливой. Я давно уже знаю о том, что вы любите ее, и ежели и не вмешивался до сих пор в ваши свидания...

— В наши свидания! — с живостью воскликнул молодой человек.

— Да, — ответил он отчетливо, — я невидимо присутствовал при всех ваших свиданиях с Марцелией. Вы вели себя честно до настоящего времени; я не упрекаю вас... Только отныне, ежели вы захотите говорить, то ваши беседы с нею должны будут происходить в моем присутствии; обещаете ли вы это мне, дон Альбино?

— Я обещаю вам, дон Маркос; у меня нет ничего секретного с донной Марцелией; моя любовь к ней откровенна.

— Я уверен в этом, и вот почему я хотел устранить все недоразумения между нами, для того чтобы приобрести ваше доверие.

— О, вы имеете его вполне! — воскликнул молодой человек с увлечением.

— Благодарю, а теперь прекратим нашу беседу; уже поздно; мне необходимо немного отдохнуть, для того чтобы потом заняться моими делами.

— Но мне кажется, что вы хотели что-то рассказать мне?

— Это правда; но еще не настало время; я подожду, пока оно не настанет, и тогда я сам скажу вам.

— Пусть будет по-вашему, я стану ожидать.

— Вот в этом углу повешена койка, скоро пройдет ночь. К тому же вы молоды и не заметите неудобства гостеприимства, которое я вам предложил.

Может быть, вы услышите ночью, как я пройду с моею лошадыю; но вы не беспокойтесь, я вам говорю, что мне необходимо отлучиться, а теперь желаю вам покойной ночи. Спите покойно и не уезжайте завтра до тех пор, пока вы не увидите со мною.

Он зажег кандилью о тот, который горел на столе, и хотел удалиться.

— Извините, — сказал ему с живостью дон Альбино, — еще одно слово.

— Слушаю вас.

— Действительно, ли вы отлучитесь в эту ночь?

— Да, действительно.

— Несмотря на эту ужасную грозу?
— Особенно вследствие этой бури.
— Я не понимаю.
— Нет надобности, чтобы вы понимали это, — сказал он, улыбаясь.

— Этот курс мотивируется важными обстоятельствами?

— Чрезвычайно важными, дон Альбино.

— Извините меня за то, что я так настаиваю, дон Маркос; но я хочу сделать вам предложение и не знаю, как сформулировать его.

— Ваша просьба очень важна?

— Я больше всего боюсь быть нескромным.

— Давайте все же объяснимся откровенно.

— Я так и поступлю, с вашего позволения. Одним словом, я хочу ехать с вами.

— Вы!.. — воскликнул дон Маркос с незаметной дрожью радости.

— Я решил твердо.

— Ах!.. ах!.. — сказал Дон Маркос, смеясь. — Неужели вы подозреваете, зачем я еду?

— Почти. Вы ловите жемчуг и занимаетесь контрабандой; но не думаю, чтобы вы сегодня отправлялись на ловлю.

— И действительно, теперь для этого занятия не время.

— Итак, вы уезжаете для перевоза контрабанды?

— Да, я уезжаю, действительно, за этим; вы совершенно верно угадали.

— Вы позволяете мне ехать с вами?

— Нет, вы ошибаетесь; я отказываю.

— Вы, вероятно, имеете к тому основание?

— Конечно имею, и ежели вы желаете, я скажу вам какое.

— Я этого желаю.

— Итак, я контрабандист, и дело в эту ночь должно произойти серьезное; может быть, мы подвергнемся опасности, и этой опасности я должен подвергнуться один, потому что я один заинтересован в этом вопросе, а вы, напротив, совершенно чужды.

— Хорошо, я не настаиваю, дон Маркос; вы можете действовать как вам угодно, так же как и я как мне угодно. Так как вы не доверяете мне, то вы отправитесь

один на это свидание; но я должен вас предупредить, что мы выедем из этого дома вместе.

— Вы не думаете о том, что вы говорите, дон Альбино! Это было бы с вашей стороны поступком безумным и бесчестным; куда отправитесь вы в такую ужасную ночь?

— Куда Богу будет угодно, дон Маркос; для меня все равно; но я подтверждаю вам, что я не останусь здесь, во время вашего отсутствия, один.

Моряк, по-видимому, обдумывал.

— Вы твердо вознамерились сделать эту глупость? — спросил он.

— Мое намерение неизменно.

— Ну что ж, ежели это так, вы поедете со мною; но только не забудьте, что вы потребовали этого сами!..

— Не беспокойтесь, дон Маркос!..

— Обещаете ли вы мне это?

— Честное слово.

— Итак, вы можете спокойно заснуть; я разбужу вас, когда придет время.

— Благодарю, дон Маркос, и я желаю вам спокойно-го сна.

— До скорого свидания.

— Это решено.

Дон Маркос ушел. Альбино остался один. Вместо того, чтобы лечь в постель, приготовленную для него, и постараться заснуть, молодой человек уселся за стол, опер свою голову на руки и погрузился в глубокое раздумье.

Станный рассказ дона Маркоса кружился в его голове и совершенно спутал его идеи; эта внезапная доверчивость, которую ему выказал этот странный человек, чрезвычайно его тревожила; некоторые замечания, которые он сделал, заставили его предположить, что его хозяин не с такою откровенностью, какую он выказывал, рассказывал эту историю.

Таким образом, он, не засыпая, грезил, тщетно силясь разгадать причины, которые понудили его хозяина поступать с ним таким образом, как вдруг он почувствовал, что кто-то прикоснулся к его плечу.

Он быстро вскочил со своего места, подавляя восклицание радости и изумления.

Перед ним стояла Марцелия; она была бледна и дрожала.

— Марцелия, — шепнул он, складывая руки, — я ожидал вас!

— Да, не правда ли, — ответила она, — Альбино, вы ожидали меня?

— Я боялся, что мне придется уехать отсюда, не имея удовольствия видеть вас.

— Неужели вы хотите так скоро расстаться с нами?

— Конечно нет, — ответил он со смущением, потому что он понял, что слишком много сказал.

Она окинула его вопросительным взглядом.

— Вы обманываете меня, Альбино, — сказала она.

— Я, Марцелия?

— Да, у вас есть проекты, которые вы желаете скрыть от меня.

Он склонил голову и не ответил.

— Я знаю все, — возразила она, — я стояла там за этой дверью и все слыхала.

— Что вы знаете? — воскликнул он.

— Я говорю вам — все! Дон Маркос рассказал вам грустную историю, не правда ли, мой друг? Эту историю знают многие, но не смеют громко рассказывать ее, и рассказывают ее не иначе как заперши двери и окна; их изложение отличается от рассказа дона Маркоса некоторыми подробностями, — добавила она грустно.

— Что хотите вы сказать этим, Марцелия, я боюсь понять вас! — воскликнул он, сопровождая свое восклицание жестом ужаса.

— Мы переговорим об этом после, друг мой; я также расскажу вам эту ужасную историю, и, может быть, вы найдете, что мой рассказ отличается от того рассказа, который вы слышали сегодня вечером. Но мы не имеем времени, дон Маркос спит чутко, он может проснуться; не следует, чтобы он застал нас вместе.

— А ежели бы он пришел теперь?

— Я предвидела эту случайность; Линдо предупредит меня вовремя. Альбино, вы неблагоразумно поступили, приняв приглашение человека, которого вы не знаете и расположение которого к вам не такое дружеское, как он притворялся. Альбино, берегитесь, он ваш враг!

— Мой враг? Вы ошибаетесь, Марцелия; что могло внушить ему гнев против меня?

— Я этого не знаю; но я уверена в том, что я говорю вам. Я чувствую, что я вас люблю, Альбино, меня предупреждает моя любовь: сердце никогда не обманывает.

— Ах, Марцелия! Чего могу я опасаться, ежели вы любите меня?

— Эти слова неосновательны, друг мой. Верьте моей прозорливости; я знаю, на что способен дон Маркос. Поверьте мне, будьте осторожны; я повторяю вам, что он ненавидит вас.

— Милая Марцелия, пусть он ненавидит меня; но, в таком случае, пусть же и он бережется, потому что я не ребенок, клянусь вам, и как только я замечу его измену...

— Нет, — перебила она его с живостью, — не так: этот человек и труслив, и хитер; поразите его его же оружием.

— Я постараюсь, но это будет для меня очень трудно. Признаюсь вам, Марцелия, я не привык прибегать к подобным средствам.

— А между тем, увь, мой друг, это необходимо, и ваша неосторожность поставила нас в весьма опасное положение; разве мало было того, что вы приняли его приглашение; к чему вы согласились уехать с ним в эту ночь?

— Марцелия, я сам настоял на этом.

— Вы так думаете, — возразила она с грустной улыбкой. — Вы не заметили, с какой дьявольской ловкостью он сказал вам о своем отъезде и, так сказать, вынудил вас сделать ему бессознательно предложение ехать с ним.

— Это правда, — сказал молодой человек, задумываясь, — но какая цель у этого человека? Чего нужно ему от меня?

— Это секрет между демоном, его вдохновляющим, и им. Собственно, на вас он, может быть, не сердится, и, вероятно, если бы вы не обратили на меня вашего внимания, он и не подумал бы вредить вам.

— Марцелия! Вы говорите загадочно!

— Это правда, друг мой; к несчастью, в настоящее время я не могу говорить яснее; знайте только то, что до вас за мною ухаживали двое молодых людей. Я не обращала никакого внимания на их ухаживания. Они не нравились мне — ни один, ни другой. Не хмурьте так

бровей, Альбино; клянусь вам, что вы первый проложили себе путь к моему сердцу. Я вас люблю, я никого еще не любила и никого не буду любить, кроме вас.

— О, благодарю, благодарю вас, Марцелия! — воскликнул Альбино, падая к ее ногам и осыпая горячими поцелуями ее руки, которых она не отнимала.

— Ну, верите ли вы мне теперь? — сказала она с обаятельной улыбкой.

— Марцелия, я никогда не сомневался в вас!

— Но позвольте мне досказать вам мой рассказ. Оба эти юноши, о которых я говорила вам, внезапно исчезли, и никто не мог узнать, какой смертью погибли они; полюбoglоданный игвамами труп одного из них был найден в зеленой лагуне, другой был отыскан в Маль Пасо; пуля раздробила череп его.

Кто убил их? Этого никто не мог узнать. Теперь я повторяю вам в последний раз — будьте осторожны! Они тоже были дружны с доном Маркосом; он принимал в них живейшее участие. И заметьте то, что только благодаря его розыскам найдены были их трупы.

— Боже мой! — произнес с испугом молодой человек. — Если я не ошибаюсь, то этот человек чудовище!

— Тише!.. — произнесла она, приложив палец к своим губам. — Молчите и бодрствуйте, Альбино, я не могу ничего более сказать вам.

И сделав последний прощальный знак, она легко выпорхнула в полуотворенную дверь, которая тихо заперлась за ней.

— О! — произнес молодой человек. — Тут кроется ужасная тайна. Бедная Марцелия! Как сильно должна она страдать у этого человека; ей выпало на долю постоянно жить у него, улыбаться ему и поминутно трепетать при его адском взгляде.

Он подошел к койке и лег; но не для того чтобы заснуть, а для того чтобы хорошенько, на свободе, обдумать, не боясь нападения своего страшного хозяина, средство разрушить его планы и изобличить его.

По полям

Контрабанда получила громадное развитие на берегах мексиканских обоих океанов, в особенности же она приняла невероятные размеры на Тихом океане вследствие отдаленности и почти невозможного контроля.

Эта тайная промышленность контрабандой началась в Мексике очень давно; она процветала уже во время строгой администрации испанских вице-королей, которые тщетно предпринимали строжайшие меры ежели не к искоренению ее, что они признали невозможным, то к ее ограничению.

Война за независимость, продолжавшаяся пятнадцать лет, еще более усилила контрабанду и дала ей возможность утвердиться на прочных основаниях, на которые она и теперь еще опирается в некоторых частях материка, открыто и заведомо всем.

В тех местах, в которых контрабандисты принимают некоторые предосторожности и работают только ночью, они делают это не потому, чтобы они признавали, насколько их торговля неправильна и незаконна и что им приходится укрываться со своими проделками; нет, это только потому, что таможенных чиновников довольно большое число и, следовательно, они сильнее преследуют контрабандистов и взимают львиную долю в экспедициях, к которым они присоединяются.

Так, около Сигвантанейоского порта, вследствие некоторых стычек между таможенными надсмотрщиками и контрабандистами, из-за дележа добычи после выгодной

экспедиции между обоими партиями произошел полный разрыв, и с тех пор они находились во враждебном между собою отношении.

Между ними происходили частые ссоры, тем более что дон Маркос, которого все контрабандисты единодушно признали своим предводителем, во-первых, вследствие его бесспорной храбрости, и, во-вторых, потому что он был прекрасный моряк и мог в самую темную ночь и сквернейшую погоду нагружать и разгружать корабль, и что дон Маркос питал глубочайшее отвращение к своим противникам и нисколько не старался скрывать от них планов своих экспедиций, которые, мы должны согласиться, удавались сорок раз из пятидесяти, благодаря его энергической инициативе и умным распоряжениям.

Эти постоянные успехи бесили таможенных по той простой причине, что вследствие их недосмотра им приходилось довольствоваться самой скудной долей, то есть почти ничем.

Управляющий таможней в особенности находился в том состоянии отчаяния, которое доводило его почти до бешенства, и тысячу раз клялся он, не приведя своей клятвы в исполнение, что при первой встрече дон Маркос погибнет от его руки.

Люди, которым угрожают, живут долго, гласит пословица. Дон Маркос, не обращая внимания на бешеную злобу достойного администратора таможни, мирно продолжал свои операции, довольствуясь вместо всякого мщения тем, что на следующий день посылал своему врагу заявление соболезнования так насмешливо, что тот бесился.

Около часу дон Маркос вошел в комнату, в которой дон Альбино притворился спящим; при шуме растворившейся двери он вскочил на своей койке.

— О! — сказал дон Маркос. — Как вы чутко спите, товарищ.

— Это старинная привычка моряка, — ответил тот, — не время ли уже?

— Да; ежели только вы не переменили вашего намерения, то поспешите встать.

— Я сейчас буду готов.

— Я хотел было оседлать вашу лошадь; но я вспомнил, что эту заботу любит всякий кавалерист, и оставил ее для вас.

— Благодарю вас.

Сказав это, Дон Альбино соскочил со своей койки, в которой он лежал, не снимая одежды, и тотчас же был готов.

— Как я заметил, — сказал дон Маркос, — у вас кроме вашего ножа нет никакого другого оружия; вот двуствольное ружье и два шестиствольных револьвера, которые вы заткнете за ваш пояс.

— Не опасаетесь ли вы нападения?

— Управляющий таможней, дон Ремиго Вальдец, мой враг; ему приятно будет накрыть нас: надо принять меры для защиты.

— Это справедливо, — ответил молодой человек.

— Теперь отправимся в корраль и поспешим. В два часа нам надо быть у Петатланского мыса, поэтому нам не следует терять времени.

— Действительно, дорога дальняя. Пойдемте же.

Они вошли в корраль; Альбино отвязал свою лошадь и немедленно принялся седлать ее.

Молодой человек не мог понять ласкового и радушного обращения с ним своего хозяина. Чем интимнее становилось его сближение с этим человеком, тем более тот становился загадочным для него. Он являлся ему в таких разнообразных красках, что принимал размеры неразрешимой проблемы.

По тому, что он сам сказал ему, и по тому, что после добавила Марцелия, дон Альбино готов был принять дона Маркоса скрывающимся преступником, проливавшим кровь как воду. С другой стороны, его столь кроткая улыбка, голос, такой симпатичный, взгляд его, такой честный и откровенный, приводил в сомнение дона Альбино, и он задавался вопросом, не тяготел ли над этим человеком таинственный фатализм, фатализм, который против его воли выказывал его характер в ложном свете. Последнее предложение дона Маркоса еще более увеличивало его смущение.

Как бы этот человек, имея дурные намерения против меня, так добровольно предоставил мне оружие?

Все эти мысли кружились в его голове в то время, когда он седлал свою лошадь с той тщательной заботливостью, с какой кавалеристы, которые знают, что их жизнь зависит от их лошади, занимаются этой операцией.

Когда лошади были готовы, оба всадника взяли их за узду, провели сквозь зал и вывели из дома.

Они сели в седло.

Дон Маркос свистнул, и двое мужчин, которых дон Альбино еще не заметил, тотчас же явились.

— Я уезжаю, — сказал он, — поберегите нинью.

— С Богом, ми амиго, — ответил один из двух людей, — когда вы возвратитесь, то найдете все в порядке.

— Едем! — сказал дон Маркос, прищипывая свою лошадь.

Оба всадника скрылись вдаль. Дон Альбино был грустен: ему так хотелось, чтобы Марцелия подошла к окну и таким образом простилась с ним, но он знал, что это невозможно.

Всадники безмолвно галопировали рядом. Так как дорога была гадкая, они лишены были возможности разговаривать. Буря почти утихла; дождь перестал идти, ночь была довольно светлая; но еще дул довольно сильный ветер, а раскаты грома смешивались непрерывно с постоянным ревом волн, ударявшихся об каменистый берег.

Дождь размыл дороги до того, что лошади подвигались только с большим трудом, спотыкаясь на каждом шагу, погрязая иногда по колени в лужах, в которых они рисковали сломать себе ноги; опрокинутые и разбитые ураганом деревья, обломки скал были разметаны, заграждали путь и вынуждали всадников делать бесчисленные объезды и терять много времени.

Наконец, они подъехали к берегу; хотя отлив еще не наступил и беловатые хребты волн замирали у их ног, поездка сделалась гораздо менее утомительной, и они поехали шибче; лошади их галопировали по мокрому песку, но уже окрепшему, поэтому они не встречали уже на своем пути тех препятствий, которые задерживали их до этого.

— Так! — произнес дон Маркос, осматриваясь внимательно кругом. — Теперь, я думаю, нам можно будет поговорить, не рискуя сломать себе шею; к тому же ураган все более и более утихает, и мы скоро отдохнем.

— Какого вы мнения об этой прогулке, которую я заставил вас сделать?

— Право, я нахожу, что она прекрасна.

— Не правда ли? Ох, жизнь контрабандиста не так неприятна, как многие предполагают.

— Я это знаю.

— Почему вы знаете? Не занимались ли вы контрабандой, дон Альбино?

— Почему же мне не быть с вами откровенным? Да, я много раз помогал кораблям производить нагрузку без казенного контроля. Не такой же ли я костено, как и вы?

— Это справедливо; я упустил это из виду: кто называет себя костено, тот называет себя контрабандистом, — весело отвечал дон Маркос. — Я очень рад этому. Я боялся иметь дело с новичком, но теперь я спокоен. И ежели этот почтенный Ремиго Вальдез, управляющий таможнями, вздумает преследовать нас, ну право, тогда, куэрто де Кристо, мы сумеем ответить ему; я не говорю уже о том, что мои товарищи будут довольны новобранцем, которого я приведу к ним.

— Вы прекрасно сказали, — ответил молодой человек тем же тоном, — я постараюсь оправдать вашу рекомендацию; но не удивятся ли ваши товарищи тому, что вы прибудете с иностранцем?

— Почему же они удивятся? Когда я представлю вас им, они примут вас с распростертыми объятиями; к тому же вы увидите их, и я уверен в том, что вы знаете их всех: это большей частью люди, занимающиеся ловлей жемчуга, и портовые каргадоресы*.

— Дело это очень важно?

— Ну да, надо перевезти на французский бриг, стоящий на якоре за мысом с наветренной стороны острова, груз, состоящий из пята пина**, на счет богатого английского дома в Сан-Блясе; нам дадут из всей суммы двадцать процентов; а знаете ли вы, это недурно!

— Я думаю, тем более что вы ничем не рискуете.

— Гм! Может быть, придется подраться с таможенными.

— В таком случае, произойдет битва; как я рад!..

— Vive Dias! Вы прекрасный товарищ, и я очень доволен случаем, который свел нас так близко.

Это было сказано, действительно, от всей души и так откровенно, что дон Альбино, невольно подчиняясь магнетическому влиянию, какое этот человек производил на

* Носильщики.

** Серебро в слитках.

всех, с кем он ни знакомился, почувствовал, что все его подозрения рассеялись и сменились полнейшим доверием.

Они продолжали вести этот разговор еще некоторое время самым дружеским манером; кто бы услышал их, тот счел бы, что они уже очень давно знакомы, судя по откровенности их беседы.

Через час они свернули направо и пустились по узенькой тропинке, просеченной в скале, которая по легкому склону и многочисленным извилинам поднималась на скалы, которые здесь составляют морской берег.

Дон Маркос уменьшил немного аллюр лошадей и, наклонившись к своему спутнику, шепнул ему, как будто бы опасаясь, чтобы его не подслушали:

— Мы вскоре встретим наших союзников, позвольте мне откомендовать вас.

— Откомендуйте, — ответил молодой человек. — Так как мне придется вдруг попасть в совершенно незнакомое общество, то желательно было бы узнать, как следует вести себя?

— Об этом-то именно я и хочу переговорить с вами. Из числа двадцати и нескольких кабалерос, которых мы скоро встретим, есть один, с которым я прошу вас, чтобы вы совершенно не сходились; вы узнаете после мотивы.

— Но как узнаю я этого человека?

— Весьма легко; он служит у меня лейтенантом, это синдик портовых каргадоресов; как только он увидит меня, то наверняка подбежит ко мне. Ему около пятидесяти лет; он высок; черты его лица грубы и угловаты; глаза косые; несмотря на то что он европеец, он походит на индейца; он любит щегольнуть и носит множество драгоценностей.

— По вашему описанию мне нетрудно будет узнать его.

— Наконец, — продолжал дон Маркос, — его зовут Стефано Лобо (Волк).

— Гм, вероятно, по шерсти и кличка.

— Да, — сказал моряк со странным выражением, — более чем по шерсти пришлась она ему.

— По вашим словам я заключаю, что он ваш враг.

— Он?! — воскликнул дон Маркос с пронзительным хохотом. — Вы ошибаетесь, кабалеро, напротив того, он мой лучший друг.

Дон Альбино с удивлением смотрел на своего спутника, но дон Маркос не дал ему времени задуматься.

— Обещаете ли вы мне, — сказал он, — избегать близкого знакомства с ним?

— Я обещаю вам, сеньор.

— Благодарю, поспешим в галоп, мы опоздали.

И они помчались во весь опор.

Через двадцать минут всадники ехали по дефиле, окруженному справа и слева высокими скалами. Дон Маркос остановился и два раза свистнул. Довольно близкий свист ответил ему.

— Хорошо! Мы приехали, вперед!

Через несколько минут они выехали на довольно широкую равнину, совершенно безлесую: в нескольких шагах перед ними, посреди тропинки, неподвижно стояли три всадника и, казалось, ожидали.

— Кто идет? — раздался оклик.

— Маркос! — поспешно ответил моряк.

И тотчас же, наклонившись к уху своего спутника, сказал:

— Тот, кто крикнул — это тот самый человек, о котором я говорил тебе.

И три всадника присоединились к ним.

— Ну что? — спросил Маркос.

— Нет ничего нового, — ответил один из всадников.

— Таможенные не появились ли, любезный дон Стефано? — спросил Маркос.

— Их и духу не было слышно, сеньор, — ответил лейтенант, которого дон Альбино тотчас же узнал по описанию дона Маркоса, которое имело поразительное сходство.

— Гм! Это-то и озадачивает меня, — продолжал Маркос, — я недолюбливаю и не доверяю сеньору дон Ремиго. Его отсутствие подозрительно для меня, тем более что он наверное знает прекрасно все то, что относится к нашей ночной экспедиции; где наши люди?

— Шесть человек ожидают нас в Сальто-де-Кабра с мулами, — ответил Стефано.

— Ну а другие?

— Я разослал их осмотреть все тропинки, которые ведут к пункту нашего направления.

— Пардье! Любезный дон Стефано, — весело произнес Маркос, потирая руки, — надо сознаться, что

вы редкий человек. И я не сделал бы лучше, ваши распоряжения прекрасны. Нам нечего бояться нападения.

— И я не ожидаю его, — скромно ответил дон Стефано.

— Теперь, кабалеросы, — продолжал дон Маркос, — позвольте мне представить вам одного из моих друзей, за которого я сам ручаюсь; он изъявил желание присутствовать при этой экспедиции в качестве амагера; я не мог отказать в этом небольшом удовольствии.

— Милости просим, — ответил Стефано с крайней вежливостью, — мы считаем за честь иметь его товарищем.

— Вы обязываете меня, сеньор, — ответил дон Альбино, поклонившись почти до шеи лошади.

— Я забыл сказать вам, что, по уважительным причинам, он просил меня сохранить его инкогнито, — сказал дон Маркос.

— Ежели бы между контрабандистами не существовала полнейшая свобода, тогда бы ее не было вовсе на земле, — вежливо сказал дон Стефано.

Альбино вновь ответил молча, одним поклоном.

— В путь, сеньоры, — сказал дон Маркос, прищипывая свою лошадь.

Все последовали его примеру.

В этот раз переезд был непродолжителен: спустя не более десяти минут они круто поворотили направо и очутились на вершине скалы, на которой собралось несколько человек.

Эти люди приютились, как только могли, от сильного ветра, который сильно дул на такой высоте, за обломком скалы, которая по странной игре природы образовала род волядеро, над которою свободно могло приютиться до пятидесяти человек. В настоящее время их было только десять. Двадцать с чем-то мулов, стреноженные, ели дачу майса, лежавшего перед ними на разостланных на земле серапе.

Контрабандисты встретили новоприбывших с живейшей радостью.

Дон Маркос и его спутники соскочили с лошадей, которые тотчас же смешались с мулами.

— Товарищи, скорее! — сказал контрабандист. — Нам нечего терять время.

— Дон Стефано, потрудитесь сходить и посмотреть, все ли там в порядке.

Лейтенант, не отвечая, тотчас спустился по лестнице, высеченной в мягкой скале, и вскоре исчез.

Тогда дон Маркос отвел в сторону одного контрабандиста и сказал ему несколько слов на ухо.

Тот поклонился, вскочил на лошадь и помчался галопом к равнине.

Окинув взором людей, сгруппировавшихся вокруг него, дон Маркос вышел на край скалы и наклонился над пропастью; не обращая внимания на опасность подобного положения, он сложил обе руки в виде рупора и закричал так громко, что голос заглушил шум волн, разбивавшихся об основание скалы:

— Оге! Готовы ли вы там?

— Мы готовы! — ответил голос, как будто выходивший со дна морского.

— За дело! — продолжал дон Маркос, возвращаясь к своим товарищам.

Они принялись исполнять его приказания.

Контрабандисты

Скала, на вершине которой собрались контрабандисты, находилась почти на расстоянии четырех лье от Сигвантапейоского порта, на полудороге за Петатланским мысом, в небольшой бухте, которая открывается почти против островков, которые группируются перед входом в порт.

Эта скала, возвышающаяся почти на тридцать метров над поверхностью моря, образует то, что здесь называют волядеро; со стороны материка на вершину ее можно взойти по почти нечувствительному склону.

У основания скалы, с которой спускаются по лестнице, высеченной в скале по одной ее стороне, лестнице, мимоходом сказать, самой опаснейшей, тянется на дюжину метров в ширину песчаный берег, к которому легко пристают лодки и прекрасно защищают от ветра N. O., который постоянно сильно дует в этом месте.

Средство, употребленное контрабандистами для отправления их товаров, было самое простое: они просто переносили один за другим слитки на край скалы и бросали вниз.

Товарищи их, поставленные для этого на берегу, подбирали эти слитки и сносили тотчас же в ожидавшие их лодки.

По приказанию дона Маркоса контрабандисты разделились на две группы.

Первая, собрав лошадей и мулов, отправилась за полуднею далее для принятия товаров, которые нужно было перенести на другое судно. Эти товары большей частью состояли из европейских произведений, холста, хлопка, шелка и поддельных драгоценностей и прочее.

Вторая группа была занята переноской слитков.

Контрабандистам следовало перенести плыть пина на бриг, который лег в дрейф за милю в море, обогнуть мыс, догнать мулов, которые ожидали их в бухте невдалеке от Пуэбло и были уже все нагружены.

Дон Альбино следил с живейшим интересом за операциями контрабандистов; он особенно восхищался быстротой, с какой они исполняли приказания своего предводителя, и уважением, которое они ему оказывали. Одно только беспокоило его: он задумался о том, какое средство употребят контрабандисты для того, чтобы сойти со скалы. Род лестницы, о которой мы говорили, была далеко от того места, где они находились, и кроме того она была почти непроходима.

Спускаться по этой опасной дороге вызвало бы значительную потерю времени, тогда как эта операция, напротив, требует безусловной быстроты, а иначе не было бы никакого успеха.

Итак, его любопытство было сильно возбуждено, он с нетерпением ожидал того момента, когда последний слиток скатится со скалы, для того чтобы увидеть средство, какое употребят контрабандисты, чтобы спускаться самим.

— Ну что? — спросил у него дон Маркос. — Какого вы мнения о нашем средстве отправки товаров?

— Я нахожу его весьма простым для купцов, — ответил он, — но только я недоумеваю, как спустятся эти люди вниз?

— Так же!..

— Нет, — сказал он, отступивши на один шаг, — вы, вероятно, шутите?

— Нисколько, — ответил со смехом контрабандист.

— Вы спуститесь вниз со скалы?

— Ну да, я, вы и наконец все.

— Ах! Как бы мне хотелось видеть, как сделаете вы этот опасный скачок.

— Будьте покойны, вы увидите это, тем более что и вы спуститесь таким же манером.

— Вы полагаете? — спросил он с очевидным недоверием.

— Ну да и даже не колеблясь.

— Но вы слишком много берете на себя, уверяя в этом.

— Нисколько, уверяю вас; вы удивляетесь, потому что не хотите обдумать этого, вот и все.

— Ох! Ох! — сказал дон Альбино, покачивая головой. — Дело это не так просто, как вы хотите меня уверить, но только клянусь вам честью, что какую бы вы не избрали дорогу, я тотчас последую за вами, и что там, где вы пройдете, пройду и я.

— Я не сомневаюсь в вашей храбрости; однако же ежели бы этот путь не нравился вам, вы...

— Нет, — с живостью перебил он, — я не допускаю в этом замечания. Так как вы меня немного знаете и вы уверены во мне, то я допускаю его и благодарю вас за него; но ваши товарищи не знают, и мне хотелось бы, чтобы узнали меня.

— Вы совершенно правы, — сказал серьезно дон Маркос, — делайте что вам угодно.

— Хорошо, я ожидал этого позволения и воспользуюсь им; благодарю.

В то время как они разговаривали таким образом, контрабандисты нагрузили слитками лодки, бросая их один за другим со скалы.

— Все готово, сеньор дон Маркос, — сказал один человек, подходя к нему.

Дон Маркос хотел было ответить, но вдруг раздался ускоренный галоп лошади, и контрабандист, которого дон Маркос послал в разведку, возвратился; он быстро соскочил с лошади и быстро подошел к предводителю; этот отвел его немного в сторону.

— Ну что? — спросил он у него тихонько. — Что слышно нового?

— Сеньор, вы верно угадали, — ответил этот также тихо, — все так и случилось, как вы сказали.

— Ах! Ах! — произнес дон Маркос, слегка нахмутив брови. — Итак, дон Ремиго предупрежден?

— Да, и в этот раз он надеется, что вы не уйдете от него.

— Гм!.. — шепнул он, лукаво улыбаясь. — Посмотрим; знаете ли вы подробности?

— Самые точные и верные.
— Хорошо, я слушаю; расскажите поскорее.
— Достаточно двух слов: вы будете атакованы с суши и с моря.

— Черт возьми, в таком случае это настоящая экспедиция.

— Дон Ремиго хочет разбить вас.

— Он прав. Мне также сильно этого хочется, — сказал дон Маркос, потирая себе руки.

Контрабандисты были так далеко, что они не слышали того, что говорил их начальник, но они видели его жесты.

По этому потиранию рук, верному признаку близкой опасности, они обменялись шепотом несколькими словами, для того чтобы ободрить друг друга и смело дать отпор.

— Кто атакует нас с моря?

— Эх! Разве вы не знаете? Корабль «Искупление».

— Уверены ли вы в этом? — воскликнул он.

— Пардье! — возразил другой. — Он лавирует с наветренной стороны мыса от захода солнца и обменивается сигналами с землею.

— Хорошо, за дело же! — расставшись со своим эмиссаром, от которого он наверное узнал все, что ему нужно было знать, он быстро подошел к контрабандистам, сгруппировавшимся на краю скалы.

— Ребята, спусти два слитка! — крикнул он.

Тогда несколько человек схватили несколько реат, связанных одна с другой и составивших веревку почти в сорок метров длины; они опустили в бездну тот конец ее, к которому были прикреплены два последних слитка, и потихоньку опускали этого нового рода веревку, пока хриплый голос, раздавшийся снизу, не дал знать, что слитки спущены на землю.

Тогда они натянули веревку и укрепили ее за обломок скалы.

Дон Маркос убедился в том, что веревка была туго натянута; он подал сигнал.

Тогда контрабандисты спустились один за другим на край скалы и, цепляясь ногами и руками за веревку, опустились к ее основанию.

Следует сказать, что реата — то же самое, что гаучосы называют лясо; единственное отличие состоит в

том, что она делается не из пряжи, а из коровьей кожи, сплетенной и смазанной салом, отчего она становится чрезвычайно гибкой и удобной. Это была не ребяческая шалость — спуститься по этой веревке с высоты в тридцать метров ночью и при ветре, который, несмотря на все усилия тех, которые натягивали ее снизу, сильно раскачивал ее.

Надо для этого было иметь ловкость, силу и храбрость, какими были одарены эти отважные авантюристы, чтобы спуститься таким образом, не рискуя разбиться об скалы.

В то время как его товарищи цеплялись один за другим за веревку с той веселой беспечностью, которую придает привычка к опасности, дон Маркос подошел к Альбино.

— Не раздумали ли вы следовать за нами? — спросил он его насмешливо.

— Нет, я ни за что не откажусь, — ответил тот ясно.

— Хорошо! Я знал, что вы не отступите, — произнес дон Маркос серьезно. — Теперь еще один вопрос.

— Слушаю.

— Могу ли я положиться на вас?

— Как на самого себя.

— Сегодня вечером я разыграю последнюю партию, которая тянется уже несколько лет; она должна быть разыгранною, может быть, мне понадобится друг.

— Я весь ваш, — откровенно ответил молодой человек.

— Поймите хорошенько меня; недоразумение может быть губительно для меня и для вас; вы должны слепо повиноваться мне и исполнять каждое мое слово, каждый знак.

— Я стану повиноваться вам.

— Какие бы не произошли от этого последствия?

— Да.

— Вы обещаете мне это?

— Я клянусь вам честью, — твердо ответил молодой человек.

Дон Маркос протянул ему руку.

— Благодарю, — сказал он ему с волнением, — я верю вашему слову; но не забудьте, что в том, что произойдет, вы имеете более интереса, чем я сам. Ну идем-

те, — добавил он, не давая ему времени потребовать объяснения этих таинственных слов, — мы остались одни; ваша очередь спускаться.

— А вы?

— Я спущусь последним, мне следует отвязать реату. Идите, идите, мы и без того потеряли уже много времени.

Дон Альбино переполз на ногах и на руках через скалу совершенно так же, как до него сделали это контр-абандисты; он крепко ухватился за реату и, молясь мысленно Богу, соскользнул в зиявшую под ним бездну.

Он спустился скорее, чем ожидал, но благополучно, и молодой человек тотчас же очутился среди контр-абандистов, которые приняли его, так сказать, в свои объятия.

Итак, дон Маркос остался один на вершине скалы. Убедившись в том, что его юный товарищ спустился на землю здоровым и невредимым, он вынул из-за пояса пистолет и, обратившись спиной к морю, выстрелил три раза.

Не более как через две минуты три ракеты, взвившиеся во мраке одна за другой, дали ему знать, что его сигнал заметили и поняли.

— Хорошо! — проворчал он. — Теперь они предупреждены; все идет хорошо.

Он заложил пистолет за пояс и прямо подошел к скале, к которой была привязана реата. Тогда с удивительным хладнокровием он развязал один за другим узлы и отвязал веревку от обломка скалы; оставив только одну петлю и легши животом на землю, держась левою рукою за реату, он подполз в этом положении на край скалы, перелез через него и, уцепившись за реату, спустился, держась одной только рукой.

Это предприятие было самое трудное и самое опасное; малейший промах — и он мог бы слететь в бездну; храбрейший человек не решился бы исполнить подобного маневра, и мы сомневаемся, чтобы сам Блонден, баснословной памяти, осмелился рискнуть спуститься при подобных условиях в такую мрачную ночь и при таком сильном ветре в пропасть в триста метров глубины.

А между тем Маркос нисколько не боялся той ужаснейшей опасности, которой он подвергался. Его движения были смелы и прекрасно рассчитаны. Его товарищи,

собравшись внизу у скалы, все храбрые до безумия, смотрели со страхом и трепетом на это ужасное зрелище, наконец Маркос спустился на землю, к величайшей радости контрабандистов, которые невольно ахнули от удовольствия, увидав его здоровым и невредимым.

Едва его ноги прикоснулись песка, как он потянул реату к себе и спустил ее на землю.

— Где дон Стефано? — спросил он.

Лейтенант подошел к нему.

— Свезена ли плята пина на корабль? — продолжал он.

— Да, сеньор, — ответил дон Стефано, — я отправил ее на двух лодках.

— Мне кажется, — сказал он строго, — что ее можно было бы отправить на одной.

— Это верно, сеньор, — ответил лейтенант с некоторым смущением, — но я боялся, чтобы эта лодка не была слишком нагружена; к тому же, так как я получил положительные сведения, что нам нечего бояться нападения таможенных...

— Тем более были основания, — прервал он насмешливо, — для того чтобы нагрузить только одну лодку; что значит «ежели нам нечего бояться преследования»?

— Мне казалось... — лепетал тот со смущением.

— Вам казалось, сеньор? — сказал он строго. — Один я отвечаю за все это и поэтому один я имею право распоряжаться. Поспешите же исполнить полученные вами приказания.

Лейтенант опустил голову, выслушав этот строгий выговор, сделанный перед всеми, и удалился, не отвечая, со стыдом.

Прошло несколько минут; дон Маркос в волнении прогуливался по берегу, нахмутив брови, заложив руки за спину, по временам останавливаясь и всматриваясь внимательно в даль, в море, столь бурное за несколько часов, а теперь совершенно спокойное; волны тихо плескались у берега с жалобным ропотом, их белые хребты блистали как брильянты при слабом мерцании звезд, которые здесь и там мерцали на небе.

Ночь подвигалась, уже было около трех часов по полуночи. Вдали над волнами виднелся как будто бы блуждающий огонек, красноватый огонек, не более пяти-

алтынного, который то подымался на значительную высоту, то погружался в волны; на этот-то огонек устремлялись взоры нетерпеливого контрабандиста.

Наконец дон Стефано возвратился к нему.

— Ваши приказания исполнены, — сказал он.

— Хорошо, дон Стефано, — ответил дон Маркос, — я благодарю вас за быстроту, с какой вы исправили вашу ошибку. Может быть, я поступил с вами слишком вспыльчиво; я сожалею об этом; соблаговолите, я вас прошу принять мое искреннее извинение.

— Сеньор!.. — пролепетал дон Стефано.

— Я надеюсь, что вы не станете сердиться на меня за эту вспыльчивость, извинительную, однако, при тех обстоятельствах, в которых мы находимся, — перебил дон Маркос.

— Между кабалерос достаточно одного слова, сеньор, будьте уверены, что все забыто, — ответил дон Стефано с церемонным поклоном.

— Отчаливай, ребята!.. — скомандовал дон Маркос.

Контрабандисты повиновались, как люди, желавшие покончить это дело и которых все эти промедления начинали выводить из терпения.

На берегу Тихого океана контрабандисты обыкновенно употребляют лодки с заостренным носом и кормою, так же как в китоловных пирогах; но они больше, потому они могут вмещать от двадцати до двадцати пяти человек.

Правда, эти люди бывают стеснены и часть их должна лежать в таких случаях под скамьями гребцов.

Этими лодками управляют веслом с кормы, и они по большей части превосходно ходят; мы должны добавить то, что мексиканские контрабандисты — все отважные моряки, которые маневрируют на этих лодках с замечательной ловкостью.

Вскоре весь экипаж был на корабле; этот экипаж состоял из пятнадцати человек, прекрасно вооруженных ружьями, револьверами, ножами и реатами. Лодка вышла в море и обогнула мыс при общих усилиях сидевших на веслах, которые гнали ее, и она летела, как зимородок по морю, несмотря на ее тяжелый груз из серебряных слитков.

Дон Маркос стоял на корме и управлял лодкой; дон Альбино сидел справа от него, а дон Стефано слева.

Лодка плыла по прямой линии на огонь, о котором мы говорили выше.

Контрабандисты сильно гребли с полчаса; потом, по приказанию дон Маркоса, они затабили.

Они быстро приближались к кораблю, кузов и высокие мачты которого отчетливо были видны во мраке.

— Эй! На корабле! — крикнул звучно дон Маркос.

— О-ля! — тотчас же ответили ему.

— Вас, кажется, прибило к островам? — продолжал контрабандист. — Не нужно ли вам кормчего?

— Мы ждем его нетерпеливо, — отвечали ему.

Дон Маркос выстрелил.

С корабля ответили на этот новый сигнал.

— Подходи! — закричал тот же голос, который уже слышали.

— Приготовьтесь забросить швартов! — сказал дон Маркос своим товарищам...

Все весла разом опустились в море, и лодка опять полетела.

Через несколько минут она пристала к кораблю...

— Вы ли это, сеньор дон Маркос? — спросил моряк, появившись на шканцах.

— Да, сеньор капитан, — ответил контрабандист.

И, ухватившись за трап, который ему подали, он поднялся на борт, а за ним поднялись дон Альбино и большая часть его экипажа.

«Целомудренная Сусанна»

Судно, к которому так смело подошли контрабандисты, был бриг в девяносто тонн, чрезвычайно изящный, очень легкий и, должно быть, прекрасный на ходу; он был содержим в совершенной опрятности и выглядел как игрушка.

Хотя этот бриг и был коммерческим судном, но на нем были две коронады на носу и четыре медные каменометницы на корме, что придавало ему воинственный и приятный вид.

Капитан, загоровший толстяк с умным выражением лица и серыми прехитрыми и плутоватыми глазами, принял дона Маркоса с выражением самой искренней дружбы и, пожав ему несколько раз руку, увел в свою каюту.

Дон Альбино по знаку, сделанному ему контрабандистом, последовал за ним в каюту капитана.

Когда за ними затворилась дверь, дон Маркос сказал:

— Капитан Гишар, позвольте мне представить вам сеньора дон Альбино, одного из лучших моих друзей.

— Я очень рад, — весело ответил капитан. — Теперь же, господа, садитесь и позвольте мне предложить вам по стакану старой французской водки, которую мы разопьем, беседея.

— Я с удовольствием принимаю ваше предложение, капитан, — сказал дон Маркос, — я давно уже знаю вашу водку и чем более ее пью, тем более она мне нравится.

— Право, вы прекрасно выразились, — сказал капитан, ставя на стол бутылку и три стакана, которые он тотчас же и наполнил.

— За ваше здоровье, господа! — добавил он.

Они чокнулись и выпили.

Капитан Гишар был старый морской волк, который в продолжение двадцати лет обошел все берега Тихого океана, ловко занимаясь контрабандной торговлей; его бриг «Целомудренная Сусанна» был известен во всех портах от Вальпараизо до Сан-Франциско, где он был грозой для таможенных и всех агентов фиска различных прибрежных республик.

Его капитан прославился как контрабандист и слыл пиратом. С первой встречи легко можно было узнать по его южному резкому произношению, когда он объяснялся на своем родном языке, что капитан Гишар был марселец старинного закала; кутила, хитрый, храбрый до дерзости, он говорил легко на всех наречиях пяти частей света; наконец, он пользовался прекрасной репутацией у своих многочисленных знакомых и умел выйти сухим из воды в самых опасных и деликатных обстоятельствах. Поэтому купцы, прибегавшие к нему, почитали его бесценным помощником в тех случаях, в которых они доверяли его честности товары значительной ценности.

— Что слышно нового на берегу? — спросил капитан, поставив свой стакан на стол и с удовольствием прищелкнув языком...

— Право, не много; что может доходить до нас? — ответил дон Маркос.

— Это правда, вы совершенно отказались от света. Ба! Ведь говорят же, что тот счастлив, кто ничего не знает.

— За ваше здоровье!..

— И за ваше! Свезены ли ваши товары?

— Пардье! Уже более двух часов как они на условленном месте, под охраной пятнадцати человек моих матросов. Я только ожидаю их возвращения, чтобы отправиться далее. Со вчерашнего дня я лавирую у этого мыса и клянусь вам, что сильно соскучился.

— Я понимаю это.

— Кроме проклятого кордонназо, который настиг меня около захода солнца и который чуть было не прибил меня к берегу.

— Да, буря была сильная, но теперь она стихла: вы можете на рассвете отправиться.

— Я надеюсь. Вы не пьете: за ваше здоровье!

— И за ваше! Скоро ли, капитан, мы увидимся здесь опять?

— Может быть, — сказал он с лукавой улыбкой, — скоро будет заработок в здешних водах для честных людей, знающих свое дело.

— Что это значит?

— Я знаю, что, — сказал он таинственно, — вы увидите...

В это время дверь каюты отворилась и в нее вошел офицер.

— А, вот и вы, господин Гурсо, — сказал капитан, — ну что, как идут наши дела?

— Да, капитан, на корабле все готово, но эти проклятые слитки тяжелы и их трудно уложить.

— Не хотите ли вы выпить стакан?

— От этого нельзя отказываться, капитан; меня дьявольски мучит жажда, у меня в горле пересохло, как от северо-западного ветра.

— Гм! Оно у вас почти всегда так бывает, господин Гурсо... За ваше здоровье!

— И за ваше взаимно, капитан и общество, — ответил почтенный моряк, одним залпом проглатывая полный стакан.

— Не желаете ли вы чего-нибудь сказать мне?

— Да, капитан, — ответил он, поглаживая рукой усы. — На W. 1/4 S. W. показался корабль.

— Да? И что это за корабль?

— Бриг. Его маневры кажутся подозрительными; можно подумать, что он держит на нас.

— Оставьте, море для всех, это широкий Божий путь; только наблюдайте за ним и ежели он слишком близко подойдет, дайте мне знать.

Господин Гурсо поклонился и вышел.

— Гм! — произнес капитан. — Бриг в виду в это время года; что вы о нем думаете, дон Маркос?

— А вы, капитан?

— Пардье, это мне кажется подозрительным; не «Искупление» ли это?

— Вы прямо угадали, капитан Гишар.

— Гадкое дело! — воскликнул капитан, ругнувши испанским провансальским языком, которым он говорил в настоящее время. — Уверены ли вы в этом?

— Вполне; я наблюдаю за ним со вчерашнего вечера.

— Ага, так это «Искупление», — продолжал он, потирая руки, — все ли им командует капитан Ортега?

— Ежели только правительство не заблагорассудило сменить его в продолжение последних двух суток. Без всякого сомнения, что этим бригам командует он.

— Эх! — произнес странным акцентом капитан. — Мне хотелось бы перевестаться с капитаном Ортега; мне нужно свести с ним старый счет, и вам также, дон Маркос, ежели я не ошибаюсь?

— Это правда, — ответил глухим голосом контрабандист.

— Ну, это пахнет экспедицией!

— Мы проданы дону Ремиго Валдецу.

— Моему старинному другу, управляющему таможеней, — сказал весело капитан, — хорошо же, мы посмотрим.

— Не думаете ли вы вступить с ним в бой?

— Да! А неужели вы полагаете, что я позволю зашвартовать себя?

— Я этого не говорю; но вы могли бы уйти, на «Искуплении» восемь коронад и прицельная пушка на носу.

— Ну что это для меня? — ответил капитан, пожимая плечами. — У «Целомудренной Сусанны» есть клюв и когти, дон Маркос, и да хранит нас Бог! Ежели нас атакуют, мы станем защищаться; к черту гвадалупцев*; говорю это не в обиду вам, и за ваше здоровье, также за здоровье вашего друга, дон Маркос.

Стаканы вновь были выпиты и налиты для последнего тоста; потом капитан и его гости вышли из каюты.

Начинало уже рассветать; на темном небе потухали одна за другой звездочки, на горизонте показывалась уже беловатая полоса, предвещавшая рассвет; на далекой полосе голубых волн ярко-красный отблеск, предвестник солнечного восхода, предвещал, что это светило вскоре появится и согреет природу своими живительными и величественными лучами.

В это время сквозь густое облако тумана, которое скрывало его, стал мало-помалу показываться легкий бриг, и наконец он появился на расстоянии не более четырех узлов с наветренной стороны от «Целомудренной Сусанны».

* Прозвание, данное мексиканцам.

Это был прекрасный корабль, легкий и быстрый на ходу, с красивым и стройным кузовом, с высокими мачтами, кокетливо наклоненными к корме; его оснастка была в прекрасном порядке и хорошо осмолена, его паруса были хорошо зарифлены, к тому же грозные жерла восьми небольших коронад, которые выглядывали с правого и с левого борта, и длинная восемнадцатифунтовая пушка, стоявшая в носу, означали даже и тогда, когда на большой мачте не висело сигнального фонаря, что это судно было крейсерское, назначенное для наблюдения берегов.

Ветер был такой легкий, что бриг едва подвигался вперед...

— Это, действительно, «Искупление», — весело сказал капитан. — Что ему надо?

При этом странном восклицании лица, стоявшие близ капитана, не могли удержаться от смеха.

— Слушайте, господин Гурсо, — продолжал капитан, — прикажите продолжать нагрузку слитков; но так как все знают, что может произойти, то прикажите зарядить пушки и вынести ружья на палубу; сколько людей останется у нас наверху?

— Тридцать пять человек, капитан, потому что пятнадцать человек съехало на берег в шлюпке и в большой лодке.

— Это верно. Скажите же, дон Маркос, не знаете ли вы, велик ли экипаж на «Искуплении»?

— Семьдесят человек, капитан.

— Это значит — только вдвое против нашего. Дело уладится. Вы останетесь ли на судне?

— Конечно, ежели вы пожелаете этого.

— Я очень буду рад. Сколько привели с собою людей?

— Пятнадцать отважных молодцов.

— Такое же именно количество матросов я послал на работу. Видите, все прекрасно улаживается.

— Господин Гурсо, когда все слитки будут свезены на борт, вы зашвартуете шлюпку дона Маркоса у кормы. Вот это так дело. Юнга, принеси бутылку: не мешает выпить водки. Господин Гурсо, прикажите раздать порции водки экипажу; это ободрит их.

Эти различные приказания, отдаваемые с быстротой, свойственной капитану, были мгновенно выполнены.

— Я боюсь только одного, — продолжал капитан, — что ветер не скоро подымется; при попутном

ветре я задал бы гонку моему любезному собрату, капитану Ортега.

— В этом отношении вы можете быть покойны, капитан Гишар, — ответил дон Маркос, протягивая руку к Петатланскому церро. — Видите ли вы это круглое облако над горою? Не пройдет и часу, как засвежеет такой ветер, какого вы только можете пожелать.

— Дай Бог, друг мой, — сказал капитан, — тогда все пойдет прекрасно; меня только тревожат мои бедные матросы, которые съехали на берег; но я придумаю средство, чтобы они возвратились на борт.

Вдруг бриг принял воинственную осанку; множество сабель, пистолетов, ружей, топоров и пик были разложены у мачты; матросы расхаживали с необыкновенным воодушевлением. Храбрые люди давно уже знали своего капитана, они знали, что эти приготовления были сделаны не для одного виду и что они вскоре сцепятся с красивым бригом, который так небрежно подходил к ним.

Подобно всем галлам, капитан Гишар был готов драться во всякое время; запах пороха был приятно употребелен для него, и как только он находил случай подраться, он не упускал его, опасаясь, что не скоро ему представится к этому новый случай.

В этот раз, кроме его задорного и злобного расположения, капитан имел серьезный мотив подраться с капитаном Ортега, так как капитан Ортега, которому мексиканское правительство поручило наблюдение за берегами для ограничения контрабанды, несколько раз преследовал «Целомудренную Сусанну», всеми средствами препятствовал ее торговле и причинял ей значительные убытки.

Но между тем до настоящего дня никогда «Искупление» и «Целомудренная Сусанна» не сходились так близко.

Как будто по безмолвному соглашению оба суда, казалось, постоянно избегали стычки, последствия которой могли быть весьма серьезными; поэтому они показывали вид, будто бы избегали встречи, и ограничивались при своих неоднократных встречах на берегах легкими перестрелками на суше или на лодках.

В этот раз капитан Гишар решился сразиться с этим беспокойным наблюдателем, который упорно преследовал его и не позволял ему мирно заниматься своей торговлей.

Между тем ненависть или скорее соперничество, существовавшее между ним и капитаном Ортега, не помешало французу узнать качества «Искупления», напротив, он отдавал ему полную справедливость и восхищался с наивной откровенностью моряка, как необыкновенным судном.

— Клянусь! — сказал он дону Маркосу. — Какое прелестное судно! Как бы мне хотелось им командовать. Как оно стройно, кокетливо и красиво. Оно построено в Бордо, Марселе или Нанте; там только могут строить такие кузовы как этот. Какая разница между ними и этими тяжелыми английскими и голландскими байдарами! Я очень люблю «Целомудренную Сусанну», но клянусь, ежели я когда-нибудь захвачу «Искупление», тогда никто не догонит меня.

Дон Маркос и дон Альбино слушали с улыбкой эти слова, которые капитан обращал более к себе, чем к своим гостям, и в которых он невольно, как это случается всегда, когда в увлечении громко высказывают свои мысли, высказывал свои проекты в случае стычки, к несчастью весьма вероятной, с «Искуплением».

Ветер все более и более свежел, паруса мексиканского брига наполнялись слегка; его курс становился шибче, он быстро подходил к контрабандному судну.

Вдруг на горизонте появилось солнце, и в это же время бриг выбросил мексиканский флаг и сделал выстрел.

— Хорошо! — сказал капитан Гишар. — Он решился сказать нам свое настоящее решение.

— Капитан, какой прикажете поднять флаг? — спросил шкипер Гурсо.

— Поднимите французский флаг! — крикнул капитан. — Покажем этим неучам, что мы не боимся их, и, подняв флаг, сделайте выстрел, для того чтобы показать им, что и у нас есть порох.

Почти вслед за этим приказанием широкий трехцветный флаг взвился на мачте брига и раздался одновременно выстрел из пушки, глухо пронесшийся над волнами.

Вызов был принят.

«Искупление» все подвигался вперед. «Целомудренная Сусанна» все еще лежала в дрейфе, матросы спокойно перевезли последние слитки пята пина, даже не взглянув ни разу на судно, нарушавшее их коммерческие операции.

Прошло с четверть часа; в это время во взаимном положении обоих судов не произошло никакой значительной перемены; бриг мексиканский вышел на наветренную сторону и лег в бейдевинд.

Таким образом, оба судна неподвижно стояли один против другого.

По маневру мексиканского судна можно было легко заключить, что ежели капитан его не струсил, то во всяком случае пришел в нерешительность при виде гордого хладнокровия своего противника.

Контрабандисты весело следили за всеми движениями крейсера.

Наконец показалось, что корабль решился на что-то: была спущена лодка, и несколько человек сошло в нее. Эти люди были вооружены саблями и ружьями.

Лодка отчалила и направилась к «Целомудренной Сусанне».

Капитан навел свою подзорную трубу на эту лодку, улыбнулся и, обратившись к своему лейтенанту, дал распоряжение:

— Господин Гурсо, закройте груды оружия, которые лежат под мачтой; не надо показывать мексиканцам, что мы приготовились к бою; пусть приготовят трап для того, чтобы подать его прибывающим гостям.

Отдав эти приказания, капитан ушел на корму.

— Право, они сошли с ума, — сказал он дону Маркосу. — Знаете ли вы, кто едет к нам?

— Сознаюсь вам в том, что я не узнал их, — ответил тот.

— Ни более ни менее как почтенный капитан Ортега и его достойный аколит, дон Ремиго де Вальдец, управляющий таможей.

— Не может быть! — воскликнул дон Маркос.

— Ничего не может быть вернее, вы сами увидите это. Эй! — крикнул он лейтенанту. — Пропустите на борт одних только офицеров, понимаете ли вы, господин Гурсо?

— Слушаю, капитан, — ответил старый моряк.

Француз взглянул на подплывшую лодку.

— Они пристают, — сказал он. — Господа, сойдите под палубу; надо, чтобы они не видели вас. Позвольте мне принять наших гостей; когда наступит время вашего появления, я предупрежу вас.

Дон Маркос и дон Альбино не возражали против этого; признавая всю справедливость этого решения и пожав руку капитану, они спустились в помещение матросов, в котором собрались и прочие мексиканские контрабандисты.

На палубе остался только один капитан и половина экипажа брига.

Моряки, казалось, сильно были заняты оснасткой, которой они притворно занимались самым миролюбивым манером.

Наконец мексиканская лодка пристала к бригу.

Это была большая лодка, на носу которой стояла каменометница; ее экипаж состоял из двенадцати гребцов, вооруженных саблями и ружьями.

Двое мужчин в мундирах сидели на корме.

Господин Гурсо, увидав лодку, готовую пристать к борту брига, наклонился:

— Сеньоры, мне приказано пропустить на борт только одних офицеров.

Один из двух мужчин, о которых мы уже сказали, высокий, с угловатыми манерами и косыми глазами, сказал потихоньку что-то своим матросам и обратился потом к лейтенанту:

— Хорошо, милостивый государь, взойдут только одни офицеры.

Господин Гурсо спустил трап, не отвечая: оба офицера взойшли по нему, и через несколько секунд они были уже на палубе.

— Я желаю переговорить с командиром этого судна, — сказал офицер, начавший уже разговор, и это был не кто иной, как капитан Ортега.

— Командир у себя в каюте, — ответил господин Гурсо, — я буду иметь честь провести вас к нему.

Капитан Ортега, осмотрев всю палубу и не открыв ничего подозрительного — так хорошо были приняты контрабандистами все меры предосторожности, сказал:

— Пойдемте.

— О ком я должен доложить? — спросил невозмутимо господин Гурсо.

— Доложите о капитане Ортеге, командире брига мексиканской конфедерации «Искупление», и о сеньоре доне Ремиго Вальдеце, управляющем таможней.

Капитан Гишар

Капитан Гишар воспользовался несколькими минутами, которыми он мог располагать; в то время когда мексиканцы, после доклада господина Гурсо, вошли в каюту, они застали его наклонившимся над картой, разложенной перед ним и, по-видимому, сильно занятым рассматриванием ее.

Когда ему доложили, он быстро выпрямился и, поклонившись обоим офицерам, с улыбкою сказал:

— Милости просим, господа, какому счастливому случаю обязан я вашим приятным посещением?

Оба мексиканца с изумлением переглянулись; они были озадачены этим радушным приемом.

— Милостивый государь, — ответил капитан Ортега, — мое имя, так же как и имя этого господина, мне кажется, должны бы разъяснить вам, чем мотивируется наше посещение.

— Нисколько, господа, уверяю вас, — продолжал марселец как можно ласковее. — Потрудитесь сесть, вам подадут закуску, — добавил он, дернув сонетку.

Появился господин Гурсо; капитан Гишар сказал ему несколько слов по-провансальски; этого языка, к своему несчастью, мексиканцы не понимали.

— Извините, капитан, — сказал дон Ремиго, маленький толстяк с прыщеватым лицом, — мне кажется, что мы не понимаем друг друга.

— Что это значит, милостивый государь? — спросил у него марселец, спокойно свертывая свою карту.

— Потому что, по-видимому, — продолжал управляющий, — вы принимаете нас за друзей, которые делают вам визит.

— Не враги ли вы?.. — ответил насмешливо капитан.

Юнга принес стаканы и бутылки.

Француз спокойно налил стаканы.

— Рекомендую вам эту водку, господа, — сказал он. — Это настоящий старый коньяк. Имею честь пить за ваше здоровье.

— Приступим к делу, милостивый государь, — сказал капитан Ортега, отталкивая стакан, который ему подавал марселец, — мы прибыли к вам не для обмена комплиментов.

— А зачем же вы пожаловали сюда, господа? — ответил капитан, гордо выпрямляясь.

— Мы прибыли сюда для осмотра вашего корабля.

— Для осмотра моего корабля! — возразил со смехом марселец. — Ну полно шутить, господа, лучше выпьем.

— Капитан Гишар, — сказал мексиканский офицер гордо, — напрасно вы стараетесь провести нас: вы контрабандист, даже в эту ночь вы не только получили контрабандный товар, но и свезли его.

— Вы так полагаете, командующий? — спросил он насмешливо.

— Мы получили достоверные сведения; вам нечего более притворяться, контрабандная шлюпка, с которой экипаж и теперь еще на вашем борту, пришвартована к корме; это поличное.

Капитан Гишар для успокоения себя попивал из стакана коньяк.

— Вы напрасно отказались от этой водки, честное слово, она превосходная.

Мексиканский офицер гневно топнул ногой.

— О!.. — воскликнул он, сжимая кулаки. — Вы просто насмехаетесь над нами.

— Пардье, — ответил капитан, — долго же вы этого не замечали.

Ответ был жесток. Капитан Ортега проглотил его и побледнел от бешенства.

— Капитан! — крикнул он, хватаясь за свою шпагу. — Я объявляю ваш корабль военнопленным.

— Каково!.. — сказал капитан, не переставая смеяться. — Так *ex abrupto*, без предварения вы берете меня в плен?

— Да, милостивый государь, — ответил командующий с трагическим жестом.

— Боже мой! Какие забияки эти мексиканцы! — сказал капитан, пожимая плечами с состраданием. — Знаете ли вы, кто теперь в плену, почтенный командир? Это вы и этот господин! Вы как глупцы — глупо бросились в расставленные мною сети. Разве вы не знаете, что между Францией и Мексикой возгорелась война? Здесь нет более контрабандистов; вы находитесь на французском судне, капитан которого не только вас берет в плен, но и через четверть часа овладеет вашим бригом. Ежели за это время ваш бриг не сдастся, вы будете повешены, господа, клянусь вам честью. Ко мне все остальные!

Дверь в каюту немедленно отворилась, и не успели еще мексиканские офицеры осмотреться, как они были обезоружены и выведены на палубу.

«Целомудренная Сусанна» была под парусами, она далеко оставила уже за собой мексиканский бриг, все еще лежавший в дрейфе, экипаж которого был весьма изумлен странным маневром французского судна.

Мексиканская лодка, швартов которой нечаянно развязался, тащилась на буксире за бригом.

Капитан Ортега тотчас же понял, в каком неприятном положении оказался он.

Что же касается до дона Ремиго Вальдеца, не очень храброго от природы, то он считал уже себя почти что повешенным.

Капитан Ортега держался лучше и не обнаруживал своего испуга, а только размышлял о том, чем разрешится его ошибка.

Мы должны пояснить в нескольких словах, как капитан Ортега отважился отправиться таким образом на борт судна и отдаться в руки человека, характер которого он прекрасно знал.

Тайну экспедиции контрабандистов продал, конечно, за деньги дону Ремиго Вальдецу перебежчик.

Управляющий таможами тотчас же условился с капитаном Ортегой, чтобы не только захватить товар, свеженный на французское судно, товар на громадную сумму, но и овладеть бригом, чтобы этим освободить

мексиканские берега от отважного контрабандиста, который долгое время эксплуатировал их.

Вследствие этого была устроена засада в то время, когда французы производили перевозку, и именно в то самое время, когда их лодка подходила к берегу, она внезапно была окружена таможенными и весь экипаж был взят в плен без выстрела, потому что атака была произведена быстро и французы, застигнутые врасплох, не успели взяться за оружие.

По условиям, заключенным между ним и его поручителями, капитан Гишар принял на себя ответственность за целостность товаров, которые он должен был провезти тайно. Потеря товара означала для капитана Гишара разорение; кроме того, надо сказать, что у таможенников было пятнадцать человек аманатов, которые обеспечивали жизнь капитана Ортега и дона Ремиго Вальдеца в случае, ежели бы капитан Гишар не согласился сдать свой бриг и задумал задержать на нем мексиканских офицеров.

Итак, меры предосторожности прекрасно были приняты командующим, и как ни отважна была та выходка, которую он сделал, но в ней не было ничего необыкновенного.

С другой стороны, несмотря на выдаваемое спокойствие, капитан Гишар совершенно не был так покоен на счет своей лодки и бывшего на нем груза; поэтому, притворяясь тем, что он был готов дать отпор, он решился не доводить дела до крайности.

Следовательно, положение мексиканских офицеров не было так отчаянно, следовало только поступать осмотрительно.

А между тем, по правде, ежели бы капитан Ортега знал, что ему придется ведаться с таким отважным человеком, каким был храбрый марселиец, то он не рискнул бы так необдуманно отправиться к нему на борт.

— Все наверх! — скомандовал капитан Гишар. — Мы переменим галс. Господин Гурсо, прикажите приготовить два швартова.

При этой команде, произнесенной с такой холодностью, по пленным пробежала дрожь. Эти снасти очевидно предназначались для того, чтобы отправить их в вечность.

Капитан Ортега сделал несколько шагов для того, чтобы подойти к марсельцу.

— Вы хотите переменить галс, капитан? — сказал он ему вкрадчиво.

— Да, — возразил тот насмешливо, — разве это беспокоит вас?

— Нисколько, капитан.

— Мне хотелось бы подойти к вашему бригу, который слишком отстал позади, хотя он наконец решился следовать за нами.

— Как вам угодно, капитан; но только прежде чем вы прикажете этот маневр, мне хотелось бы сказать вам несколько слов.

— Я согласен, любезный господин, говорите, я слушаю вас.

— Извините, но мне кажется, что нам было бы удобнее в вашей каюте, чем здесь.

— О, не хотите ли вы исповедаться? — спросил он и громко захохотал.

От этой грубой шутки по телу бедного управляющего пробежала нервная дрожь; офицер же не смутился.

— Может быть, — ответил он с хитрой улыбкой.

Капитан, казалось, раздумывал.

— Пойдемте, — сказал он наконец.

И сошедши со шканцев, он направился к своей каюте, куда за ним последовали его пленные.

— Садитесь, и поговорим, — продолжал он, затворяя дверь. — Что хотите вы сказать мне?

— Я хочу сделать вам предложение, капитан, — ответил ему мексиканец.

— Хо, хо!.. — произнес капитан. — Предложение; оно должно быть очень выгодным, чтобы я принял его. Но все равно, расскажите; ничто так не усиливает жажду, как разговор; согласны ли вы с этим мнением?

— Вполне, — ответил офицер, подавая свой стакан, который француз налил до края.

— Теперь рассказывайте, я слушаю вас, — сказал капитан.

— Сеньор Гишар, — продолжал мексиканец, — прежде всего позвольте мне искренно извиниться перед вами. Я не знал вас; теперь я вижу, что вы, действительно, храбрый и отважный капитан.

— Да, да, — ответил тот, улыбаясь, — я пользуюсь этой репутацией на берегу; но продолжайте, пожалуйста, и прямо к делу.

— Дело вот в чем: какой выкуп требуете вы за возвращение нам свободы? — произнес он отчетливо.

— Гм! — произнес капитан, почесав за ухом. — Со-знаюсь вам, что я не вижу никакой надобности возвращать вам свободу; так как вы в моих руках, то я предпочитаю оставить вас у себя; вы меня сильно мучили в последнее время, любезный господин.

— Боже мой, это потому, что мы не были знакомы, вот и все; не понимали друг друга, знаете ли вы...

— Знаю, знаю, — перебил он, — но почему же вы желаете изменить настоящее положение?

— Это не я, — с живостью произнес офицер.

— Но тут и вы участвовали; между тем, мне кажется, что десять процентов, которые я предлагал вам, составляли порядочную сумму, и вам следовало бы принять ее.

— Конечно, это было бы прекрасно; дон Ремиго сказал мне только о пяти, и вы согласитесь со мною...

— О, дон Ремиго! — воскликнул капитан. — Так вы, таким образом, обманываете вашего товарища!

— Но... — пролепетал управляющий.

— Молчите, милостивый государь, — сказал грубо офицер, — вы поступили бесчестно!

Бедный управляющий склонил покорно голову перед гневным взглядом офицера. Офицер продолжал:

— Ну, постарайтесь понять друг друга; я возвращаю вам людей ваших и ваши товары, которые я захватил.

— Вот как! — произнес капитан, с гневом закусывая губы. — Вы захватили мою лодку?

— Боже мой, да, — сказал он просто.

— Далее? — продолжал капитан.

— Как далее? — воскликнул он с притворным удивлением.

— Да, этот выкуп я нахожу довольно скудным вместе с бригом вашим.

— Но он еще не взят.

— Нет, но его возьмут через час.

Эти слова были произнесены жестким и до того сухим голосом, который не допускал комментариев.

Капитан встал.

— Допустим, что вы возьмете бриг, — продолжал офицер.

— Я непременно возьму его, — сказал он отчетливо.

— Хорошо. Вы возьмете его, и что же вы сделаете с ним?

— Слушайте, — сказал капитан, садясь опять, — о делах надо говорить серьезно, не правда ли? Я не более как негодичант, и для меня желательнее всего заключить с вами условие: мои условия будут не тяжелы; вы можете согласиться или не согласиться на них, это ваше дело.

— Ну расскажите их, — сказали оба пленника с некоторой надеждой.

— Вот они: во-первых, вы возвратите мне мою лодку, моих людей и мой товар.

— Хорошо, — сказали они.

— В этот раз товары будут перевезены сухим путем франко.

— Принимаем.

— Всякий раз, когда я буду нагружать или разгружать товары на этом берегу, я буду платить вам постоянную пошлину по семи процентов на вас обоих.

— Вы обещали десять.

— Может быть, но теперь более семи я не дам.

— Хорошо; мы принимаем.

— Вот бумага, перья, чернила; вы сейчас же составьте мне двойной контракт, в котором должны быть упомянуты все условия и который будет подписан обоими вами.

— К чему этот письменный контракт?

— Для того чтобы вас повесили, ежели вы вздумаете обмануть меня, — сказал он грубо.

— Боже, что за мысль! — воскликнули они.

— Принимаете ли вы?

— Хорошо, пишите.

Они тотчас же приступили к делу; когда они окончили, капитан внимательно прочел контракт, тщательно обдумал каждое выражение, потом он сложил оба контракта и положил их к себе в карман.

— Все ли? — спросил капитан Ортега.

— Нет еще, — возразил он, — я хочу узнать еще имя того человека, который изменил нам.

— Это относится к дону Ремиго.

— Он называется дон Стефано Лобо, — сказал глухо управляющий.

— Благодарю вас, господа, вы свободны, то есть то, что вас сейчас же свезут на берег и вы сдадите мою лодку доверенному от меня человеку, который отправится с вами.

— А кто же отправится с нами? — спросил офицер.

— Вы узнаете его, — ответил лукаво капитан, дернув за сонетку, — это дон Маркос.

Капитан Ортега побледнел как полотно; он вынужден был опереться о перегородку каюты, для того чтобы не упасть навзничь, но, тотчас оправившись, сказал глухим голосом:

— Хорошо.

Вошел господин Гурсо.

— Возвратите им их шпаги; они свободны. Спустите лодку мексиканцев и свезите их на берег. Господа, я оставляю вас на некоторое время.

Он вышел из каюты и приказал юнге позвать дона Маркоса.

Тот тотчас же явился.

Капитан передал ему в нескольких словах все, что происходило в каюте, и передал ему двойной контракт.

— Вот вам пропускная, — добавил он, — действуйте как вам заблагорассудится. Я сделал все, что от меня зависело, остальное относится к вашей компетентности.

— Благодарю вас от души, — произнес дон Маркос, — благодарю; вы дарите мне теперь более чем жизнь, это мщение.

— Будьте благоразумны, мой друг, не забывайте того, что меня не будет с вами для того, чтобы помочь вам.

Дон Маркос отвел его в сторону, и они беседовали несколько минут с воодушевлением.

— Хорошо, — сказал наконец капитан Гишар, — так как вы требуете этого.

— Я вас прошу, мой друг, — ответил дон Маркос.

— Это дело решенное.

— Капитан, — сказал, приближаясь, господин Гурсо, — все готово.

— Поднимитесь на мачту и подайте сигнал, чтобы лодка брига подошла; вы, мой друг, — добавил он, обращаясь к дону Маркосу, — сойдите в вашу лодку, и до свидания; через час я пришлю к вам моих экс-пленни-

ков. Хе! Хе!.. — произнес он, потирая руки. — Мне кажется, что теперь они в наших руках.

И, вновь пожав руку своего друга, он возвратился в каюту.

— Господа, — сказал он, обращаясь к мексиканцам, — ежели вы хотите съехать на берег, то вас ожидают.

— Хорошо, любезный капитан, мы готовы, — ответил командир.

— Я приказал спустить вашу лодку; я предполагал, что вы дадите некоторые поручения вашему экипажу.

— Благодарю вас, капитан; мне, действительно, нужно отдать некоторые приказания.

Разговаривая, они вышли на палубу.

Капитан наклонился над бортом.

— Вот и лодка спущена, — сказал он, — господин Гурсо, позовите патрона, командир желает переговорить с ним.

Капитан Ортега закусил себе губы, сознавая, что его намерения угадали, он поневоле вынужден был действовать откровенно; казалось, что марселец угадывал сокровеннейшие его мысли.

По знаку господина Гурсо патрон взошел на палубу.

— Лопец, — сказал ему его командир, — возвратитесь на бриг, дело, не терпящее отлагательства, вынуждает меня отправиться на берег; капитан Гишар дает мне лодку, и поэтому вы мне не нужны более. Скажите лейтенанту, чтобы он возвратился на Сигвантанейоский рейд; он может прибыть туда в два часа; сегодня вечером, на закате солнца, съезжайте ко мне на берег, поняли ли вы меня?

— Понял, командир, — отвечал патрон.

— Прекрасно! Вы можете отправиться.

Патрон поклонился и сошел в лодку, которая тотчас же отчалила и направилась к «Искуплению».

— Теперь, мой любезный командир, — сказал капитан, — не потрудитесь ли вы и управляющий таможенной перейти на правую сторону, там вас ожидает лодка.

— Прощайте, капитан, я никогда не забуду вашего очаровательного гостеприимства, — сказал мексиканский офицер с горькой улыбкой.

— До свидания и без злобы, мой любезный командир; я надеюсь, что отныне между нами не произойдет

никакого недоразумения и мы постоянно будем находиться в хороших отношениях.

Простившись так насмешливо, эти трое людей расстались.

Оба офицера сошли в лодку контрабандиста, которая оттолкнулась и поплыла на веслах к земле.

Бриг поставил свои паруса, выплыл в открытое море и вскоре виделся только как точка, почти незаметная на горизонте.

Дон Ремиго Вальдец и капитан Ортега молчаливо сидели на корме лодки; во все время переезда, в продолжение более трех часов, они не произнесли ни одного слова.

Контрабандисты пели и гребли дружно.

ГЛАВА VIII

Визит

Марцелия невидимо присутствовала при отъезде дона Маркоса и дона Альбино в их ночную экспедицию: бедная девушка была сильно испугана при виде того, как обожаемый ею человек помчался во мраке вместе с человеком, к которому она питала инстинктивное отвращение и которого она, — несмотря на заботы, которыми он окружал ее, и почтительную и преданную дружбу, которую он не переставал свидетельствовать, — почитала врагом тем более опасным, что он прикрывал ненависть, которую она предполагала в нем к себе, самой очаровательной наружностью.

Когда дон Маркос оставался с ней в доме, когда его глаза устремлялись на ее бледное и прекрасное лицо, когда она слышала его голос, произносивший серьезные и симпатичные речи, она чувствовала, что в ее душу проскальзывало сомнение; она начинала задумываться о том, мог ли этот человек столь благородной наружности, с такими честными манерами, поведение которого в отношении к ней самой никогда не изменялось и который, наконец, заменил ей отца и воспитал ее с таким самоотвержением и такой истинной нежностью, быть действительным убийцей ее отца и не был ли он, напротив, невинной жертвой низкой клеветы.

Но как только она оставалась одна, как только она переставала подчиняться его неотразимому влиянию, которое на нее производил этот странный человек, она чувствовала, как возвращались к ней все ее подозрения

и как сомнения овладевали ею сильнее прежнего; она не забывала, что первые рассказы об этой ужасной катастрофе она слышала от преданного друга ее несчастного отца, который, рассказывая ей об этом, не имел другой цели, как только предостеречь ее; тогда дон Маркос пугал ее, и она молила Бога об освобождении от этого чудовища, жертвою которого она почитала себя.

Молодая девушка провела всю эту ночь в лихорадочной бессоннице, во время которой ей представлялись фантомы и зловещие видения; она слушала с нервными содроганиями печальные завывания ветра в ветвях деревьев и глухой рокот моря.

Едва скользнули первые лучи восходящего солнца, как она встала с постели и грустно и задумчиво остановилась у окна своей комнаты, предоставляя свои густые и роскошные волосы на произвол утреннего ветерка и с удовольствием вдыхала в себя морской воздух.

Между тем время уходило, а Марцелия не замечала возвращения тех, или, скорее, того, кого она поджидала; ее беспокойство все более и более возрастало; ее сердце сжималось под тяжестью необъяснимой тоски: у нее было предчувствие о каком-то несчастье.

Она безучастно смотрела на море, по которому скользило множество пирог, нагруженных людьми, занимающимися ловлей жемчуга, которые удалялись, распевая веселые песни, едва слышно долетавшие до ее слуха на крыльях ветерка.

Вдруг она вздрогнула, и ее взор устремился в тот пункт горизонта, где показался корабль.

— «Искупление», — шепнула она.

Корабль медленно вошел в порт, бросил якорь и убрал свои паруса.

— Мне необходимо видаться с капитаном, — сказала она. — Памятью моей матери я умолю его наконец объясниться!

В это самое время невядалеке раздался галоп нескольких лошадей. Линдо весело залаял, и один из индейских пеонов постучался в дверь комнаты молодой девушки.

— Нинья! Нинья! — закричал он. — Идите скорее, вот он.

— Кто? — спросила она, спеша отворить.

— Капитан, — ответил пеон.

Она выбежала в первую залу.

— Капитан Ортега! — вскрикнула она. — Где он?

— Это, действительно, капитан, милая барышня, — сказал кавалерист, который в это же время вошел, — но не тот, которого вы ожидали.

— Капитан Гишар! — сказала она с изумлением.

— Действительно, так, — весело отвечал марселец, лаская собаку. — Здравствуйте, сеньорита, как вы поживаете? Представляю вам господина Гурсо, моего лейтенанта, человека почтенного, у которого есть только один недостаток — он всегда томится жаждой; сознаюсь вам, что в настоящем случае меня так же, как и его, томит жажда.

— Добрый капитан Гишар, — притворно-любезно произнесла молодая девушка. — Я очень рада, и мне приятно видеть вас. Милости просим вас и вашего друга. Не хотите ли подкрепиться?

— Я сознаюсь вам, сеньорита, что это будет сделано с удовольствием; я пришел издалека и наглотался пыли, не правда ли, господин Гурсо?

— Это правда, капитан, мы наглотались ее очень много, — ответил лейтенант.

Молодая девушка деятельно занялась подаванием обоим морякам всего, что им было нужно для утоления жажды; потом, когда она увидала, что они удобно усьлись за стол, а налитые стаканы стояли перед ними, она продолжала разговор.

— Какой счастливый случай привел вас сюда, добрейший капитан? — спросила она у него.

— Это не случай, сеньорита, — ответил он, подымая свой стакан, — напротив, я нарочно пришел сюда. За ваше здоровье!

— И за ваше, капитан!

— Гм! — произнес он, ставя свой стакан. — Этот пюльк хорош; но он не крепок; я смешаю его с рефино, это придаст ему крепость. Кстати, у меня там на дворе семь или восемь из моих моржей; не можете ли вы дать им чего-нибудь подкрепиться?..

— Им уже дали все необходимое.

— Благодать Божия! — сказал капитан. — Итак, что вы сказали, сеньорита?

— Но я ничего не сказала; напротив того, это вы говорили.

— Правда, я припоминаю.

— Не видали ли вы в эту ночь дона Маркоса, добрейший капитан?

— Не более трех часов как я расстался с ним, он даже назначил мне сегодня с ним свидание.

— Ах! — сказала она. — Вы его видели?

— Конечно, — сказал он насмешливо, — мы даже долго разговаривали.

— И... он был один?

— Как один? Напротив, с ним было двенадцать отчаянных сорванцов.

— Нет, я хочу сказать: не было ли незнакомца, который сопровождал его?

— Что касается до этого, то с ним я не видал никого. Молодая девушка заметно побледнела.

— Он, — невозмутимо продолжал капитан, — представил мне только одного из своих друзей, очаровательного молодого человека, который мне очень понравился: мне кажется, его зовут дон Альбино.

— Ах! — сказала молодая девушка, свободнее вздохнув. — Ах! Он был с ним?

— Ну да! Потому что он привел его с собой; наконец, сеньорита, вы должны узнать мотив моего визита, я прибыл за вами.

— За мной, капитан? С тем, чтобы отвезти? Но куда? Вы знаете, что я не могу отлучаться во время отсутствия дона Маркоса.

— В этом-то именно заключается и вся суть дела; вы должны немедленно отправиться к нему.

— Я должна отправиться к нему? — спросила она с удивлением. — Для чего?

— Что касается до этого, то сколько бы вы не добились, сеньорита, ответа я не знаю; но ежели вы согласитесь доставить мне честь и последуете за мной, то я предполагаю, что вы скоро узнаете причину. Дон Маркос всегда поступает осторожно.

— Далеко ли наш путь, капитан?

— С одно лье; но никак не более полутора лье. Мне назначено свидание с доном Маркосом в шанареле пунты де Кабра; видите, это не более как прогулка. Теперь, ежели доверяете мне и примете мой эскорт, я к вашим услугам.

Молодая девушка задумалась.

— Хорошо, — сказала она, — я прошу у вас несколько минут для того, чтобы подготовиться.

— Приготовьтесь, сеньорита. У нас есть время. Да, слушайте, ведь вы вспоминали капитана Ортегу? Вероятно, вы увидите также и его.

Молодая девушка вопросительно взглянула на него; но он притворился, что не заметил это.

— Идите, — сказал он, — сеньорита; господин Гурсо и я выпьем в ожидании вас.

Донна Марцелия, задумавшись, вышла из залы. Капитан и лейтенант спокойно продолжали серьезную атаку на стоявшие перед ними бутылки.

Едва прошло четверть часа, как появилась молодая девушка. Она была готова; оба моряка воспользовались этой четвертью часа и опорожнили бутылки.

— Едем же!.. — сказал капитан.

И они вышли.

По знаку марсельца дюжина матросов, которых он привел с собой, сели на лошадей; все эти моряки были вооружены.

Линдо вышел вместе со своей госпожой; когда он увидел, что она села на приготовленную для нее лошадь, он начал весело визжать и прыгать вокруг лошади, становился на задние лапы, ласкаясь к своей госпоже.

Она хотела заставить его воротиться домой.

— Ба! — сказал капитан. — Возьмите с собою эту добрую собаку; зачем ее запирают? Посмотрите, как ей хочется бежать за вами.

— Ну, я согласна. Поедем, Линдо, и будь умен! — сказала донна Марцелия.

Собака радостно зарычала и пустилась как стрела; всадники помчались галопом.

Линдо

Лодка контрабандистов, быстро гонимая двенадцатью гребцами, около половины девятого часов утра подошла к берегу и пристала с наветренной стороны мыса, довольно выдавшегося в море и называемого ля пунта де Кабра, в небольшой песчаной бухте, в которой уже другая лодка была вытащена на берег.

Эта лодка была с «Целомудренной Сусанны». Мачты и весла были вынуты и валялись на песке; несколько таможенных часовых тщательно охраняли ее.

Неподалеку в стороне группа моряков и контрабандистов, состоявших из тридцати человек, сидели кружком на песке; они курили и весело разговаривали между собой, по-видимому не обращая внимания на таможенных, пятьдесят человек которых наблюдали за ними под командой офицера, которого легко можно было узнать по золотому шитью и по шляпе, обложенной галуном, с плюмажем.

Дюжина мулов, привязанных к кольям, стояла с нагнутыми головами над множеством кип, разложенных с некоторой симметрией и тщательно охраняемых двумя часовыми.

Неожиданное прибытие контрабандной лодки произвело некоторое волнение между различными группами, о которых мы уже говорили, и подало повод ко множеству комментариев.

Моряки вскоре узнали в прибывших своих друзей; только присутствия между ними командира крейсера и управляющего таможней они не могли понять.

Со своей стороны, таможенные, которым, по разным причинам, новоприбывшие казались очень подозрительными, обменивались между собой тревожными взглядами и готовили на случай нападения оружие; но еще более чем моряки они были изумлены и не понимали причины присутствия двух офицеров среди контрабандистов. Вообще любопытство было сильно возбуждено между моряками и мексиканцами.

По совету капитана Ортега дон Ремиго Вальдец приказал офицеру, которому было поручено напасть на контрабандистов и который оставался у ля пунта де Кабра впредь до нового приказа, тщательно наблюдать за пленными; командир крейсера, имевший свои проекты, приготовился на случай любовной сделки с капитаном Гишаром возвратить ему его товары; и как мы видели, успех увенчал его предусмотрительность.

Едва втащили на песок нос лодки, как оба мексиканца выскочили на берег.

К ним подбежал таможенный офицер.

— Капитан, — с достоинством сказал дон Ремиго Вальдец, — мы были введены в обман ложными донесениями: эти честные моряки имеют все права; их патент, который я визировал, совершенно правилен. Благоволите же немедленно освободить их и отправить их товары туда, куда они укажут, прося у них извинения в этом недоразумении, которое, однако же, доказывает, с какой бдительностью и неподкупностью правительственные агенты умеют исполнять свои обязанности.

После этой речи дон Ремиго обратился к дону Маркосу, который неподвижно и задумчиво стоял близ него.

— Довольны ли вы, кабальеро? — спросил он у него.

— Я благодарен вам от души за ваши честные речи, кабальеро, — ответил контрабандист чрезвычайно вежливо.

По приказанию таможенного офицера французские моряки и контрабандисты были освобождены, оружие и товары возвращены и таможенные сели на лошадей.

— Нагрузите мулов, — сказал дон Маркос.

— Теперь могу ли я, сеньор, удалиться? — спросил дон Ремиго.

— Я покорнейше прошу вас, сеньор, и сеньора Ортегу остаться еще на несколько минут.

Эта просьба дона Маркоса была приказанием.

Управляющий и капитан так поняли ее, и они не возражали. Между тем дон Ремиго встревожился; Ортега же был холоден и спокоен.

Мулы были быстро нагружены.

— Отправляйтесь! — сказал дон Маркос.

И в то время когда Стефано хотел было удалиться с контрабандистами, которые эскортировали товары, дон Маркос ласково обратился к нему:

— Извините, любезнейший дон Стефано, благоволите остаться, прошу вас; достаточно десяти человек.

Лейтенант остановился; испуг его был замечен, несмотря на ласковые слова его начальника.

Мулы тотчас же были отправлены, французские моряки, оставив трех часовых у лодок, смешались с контрабандистами.

Таможенные все еще неподвижно стояли в нескольких шагах направо.

Конечно, до настоящего момента все это происходило с полнейшей вежливостью между таможенными и контрабандистами; а между тем все они от первого до последнего чувствовали какое-то непонятное беспокойство. Несмотря на притворную любезность, бледное лицо и нахмуренные брови дона Маркоса для тех, которые знали его, были предвестниками бури.

Дон Альбино без аффектации занял место близ Стефано Лобо и начал речь, которую контрабандист, отдадим ему эту справедливость, рассеянно слушал, потому что совесть его была не совсем чиста.

— Извините меня, милостивый государь, — сказал капитан, выходя вдруг вперед. — Пусть вас сопровождает дон Ремиго Вальдец, это касается его; он может действовать как ему будет угодно; скажу прямо, что я прибыл сюда для выполнения заключенных условий; но теперь, так как все между нами улажено, то меня призывают другие обязанности и я не желаю оставаться более в вашем присутствии, как бы при этом оно ни было честно.

Улыбка радости мелькнула на губах контрабандиста при этих словах.

— Капитан Ортега, вы ошибаетесь, — тихо произнес он, — между нами не все еще окончено; я прошу вас остаться еще на несколько минут.

— Ни минуты более, — ответил он грубо. — Я не знаю, на что вы намекаете, я не знаю вас.

— Уверены ли вы в этом? — сказал контрабандист, пристально смотря на него.

— Милостивый государь, — воскликнул с гневом капитан, — вы меня оскорбляете!

— Я оскорбляю вас, а чем? Скажите! Не тем ли, что я хочу пробудить ваши воспоминания?

Капитан побагровел; он зашатался, как будто бы им овладело головокружение.

— Берегитесь! — закричал он глухим голосом.

— Берегитесь вы сами, — сказал контрабандист, — я не позволю вам убить себя!

И он стал прямо против капитана, на которого смотрел с величайшим презрением.

— Господа, господа, ради Бога! — закричал дон Ремиго. — Прекратите вашу ссору. Ради Бога, что это значит?

— Что значит это? Вы узнаете, — возразил контрабандист. — Подойдите все, — добавил он с энергическим жестом, — подойдите, потому что необходимо, чтобы вы были свидетелями того, что здесь произойдет.

Плотный круг немедленно образовался вокруг дона Маркоса; они предвидели все и хотели оставить за собой свободное поле.

— Дон Стефано Лобо, — продолжал дон Маркос, — решились ли вы говорить?

— Да, сеньор, — ответил покорно контрабандист.

— Но помните, что я ожидаю от вас откровенной исповеди.

— Я все скажу, сеньор, каковы бы ни были для меня последствия.

— Говорите, мы слушаем вас.

— Ну начинайте, — произнес презрительно капитан, — но что бы ни сказал этот негодяй, показания его не могут запятнать честного человека.

— Но вы бесчестный человек, дон Люцио Ортега, — сердито крикнул дон Маркос, — вы убийца, и вот ваш соучастник.

При этом грозном обвинении, так ясно высказанном, поднялась страшная суматоха, которую дон Маркос усмирил одним жестом.

— Да, — продолжал он энергически, — настал час, и все должно наконец разъясниться. Двадцать лет уже возводят на меня ужасную клевету. Я безропотно страдал, я надеялся на Бога, я знал, что рано или поздно

пробьет час мщения. Двадцать раз я преследовал по пятам убийцу и не мог изобличить его; теперь вот он, в моих руках, да исполнится правосудие. Говорите, Стефано, без опасения, говорите!

— Ложь! Ложь! — крикнул с бешенством капитан. — Солдаты, ко мне! Стреляйте в этих негодяев! Бейте! Бейте их!

— Стойте! — строго крикнул дон Ремиго таможенным, которые хотели было броситься на них. — Остановитесь! Я приказываю вам.

Положение было критическое, стычка неизбежной: таможенные и контрабандисты приготовились к бою.

Вдруг раздался быстрый галоп, и двенадцать всадников пронеслись между обоими партиями с быстротою урагана.

Во главе новоприбывших галопировал капитан Гишар и донна Марцелия.

— Наконец-то! — воскликнул дон Маркос с радостью, увидав молодую девушку.

— Проклятие! — зарычал Ортега в пароксизме бешенства. Рванувшись из рук тех, которые удерживали его, он вынул шпагу и бросился на дону Маркоса; напав на него неожиданно, он пронзил ему грудь.

— Ах! — воскликнула донна Марцелия с отчаянием.

Подобно тигру бросилась на капитана ньюфаундлендская собака, схватила его за горло и опрокинула на песок.

Все пришло в неописанный беспорядок.

Друзья дона Маркоса бросились к нему на помощь.

На капитана же собака напала с таким бешенством, что его долго не могли освободить от нее.

— Говорите, говорите, Стефано! — закричали все присутствовавшие.

— Ежели вы требуете этого, — сказал контрабандист. — Да простит мне Бог, дон Люсио Ортега убил дону Рафаеля. Он полюбил донну Антонию, его жену, и хотел увести ее от него. Я находился в услужении у дону Рафаеля, я отпер Лючио дверь ранчо. Только по случаю неожиданного прибытия дону Маркоса не удалась наша попытка. Вот вам вся суть: клянусь вам и гваделупскою Богородицею и честью моею в раю.

— Ох! — воскликнула донна Марцелия, соскакивая со своей лошади и подходя к дону Маркосу. — Извини, извини меня, мой отец!..

Капитан встал. На него страшно было смотреть: он был ужасно обезображен в борьбе с собакой, кровь лилась из двух зиявших на его шее ран; он едва мог держаться на ногах, но в искаженных чертах его лица сияла зверская радость.

— Да, — крикнул он пронзительно, — да, я любил Антонию, и я убил ее мужа; но умираю с удовольствием, потому что мой враг не переживет меня.

— Гм... отвратительный мерзавец!.. — воскликнул марселец, и, выхватив из-за пояса пистолет, он раздробил ему голову.

Негодяй зарычал подобно тигру, привскочил и повалился на песок замертво.

А между тем таможенные и контрабандисты окружали дона Маркоса, которого бледная и заплаканная Марцелия поддерживала на руках.

— Друзья мои, — сказал контрабандист слабым голосом, — я благодарю вас; теперь ваши заботы бесполезны, я чувствую, что я умру. Пожалуйста, отойдите.

Все почтительно расступились.

— Дон Альбино, где вы? — спросил он.

— Я здесь, мой друг, — с грустью ответил молодой человек.

— Боже мой, Боже мой! Отец мой! — сказала молодая девушка. — Извините меня, я была неблагодарной; вы были всегда ко мне таким добрым, таким любящим! О, вы не умрете, не может быть, чтобы вы умерли.

— Я умираю, Марцелия, я это чувствую, мне осталось прожить только несколько минут. Дайте мне вашу руку, а вы вашу, Альбино; дети мои, будьте счастливы.

— Нет, вы выздоровеете, батюшка; это необходимо! — Воскликнула огорченная девушка.

Дон Маркос, сделав последнее усилие и наклонившись к ее уху, сказал чуть слышным голосом:

— Марцелия, я люблю тебя!.. Видишь ты, почему мне следует умереть!

И упав на свое изголовье, он скончался.

Марцелия в обмороке упала в объятия Альбино.

— Клянусь вам! — воскликнул Гишар. — Дон Маркос был добрый и великодушный человек.

СОДЕРЖАНИЕ

ТВЕРДАЯ РУКА

ГЛАВА I	
Выстрел	7
ГЛАВА II	
В прерии	18
ГЛАВА III	
Бивак	27
ГЛАВА IV	
Сторожевой форт Сан-Мигель	35
ГЛАВА V	
Пребывание в форте	45
ГЛАВА VI	
Из прошлого одного семейства	52
ГЛАВА VII	
Семейный суд	62
ГЛАВА VIII	
Два брата	73
ГЛАВА IX	
Появление новой особы	82
ГЛАВА X	
Дон Хосе Паредес	90

ГЛАВА XI	
В пути	99
ГЛАВА XII	
Ночная беседа	106
ГЛАВА XIII	
Лагерь рудокопов	115
ГЛАВА XIV	
Сделка	124
ГЛАВА XV	
Папэгосы	132
ГЛАВА XVI	
Атепетль	140
ГЛАВА XVII	
Совет сашемов	148
ГЛАВА XVIII	
Совет сашемов (продолжение)	157
ГЛАВА XIX	
Ранчо	164
ГЛАВА XX	
Заблудились	173
ГЛАВА XXI	
Твердая Рука	180
ГЛАВА XXII	
Возвращение	188
ГЛАВА XXIII	
Случай	195
ГЛАВА XXIV	
Отец и сын	203
ГЛАВА XXV	
Топор	212

ГЛАВА XXVI	
Бледнолицы	220
ГЛАВА XXVII	
Тяжелые известия	230
ГЛАВА XXVIII	
Тигреро	236
ГЛАВА XXIX	
Путешествие	244
ГЛАВА XXX	
Лагерь охотников	251
ГЛАВА XXXI	
Легенда	259
ГЛАВА XXXII	
Кидд появляется вновь	268
ГЛАВА XXXIII	
Очередное предательство Кидда	277
ГЛАВА XXXIV	
Два типа отъявленных негодяев	287
ГЛАВА XXXV	
Полюбовная сделка	297
ГЛАВА XXXVI	
Асиенда дель Торо	306
ГЛАВА XXXVII	
Парк	314
ГЛАВА XXXVIII	
Штурм Квитовака	322
ГЛАВА XXXIX	
Убийца изобличен	331
ГЛАВА XL	
Похороны сашема	341

МЕКСИКАНСКАЯ МЕСТЬ

ГЛАВА I	
Хоза	351
ГЛАВА II	
Дон Маркос	361
ГЛАВА III	
Открытие	371
ГЛАВА IV	
По полям	380
ГЛАВА V	
Контрабандисты	389
ГЛАВА VI	
«Целомудренная Сусанна»	398
ГЛАВА VII	
Капитан Гишар	407
ГЛАВА VIII	
Визит	417
ГЛАВА IX	
Линдо	422

Г. Эмар
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Том 17

Редактор *И. Шурьгина*
Художественный редактор *И. Лопатина*
Технический редактор *Н. Привезенцева*
Корректоры *В. Антонова, М. Александрова,*
В. Рейбекель

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 25.01.95.
Уч.-изд. л. 23,63.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280,
Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Оригинал-макет и диапозитивы подготовлены ТОО
«Макет». 141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

Scan Kreyder - 22.12.2017 - STERLITAMAK

